

Айдын Балаев

МАМЕД ЭМИН
РАСУЛЗАДЕ

1884-1955

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Баку – 2014

Научные редакторы:

М. Губогло

*доктор исторических наук, профессор,
Институт этнологии РАН*

Г. Мамулия

*доктор Высшей школы исследований общественных наук
(Париж, Франция)*

Рецензенты:

Я. Акпынар

доктор, профессор Эгейского университета (Измир, Турция)

С. Исхаков

доктор исторических наук, Институт Российской истории РАН

Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). Политический портрет. Баку, KitabKlubu.org, 2014, 504 с.

В книге рассказывается об одной из ярчайших фигур политической истории Азербайджана XX столетия Мамеде Эмине Расулзаде. Он был основателем идеологии азербайджанизма, послужившей теоретической основой для создания современной азербайджанской государственности в мае 1918 года. Книга охватывает различные этапы жизни и деятельности М.Э. Расулзаде – от первых его шагов на политической арене до периода эмиграции, когда он в тяжелейших условиях чужбины продолжал свою бескомпромиссную борьбу за восстановление независимости Азербайджана.

Особое внимание в книге уделено деятельности М.Э. Расулзаде в 1917-1920 годах. В эти годы, будучи признанным лидером освободительной борьбы азербайджанских тюрок, он не только определял стратегическую линию национального движения, но и непосредственно руководил процессом зарождения и становления Азербайджанской Демократической Республики, первой республики на всем мусульманском Востоке.

В исследовании на основе выявленных за последнее время в архивах различных стран исторических документов, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот, заново переосмысливается деятельность М.Э. Расулзаде в период эмиграции. При этом значительное внимание уделено освещению проблемы непростых взаимоотношений М.Э. Расулзаде с различными представителями азербайджанской и кавказской эмиграции, а также его неустанной борьбе за достижение единства рядов поработанных народов советской империи в противостоянии с большевистским режимом.

ISBN 978-9952-824-57-5

© Айдын Балаев, 2014

К 130-летию со дня рождения

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
--------------------------	---

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ М.Э. РАСУЛЗАДЕ

§ 1. Начало политической карьеры.....	12
§ 2. В поисках национальной идентичности.....	30
§ 3. Февральская революция и завершение процесса перехода от тюркизма к азербайджанизму.....	46

ГЛАВА II. НА ЭТАПЕ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ (1917-1920)

§ 1. На пути обретения независимости (июнь 1917 года – май 1918 года).....	68
§ 2. Первые шаги Азербайджанской Республики (май – декабрь 1918 года).....	105
§ 3. Становление и упрочение азербайджанской государственности. Триумф и трагедия лидеров АДР (январь 1919 г. – апрель 1920 г.).....	155

ГЛАВА III. БОРЬБА ЗА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ИДЕАЛ НА ЧУЖИХ БЕРЕГАХ (1920-1930)

§ 1. Деятельность М.Э. Расулзаде после падения АДР (1920-1922).....	205
§ 2. Турецкий период эмиграции. Формирование первых организационных структур азербайджанской политэмиграции (1923-1924).....	220
§ 3. Борьба за единство азербайджанской эмиграции. Создание Азербайджанского национального центра (1925—1930).....	258

**Глава IV. М.Э. РАСУЛЗАДЕ – ЛИДЕР
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЛИТЭМИГРАЦИИ
(1931-1955)**

§ 1. После депортации из Турции. Европейский период эмиграции (1931-1936)	323
§ 2. М.Э. Расулзаде накануне и в период Второй мировой войны (1937-1945)	370
§ 3. Возвращение М.Э. Расулзаде в Турцию. Заключительный период его деятельности в эмиграции.....	427
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	446
SUMMARY	449
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	454
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	456
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	475

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Всевышний наделяет восточного человека европейским мышлением, то он обрекает его на страдания. Задача в том, чтобы научиться получать от этих страданий удовольствие и продолжить борьбу во имя свободы своих детей.

Эльмар Гусейнов

28 мая 1918 года была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Чтобы по достоинству оценить историческую значимость этого события не только для Азербайджана, но и для всего исламского мира, достаточно напомнить, что в тот момент в мире существовало всего семь независимых мусульманских государств – Турция, Персия, Афганистан, доживавший свои последние дни Бухарский эмират и три мелкие монархии Внутренней Аравии, чудом не доставшиеся ни Турции, ни Англии. В подобной обстановке полного господства деспотических систем государственного управления в исламском мире политические лидеры молодой азербайджанской нации предприняли довольно рискованный шаг. Они открыто провозгласили, что могут жить без ханов, шахов и султанов и будут строить свое государство на основе выборной многопартийной демократии¹.

Тем самым Азербайджан вошел в мировую историю как первая республика во всем мусульманском мире. Безусловно, создание АДР стало результатом целенаправленной и самоотверженной деятельности во имя национальных интересов А.М.Топчибашева, Ф. Хойского, Н. Усуббекова, Г. Агаева и других выдающихся представителей азербайджанской политической и

¹ *Горянин А. Понять другой народ // Азербайджанская Демократическая Республика. Сборник статей. М., 2008. С. 115.*

интеллектуальной элиты начала XX века. Нисколько не умаляя их заслуг, все же необходимо признать, что наиболее существенный вклад в создание первого национального государства на мусульманском Востоке внес Мамед Эмин Расулзаде. Именно он сформулировал теоретическую основу современной азербайджанской государственности и внес существенный вклад в ее практическую реализацию.

Значение проделанной политической элитой Азербайджана работы по созданию национальной государственности особенно возрастает на фоне того факта, что еще в начале XX века для самосознания подавляющего большинства азербайджанцев, как и других мусульманских народов, было характерно явное превалирование конфессионального фактора над собственно этническим компонентом. Другими словами, в этот период идентичность азербайджанцев в значительной степени основывалась на традициях и обычаях мировой мусульманской общины – уммы, нежели на национальных чувствах. Заслуга политической элиты Азербайджана заключается в том, что за относительно короткий срок им удалось не только сформулировать основные принципы национальной идентичности, но и начать процесс ее внедрения в массы.

В этой связи следует отметить, что даже спустя почти два десятилетия после распада СССР в отечественном обществоведении продолжает доминировать марксистская концепция о нации, которая является одной из разновидностей примордиалистской теории (от англ. *primordial* – изначальный, исходный). Согласно представлениям примордиалистов, нация представляется «объективной данностью, своего рода изначальной (примордиальной, т.е. исконной) характеристикой человечества»².

Между тем начиная с 60-70-х годов XX века в мировой науке получила распространение новая модернистская концепция о происхождении нации, которая быстро завоевала ведущие позиции в западной этнологии. В отличие от примордиалистского

² Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1-2. С. 3.

подхода модернистская теория исходит из того, что нации ни в коем случае не являются природной данностью, они возникли лишь на этапе перехода общества от аграрного к индустриальному способу производства. В своих исследованиях Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э.Д. Смит и другие³ представители модернистского направления подчеркивают, что, хотя нации всегда стремятся представить себя ведущими свою историю из глубины веков, на деле все они продукт современной эпохи и начали развиваться в Европе, а позднее и в других частях мира, начиная со времен Великой Французской революции конца XVIII века.

Исходный принцип модернистской теории заключается в том, что в основе формирования наций лежат процессы ликвидации феодальной раздробленности в результате развития индустриализации и роста урбанизации, создания единого внутреннего рынка, унификации языка и культуры. Эти процессы способствуют достижению экономической и культурной гомогенности населения.

Однако, по мнению модернистов, достижение экономической и культурной однородности еще не дает ключа к самому процессу формирования наций. Оно лишь создает материал, из которого в перспективе может возникнуть нация. Для полномасштабного же «запуска» процессов формирования нации экономическое и культурное единство членов конкретной этнической общности должно быть дополнено представлениями об их политическом единстве, что находит воплощение в создании представителями интеллигенции идеологии национализма.

С точки зрения модернистов, процесс формирования нации начинается именно с момента появления идеологии национализма, когда небольшая группа интеллектуалов провозглашает существование нации, и во многих случаях в исходных точках ее бытия она является творением городской элиты. Именно в интеллектуальной и образованной среде, как правило, обсуждаются,

³ *Gellner E.* Nations and nationalism. Oxford, 1983; *Anderson A.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983; *Smith A.* Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge, 2010.

формируются и воспроизводятся образы нации и концепции национальных интересов, которые затем транслируются в народные массы. В этом контексте национализм, будучи формой выражения национальных интересов, является проектом создания нации, сконструированным интеллектуалами.

Таким образом, суть модернистской концепции заключается в том, что нации являются не заранее предопределенной кульминацией развития этнических или культурных групп, а имеют сугубо политическое происхождение. То есть этносы обретают черты нации в результате не саморазвития на этнической основе, а политического действия и, по существу, являются продуктами деятельности отдельных интеллектуалов. Отмечая важность политического фактора в появлении нации, Э. Геллнер утверждает, что не нация создает национализм, а наоборот, «национализм создает нации, не существует без государства и является политическим принципом»⁴.

Правда, в качестве «сырья» для современных наций используется культурное, историческое и прочее наследие этнических общностей донационалистического мира. В этом отношении у современных наций, несомненно, есть глубокие корни в более ранних этнических сообществах, поскольку предвестником современной нации является этническая общность предшествующей эпохи, и характерная для современных наций культурная однородность формируется на базе конкретной этнической общности, которая становится основой конструирования нации.

При этом следует учесть, что между моментом, когда образ нации возникает у представителей элиты, и моментом, когда соответствующая этому национальная идентичность утверждается среди большинства членов этого сообщества и получает политическое оформление, лежит значительное время. Ведь, чтобы люди могли почувствовать себя принадлежащими к определенной национальной общности, должна быть проделана колоссальная работа, начинающаяся с установления законных границ и

⁴ Gellner E. Nations and nationalism. P. 1.

определения геополитического местоположения данной нации по отношению к другим народам, включающая в себя разработку и проведение в жизнь определенной политики в области языка и иных средств общения, создания системы представлений об историческом прошлом данного народа, которая бы была принята в качестве важнейшей составляющей современного образования.

Но во всех случаях окончательное формирование нации возможно только в качестве национального государства («нации-государства»). Не случайно английский исследователь Энтони Смит считает, что нации могут состояться только в своих собственных государствах⁵.

Оперируя понятиями модернистской концепции, которая главенствует в современной западной этнологии, можно сказать, что формирование азербайджанской нации в начале XX века стало результатом целенаправленной деятельности интеллектуальной элиты страны. Причем толчком для развития национальной идентичности у азербайджанцев послужили идеи политического тюркизма, сформулированные в начале прошлого века А. Гусейн-заде и А. Агаевым (Агаоглу).

Правда, для основоположников политического тюркизма не существовало самостоятельной азербайджанской нации, поскольку они считали азербайджанцев частью «единой тюркской нации». Однако провозглашенные А. Гусейн-заде и А. Агаоглу в начале XX века общетюркские идеалы катализировали процесс вычленения тюркского самосознания из общемусульманского контекста, тем самым создав почву для появления в дальнейшем азербайджанской национальной идентичности. Окончательное же становление проекта самостоятельной азербайджанской нации, несомненно, связано с именем и деятельностью М.Э. Расулзаде.

Хотя первые признаки азербайджанской идентичности стали появляться в художественных и публицистических произведениях еще в конце XIX века, но именно М.Э. Расулзаде удалось создать из этих отдельных фрагментов целостную и системную

⁵ *Smith A. Theories of Nationalism.. Irving Place, 1983. P. 20-21.*

концепцию азербайджанизма, основополагающим постулатом которого была идея самобытности азербайджанской нации.

Следует отметить, что не представляется возможным полностью охватить в одной работе все стороны многогранной и обширной деятельности М.Э. Расулзаде, так как он был талантливым и достаточно плодотворным публицистом, имеющим немалые заслуги в формировании и развитии азербайджанской прессы. В молодости М.Э. Расулзаде активно занимался литературным творчеством и является автором многочисленных стихов и пьес. Он также был незаурядным литературоведом, культурологом и историком. Его фундаментальная монография «Азербайджанский поэт Низами» до сих пор сохраняет свою научную значимость. Перу М.Э. Расулзаде принадлежит немало исторических трудов, посвященных Азербайджанскому национальному движению начала XX века.

Учитывая все эти обстоятельства, в данной работе основной акцент сделан на политической деятельности М.Э. Расулзаде, поскольку он является одним из тех исторических деятелей, благодаря которым в начале XX века на политической карте мира появилось государство под названием «Азербайджан».

Автор выражает свою искреннюю признательность Р. Абуталыбову, Г. Мамулиа, С. Исхакову, Э. Аббасову, А. Тагирзаде, турецким исследователям Я. Акпынару и О. Озджану за ценные замечания и предложения, а также всем, кто содействовал появлению этой книги.

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ М.Э. РАСУЛЗАДЕ

Potior visa est periculosa libertas quietj servitio.
Лучше свобода, исполненная опасностей,
чем спокойное рабство.
Латинское изречение

§ 1. Начало политической карьеры

Будущий лидер Азербайджанского национального движения и, по сути, создатель идеологических и политических основ современной азербайджанской государственности Мамед Эмин Расулзаде родился 31 января 1884 года в селении Новханы в окрестностях Баку в семье священнослужителя. Его отец, ахунд Гаджи Алекбер Расулзаде, несмотря на свой сан священнослужителя, был человеком прогрессивных убеждений и решил дать сыну светское образование. Начальное образование Мамед Эмин получил во второй «Русско-мусульманской школе», а затем для продолжения учебы поступил в Бакинское техническое училище. Правда, ему так и не удалось завершить учебу в этом училище. Причины, по которым юному Мамеду Эмину пришлось бросить учебу, до сих пор остаются невыясненными. Скорее всего, наряду с материальными затруднениями, немалую роль в этом сыграло и то обстоятельство, что бурлящая политическая жизнь Баку того периода как магнит притягивала молодого Мамеда Эмина.

В начале XX века Баку являлся одним из главных центров революционного движения в Российской империи, где в ожесточенной борьбе сталкивались представители различных политиче-

ских течений и идеологических воззрений. Одновременно Баку был центром зарождающегося национального движения мусульман Кавказа и в первую очередь азербайджанских тюрков. Именно политические баталии, происходившие в Баку в начале прошлого столетия, а также разворачивающаяся здесь борьба за национальное освобождение стали настоящими «университетами» М.Э. Расулзаде.

Вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что М.Э. Расулзаде, как и многие другие представители его поколения, в начале своей политической карьеры симпатизировал радикальным социалистическим течениям. Это было продиктовано прежде всего крайне непримиримым отношением этих течений к царскому режиму. Как впоследствии признавался М.Э. Расулзаде, молодое поколение азербайджанцев питало такую злобу к российскому самодержавию, что считало наиболее оптимальным методом в борьбе за освобождение своих соплеменников от национального угнетения царизма радикальную тактику социалистических организаций, которые своей деятельностью оказывали деморализующее и разлагающее воздействие на государственные структуры империи. Поэтому «в борьбе с царизмом революционный социализм ему казался если и не самым надежным, то более подходящим союзником»¹. Думается, что дополнительную привлекательность для М.Э. Расулзаде имели также принципы всеобщего равенства и свободы, декларируемые идеологами социал-демократии.

В этом смысле неудивительно, что осенью 1904 года М.Э. Расулзаде стал одним из главных организаторов первой в Закавказье мусульманской социал-демократической организации «Гуммет» («Энергия»). Характерно, что этот факт долго и тщательно скрывался советскими историками от общественности. Причем основой для создания этой организации, которую зарубежные исследователи считают своеобразным феноменом в российской социал-демократии, совмещавшим в себе марксизм с тюркским национализмом, служил «Кружок молодых револю-

¹ *Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. Bakı, 1992. S. 30.*

ционеров Азербайджана», созданный М.Э. Расулзаде в 1903 году². Как впоследствии вспоминал М.Э. Расулзаде, костяк организации «Гуммет» состоял из молодых мусульман, которые «пытались пробудить у членов нашей организации национальные чувства, изучали родной язык и литературу, читали творения наших поэтов, проклинающих царизм, и распространяли среди рабочих брошюры революционного и национального содержания»³. Не вызывает сомнений, что главной причиной прихода в достаточно юном возрасте М.Э. Расулзаде в политику было стремление помочь родному народу в его национальном пробуждении. Причем в начальный период своей деятельности он придавал приоритетное значение просвещению масс. Просветительские идеи были лейтмотивом всех его ранних публикаций. Так, в первой своей публикации «Письмо из Баку», напечатанной на страницах газеты «Шерги-Рус» в 1903 году, М.Э. Расулзаде убеждал кавказских мусульман с юных лет отдавать своих детей в школы, чтобы они выросли грамотными и образованными людьми⁴.

Эта же мысль составляла основное содержание его выступления 30 ноября 1907 года на похоронах известного азербайджанского просветителя Г. Зардаби. М.Э. Расулзаде, в частности, говорил: «Необходимо, чтобы народ осознал собственные права, возможности и силу. Тогда никто не сможет держать его под гнетом». А для этого, по его убеждению, нужно было «открыть глаза» народным массам. «Что необходимо для пробуждения населения, осознания им своих прав? – просвещение, просвещение, просвещение!» – резюмировал М.Э. Расулзаде⁵.

При этом М.Э. Расулзаде был убежденным сторонником создания системы светского образования на родном языке азербайджанских тюрков. Как он подчеркивал, «начальная школа должна быть национальной. Обучение в ней должно быть на родном

² Багирова И.С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку, 1997. С. 30.

³ *Rəsulzadə M.Ə. Stalinlə ixtilal xatirələri.* Bakı, 1991. S. 13-14.

⁴ *Şərqi-Rus.* 1903. 2 may.

⁵ *İrşad.* 1907. 2 dekabr.

языке»⁶. Он выражал свое беспокойство тем, что даже в так называемых русско-татарских школах преподаванию русского языка отводилось в два раза больше времени по сравнению с азербайджанским языком – соответственно 12 и 6 часов в неделю⁷.

Впрочем, уже в начальной стадии своей общественно-политической деятельности интересы М.Э. Расулзаде не ограничивались только проблемами просвещения. Будучи свидетелем и непосредственным участником революционных событий 1905-1907 годов, М.Э. Расулзаде имел возможность сравнить и оценить уровень политического и культурного развития азербайджанцев с соседними народами. И это сравнение было отнюдь не в пользу азербайджанцев, что очень беспокоило М.Э. Расулзаде. Как он с горечью писал, в годы революции 1905-1907 годов «каждая социальная группа и каждая нация выдвинули свои требования, провозгласили свои цели. И только мы не знали, чего желать и требовать». Тогдашнее положение азербайджанцев он сравнивал с «попавшим в бурю кораблем, который не знает, в каком направлении двигаться, и вообще, где находится берег спасения»⁸. При этом М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «для попавшего в бурю корабля отсутствие цели настолько же смертельно, насколько бездействие нации в переломные моменты истории»⁹.

Действительно, в ходе революции 1905-1907 годов у азербайджанцев не было четкой национальной цели и программы, следовательно, отсутствовала какая-либо практическая деятельность в этом направлении. А первые азербайджанские политические организации, возникшие в ходе этих революционных событий, ставили перед собой задачу борьбы не за национальные права азербайджанцев как самостоятельной этнической общности, а за права всего мусульманского населения Кавказа.

Это было обусловлено доминантной ролью ислама в общественно-политической жизни азербайджанского общества. В ре-

⁶ Тәрәqqi. 1908. 20 noyabr.

⁷ A.g.e.

⁸ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri*. Bakı, 2001. C. 2. S. 474.

⁹ A.g.e.

зультате к началу XX века для азербайджанского этноса был характерен относительно низкий уровень этнополитической консолидации, так как религиозная и региональная принадлежность была сильнее этнической идентификации.

В исследуемый период этническое самосознание у азербайджанцев нередко заслонялось религиозным. Уз. Гаджибеков в одной из своих статей так описывал подобную ситуацию: «Если одного из нас спросишь:

- Кто ты?
- Я мусульманин, – последует ответ.
- К какой нации ты принадлежишь?
- К мусульманской нации.
- Какую религию исповедуешь?
- Мусульманскую.
- На каком языке говоришь?
- На мусульманском языке»¹⁰.

Подобное положение было продиктовано особенностями исторического развития Азербайджана – господством ислама и отсутствием политического единства страны. Азербайджан как мусульманская страна в течение столетий являлся составной частью исламской цивилизации. Правда, страна одновременно соседствовала и с христианскими странами, ориентированными на западную культуру. К тому же выгодное географическое положение страны на стыке Востока и Запада позволяло воспринимать прогрессивные ценности, имеющиеся в обеих культурах. В силу этого даже в Средние века, характеризующиеся на Востоке засильем религиозного догматизма, в азербайджанской общественной мысли прослеживались отдельные ростки свободомыслия.

Однако эти оппозиционные к ортодоксальному исламу идейно-философские течения не получили дальнейшего развития и не смогли стать ведущей тенденцией развития социально-экономических и культурных процессов в исламском мире. В результате, если эпоха Возрождения в Европе привела к победе светского над

¹⁰ Цит. по: *Балаев А.* Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, 1998. С. 31.

религиозным, став мощным стимулом процессов развития различных форм неконфессиональной идентичности – этнической, гражданской, гендерной и других, то на Востоке аналогичные процессы опоздали на несколько столетий, обусловив господство исламских догм во всех сферах государственной и общественной жизни, в том числе в самосознании мусульманских народов.

Таким образом, в то время как на Западе в ходе Реформации и Ренессанса формировались первоначальные структуры гражданского общества, а вместе с ними постепенно происходил процесс освобождения личности от тотальной зависимости государства, на Востоке религия продолжала оставаться едва ли не главной питательной средой идентичности. Монополия религии как объективной основы для формирования субъективной религиозной идентичности блокировала развитие других форм и в первую очередь этнической идентичности. В этих условиях человек лишь в религии находил опору для сохранения своей самобытности и индивидуальности¹¹.

Подобное положение, кроме всего прочего, привело к доминированию конфессиональной характеристики в самосознании азербайджанцев. Тем более что по исламским канонам разделение мусульман по национальному и расовому признакам считалось большим грехом, равносильным язычеству, с которым ислам вел жестокую и непримиримую борьбу на протяжении всей своей истории. Согласно исламской религии все мусульмане, независимо от своей национальной и расовой принадлежности, составляли единую «умму» – сообщество мусульман всего мира. Данное обстоятельство препятствовало развитию этнической идентичности у представителей мусульманских народов, включая азербайджанцев, и являлось главной причиной их отставания в национально-политическом плане от соседних народов.

Безусловно, первые признаки тюркской идентичности в общественно-политической мысли Азербайджана появились еще в конце XIX в. Так, взгляды Г. Зардаби, а также первые попытки поста-

¹¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 261.

новки проблемы национальной идентичности на страницах азербайджанских газет «Кешкюль» («Дароносица») и «Каспий» в 90-х годах XIX века знаменовали начало артикуляции тюркской идентичности в Азербайджане. Однако это были единичные случаи, которые не получили дальнейшего развития и не превратились в общую тенденцию. По крайней мере, к началу XX века позиции Г. Зардаби и газеты «Кешкюль» разделяло лишь незначительное меньшинство даже среди интеллигенции. В целом же азербайджанцы даже в начале XX столетия осознавали себя прежде всего мусульманами, нежели тюрками. Идентичная ситуация наблюдалась и среди других мусульманских народов Российской империи.

Характеризуя общественно-политическую ситуацию в Азербайджане в начале XX века, М.Э. Расулзаде обращал особое внимание на то обстоятельство, что «в этот период национальное движение ставило перед собой задачу не освобождения и независимости азербайджанских тюрков как самобытной этнической общности и даже не спасения всех тюркских народов, а исключительно налаживание связей и установление солидарности между различными мусульманскими народами и государствами. В этой связи до последнего времени даже понятие «нации» не имело четкого значения, поскольку наиболее продвинутые лидеры национального движения во главе с Ахмед бекком Агаоглу не особо различали исламизм от тюркизма и боролись не за тюркизм, а за мусульманство»¹².

Подобное положение вещей, не могло не волновать М.Э. Расулзаде как истинного патриота своей родины. Он находился в постоянном поиске наиболее приемлемой с точки зрения национальных интересов идеологии, способной, как путеводная звезда, указать азербайджанцам направление национального освобождения и прогресса. Очевидно, что социал-демократическая идеология полностью не отвечала этим требованиям, поскольку ее последователи, будучи уверенными в неизбежном триумфе классового сознания над национальным, явно недооценивали роль национального фактора в политической борьбе. Именно поиски

¹² *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

путей национального освобождения являлись главной причиной политических и идеологических исканий, стимулировавших дальнейшую эволюцию мировоззрения М.Э. Расулзаде в сторону идей тюркизма и азербайджанизма.

В эволюции политико-идеологических взглядов М.Э. Расулзаде, несомненно, ключевую роль сыграло его ознакомление с идеями тюркизма, которые получили широкое распространение в Азербайджане под влиянием как революционных событий 1905-1907 годов, так и общемировой тенденции укрепления позиций идеологии национализма.

При этом следует особо отметить, что зарождению тюркского самосознания в Азербайджане способствовали вовсе не турецкие эмиссары, как об этом любят говорить некоторые политически ангажированные исследователи. Этот процесс был мотивирован прежде всего «сильным подъемом национального духа» у тюркских народов бывшей Российской империи¹³.

Симптоматично, что многие российские исследователи также придерживаются аналогичного мнения. В частности, еще в 1930 году А.Н. Мандельштам подчеркивал, что «настоящие корни пантюранизма» находились не в Турции, и «главный толчок к пантюранскому движению был дан не турками Оттоманской империи, а тюрко-татарскими элементами России». Он справедливо отмечает, что «идейными основоположниками пантюркизма нужно считать русских выходцев-татар Ахмеда Агаева (Агаоглу – А.Б.), Юсуфа Акчуру, Али Гусейн-заде, Исмаила Гаспринского»¹⁴.

Первым среди них сформулировать основные принципы политического тюркизма попытался известный татарский общественный деятель Юсуф Акчура (1876-1935) в своей работе «Три вида политики» (Üç Tarzı Syaset), написанной в 1904 году. Данная статья Ю. Акчуры является первой теоретической работой по тюркизму, в которой методом подробного систематизированного анализа рассматривалась возможность применения тюр-

¹³ *Расулзаде М.Э.* О пантюранизме. В связи с кавказской проблемой. Оксфорд, 1985. С. 64.

¹⁴ *Мандельштам А.Н.* Введение // Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны). Турция и пантюранизм. Париж, 1930. С. 7.

кизма в политической сфере¹⁵. Лишь впоследствии туранизм получил свое системное концептуальное развитие в трудах турецкого мыслителя З. Гёкальпа.

Причем поначалу никаких существенных различий между «тюркизмом» и «пантуранизмом» не было. Приставка «пан...» («все») означала лишь распространение этого понятия на все без исключения тюркские народы и не содержала никаких претензий на возвышение этих народов над другими. Разделение этих понятий и противопоставление их друг другу наметились в более поздних интерпретациях. В частности, в советской историографии «пан-тюркизму» придавали ярко выраженное негативное значение.

Что же касается Азербайджана, то здесь переход от просвещенческого и культурного к политическому тюркизму связан с именем Али бека Гусейн-заде. Подтверждая этот факт, Юсуф Акчура отмечал, что «Али бек Гусейн-заде был первым мыслителем в Азербайджане, который распространил тюркизм из сферы языка и литературы в политические теории, создав идеологию тюркского единства и туранизма с центром в Османской империи»¹⁶.

И одним из первых шагов в этом направлении стала статья «Специальное письмо» в газете «Тюрок», в которой А. Гусейн-заде выразил свое отношение к работе Ю. Акчуры «Три вида политики». Правда, в этой статье А. Гусейн-заде на первый взгляд пытается занять промежуточное положение между Ю.Акчурой и его оппонентами, предпочитая однозначно не поддерживать ни одну из сторон. Но как справедливо отмечает Ю. Акчура, из содержания «Специального письма» видно, что А. Гусейн-заде уже проникнут идеалами тюркизма¹⁷. Действительно, уже во вступительной части статьи А. Гусейн-заде утверждает, что никакого отдельного татарского этноса не существует, и все они – крымцы, казанцы, оренбуржцы являются лишь частью единой тюркской нации.

Продолжая свою мысль и ратуя за активизацию взаимных контактов между различными частями тюркского мира, А. Гусейн-

¹⁵ Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996. С. 62.

¹⁶ Yüksel I. Azerbaycan'da Fikir Hayatı ve Basın. İstanbul, 1990. S. 135.

¹⁷ Akçura Y. Türkcülüğün tarihi. İstanbul, 2008. S. 141.

заде далее пишет: «Наиболее желаемое для каждой нации качество – это могущество. Обретение нацией подобного могущества зависит от роста духовных связей между гомогенными элементами... Особенно усердно надо работать для усиления взаимной любви. Проблема состоит в том, что мы должны узнать и любить друг друга, на пути продвижения к цивилизованности помогать друг другу. Заставить школьных учеников зубрить стихи вплоть до иранских правителей, однако не быть в состоянии правильно прочесть хотя бы две строки Алишера Навои... Вот это вещи, вызывающие чувство стыда!..»¹⁸.

Таким образом, содержание «Специального письма» свидетельствует о том, что его автор не просто симпатизирует идее тюркского единства, но открыто ее проповедует. Хотя более детальная разработка основ этой идеологии со стороны А. Гусейн-заде относится к периоду 1905-1907 гг.

В этом отношении достаточно плодотворными были периоды деятельности А. Гусейн-заде в газете «Хаят» («Жизнь») и в журнале «Фиюзат» («Благо»), на страницах которых были опубликованы наиболее значительные его труды – «Какие науки нам нужны?», «Кто такие тюрки и из кого они состоят?», «Мы критикуем, нас критикуют» и т.д. Этими своими работами он придал политическому тюркизму характер более или менее системной концепции.

В условиях, когда не только подавляющее большинство народных масс, но и многие представители интеллигенции были плохо осведомлены о происхождении и истоках собственного этноса, когда не существовало даже общепринятого этнонима азербайджанцев (их в то время называли мусульманами, закавказскими татарами и т.д.), А. Гусейн-заде уже в первом номере газеты «Хаят» открыто заявил: «Мы также и тюрки, и поэтому надеемся на прогресс, процветание и счастье всех тюрков мира»¹⁹.

Сердцевиной же политического тюркизма является знаменитая триада – «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться»,

¹⁸ Akçura Y. Türkcülüğün tarihi. S. 140.

¹⁹ Həyat. 1905. 7 iyun.

сформулированная А. Гусейн-заде. Этим лозунгом он определил магистральное направление развития тюркских народов – опираясь на свои тюркские этнические корни и не забывая о своей принадлежности к исламскому миру, необходимо идти в ногу со временем, приспособливаясь к современной европейской цивилизации.

Возникновение идей тюркизма было проявлением стремления тюркских народов Российской империи выйти на тот самый путь национального прогресса и культурного развития, по которому в течение всего XIX века шли народы Западной Европы.

Будучи этнической концепцией и проводя четкую грань между тюрками и другими мусульманскими народами, идеи тюркизма значительно ускорили процесс выделения тюркских народов Российской империи, и в первую очередь азербайджанцев и татар из общемусульманского культурного ареала.

Концепция А. Гусейн-заде, способствуя внедрению в народные массы тюркского самосознания, призывая их вернуться к своим этническим корням и забытым традициям, объективно способствовала активизации у них поиска собственной национальной идентичности, а также ослаблению позиций религиозного фактора. По сути, идеи тюркизма способствовали процессу секуляризации национальной идентичности у тюркских народов. Ведь поворачивая тюрков от «Мекки к Алтаю», туранизм в своей сущности был глубоко антирелигиозен, он боролся против ислама, как бы ни старались А. Гусейн-заде и его единомышленники подчеркивать свою приверженность к исламу и исламским ценностям²⁰. В силу этого возникновение и распространение концепции «единой тюркской нации» положило начало процессу кристаллизации общетюркского самосознания у тюркских народов Российской империи, в первую очередь у азербайджанцев и поволжских татар. Трудно переоценить значение данного события в национальном развитии тюркских народов.

К тому же туранизм А. Гусейн-заде и его соратников способствовал сближению различных тюркских народов и созданию

²⁰ *Мандельштам А.Н.* Введение // Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны). Турция и пантуранизм. С. 3.

своеобразного культурно-идеологического барьера на пути насильственной дезтнизации и русификации этих народов, укреплению позиции каждого из них в отдельности в борьбе с русским колониализмом.

Правда, выступая с позиции «единой тюркской нации», А. Гусейн-заде отрицал качественный характер этнических различий между турками-османами, азербайджанцами, узбеками, казахами и другими тюркскими народами. Он принимал в штыки попытки представить отдельные тюркские народы в качестве самостоятельных наций. Хотя при этом и использовал термин «азербайджанские тюрки», к которым он причислял не только «ширванцев, бакинцев, карабахцев, гянджинцев, ирванцев и других», но и все население северо-западной части Ирана²¹.

Тем не менее, как справедливо отмечал М.Э. Расулзаде, общетюркский идеал, сформулированный А. Гусейн-заде и его соратниками, «революционизировал народные массы тюркских племен. Каждые в отдельности они, имея перед собой гигантские силы врага, не могли бы даже и заикнуться о свободе и независимости, но осознание того, что они не малочисленные племена, а члены многомиллионной нации, имевшей славную историю и такое же блестящее будущее, естественным образом укрепляло в них надежды и вызывало на активную борьбу против векового врага»²².

В этом контексте идеи тюркизма А. Гусейн-заде, несомненно, сыграли большую роль в пробуждении тюркских народов к независимой национальной жизни. Сам факт принадлежности азербайджанских тюрков к огромному тюркскому миру, к обширной тюркской этноязыковой общности оказывал вдохновляющее воздействие на идеологов и активистов национального движения, придавая им уверенность в своих силах и в конечном успехе национального дела. Впоследствии тюркизму суждено было стать основным принципом самоидентификации азербайджанских тюрков.

Концепция А. Гусейн-заде объективно способствовала также активизации поиска собственной национальной идентичности у

²¹ *Hüseynzadə Ə. Türklər kimdir və kimlərdən ibarətdir. Bakı, 1997. S. 217.*

²² *Расулзаде М.Э. О пантүризме. В связи с кавказской проблемой. С. 68.*

азербайджанцев. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, начался переход «всей системы общественной идеологии от религиозной системы исламизма на национальную систему тюркизма, соответственно изменяя и фразеологию, употребляемую в «тюркской» печати и до того называвшуюся «мусульманской»²³. Именно опираясь на концепцию тюркизма А. Гусейн-заде, М.Э. Расулзаде впоследствии разработал теорию азербайджанизма, обосновавшую самобытность и самостоятельность азербайджанской нации и ее право на собственную государственность.

Таким образом, способствуя освобождению тюркского самосознания из тисков общемусульманского сознания, А. Гусейн-заде объективно создал почву для появления сугубо национальной идентичности у различных тюркских народов.

Следует отметить, что уже в момент зарождения в 1905-1907 годах идеи политического тюркизма оказали заметное влияние на М.Э. Расулзаде, который в тот период занимался активной политической и публицистической деятельностью. Правда, ради справедливости следует признать, что даже после поражения русской революции в 1905-1907 годах, М.Э. Расулзаде все еще находился под значительным влиянием социал-демократических идей, о чем свидетельствуют его многочисленные публикации в периодической печати, пронизанные идеями всеобщего благоденствия и равноправия. Вообще, для политических взглядов М.Э. Расулзаде того времени характерен определенный романтизм. Например, в одной из своих публикаций того времени он пишет: «Мир должен быть одинаковым для всех. Ради счастья и благополучия горстки людей не должны страдать миллионы»²⁴.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая политическая судьба М.Э. Расулзаде, если бы в результате гонений царских властей ему не пришлось покинуть пределы Российской империи. В условиях разрастающейся политической реакции в России М.Э. Расулзаде, спасаясь от преследований со стороны царского режима, вынужден был в конце 1908 года покинуть Баку и эмигрировать в Иран.

²³ *Расулзаде М.Э.* О пантунанизме. В связи с кавказской проблемой. С. 66.

²⁴ *İrşad.* 1908. 15 aprel.

В Иране М.Э. Расулзаде продолжил свою политическую деятельность, став активным участником революционного движения против шахского режима. В сентябре 1910 года М.Э. Расулзаде вместе с группой иранской интеллигенции, получившей образование в Европе (С.Г. Тагизаде, Г. Навваб, С. Мирза, С.М. Рза и др.), создает Иранскую демократическую партию. В том же году он начинает издавать газету «Иране Ноу» («Новый Иран»), тем самым заложив основы прессы европейского типа в Иране. Кроме того, в 1910 году в тегеранском издательстве «Фарос» на персидском языке печатается его книга «Критика консервативных или консервативно-социалистических партий». В 1911 году в южно-азербайджанском городе Ардебиле на персидском языке издается еще одна книга М.Э. Расулзаде под названием «Счастье человечества».

Царские власти, озабоченные активной политической и публицистической деятельностью М.Э. Расулзаде, которая была направлена на ослабление российского влияния в Иране, потребовали от тегеранских властей принятия незамедлительных мер для выдворения его из страны. Чтобы избежать преследований шахского режима Ирана, в мае 1911 года М.Э. Расулзаде переезжает в Стамбул, который к тому времени уже превратился в центр сосредоточения политических эмигрантов из числа представителей мусульманской интеллигенции России.

В этот период, спасаясь от преследований царской охранки, в Стамбуле нашли прибежище многие видные представители тюркских народов Российской империи. Среди них находились азербайджанцы А. Гусейн-заде и А. Агаоглу, татарин Ю. Акчура и др., сыгравшие заметную роль в формировании тюркизма как идейного течения. В немалой степени именно благодаря их усилиям удалось значительно расширить круг последователей идеологии тюркизма и туранизма в Турции. В частности, представители азербайджанской и татарской интеллигенции принимали активное участие в деятельности созданного в декабре 1908 года «Тюркского кружка» («Türk Derneği»), который занимался пропагандой и популяризацией идей тюркизма и туранизма.

Именно политическая атмосфера Стамбула того периода сыграла решающую роль в окончательном становлении политических взглядов М.Э. Расулзаде, который все эти годы находился в поиске идеологического ориентира, соответствующего задачам национального освобождения азербайджанских турков. Непосредственное общение с находившимися в Стамбуле идеологами тюркизма оставило глубокий отпечаток на дальнейшей эволюции политического мировоззрения М.Э. Расулзаде.

М.Э.Расулзаде был самым молодым среди политических эмигрантов из России. Тем не менее он отнюдь не был сторонним наблюдателем в острых дискуссиях о проблемах возникновения и путях развития тюркских народов, о способах реализации на практике лозунга – «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться». Достаточно отметить, что М.Э. Расулзаде активно сотрудничал с популярным в тот период журналом «Türk Yurdu» («Тюркское отечество»), который декларировал своей целью «служение тюркизму и благу тюрков». На страницах этого журнала, в частности, была опубликована его известная работа «Иранские тюрки», которая практически впервые информировала широкую общественность о положении азербайджанских турков в Иране, об их борьбе за свои национальные права и за установление конституционного строя в этой стране²⁵.

На страницах журнала «Türk Yurdu» М.Э. Расулзаде опубликовал отрывки из фундаментального труда известного в исламском мире философа Дж. Афгани (1838-1897) «Красота слова» под названием «Философия национального единства и сущность объединенного языка»²⁶. основополагающим постулатом этого произведения являлось утверждение о том, что все мусульманские народы должны иметь национально-осознанную жизнь, поскольку вне нации нет человеческого счастья и процветания. Считая язык и религию двумя важнейшими этноопределяющими факторами, Дж. Афгани отдавал предпочтение первому компоненту, призывая к развитию родного языка.

²⁵ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri.* Bakı, 1992. C. 1. S. 7.

²⁶ *Resulzade M.E. Vahdet-i Cinsiye Felsefesi. Şeyh Cemaleddin Efgani'den tercüme // Türk Yurdu.* 1912. C. 3. № 2. S. 45-55; C. 3. № 3. S. 70-77.

Именно под влиянием идей тюркизма и творческого наследия Дж. Афгани М.Э. Расулзаде, потерпевший жестокое разочарование в революционной деятельности сначала в России, а затем и в Иране, делает решающий шаг в сторону национальной идеологии.

Следует отметить, что период нахождения М.Э. Расулзаде в Турции ознаменовался судьбоносными событиями, которые оказали существенное влияние на дальнейшую эволюцию политической мысли у тюркских народов. Речь идет о поражениях Османской империи в ходе войны с Италией в 1911 году и в I Балканской войне в 1912 году. Эти неудачи способствовали окончательному краху османизма – доктрины «слияния» народов Османской империи в единую нацию, вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности. Но одновременно они значительно ускорили торжество идей туранизма, предусматривавших консолидацию всех тюркских народов в «единую тюркскую нацию».

Как справедливо отмечал А.Н. Мандельштам, эти военные неудачи «перевернули весь уклад мысли турок, все их понятия о государстве и нации. Турки поняли наконец, что они не оттоманы, а турки»²⁷. Тем самым появились предпосылки для создания новой Турции взамен находящейся на смертном одре «больной» Османской империи. Подтверждением этой тенденции стали отказ в 1911 году руководства правящей в Турции партии «Единения и прогресса» («İttihat ve Terakki») от идеологии османизма и постепенное выдвижение на передовые позиции в ней туранистов во главе с Зия Гёкальпом. Вскоре и лидеры российского туранизма – И. Гаспринский, А. Гусейн-заде, Ю. Акчура были избраны в состав Центрального комитета партии «İttihat ve Terakki»²⁸.

Между тем воздействие этих неудач Османской империи на тюркские народы России оказалось прямо противоположным. Они в значительной степени подорвали веру российских тюрков в возможность общетюркского политического движения при доминирующей роли Турции.

²⁷ Мандельштам А.Н. Введение // Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны). Турция и пантуранизм. С. 9.

²⁸ Там же. С. 8.

Выражением подобных настроений в среде тюркской интеллигенции России является книга татарского деятеля Фатиха Карими «Стамбульские письма», основная мысль которой заключается в том, что надежды на освобождение и развитие тюркского мира при поддержке Османской империи оказались иллюзией.

Пришло горькое осознание того факта, что Османская империя не способна стать своеобразным локомотивом процесса освобождения и прогресса тюркских народов. Впоследствии М.Э.Расулзаде отмечал, что «многовековой застой не позволил Стамбулу претворить в жизнь сложные социальные реформы». И эту историческую миссию взял на себя «юный смельчак Азербайджан, надежда нового Турана»²⁹, которому суждено было стать пионером в деле строительства современной национальной государственности не только в тюркском, но и во всем мусульманском мире.

Парадокс состоит в том, что военные и дипломатические неудачи Османской империи на мировой арене, значительно ослабив ее привлекательность для тюркских народов Российской империи, одновременно интенсифицировали у них поиски путей национального развития с опорой прежде всего на собственные силы. Эти поиски стимулировали у них развитие самобытной этнической идентичности.

Эти события оказали серьезное воздействие и на политические взгляды М.Э. Расулзаде, для которого всегда был характерен творческий подход к любой идеологической конструкции. Он никогда не воспринимал ту или иную идеологию в качестве догмы или объекта слепого поклонения. В этом отношении неудивительно, что именно М.Э. Расулзаде принадлежит историческая заслуга творческой переработки идей политического тюркизма в контексте задач национально-освободительной борьбы азербайджанских тюрков.

В отличие от представителей первого поколения азербайджанских тюркистов, в частности А. Гусейн-заде и А. Агаоглу, которые идеализировали роль Османской империи в тюркском

²⁹ *Расулзаде М.Э. Сиявуш нашего времени // Хазар. 1990. № 1. С. 49.*

мире, М.Э. Расулзаде более критически относился к возможностям и потенциалу этой страны. Как свидетельствуют работы А. Гусейн-заде, с политической точки зрения он считал Османское государство и тюрк-османов ядром будущего независимого тюркского мира³⁰. В этом отношении идеи туранизма А. Гусейн-заде имели ярко выраженную проосманскую направленность, поскольку они предусматривали формирование единой тюркской нации не путем постепенной интеграции на основе взаимовлияния и взаимообогащения отдельных тюркских народов в единую общность. Он фактически ратовал за отказ представителей конкретных тюркских народов от своей самобытности ради полного растворения внутри османской нации.

Подобный подход А. Гусейн-заде к идее тюркского единства был неприемлем для М.Э. Расулзаде. Поэтому после близкого ознакомления с идеями туранизма, а также детального анализа внутреннего и внешнего положения Османской империи он стал не апологетом Турции и туранизма, а сторонником тюркизма, «преследующего исключительно реальные и конкретно – национальные цели»³¹.

Творческий подход М.Э. Расулзаде к идеологии туранизма заключался в том, что он воспринимал «тюркское единство» не в смысле объединения всех тюркских народов в едином государстве, а в качестве их равноправного союза в борьбе за общие цели национального освобождения. Именно подобный подход впоследствии привел его к разработке на базе идей тюркизма новой оригинальной концепции азербайджанизма, ставшей теоретической основой самобытной этнической идентичности азербайджанских тюрков и их национальной государственности.

Разработанная А. Гусейн-заде концепция тюркизма стала переходным этапом от религиозной к национальной идентичности у азербайджанских тюрков. Объясняя причину необходимости подобного переходного этапа, М.Э. Расулзаде отмечал, что, «освободившись от панисламизма, тюркская общественно-политиче-

³⁰ *Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S.47.*

³¹ *Расулзаде М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 79.*

ская мысль не могла сразу прийти к той реально-национальной идее, к какой она пришла теперь. Психологически это и понятно. При условии войны и всеобщей опасности, отказавшись от такого большого всеобъемлющего лозунга, как единство ислама, националисты должны были вместо него дать такой же по силе впечатления лозунг. А таковым мог стать только лозунг «единства тюркских народов от Дуная до Алтая!»³².

Лишь по мере развертывания модернизационных процессов в азербайджанском обществе, во втором десятилетии XX века, появляется концепция азербайджанизма, проект с ориентацией на азербайджанскую национальную идентичность, который вполне соответствовал процессам, охватившим в то время Восточную и Центральную Европу, а также западные регионы Российской империи. Ключевую роль в разработке этой концепции сыграли уже представители молодого поколения интеллектуальной элиты Азербайджана – М.Э. Расулзаде, Н. Усуббеков и др.

В этом контексте вполне естественно, что А. Гусейн-заде и А. Агаоглу, внесшие существенный вклад в разработку идеологии политического туранизма, решили навсегда остаться в Турции, окончательно связав с этой братской страной свои политические судьбы. А М.Э. Расулзаде и его молодые соратники предпочли вернуться на родину, чтобы на национальной почве внедрить идеи тюркизма, которые после революции 1905-1907 годов постепенно превращались в доминирующее идеологическое течение в азербайджанской политической мысли.

§ 2. В поисках национальной идентичности

Воспользовавшись амнистией по случаю 300-летия правления династии Романовых, М.Э. Расулзаде в 1913 году вернулся из вынужденной эмиграции на родину. Вскоре он вступил в партию «Мусават», основанную в октябре 1911 года Мамедом Али Расулзаде, Таги Нагиевым и Аббасгулу Казымзаде, и за относитель-

³² *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 67.

но короткий период превратился в главного идеолога и лидера этой политической организации.

Следует отметить, что в момент создания в 1911 году партия «Мусават», как и более ранние азербайджанские политические организации («Дифай», «Мудафиэ» и др.), была далека от национальной идеи и претендовала на роль общероссийской мусульманской организации, что подтверждается содержанием ее первых программных документов. В них партия провозглашала своей целью «объединение всех разрозненных сил мусульманского мира и защиту национальных и человеческих прав мусульман для возвращения былой славы народу ислама»³³. Вообще, идея единения мусульманских народов красной нитью проходила через всю первую программу партии, состоящую из 8 пунктов:

1. Объединение всех мусульманских народов без различия нации и религиозных толков.

2. Восстановление утраченной независимости мусульманских стран.

3. Оказание моральной и материальной помощи мусульманским странам, борющимся за сохранение или восстановление независимости.

4. Помощь развитию оборонительных и наступательных сил мусульманских народов и стран.

5. Устранение всех преград, препятствующих распространению этой идеи.

6. Установление связи с партиями, стремящимися к объединению и прогрессу мусульман.

7. Установление по мере надобности связи и обмена мнений с иностранными партиями, ставящими своей задачей благоденствие и прогресс человечества.

8. Усиление средств борьбы за существование мусульман и развитие их торговли, промыслов и вообще экономической жизни³⁴.

³³ Гусейнов М.Д. Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. Баку, 1927. С. 73.

³⁴ Гусейнов М.Д. Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. С. 73.

Вскоре после возвращения из эмиграции М.Э. Расулзаде ситуация в партии кардинальным образом изменилась. Своими теоретическими работами, написанными накануне и в период Первой мировой войны, М.Э. Расулзаде подвел национальную основу под идеологию «Мусавата», что в конечном итоге способствовало переориентации политической программы партии от исламского единства в сторону борьбы за национальные права азербайджанцев и других тюркских народов. Это явилось переломным моментом в политической эволюции не только «Мусавата», но и всего национального движения Азербайджана.

Этот процесс приобрел еще более интенсивный характер в годы Первой мировой войны. Не случайно, что М.Э. Расулзаде считал «главным моментом развития тюркской (азербайджанской) национальной идеи период балканской и мировой войн»³⁵.

Безусловно, накануне Первой мировой войны М.Э. Расулзаде еще не смог окончательно принять идею самобытности азербайджанской нации. В указанный период М.Э. Расулзаде, как и другие представители политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, стоял перед трудным выбором между интеграцией в единую тюркскую нацию и утверждением самобытной национальной идентичности азербайджанских тюрков.

В этой связи неудивительно, что накануне Первой мировой войны М.Э. Расулзаде находился в поиске золотой середины между общетюркской и азербайджанской национальной идентичностью. Подтверждением тому является его позиция в острой полемике по проблемам языка на страницах печати между «азеричилар», которые предлагали формировать новый литературный язык на базе народно-разговорного языка азербайджанских тюрков, и «османчилар» – сторонниками принятия османского языка в качестве литературного.

Эта дискуссия затрагивала сущность все еще не находившего ответа, и в то же время актуализирующегося с каждым днем вопроса о национальной идентичности азербайджанских тюрков. Дебаты вокруг этой проблемы отражали противоречия между

³⁵ *Расулзаде М.Э.* О пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. С. 63.

местным партикуляризмом и более широким видением будущего Азербайджана. В то же время они были подтверждением осознания со стороны азербайджанской интеллигенции своей принадлежности к семье тюркских народов. Вопрос состоял лишь в том, до какой степени целесообразно отождествлять себя с турками-османами и нужно ли делать это вообще?

Становление и развитие линии «османчилар» напрямую было связано с публицистической деятельностью А. Гусейн-заде, который в 1905-1907 годах редактировал печатные издания «Хаят» и «Фиюзат». Он был убежден в том, что в истории наступает эпоха больших государств и наций на базе общей религии, языка и культуры. Исходя из этого, А. Гусейн-заде открыто ратовал за вхождение Азербайджана в состав Османского государства, которое представлялось ему «духовным и политическим лидером исламского мира». Тем более что он придерживался мнения об отсутствии существенных различий между азербайджанцами и турками-османами.

При этом А. Гусейн-заде был убежден в том, что формированию единой тюркской нации будет предшествовать создание единого языка для всех тюркских народов. Он несколько не сомневался в том, что этим «единым языком» должен стать стамбульский диалект турко-османского языка как наиболее развитый в литературно-стилистическом отношении среди других тюркских языков. Позиция А. Гусейн-заде заключалась в том, что все тюркские народы должны принять унифицированный литературный язык, представляющий собой модификацию османского языка.

А. Гусейн-заде пытался «османизировать» языковую среду в Азербайджане и активно пропагандировал с помощью прессы идею повсеместного распространения среди представителей различных тюркских народов литературного османского языка. Он аргументировал свою позицию преимуществами османского языка для интеллектуального развития азербайджанских тюрков, которые, по его мнению, не могли выражать на родном языке абстрактные понятия и вести сложные рассуждения. А. Гусейн-заде отмечал, что «язык, который мы называем родным, в течение

столетий был отрезан от прогресса в политике, философии и науке, вследствие чего он остановился в своем естественном развитии»³⁶.

А. Гусейн-заде искренно надеялся, что создание общетюркского литературного языка сделает необратимым процесс формирования единой тюркской нации. Безусловно, он преувеличивал и даже абсолютизировал значимость языка в процессе формирования нации. Он ошибочно полагал, что достаточно кодифицировать общий литературный язык, и формирование единой тюркской нации будет гарантировано. Находясь под влиянием философии Дж. Афгани, язык казался ему единственным решающим признаком этнической общности. При этом он отрывался от реальной языковой стихии, от разговорного языка народных масс, от политической и социально-экономической среды, которые объективно определяли различие путей национального развития отдельных тюркских народов. А. Гусейн-заде был твердо убежден, что историческое развитие тюркских народов идет по пути создания единой тюркской нации. Подобное ошибочное мнение, в определенном смысле, объяснялось незрелостью процессов формирования наций у многих тюркских народов и их слабой исследованностью, что порождало нечеткость представлений о перспективах их национального развития.

Естественно, что попытки А. Гусейн-заде «османизировать» языковую среду вызывали протесты читательской аудитории и немалой части азербайджанской интеллигенции. Однако он в достаточно резкой и даже грубоватой форме парировал все попытки поставить под сомнение его концепцию о языке. Например, в одной из своих публикаций, обращаясь к своим оппонентам, он риторически спрашивал: «Нам ли нужно упростить язык своей газеты или же населению необходимо изучить тюрки (имелся в виду османский язык. – *А.Б.*), который является их родным языком. На наш взгляд, писать более упрощенно, на употребляемых на Кавказе тюркских наречиях невозможно»³⁷.

³⁶ Füyuzat. 1907. 2 iyul.

³⁷ Nəyat. 1907. 14 iyun.

После отъезда А. Гусейн-заде в Турцию рупором «османчилар» стал журнал «Шелале», первый номер которого вышел в 1912 году. Цель журнала, издававшегося исключительно на турко-османском языке, была определена как работа «по унификации тюркских языков на базе турко-османского языка».

Оппонентами «османчилар» выступали «азеричилар», которые утверждали, что османский язык, испорченный иностранными примесями, не заслуживает называться тюркским языком. При выборе языка прессы главными критериями для «азеричилар» служили его доступность и понятность читателям-азербайджанцам. В этом отношении неудивительно, что «азеричилар» ориентировались на народно-разговорный язык. Наиболее ярким представителем данного направления являлся журнал «Молла Насреддин», редактируемый Дж. Мамедкулизаде. Чтобы сделать журнал понятным для широких народных масс, издатели «Молла Насреддина», отказываясь от излишних арабизмов и фарсизмов, активно заменяли их лексическими элементами, заимствованными из народно-разговорного языка. Правда, при этом они зачастую действовали довольно прямолинейно, чрезмерно увлекаясь использованием форм просторечия в литературном языке.

Позиция «азеричилар» в концентрированном виде нашла свое отражение в одной из публикаций известного азербайджанского литературоведа Фиридун бека Кочарли, который вопрос о языке напрямую связывал с национальной идентичностью. Как подчеркивал Ф. Кочарли, язык – «основная характеристика каждой нации (миллета): она может потерять свое богатство, свое государство, даже свою территорию и все же будет жить, но если она потеряет свой язык, от нее не останется и следа». Он считал, что именно такая опасность нависла над азербайджанскими тюрками, которые после длительного периода доминирования персидского языка наконец-то добились активного использования национального языка в различных сферах общества, в том числе в прессе, но тут же столкнулись с перспективой его замены османским. Выступая против широкого использования османской лексики в азербайджанской прессе, Ф. Кочарли сравнивал усилия «осман-

чилар» с действиями русификаторов. «По нашему мнению, такое обезьянничанье, такой образ действий фактически является национальным предательством»³⁸, – резюмировал он.

Что же касается позиции М.Э. Расулзаде в этих дискуссиях, то он также был против концепции А. Гусейн-заде. В отличие от А. Гусейн-заде он считал, что «язык османских тюрков по сравнению с другими тюркскими диалектами более подвержен влиянию арабского, персидского и других иностранных языков»³⁹. М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «аналогично тому, как Турция стоит перед политической капитуляцией, так и турецкий язык находится в состоянии литературной капитуляции»⁴⁰. Более того, он был убежден, что по сравнению с турко-османским языком в азербайджанском языке «тюркская лексика все же составляет большинство»⁴¹. Тем самым в данном вопросе М.Э. Расулзаде солидаризовался с «азеричилар», которые также считали, что азербайджанский язык намного чище турко-османского языка.

Например, автор одной из публикаций в журнале «Молла Насреддин», выступая против навязывания азербайджанцам турко-османского языка, утверждал, что «место, где язык наиболее арабизирован, – Стамбул». При этом автор отмечал, что азербайджанский язык – чище, ибо его лексический запас пополняется за счет местных наречий.

В своих статьях «Легкий – “новый” язык» (*Asan dil – “yeni lisan”*)⁴² и «Язык как важный социальный фактор»⁴³, опубликованных на страницах журнала «Шелале», М.Э. Расулзаде открыто выступил против навязывания азербайджанским тюркам османского языка. Он с тревогой писал: «Масштабы подражания языку «Фиюзат» достигли такого уровня, что многие простые азербайджанцы перестали читать азербайджанскую периодику, поскольку она издается на малопонятном для широких народных масс турко-

³⁸ Molla Nəsrəddin. 1913, № 22.

³⁹ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri*. C. 2. S. 222.

⁴⁰ A.g.e. S. 223.

⁴¹ A.g.e. S. 222.

⁴² *Şəlalə*. 1913. 15, 22 iyun.

⁴³ *Şəlalə*. 1913. 10 avqust.

османском языке, чрезмерно богатом арабскими и персидскими заимствованиями»⁴⁴.

Характеризуя сложившуюся в то время в азербайджанской прессе ситуацию, М.Э. Расулзаде резонно отмечал, что «тюркская печать Кавказа, за редким исключением, возомнила себя учителем языка. Хотя функция печати заключается не в обучении населения языку, а в объяснении ему необходимых в борьбе за выживание вещей на языке, которым оно владеет и говорит»⁴⁵.

Таким образом, накануне Первой мировой войны М.Э. Расулзаде фактически выступал против принятия азербайджанскими тюрками турко-османской идентичности и их интеграции в состав Османской империи со всеми вытекающими отсюда последствиями, к чему так активно призывал А. Гусейн-заде. Но решительно отвергая позицию сторонников османизации языковой сферы, М.Э. Расулзаде одновременно воздерживался и от однозначной поддержки «азеричилар», полагая, что пропаганда самостоятельного литературного азербайджанского языка противоречит идее единства тюркских народов.

Принимая в принципе идею общетюркского литературного языка, М.Э. Расулзаде ратовал не за механическое внедрение в качестве такового турко-османского языка, а за создание своеобразного общетюркского эсперанто путем использования внутренних лексических ресурсов всех без исключения тюркских языков, чтобы оно было понятным для представителей всех тюркских народов. Тем не менее даже в этот момент позиция М.Э. Расулзаде была более близка к «азеричилар», нежели к «османчилар». Так, выступая против османизации литературного языка, М.Э. Расулзаде уже тогда выходил за рамки концепции «единой тюркской нации» в ее классическом понимании в трактовке А. Гусейн-заде.

К тому же следует учесть, что в указанный период у М.Э.Расулзаде стремительно менялось понимание того, что из себя представляют азербайджанцы как этническая общность – часть «большого целого» или же самодостаточную национальную еди-

⁴⁴ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 220-221.*

⁴⁵ *A.g.e. S. 221.*

ницу. Причем общая направленность эволюции его взглядов дает основание утверждать, что М.Э. Расулзаде накануне и в период Первой мировой войны постепенно, шаг за шагом приближался к признанию азербайджанских тюрков самостоятельной нацией.

Важным этапом на этом пути стала серия статей М.Э. Расулзаде под общим названием «Национальное бытие», опубликованных в 1914 году на страницах журнала «Дирилик». Как известно, впервые в общественно-политической мысли Азербайджана А. Гусейн-заде научно конкретизировал и уточнил термин «нация», который до него использовался в весьма расплывчатом и абстрактном понимании для обозначения всех мусульман мира, т.е. фактически в качестве синонима понятия «умма». Заслуга же М.Э. Расулзаде состоит в том, что он творчески переработал идеи А. Гусейн-заде в контексте конкретных азербайджанских реалий начала XX века.

Серия статей под названием «Национальное бытие» стала, по существу, первой в Азербайджане попыткой систематизации представлений о нации в соответствии с требованиями современной науки. Значимость этой работы М.Э. Расулзаде состоит в том, что в момент публикации статей у азербайджанцев не было даже общепринятого этнонима и лингвонима.

В этой работе М.Э. Расулзаде, отвергая отождествление религиозной и национальной общностей, терминов «умма» и «миллет» (нация), проводил четкую грань между этими понятиями. Он утверждал, что понятие «миллет» не должно употребляться для обозначения религиозной группы, так как оно имеет секулярное значение. М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «умма» имеет чисто религиозное содержание, поскольку означает объединение всех мусульман мира независимо от их этнической и культурной принадлежности, т.е. конфессиональную общность. В то же время понятие «нация» относится к этническим общностям, основывающимся на общем языке, культуре, территории и истории, равно как и на религии. Но при этом М.Э. Расулзаде считал религию отнюдь не самым основным признаком нации, отводя ей второстепенную роль⁴⁶.

⁴⁶ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 468.*

М.Э. Расулзаде выдвинул идею трехступенчатой иерархии этнических общностей – народность, национальность и нация. Причем он определил конкретные качественные параметры их разграничения. Так, по мнению М.Э. Расулзаде, народность – это сложившаяся на определенной территории совокупность людей, связанных между собой лишь общностью происхождения и языковым единством. Более высокий уровень этнической общности, для обозначения которого применяется термин «национальность», характеризуется языковым и культурным единством составляющих эту общность людей. Что же касается нации, то она, по мнению М.Э. Расулзаде, возникает в момент осознания своего культурного и национального единства большинством представителей национальности. Другими словами, главная отличительная черта нации от национальности заключается в наличии у представителей нации национального самосознания.

Как видно, М.Э. Расулзаде воспринимал эти этнические общности динамическими явлениями, подверженными в той или иной степени изменениям во времени и пространстве, которые нередко сопровождаются их трансформацией. В частности, М.Э. Расулзаде пишет: «...осознание единства и стремление к нему способствует на исторической основе превращению людей из народности в национальность, а из национальности в нацию»⁴⁷.

По словам М.Э. Расулзаде, нация подразумевает единство языка, обычаев и культуры, исторических традиций, а также религии. Именно совокупность этих элементов создает нацию. Хотя, как уже было подчеркнуто, важнейшим признаком, отличающим нацию от национальности, М.Э. Расулзаде считал наличие национального самосознания: «Национальная жизнь возможна лишь в результате развития национального самосознания, под воздействием которого возникает национальная идеология. В свою очередь, национальные идеалы обеспечивают достойное существование нации»⁴⁸.

⁴⁷ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 468.*

⁴⁸ *A.g.e. S. 469.*

При этом характерно, что М.Э. Расулзаде относил азербайджанцев ко второй группе – национальности⁴⁹. Тем самым он признавал отсутствие в тот период у азербайджанских тюрок четко выраженной национальной идентичности. Имея в виду азербайджанских тюрок, он писал, что «мы, как и другие российские мусульмане до сих пор придавали значение не национальному, а религиозному фактору. Выпускали тюркскую газету, а называли ее мусульманской. Создавали театры и оперы на тюркском, называя их мусульманским театром и мусульманской оперой. Открывали школы, давая им название русско-мусульманской»⁵⁰.

Далее он подчеркивал, что «хотя все это мы делали на тюркском языке и ради возрождения тюркской культуры, но под влиянием исламского фактора мы считали себя мусульманами, не придавая значения тому, что на самом деле мы являемся представителями тюркской национальности. И до сих пор продолжаем игнорировать эту реальность. Более того, мы даже не протестовали, когда нас называли «татарами» и «персиянами». Виной всему этому является то обстоятельство, что мы не осознали себя как нация». В силу этого М.Э. Расулзаде приходил к выводу о том, что для исправления этой ситуации необходимо развитие национального самосознания и разработка национальной идеологии⁵¹.

В этой связи М.Э. Расулзаде придавал большое значение поиску путей и способов формирования национальной идеологии. Симптоматично, что он считал создание подобной идеологии отнюдь не стихийным процессом. По его словам, в сердцах и мыслях каждого представителя нации могут быть определенные идеи относительно будущего нации. Однако не каждый из них способен четко сформулировать эти желания, поскольку это под силу только узкому кругу интеллектуальной элиты, призванной стать конструктором и проводником национальной идеи⁵².

⁴⁹ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 468.*

⁵⁰ *A.g.e. S. 469.*

⁵¹ *A.g.e. S. 469.*

⁵² *A.g.e. S. 471.*

Как он отмечал в одной из своих последующих работ, «переход из состояния национальности в нацию является продуктом общего сознания и коллективной воли», которые создаются и пропагандируются интеллигенцией, вступающей на историческую арену с разрушением феодальной системы и появлением буржуазии⁵³.

По мнению М.Э.Расулзаде, именно в результате деятельности интеллигенции общее сознание и коллективная воля, совершенствуясь и развиваясь, доходят до уровня борьбы за освобождение родины и народа и превращаются в духовную потребность каждого члена этнической общности. И в конечном итоге «национальность обретает решимость трансформироваться в нацию»⁵⁴.

В своей работе «Национальное бытие» М.Э.Расулзаде по этому поводу пишет: «Описанный и сформулированный отдельными личностями, а затем представленный на суд общества проект национальных действий в случае соответствия истинным чувствам и желаниям народа получает широкое распространение и приобретает многочисленных сторонников. В противном же случае, получив лишь поддержку ограниченного круга лиц, он в конечном итоге предается забвению»⁵⁵.

М.Э. Расулзаде предлагал начать формирование национального самосознания с восстановления исторической памяти народа. По его мнению, «чтобы обрести величие и силу, нации обращаются за помощью к собственной истории. Даже столкнувшись с угрозой исчезновения в периоды ослабления и угнетения, народы, вспоминая славные страницы прошлого, возрождают в себе надежду на будущее»⁵⁶. По его словам, «нации, исследуя свою историю, на примере своих героев прошлых времен создают идеальную модель, превращая ее в пример подражания для нынешних и будущих поколений»⁵⁷.

⁵³ *Resulzade M.E.* Milli Tesanüd. Ankara, 1978. S. 18.

⁵⁴ *Resulzade M.E.* Milli Tesanüd. S. 18.

⁵⁵ *Rəsulzadə M.Ə.* Əsərləri. C. 2. S. 471.

⁵⁶ *Rəsulzadə M.Ə.* Əsərləri. C. 2. S. 483.

⁵⁷ A.g.e. S. 483

Будучи убежденным в том, что «нет более сильного фактора для единства и культурного развития нации, чем знание собственной истории»⁵⁸, М.Э. Расулзаде вместе с тем прекрасно осознавал плачевное состояние дел в области изучения национальной истории. Не случайно с болью в сердце он отмечал, что турецкая молодежь фактически не осведомлена о своей богатой истории⁵⁹.

Поэтому он придавал большое значение в процессе возрождения национального духа детальному и скрупулезному изучению национальной истории, чтобы затем донести ее до народных масс на их родном языке⁶⁰. И выражал уверенность в том, что усилия по воссозданию правдивой национальной истории несомненно «приведут к формированию национального самосознания, которое, в свою очередь, стимулирует массы к новым великим национальным поступкам»⁶¹.

Другим важным направлением на пути к национальному прогрессу М.Э. Расулзаде считал развитие родного языка, одного из основных в системе образующих элементов этнических общностей. При этом он обращал внимание на значимость языкового фактора в колониальной политике европейских государств. Он подчеркивал, что в древние и Средние века различного рода завоеватели стремились в первую очередь к распространению собственной религии среди поработенных народов, рассматривая это в качестве наиболее надежной гарантии долговечности своего господства. С наступлением же новой исторической эпохи европейские колонизаторы, осознавшие более существенную роль языка в жизни народов по сравнению с религией, внесли соответствующие коррективы в свою колониальную политику. Так, в значительной степени отказавшись от целенаправленного давления на религию поработенных народов, по крайней мере не предпринимая чрезмерных усилий в данном направлении, евро-

⁵⁸ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 484.*

⁵⁹ A.g.e. S. 485.

⁶⁰ A.g.e. S. 472.

⁶¹ A.g.e. S. 472.

пейские колонизаторы направили главный удар на этнические ценности и прежде всего на национальные языки, составляющие стержень системы этнизации этих народов. В этой связи неудивительно, что приоритетным направлением колониальной политики европейских держав стала политика языковой ассимиляции поработенных народов.

М.Э. Расулзаде считал, что подобная политика европейских колонизаторов, препятствуя естественному развитию и усовершенствованию языков поработенных народов, в конечном итоге ведет к их окончательному упадку. В силу этого он придавал большое значение развитию национального языка в процессе возрождения и прогресса колониальных народов, включая азербайджанских тюрков.

И первоочередной задачей в этой области, по его мнению, являлось очищение словарного состава азербайджанского языка от чрезмерного засилья иностранных заимствований, и в первую очередь от арабизмов, русизмов и фарсизмов. Причем М.Э. Расулзаде считал источником замены иностранных заимствований в национальном языке «не древнеуйгурский и джыгатайский языки и не говоры казанских и оренбургских татар, а местные наречия азербайджанских тюрков»⁶². С этой целью он советовал подвергнуть глубокому научному исследованию как местные наречия, так и богатейшие образцы народного фольклора азербайджанских тюрков⁶³. Это было проявлением первых зачатков азербайджанской национальной идентичности.

Безусловно, в своей работе «Национальное бытие» М.Э. Расулзаде еще не дошел до однозначного признания азербайджанской национальной индивидуальности, но был близок к признанию этой идентичности в языковых вопросах. В частности, его стремление защитить национальный язык от внешних культурных влияний, в том числе со стороны турко-османского языка, будучи проявлением лингвистического партикуляризма и противодействия попыткам османизации, было зародышем идеи фор-

⁶² Балаев А. Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. Баку, 2005. С. 60.

⁶³ Там же.

мирования азербайджанской нации, которая сложилась спустя несколько лет.

Анализируя происходящие на мировой арене процессы, М.Э.Расулзаде в первом номере газеты «Ачыг соз» прогнозировал кардинальное изменение политической карты мира по окончании Первой мировой войны. Указывая на усиление роли национального фактора в современных политических процессах, он писал: «...то новое обличье, которое обретет карта мира, будет зависеть не только от самоотверженности граждан, организованности государств и мощи армий, но в значительной степени – от национальных идеологий, столь открыто и решительно заявивших о себе»⁶⁴. И предупреждал, что «из этого исторического испытания с честью выйдут только те государства, в основе которых лежит национальное начало или же в их системе управления этому началу придается должное значение»⁶⁵.

М.Э. Расулзаде предсказывал, что в послевоенном устройстве Европы преимуществом будут обладать «нации, по достоинству осознавшие себя и сформулировавшие определенную идеологию для достижения независимости»⁶⁶. Тем самым М.Э. Расулзаде, хотя и в несколько закамуфлированной форме, подчеркивал необходимость создания национального государства.

Он предупреждал, что никто «не будет считаться с нациями, которые не объединены единым духом и коллективной волей», и эти общности вряд ли смогут донести свой голос до мировой общности. Поэтому М.Э. Расулзаде призывал своих соплеменников к «объединению вокруг конкретных идей и задач»⁶⁷.

Именно на решение этой задачи была направлена вся деятельность учрежденной в октябре 1915 года М.Э. Расулзаде газеты «Ачыг соз». К тому моменту давно уже сформировавшееся Азербайджанское национальное движение, по выражению М. Мамедзаде, напоминало «безымянного героя»⁶⁸, поскольку оно

⁶⁴ Ачыг söz. 1915. 2 oktyabr.

⁶⁵ Расулзаде М.Э. О пантуризме. В связи с кавказской проблемой. С. 30.

⁶⁶ Ачыг söz. 1915. 2 oktyabr.

⁶⁷ Ачыг söz. 1915. 2 oktyabr.

⁶⁸ Маммәдзадә М.В. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 52.

еще не имело собственного названия. Пытаясь заполнить этот вакуум, газета «Ачыг соз» повсеместно меняла понятия «мусульманин» и «татарин» термином «тюрк». Обращаясь к народу, газета писала: «По языку мы – тюрки, наша национальность – тюркская»⁶⁹. Таким образом, тюркскую самоидентификацию газета использовала для последующего утверждения азербайджанской идентичности⁷⁰.

Между тем распространение национальных идей среди азербайджанских тюрков сильно тревожило царские власти. Еще в 1913 году кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков в своем отчетном докладе царю с тревогой отмечал, что если нам следует опасаться сепаратизма среди различных народов Кавказа, то только со стороны мусульман, т.е. азербайджанских тюрков, поскольку «армяне и грузины прекрасно понимают, что вне России они были бы поглощены мусульманами». При этом он особо отмечал, что «среди культурных слоев мусульманства начинают развиваться идеи национального самосознания, что особенно опасно для интересов России»⁷¹.

Поэтому становление национальной идеологии в Азербайджане происходило в особенно неблагоприятных условиях, поскольку, как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «мусульманский Азербайджан больше, чем христианские его соседи, подвергался угнетению царского режима»⁷².

Однако царская администрация была бессильна перед объективным ходом исторических процессов. Как выше было отмечено, уже в первом номере газеты «Ачыг соз» М.Э. Расулзаде говорил о важности национальной независимости как необходимого условия перехода от уровня национальности к нации. А до этого, еще в статье «Национальное бытие», М.Э. Расулзаде особо подчеркивал, что только национальная государственность способна

⁶⁹ Açıq söz. 1915. 2 oktyabr.

⁷⁰ Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 52.

⁷¹ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал– адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 9.

⁷² Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 13.

обеспечить неприкосновенность национальной самобытности⁷³. В дальнейшем М.Э. Расулзаде еще больше конкретизировал эту свою мысль, утверждая, что «нация – это национальность, продемонстрировавшая свою решимость создать государство»⁷⁴.

Правда, в период до Февральской революции 1917 года М.Э. Расулзаде публично не выдвигал идею создания национального государства азербайджанских тюрков. Ведь для возникновения настоящей политической программы требуется известный минимум внешних условий, которые в тогдашней России полностью отсутствовали. Достаточно отметить, что в годы Первой мировой войны территория Южного Кавказа составляла прифронтовую полосу и здесь действовали законы военного времени. По этой причине жестко пресекались малейшие проявления недовольства и нелояльности среди народов Южного Кавказа, не говоря уже о стремлении к политической независимости. Соответствующий «политический климат», необходимый для выдвижения требований создания национальной государственности, в России появился лишь с победой Февральской революции 1917 года.

§ 3. Февральская революция и завершение процесса перехода от тюркизма к азербайджанизму

Первая мировая война до крайности обострила социально-экономические, политические и национальные проблемы в Российской империи. По сравнению с другими воюющими государствами последствия войны для России оказались особенно катастрофическими. Царское правительство проявило полную беспомощность и неспособность в управлении страной в условиях военного времени. В результате многочисленных провалов во внешней и внутренней политике царизма (неудачи на фронте, сопровождавшиеся огромными людскими потерями, хозяйствен-

⁷³ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 2. S. 466.*

⁷⁴ *Resulzade M.E. Milli Tesanüd. S. 20, 25.*

ная разруха, голод, усиление национального гнета и т.д.) системный кризис в империи, охвативший все сферы жизнедеятельности общества, к началу 1917 года достиг своей кульминации.

Именно глубиной кризисных явлений объясняется относительно быстрое и безболезненное свержение самодержавия в феврале 1917 года. Даже наиболее преданные сторонники самодержавия, понимая его обреченность, не предприняли решительных шагов для его спасения.

Одной из главных причин, приведших к краху самодержавия, был национальный фактор. В этой связи неудивительно, что, анализируя состояние Российской империи в начале XX века, Д.П. Кончаловский приходит к выводу о том, что «накануне Первой мировой войны у царского режима были серьезные шансы справиться с социальными проблемами, с проблемами революционной интеллигенции, с проблемой экономического развития, но не было ни малейшего шанса решить национальный вопрос». По его убеждению, именно национальные проблемы «перекрывали все пути эволюции» царского режима, поскольку не только черносотенный национализм П. Столыпина, но и его «либеральная, демократическая, прогрессивная альтернатива, представляющая собой возможное решение всех прочих проблем, не давала решения национального вопроса и в результате вела к распаду империи»⁷⁵.

Отмечая роль национального фактора в свержении самодержавия, М.Э. Расулзаде писал: «Февральская революция свершилась в результате все нарастающего напора двух важнейших сил: с одной стороны, обездоленные классы, а с другой стороны, порабожденные народы требовали свои права»⁷⁶. В этом плане вполне естественно, что революция была встречена с большим воодушевлением во всех колониальных окраинах Российской империи, в том числе в Азербайджане.

Правда, сформированное 2 марта 1917 года Временное правительство в целом придерживалось политики полумер и оття-

⁷⁵ Цит. по: Буровский А.М. Крах империи, М., 2004. С. 230.

⁷⁶ *Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti*. Bakı, 1990. S. 28.

жек, откладывая решение всех главных проблем, в том числе национального вопроса, до Учредительного собрания. Но тем не менее ради справедливости следует признать, что уже в течение марта 1917 года оно издало серию декретов и распоряжений, демократическая направленность которых не вызывала сомнений.

В частности, согласно постановлению «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта 1917 года были ликвидированы «все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности»⁷⁷. Были также аннулированы все запреты, связанные с выбором места жительства, передвижением, приобретением собственности и т.д., установленные для представителей национальных и религиозных меньшинств. Кроме того, были упразднены все ограничения для национальных меньшинств в армии, гражданской администрации, судебных ведомствах и т.п., а также была отменена процентная норма при приеме в учебные заведения⁷⁸.

Данное постановление, несомненно, не могло полностью удовлетворить представителей национальных меньшинств России, так как в нем ничего не говорилось о праве поработанных народов империи на самоопределение, о создании условий для функционирования национальных языков в сфере образования и т.д. Тем не менее даже эти половинчатые меры Временного правительства способствовали созданию хотя бы минимальных условий для политической деятельности и стимулировали развертывание процессов политизации этничности в колониальных окраинах империи.

Политизированная этничность, как известно, означает:

1) предоставление людям возможности осознать роль политики для сохранения их этнокультурных ценностей и наоборот; 2) стимулирование их внимания к этой взаимосвязи; 3) их мобилизацию на формирование этнических групп, обладающих данным самосознанием; 4) направление их поведения в сферу поли-

⁷⁷ Вестник Временного правительства. 1917. 22 марта.

⁷⁸ Там же.

тической деятельности, опираясь на это осознание и групповое самосознание⁷⁹.

Именно интенсивные процессы политизации этничности привели после Февральской революции к невиданному росту национальных движений в колониальных окраинах бывшей Российской империи, в том числе и в Азербайджане. Тем более что декрет Временного правительства «О собраниях и союзах» предоставил всем гражданам страны право образовывать союзы и проводить собрания. Согласно этому документу, не допускалось никаких политических мотивов для закрытия союзов, а их деятельность могла быть приостановлена только решением суда⁸⁰.

Этот декрет позволил легализовать деятельность национальных партий и организаций, которые до Февральской революции вынуждены были действовать в глубоком подполье. По всей стране появились десятки новых политических, культурных и образовательных организаций национальной ориентации. Национальные силы Азербайджана во главе с М.Э. Расулзаде не преминули воспользоваться ситуацией для ускорения и углубления процессов нациестроительства среди азербайджанских тюрок.

Если до февраля 1917 года азербайджанские лидеры ограничивались требованиями создания соответствующих условий для свободного развития азербайджанской культуры и языка, отмены национально-правовых ограничений, то в условиях активизации этнополитических процессов в Российской империи после свержения самодержавия они принялись за политическое конституирование азербайджанцев как самостоятельной и самобытной нации. Подтверждением тому является выдвигание на передний план в программе национального движения принципов национального самоопределения и провозглашение требования предоставления территориальной автономии Азербайджану в рамках Российского государства.

Чешский историк М. Хрох разработал периодизацию эволюции национальных движений. По его мнению, в фазе пробуждения национального движения у небольшой группы местной

⁷⁹ *Rothschild J.* Ethnopolitics. A Conceptual Framework. New York, 1981. P. 6.

⁸⁰ *Долгачев И.Н.* Февральская буржуазно-демократическая революция. М., 1995. С. 19.

интеллигенции возникает интерес к языку, истории, фольклору своего народа. На данном этапе эта идентичность как массовое явление еще не существует. Поэтому во второй фазе агитации национальное самосознание распространяется в широких слоях этого этноса, а в фазе массового движения народ охватывает идея национального единства, и он мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость⁸¹.

В этом отношении с победой Февральской революции азербайджанские турки вступили в стадию политической мобилизации, хотя следует признать, что задачи культурного и агитационного периода еще не были окончательно решены. Поэтому азербайджанской элите приходилось действовать одновременно на нескольких фронтах и параллельно решать задачи формирования национального самосознания, его распространения среди народных масс путем агитации, а также их политической мобилизации с целью достижения независимости⁸².

Первая политическая программа Азербайджанского национального движения с требованием создания национальной государственности в форме территориальной автономии была сформулирована и утверждена вскоре после Февральской революции на проходившем с 15 по 20 апреля 1917 года в Баку I Общекавказском мусульманском съезде. Еще накануне открытия съезда, говоря об основных его задачах и целях, М.Э. Расулзаде писал: «Этот съезд, вместе с выражением настроений и чувств кавказских мусульман по поводу текущих событий и их отношения к ним, должен открыто выставить их политические и национально-культурные стремления»⁸³.

Несмотря на то что на съезде был представлен весь спектр азербайджанских политических сил во всем его многообразии — от исламистов до социалистов и большевиков, ключевую роль в выработке съездом основных «политических стремлений азерб-

⁸¹ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 124-125.

⁸² *Волхонский М., Муханов В.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. С. 12.

⁸³ *Каспий.* 1917. 19 апреля.

байджанских тюрков», несомненно, сыграл М.Э. Расулзаде, который к тому времени уже считался одним из лидеров Азербайджанского национального движения.

Не случайно, что право выступить с докладом по главному вопросу повестки дня съезда, политическому устройству страны, было предоставлено М.Э. Расулзаде. Это было свидетельством признания его неоспоримых заслуг в освободительной борьбе, в том числе со стороны его политических оппонентов. В своем докладе на съезде М.Э. Расулзаде, проанализировав текущую ситуацию, сформулировал национально-политические задачи азербайджанского народа на ближайшую перспективу. И самое главное, он в аргументированной форме обосновал необходимость создания собственной государственности азербайджанских тюрков в форме национально-территориальной автономии.

В своем выступлении он отметил, что централизация власти в таком территориально обширном, а в национальном отношении – разнородном государстве, как Россия, не соответствует началам свободного общежития народов и поэтому непригодна для нормального развития государственной жизни России. «Сама история, – подчеркнул М.Э. Расулзаде, – на примере Тамерлана, Чингисхана, Александра Македонского и римских императоров свидетельствует о том, что никакая сила, кроме свободно выраженного желания составить государственный союз, не может создать прочного единения между отдельными национальностями, входящими в государство»⁸⁴.

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде потребовал предоставления национальным группам России права на самоопределение. Обособленные таким путем отдельные народы России, по его мнению, затем должны были образовать государственный союз в форме федеративной демократической республики. За исключением внешней политики, проблем войны и мира, а также управления общегосударственным достоянием (железные дороги, почта, телеграф и т.д.), решение всех остальных вопросов находилось в компетенции органов управления автономными единицами. Для решения вопросов, входивших в компетенцию федера-

⁸⁴ Каспий. 1917. 19 апреля.

тивных органов, предполагалось образовать общесоюзный совет из представителей всех территориальных автономий⁸⁵.

Несмотря на противодействие исламистов и представителей различных социалистических группировок, съезд большинством голосов поддержал предложение М.Э. Расулзаде. В принятом решении отмечалось, что «наиболее подходящей формой государственного устройства России является демократическая республика на территориально-федеративных началах»⁸⁶.

Симптоматичный случай произошел на съезде после выступления двух женщин-азербайджанок – Ш. Эфендизаде и С. Талышхановой, горячо встреченных делегатами. Выступивший после них бывший бакинский казий Ага Мирмамед Керим осудил этих женщин за их выступления с открытым лицом перед мужчинами как противоречащее догматам шариата, чем вызвал бурное негодование делегатов. Почти весь зал с возгласами «долой» заставил оратора спуститься с трибуны. По инициативе М.Э. Расулзаде съезд принял резолюцию по женскому вопросу, в которой отмечалась, что «когда женщины всех остальных народов наравне с мужчинами участвуют в общественно-политической жизни, способствуя тем самым успеху своей нации, азербайджанки не могут и не должны оставаться в затворничестве». В резолюции подчеркивалась необходимость «уравнения азербайджанок в политических и гражданских правах с мужчинами»⁸⁷.

Таким образом, впервые в истории национальных движений мусульманских и тюркских народов Российской империи было выдвинуто требование предоставления азербайджанцам национально-территориальной автономии. Выдвижение данной идеи было одним из проявлений осознания, по крайней мере со стороны азербайджанской интеллигенции, собственной национальной идентичности, отличной от других мусульманских и тюркских народов. Это было также признаком окончательного перехода азербайджанской политической элиты от тюркизма к азербайджанизму.

⁸⁵ Каспий. 1917. 19 апреля.

⁸⁶ Каспий. 1917. 21 апреля.

⁸⁷ Каспий. 1917. 19 апреля.

Тюркизм превратился лишь в один из компонентов национальной идентичности азербайджанцев, представлявшей исключительно культурную ценность. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, будучи «в понимании истории и культуры тюркистами», мусаватисты в политическом плане боролись за азербайджанскую автономию и независимость⁸⁸. Жизнеспособность и перспективность этой политической концепции была подтверждена созданием многочисленных тюркских республик на просторах бывшей Российской империи, а также провозглашением Атаюрком Турецкой Республики⁸⁹.

И с этого момента требование национально-территориальной автономии стало главной целью Азербайджанского национально-го движения. По существу, «Мусават» был пионером идеи нации и федерализма среди российских мусульман. А азербайджанские тюрки стали примером подражания для всех остальных тюркских и мусульманских народов России.

Значимость этого решения еще больше возрастает на фоне того факта, что в то время подавляющее большинство политических сил Азербайджана выступало против идеи национальной государственности в форме национально-территориальной автономии. В частности, доморощенные исламисты утверждали, что азербайджанские тюрки не имеют права на самостоятельное существование и должны присоединиться либо к Ирану, либо к османским тюркам⁹⁰.

Эти разногласия между различными политическими силами Азербайджана были отражением общей ситуации, сложившейся весной 1917 года в освободительном движении мусульманских народов России, внутри которого шла острая борьба между унитаристами и федералистами. В отличие от федералистов унитаристы предлагали мусульманским народам довольствоваться национально-культурной автономией в рамках централизованного Российского государства.

Это было противостоянием не только двух непримиримых политических направлений, отстаивающих противоположные

⁸⁸ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. Bakı, 2013. C. 4. S. 20.*

⁸⁹ *A.g.e. S. 23.*

⁹⁰ *Rəsulzadə M.Ə. Rəfi-iştibah // Açıq söz. 1918. 2 fevral.*

доктрины будущего государственного устройства – сторонников автономного национально-государственного развития тюркских и мусульманских народов России с поборниками полной интеграции этих народов в российские государственные структуры, но и двух типов идентичности – религиозного и национального. Ведь, по сути, речь шла о двух различных подходах – религиозном и национальном – к решению проблем поработанных народов, для которых было характерно разное видение перспектив нациестроительства среди мусульманских народов России.

В этом смысле противостояние между унитаристами и федералистами было отголоском продолжающейся борьбы между исламистами и националистами. Поэтому не случайно, что немалую часть унитаристов составляли исламисты, которые, выступая за культурную автономию, исходили из того, что все мусульмане России составляют единую нацию. Из тактических соображений серьезную поддержку в этом вопросе исламистам оказывали представители различных социалистических течений, которые всерьез были обеспокоены тем, что федеративная форма правления в России приведет к тому, что народы разбегутся по отдельным «национальным квартирам». А это, в свою очередь, могло еще больше актуализировать национальные проблемы, отодвинув на второй план классовые вопросы. И путем противодействия идее национально-территориальной автономии социалисты пытались не допустить развития событий в данном направлении, поскольку это привело бы к неминуемому ослаблению их политических позиций.

Именно это обстоятельство способствовало формированию весной 1917 года тактического союза исламистов и социалистов различного толка против идеи федерализации России. При этом первые обвиняли сторонников этой идеи в разобщении мусульманских народов России, а вторые – в попытке раскола революционного движения.

Представители этих противоположных направлений в вопросе национально-государственного устройства России столкнулись в решающей схватке на I Всероссийском мусульманском

съезде, проходившем с 1 по 11 мая 1917 года в Москве. Основным докладчиком от унитаристов на съезде выступил Ахмед Цаликов. Примечательно, что А. Цаликов вовсе не отрицал значимость создания национального государства. Наоборот, он открытым текстом заявил, что для достижения «концентрации всей политической силы какой-либо страны необходимо создать национальное государство». Правда, тут же он делал оговорку, что из-за своей отсталости «российским мусульманам не приходится думать об организации единого национального государства»⁹¹.

Поэтому А. Цаликов предлагал идти по другому пути и «создать такую обстановку, чтобы мусульмане могли оказывать влияние на Российское государство». Он был искренне убежден в том, что именно демократическая Россия может стать надежной союзницей исламского мира и способствовать его возрождению. Для реализации этой цели, по мнению А. Цаликова, «необходимо было сохранить единство, целостность и могущество России». Он опасался, что раздробление России на мелкие национальные единицы приведет к соперничеству и конкуренции между различными народами, а это осложнит, или же сделает вовсе невозможным, развитие российских мусульман «по пути свободы»⁹².

Поэтому А. Цаликов считал, что «образование единого централизованного государства в России будет способствовать формированию многомиллионной мусульманской демократии, которая, возглавив российскую государственность, сможет направить ее внутреннюю и внешнюю политику в сторону удовлетворения нужд мусульманских народов страны»⁹³.

Оставив в стороне утопичность подобного утверждения, отметим, что оно было проявлением очень популярной в начале XX века в определенных мусульманских кругах «идеи дружбы и союза между исламским миром и Россией». Несмотря на многовековую борьбу между исламским миром и Россией, сторонники этой идеи считали славян и мусульман естественными союз-

⁹¹ Rusya'da Birinci Müslüman Kongresi. Ankara, 1990. S. 288.

⁹² А.г.е. S. 289.

⁹³ А.г.е. S. 290.

никами в противодействии экспансии европейских держав. При этом они исходили из сходства судеб и общности интересов славянского и тюрко-исламского мира. Они считали, что «славяне точно так же, как и тюрки-мусульмане, не смогли, противодействуя влиятельным и сильным союзам, объединиться и образовать одно сильное государство и остались раздробленными, и вследствие этого большинство из них попало под власть других более сильных народов»⁹⁴.

Активным пропагандистом идеи славяно-тюркского союза была газета «Терджуман». В одной из публикаций газеты, посвященной этой проблеме, в частности, подчеркивалось: «Тюрки-мусульмане и славяне образуют середину между двумя человеческими муравейниками, европейцами и китайцами. В этой широкой равнине Европа и Китай их не оставят в покое. С обеих сторон они хлынут как наводнение, все зальют и подавят. Но европейцы не только покорят грубой силой, они возьмут население в плен своей культурой и своим капиталом». Поэтому газета считала, что «русские и мусульмане должны приготовиться рука об руку встретить нашествие Гога и Магога»⁹⁵.

Свое негативное отношение к реорганизации Российского государства на территориально-федеративных началах А. Цаликов аргументировал также тем, что «территориальный федерализм раздробит политические силы мусульман в России и культурно разобьет отдельные ветви мусульманского населения. В политическом плане это раздробление приведет к тому, что вместо единого национально-политического центра в общероссийском парламенте возникнут несколько региональных центров, каждый из которых будет вести свою собственную политику»⁹⁶. И в конечном итоге «культурное разобъединение выразится во всеобщем отчуждении друг от друга различных тюркских ветвей и тюрков с не тюрками»⁹⁷.

⁹⁴ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 58.

⁹⁵ Там же. С. 59.

⁹⁶ Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920).

Оксфорд, 1985. С. 14.

⁹⁷ Там же.

Будучи последовательным сторонником концепции «единой мусульманской нации», А. Цаликов больше всего был обеспокоен тем, что в результате реализации принципа федерализма «мусульмане России расчленились на многочисленные племена и взамен мусульманского единства возникнут чувства татарства, туркменства, казахства, крымства, башкирства, таджикства и азербайджанства»⁹⁸. При этом он утверждал, что федерализация России, «ослабляя политическую мощь и возможности культурного развития мусульман, в конечном итоге служит империалистическим планам «разделяй и властвуй» и поэтому не соответствует интересам широких слоев мусульманского населения»⁹⁹.

К тому же А. Цаликов считал, что федерализация страны помешает выполнению российскими мусульманами своей исторической миссии. Имея в виду российских мусульман, он подчеркивал, что «... мы стоим на грани двух культур – культуры христианского Запада и культуры мусульманского Востока. Стоя на почве культуры ислама, мы соприкасаемся с самыми величайшими идеями свободы и счастья людей, которыми озарена мысль Запада, и перед нами, российским мусульманством, открывается величайшая миссия распространить на весь мусульманский мир те блага культурного и политического возрождения, которыми мы пользуемся»¹⁰⁰.

А. Цаликов пытался убедить делегатов съезда в том, что в случае федерализации России «выполнить исторические задачи свободного российского мусульманства – возрождение великой культуры Азии и политическое освобождение народов ислама от гнета европейской буржуазии – будет трудно»¹⁰¹.

Опираясь на эти аргументы, А. Цаликов в конце своего выступления констатировал, что «разрешение национального вопроса в России возможно только в форме национально-культурной автономии мусульман с созданием центрального органа – мусульманского национально-культурного парламента»¹⁰².

⁹⁸ Rusya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 146-147.

⁹⁹ Программные документы мусульманских политических партий (1917/1920). С. 15.

¹⁰⁰ Rusya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 290.

¹⁰¹ Программные документы мусульманских политических партий (1917/1920). С. 14.

¹⁰² Там же. С. 15.

Следует отметить, что рабочими языками съезда были объявлены все без исключения тюркские наречия, а также русский язык. При этом характерно, что А. Цаликов предпочел выступить на русском, а М.Э. Расулзаде на литературном тюркском языке¹⁰³.

В своем выступлении на съезде, отражающем позицию федералистов и Азербайджанского национального движения, М.Э. Расулзаде убедительно доказал всю несостоятельность подхода А. Цаликова и его единомышленников к проблемам национально-государственного развития мусульманских народов России. Он убедительными фактами доказал, что унитаристы во главе с А. Цаликовым, по сути, пытаются препятствовать процессу развития национальной идентичности и зачатков собственной государственности у отдельных мусульманских и тюркских народов России.

В этой связи весьма симптоматично, что основные тезисы доклада А. Цаликова были горячо поддержаны представителем партии кадетов, выступавшей за сохранение «единой и неделимой России». Руководитель московского комитета этой партии князь Павел Долгоруков завершил свое приветственное слово на съезде лозунгом «Да здравствует мусульманская нация!». Это вызвало недовольство большинства делегатов, под неодобрительный гул и свист которых П. Долгоруков вынужден был спешно ретироваться из зала заседаний¹⁰⁴.

В отличие от А. Цаликова, для которого конечной целью было культурное и политическое возрождение мусульманского мира, М.Э. Расулзаде уже в начале своего выступления заявил, что он видит будущее человечества в форме свободной федерации наций.

Указав на ошибочность позиции унитаристов в отношении понятия «нация», М.Э. Расулзаде, в частности, сказал: «Иногда можно услышать, что ислам является олицетворением нации. Говорят, что ислам, в отличие от христианства, ставит своих приверженцев в положение национальности, поскольку если спросить любого тюрка, какой он национальности, то он ответит: я

¹⁰³ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 4. S. 171.*

¹⁰⁴ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. C. 4. S. 196.*

мусульманин. Но это ошибочная точка зрения. У людей всегда существует национальное чувство, и оно всегда было связано с их племенной принадлежностью.

Нет сомнения, что ислам, подобно другим религиям, пробудил среди своих приверженцев взаимную связь. Но эта солидарность является признаком не национальности, а интернационализма. Подобно тому как эта связь создала среди христианских народов христианскую культуру, точно так же ислам создал среди народов, принявших эту религию, – мусульманскую культуру. Однако это не означает, что ислам мог организовать из своих приверженцев единую нацию. Подобно тому как нет христианской нации, так же не существует мусульманской нации, а есть нации, исповедующие ислам»¹⁰⁵. М.Э. Расулзаде вновь напомнил, что главным признаком нации является не общность религии, а единство языка, истории, обычаев и традиций¹⁰⁶.

Развивая свою мысль, М.Э. Расулзаде вышел далеко за рамки традиционной концепции о «единой тюркской нации» и фактически подтвердил национальную самобытность отдельных тюркских народов. В частности, он заявил: «Тюрко-татарские нации имеют единое происхождение. Вместе с тем неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. В настоящее время у поволжских татар имеются собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов, подчинившись насилию, не согласится отказаться от своей сущности. Точно так же и азербайджанские турки не откажутся от своего языка, литературы и обычаев»¹⁰⁷.

Эти глубоко продуманные высказывания М.Э. Расулзаде являются иллюстрацией того, что процесс вычленения азербайджанского самосознания из общемусульманского и общетюркского сознания приобрел необратимый характер. Безусловно, можно

¹⁰⁵ Rusya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 298.

¹⁰⁶ A.g.e. S. 164.

¹⁰⁷ A.g.e. S. 166.

спорить о степени зрелости на тот момент национальной идентичности у азербайджанцев, а также о масштабах распространения этого явления среди народных масс. Но ее наличие было уже неоспоримым фактом.

М.Э. Расулзаде подчеркнул, что «формой государственного управления России должна быть демократическая республика, так как многонациональное государство с населением 170 млн. человек, занимающее одну шестую часть суши и простирающееся от Камчатки до Черного моря и от Архангельска до границы с Ираном, не может управляться из единого центра. Поэтому формой государственного устройства России, безусловно, должна быть федерация»¹⁰⁸. Азербайджанский лидер считал, что «Россия должна стать таким зданием, в котором каждая нация имела бы принадлежащую ей собственную квартиру». На основании этих аргументов М.Э. Расулзаде предложил создать национально-территориальные автономии для Азербайджана, Туркестана, Киргизии¹⁰⁹.

Отвергая все домыслы унитаристов о нецелесообразности и даже вредности федерализации России для развития демократии и решения важнейших социально-экономических проблем среди мусульманских народов страны, М.Э. Расулзаде подчеркнул, что «все права человека и демократические свободы, закрепленные в федеральной конституции, будут обязательны для автономий»¹¹⁰. Тем самым была продемонстрирована несостоятельность одного из главных аргументов унитаристов в пользу централизованного государства в России.

Фактически отрицая возможность независимого существования и развития мусульманских и тюркских народов России, унитаристы, сами того не осознавая, подтверждали старые измышления о неспособности этих народов самостоятельно распорядиться своей судьбой. Не случайно, выступая на съезде, М.Э. Расулзаде заявил, что «полагаясь на совесть Керенского,

¹⁰⁸ Rusya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 163-164.

¹⁰⁹ A.g.e. S. 163-164.

¹¹⁰ A.g.e. S. 295.

нам не следует полностью подчинять свою судьбу русской демократии. Необходимо верить в способность нации управлять собою. Нация, отчаявшаяся в собственных возможностях и связывающая все надежды на осуществление своих чаяний с другими, не может существовать как нация»¹¹¹.

М.Э. Расулзаде подчеркивал, что будущая российская государственность должна покоиться на двух началах. Это – общечеловеческие интересы, с одной стороны, и свобода развития отдельных национальностей – с другой. С этой точки зрения он считал, что именно территориальная федерация создает оптимальные условия для свободного национального развития мусульманских и тюркских народов России, а также для раскрепощения их потенциальных возможностей в различных сферах жизни общества.

Что же касается единства тюркских народов, то М.Э. Расулзаде предложил организовать национальный совет из представителей будущих автономных единиц «для осуществления общекультурных национальных задач». Тем самым азербайджанский лидер еще раз продемонстрировал, что является сторонником не политического, а исключительно культурного единства тюркских народов.

Позиция М.Э. Расулзаде была поддержана большинством делегатов съезда. В частности, возражая унитаристам, представитель казахской делегации Дж. Досмухамедов заявил: «Цаликов пытается создать единую мусульманскую нацию, объединив мусульманские народы. Такова суть его доклада. Но возможно ли это? Безусловно, нет! Господин Цаликов не знает, что означает нация»¹¹².

Тем не менее с целью согласования компромиссного варианта текста резолюции о государственном устройстве России была образована специальная комиссия. Однако в ходе ожесточенных дискуссий, которые продолжались в течение нескольких дней, делегатам съезда так и не удалось прийти к общему знаменателю в данном вопросе.

¹¹¹ А.г.е. S. 297.

¹¹² Rusya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 246.

Заключительные дебаты по данному вопросу повестки дня съезда, начавшиеся утром 7 мая, завершились в час ночи уже 8 мая. После прекращения дебатов слово для заключительного выступления вновь было представлено содокладчикам, каждый из которых в очередной раз пытался аргументировать свою правоту. При этом позволяя себе оскорбительные выпады в адрес оппонентов, А. Цаликов был убежден в том, что «искренность и забота о нации» находятся в исключительной монополии его единомышленников. Что же касается тезисов оппонентов из числа федералистов, то А. Цаликов считал их «вредными» для будущего развития мусульманских народов России¹¹³.

Указывая на недопустимость подобного поведения А. Цаликова, М.Э. Расулзаде в своем заключительном выступлении вновь конкретными фактами доказал, что именно национально-территориальная автономия и федерализм является магистральным направлением развития тюрко-мусульманских народов России, способное вывести эти народы на путь свободы и прогресса¹¹⁴.

В конечном итоге было принято решение о внесении на рассмотрение делегатов съезда одновременно двух резолюций, отражающих позиции унитаристов и федералистов. Их авторами являлись соответственно А. Цаликов и М.Э. Расулзаде. Голосование завершилось в 4 часа утра 8 мая 1917 года. Большинство голосов (446 – за, 271 – против) была принята резолюция, подготовленная М.Э. Расулзаде. В ней говорилось: «...формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах»¹¹⁵.

Некоторые «исследователи», выступая с позиции сегодняшних реалий, обвиняют М.Э. Расулзаде в том, что он ограничился лишь требованием национально-территориальной автономии и не выступил за полную политическую независимость Азербайджана. При этом игнорируется тот факт, что весной 1917 года за исключе-

¹¹³ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri*. С. 4. S. 199.

¹¹⁴ А.г.е. S. 199-205.

¹¹⁵ Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920). С. 11.

нием поляков и финнов, которые являлись уже достаточно зрелыми и сформировавшимися нациями, остальные народы России не требовали политической независимости. Например, ведущие политические силы Грузии и Армении ограничивались лозунгом национально-территориальной автономии. Как отмечал в этой связи М.Э. Расулзаде, в тот момент «даже грузины, считавшие себя лидерами кавказской демократии, не стояли на позиции независимости». Более того, обладавшие в то время высоким авторитетом среди народных масс грузинские меньшевики считали «вредным» для революционного дела даже идею федерализации России и «не гнушались при этом применением физической силы в отношении грузинских федералистов, требовавших автономию для Грузии»¹¹⁶.

К тому же М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал, что при слабой центральной власти процесс федерализации неизбежно приведет к распаду страны и приобретению политической независимости национальными окраинами.

Следует обратить внимание и на особую позицию азербайджанских представителей при обсуждении на съезде вопроса создания Всероссийского мусульманского совета с целью «объединения российских мусульман под общим политическим флагом» путем формирования «общей линии поведения и солидарных действий всех политических партий и организаций, имеющих место в среде российских мусульман»¹¹⁷.

Азербайджанские лидеры довольно скептически отнеслись к этой идее, поскольку они считали, что подобный орган может принести пользу только в плане координации религиозной и культурной жизни автономных территорий, а не в области политической деятельности. По их мнению, условия борьбы, уровень зрелости, цели и задачи освободительной борьбы у отдельных мусульманских народов России сильно различались, что делало практически невозможным выработку единого политического курса.

Азербайджанские лидеры во главе с М.Э. Расулзаде понимали тюркское и мусульманское единство прежде всего как совместную

¹¹⁶ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

¹¹⁷ Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920). С. 30.

борьбу за общие цели освобождения этих народов от колониального ига, при этом подчеркивая право каждого из них на самостоятельное национальное существование. В подобном контексте данная идея, придавая устойчивость и внутреннюю цельность движению тюркских и мусульманских народов, позволяла спаянным блоком идти к реализации своих конкретных национальных целей.

В силу этого в ходе прений на съезде по данному вопросу азербайджанские делегаты выразили сомнение в целесообразности создания единого политического центра для всех российских мусульман. Исходя из этих соображений, азербайджанские представители отказались от участия в формировании Всероссийского мусульманского совета (ВМС). Этим обстоятельством не преминули воспользоваться унитаристы. 11 мая 1917 года на пленарном заседании съезда был сформирован Всероссийский мусульманский совет из 30 человек, выбравший свой исполнительный комитет в составе 12 человек. Как и следовало ожидать, унитаристы получили большинство в созданном совете, а Ахмед Цаликов был избран председателем Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета.

Впрочем, дальнейшее развитие событий очень скоро доказало правоту азербайджанских лидеров. Уже к концу лета 1917 года ВМС оказался без опоры, продолжая существовать лишь на бумаге и в выступлениях его руководителей. К тому времени национальные организации в мусульманских регионах, и прежде всего в Закавказье, Крыму и Туркестане, полностью сосредоточились на решении местных проблем, абсолютно забыв о существовании Всероссийского мусульманского центра.

Неудивительно, что подавляющее большинство представителей этих регионов проигнорировали работу II Всероссийского мусульманского съезда, проходившего с 21 по 31 июля 1917 года в Казани. Азербайджанцы, крымские татары и туркестанцы, по выражению Садри Максуди, не захотели «подчинить свои племенные интересы общемусульманским» и не приехали на съезд. Воспользовавшись этим, Ахмед Цаликов и его сторонники попытались подвергнуть ревизии решения предыдущего московского

съезда российских мусульман, и в значительной степени им удалось достичь своей цели. Принятое II Всероссийским мусульманским съездом решение уже предусматривало предоставление «широкой национально-культурной автономии для мусульман внутренней России и Сибири»¹¹⁸. Правда, при этом съезд предоставил «решение вопроса о форме правления Туркестана, Киргизии, Кавказа и Крыма самому населению этих окраин»¹¹⁹.

В ходе казанского съезда А. Цаликов, считавший «вредной и иллюзорной саму идею самостоятельных ханств, эмиратств и республик на окраинах, а федерализм неприемлемым для культурных и политических целей мусульман», не сдержался от язвительных выпадов в адрес М.Э. Расулзаде и его последователей из числа национальных федералистов. В частности, в одном из своих выступлений на этом съезде А. Цаликов с сарказмом заявил: «Конечно, понятна внутренняя сущность деятелей этих племенных и окраинных сепаратистов. Бессильные работать на общей почве, они ищут приходского главенства – это Робеспьеры Чебоксар и Тетюшей... Вред, который приносит общему делу бес честолюбия этих лиц, неисчислим, но нужно думать, что здоровый инстинкт народных масс направит их работу по руслу единения мусульманской демократии. Иначе гибель и позор мусульманам России!»¹²⁰ Однако победа, одержанная на казанском съезде унитаристами над «племенными националистами», оказалась «пирровой», так как жизнь доказала всю несостоятельность их замыслов.

Ирония судьбы заключается в том, что даже наиболее последовательные сторонники идеи национально-культурной автономии, включая самого А. Цаликова, спустя буквально несколько месяцев после казанского съезда российских мусульман, были вынуждены под давлением реалий жизни признать ошибочность своей позиции и переключиться на реализацию идей тех же «окраинных Робеспьеров» по федерализации России.

¹¹⁸ Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920). С. 41.

¹¹⁹ Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920). С. 14.

¹²⁰ Цит. по: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). М., 2004. С. 242.

Так, 5 января 1918 года на заседании Всероссийского Учредительного собрания А. Цаликов выступил с «Декларацией мусульманской социалистической фракции», лидером которой он являлся. В ней констатировалось, что «Совет народных комиссаров оказался бессильным обеспечить народам России свободное развитие и осуществление ими всей полноты национального творчества». Поэтому в декларации требовалось «признать Россию федеративной республикой и санкционировать Учредительным собранием как образовавшихся штатов, так и находящихся в процессе образования, в части штата «Поволжье», «Южный Урал», «Туркестанского» и других»¹²¹.

А уже весной 1918 года, после роспуска Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета, декретом Наркомнаца РСФСР от 22 мая 1918 года А. Цаликов, вернувшийся на Кавказ, стал одним из руководителей Горской республики. В дальнейшем А. Цаликов принимал активное участие в организации вооруженной борьбы кавказских горцев за независимость от России и даже в 1919 году был направлен из Тифлиса в Дагестан для руководства восстанием горцев против армии генерала А.И. Деникина.

Таким образом, М.Э. Расулзаде не только смог правильно определить стратегическое направление развития процессов национально-государственного строительства среди мусульманских народов России, но и своей общественно-политической деятельностью значительно ускорил эти процессы. Ведь во многом благодаря его усилиям на московском съезде российских мусульман победила идея не единой мусульманской нации, а проект формирования отдельных наций на основе существовавших в России мусульманских и тюркских этнических общностей.

В этом отношении М.Э. Расулзаде не только впервые выдвинул и теоретически обосновал идею самобытности азербайджанской нации, т.е. стал основателем проекта азербайджанской нации-государства, но и своей деятельностью на общероссийском уровне в значительной мере способствовал развертыванию про-

¹²¹ Всероссийское Учредительное собрание. М., 1930. С. 58.

цессов нациестроительства у других мусульманских и тюркских народов России.

С этого момента М.Э. Расулзаде фактически превратился в политика общероссийского масштаба. Один из представителей татарской интеллигенции Абдулла Таймас впоследствии отмечал, что выступление М.Э. Расулзаде на I Всероссийском мусульманском съезде оказало огромное влияние на делегатов. По словам А. Таймаса, после этого выступления М.Э. Расулзаде стал любимцем не только азербайджанцев, но и представителей всех других тюркских народов России¹²².

При этом следует учесть, что М.Э. Расулзаде был не только теоретиком, но и практиком, внесшим значительный вклад в дело реализации идеи формирования азербайджанской нации-государства. Даже его политические оппоненты вроде Н. Нариманова признавались в том, что идея азербайджанской независимости ассоциируется с партией «Мусават», лидером которой являлся М.Э. Расулзаде¹²³.

Таким образом, как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «в то время как стамбульские патриоты придерживались этого лозунга (тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться) как некоей теоретической идеи, азербайджанские тюрки взяли его за философскую основу своей политики и возвели в ранг основных принципов национальной политической партии. Согласно этой политической философии, каждая нация должна иметь присущее ей государство и строить свои отношения с другими нациями на основе принципов всемирной федерации»¹²⁴. Идеологическое новаторство М.Э. Расулзаде заключается в том, что, опираясь на идеи тюркизма, он разработал стройную концептуальную систему азербайджанизма – проект создания азербайджанской нации и государственности. Именно борьба за реализацию этого проекта на практике и составила содержание всей последующей политической деятельности М.Э. Расулзаде.

¹²² *Qurbanov Ş. Səmələddin Əfqani və türk dünyası.* Bakı, 1996. S. 153.

¹²³ *Нариманов Н.* Избранные произведения. Баку, 1989. Т. 2. С. 499.

¹²⁴ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени // Хазар. 1990. № 1. С. 50.

ГЛАВА II

НА ЭТАПЕ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ (1917-1920)

*Concordia parvae res crescunt, discordia maximee dilabuntur.
При согласии и малые государства растут,
а при раздорах и великие разрушаются.
Саллюстий*

§ 1. На пути обретения независимости (июнь 1917 года – май 1918 года)

Разработка концепции азербайджанизма была лишь первым шагом на пути создания национальной государственности. Политической элите Азербайджана во главе с М.Э. Расулзаде еще предстояло решить проблему мобилизации народных масс для реализации заложенных в эту концепцию задач. При этом М.Э. Расулзаде, как и его соратники, прекрасно осознавал, что решение этой проблемы сопряжено с многочисленными трудностями, обусловленными прежде всего относительно низким уровнем политического сознания подавляющего большинства азербайджанского населения, а также крайне враждебным отношением действовавших в регионе политических сил к идее национально-территориальной автономии Азербайджана. Не только практически все российские и армянские политические партии, но даже азербайджанские политические организации левого и исламистского направления в тот момент принимали в штыки эту идею.

В этом отношении М.Э. Расулзаде было очевидно, что еще предстоит проделать огромную и тяжелую работу для популяризации провозглашенной после Февральской революции идеи национально-территориальной автономии как среди населения, так

и среди основной части политических сил Азербайджана. Именно задача реализации этой цели делала актуальным создание мощной политической организации с широко разветвленной сетью местных структур по всей территории страны, способной консолидировать и повести за собой народные массы для осуществления идей национальной государственности. И все усилия М.Э. Расулзаде весной и летом 1917 года были направлены на создание подобной политической организации в Азербайджане, способной единолично возглавить национальное движение.

Между тем в первые месяцы после Февральской революции идею национально-территориальной автономии Азербайджана поддерживали лишь две политические организации – «Мусават» и Тюркская партия федералистов. Возглавляемая М.Э. Расулзаде партия «Мусават», вышедшая из подполья после февральских событий 1917 года, в этот момент находилась в состоянии перехода от небольшой, глубоко законспирированной группы к массовой политической организации. А Тюркская партия федералистов (ТПФ) была основана Н. Усуббековым лишь в начале марта 1917 года в Гяндже и, следовательно, находилась на стадии организационного оформления. По этой причине весной 1917 года ни «Мусават», ни ТПФ еще не окрепли настолько, чтобы возглавить национальное движение в Азербайджане.

В этом отношении вполне естественно, что различными кругами азербайджанской общественности с целью консолидации национальных сил делались попытки создать координирующий орган, куда вошли бы представители различных политических сил. Необходимость подобной консолидации диктовалась спецификой условий развития Азербайджанского национального движения, поскольку относительную организационную слабость национального движения в Азербайджане по сравнению, например, с Польшей, Украиной и др. можно было компенсировать лишь сплоченными действиями азербайджанских политических сил, твердо придерживающихся идеалов национального освобождения.

Результатом стремлений национально-демократических сил Азербайджана к консолидации на этапе практической реализации

задач национально-освободительной борьбы стало создание 29 марта 1917 года Временного комитета Бакинских мусульманских общественных организаций, руководителем которого стал М.Г. Гаджинский, а М.Э. Расулзаде был избран его заместителем¹. В воззвании комитета говорилось: «В целях ознакомления широких мусульманских масс с исторической важностью переживаемого момента, объединения всех мусульманских общественных сил путем создания соответствующих организаций для выяснения и популяризации национально-политических идеалов образовался Совет Бакинских мусульманских общественных организаций, который избрал из своей среды Временный комитет, именуемый «Комитетом Бакинских мусульманских общественных организаций»². Временный комитет призвал всех азербайджанских тюрок «забыть личные обиды и разногласия и объединиться вокруг национально-политических лозунгов»³.

Образование Временного комитета стимулировало процесс формирования национальных комитетов на местах. В первые месяцы после февральских событий 1917 года, когда национально-политические организации Азербайджана были еще слабы и неопытны, а политическая дифференциация населения находилась в зачаточном состоянии, эти структуры сыграли незаменимую роль в консолидации и просвещении народных масс, в организации и проведении в Баку I Общекавказского мусульманского съезда, на котором была утверждена политическая программа национального движения.

И уже в апреле 1917 года на I Общекавказском съезде мусульман было принято решение реформировать Временный комитет в единый для всего Закавказья Мусульманский национальный совет с целью «создания солидного национально-политического учреждения, которое взяло бы на себя руководящую роль в деле проведения в жизнь тех национально-политических

¹ Каспий. 1917. 31 марта.

² Каспий. 1917. 6 апреля.

³ *Беленький С. и Манвелов А.* Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). Баку, 1927. С. 33.

задач, которые были определены съездом, и с целью распространения среди народа идей свободы, республиканизма, демократии и федерации»⁴.

Преобразование Временного комитета в Мусульманский национальный совет было осуществлено летом 1917 года путем расширения его состава за счет представителей различных национальных партий, общественных, культурно-просветительных и благотворительных учреждений азербайджанских тюрков. Руководящими органами Мусульманского национального совета были Комитет и Исполнительное бюро. 12 июля 1917 года председателем Комитета был избран А.М. Топчибашев, его заместителями – М.Э. Расулзаде и М.Г. Гаджинский, а секретарем – М.Г. Везиров⁵.

Но с точки зрения консолидации политических сил, выступающих за создание азербайджанской государственности в форме национально-территориальной автономии, наиболее знаковым событием лета 1917 года, несомненно, стало объединение «Мусавата» и ТПФ в единую организацию, во многом определившее направление дальнейшего развития национального движения в Азербайджане.

Безусловно, в первую очередь близость идеологий и политических программ «Мусавата» и ТПФ относительно целей и методов борьбы национального движения послужили прочным фундаментом для слияния двух этих организаций. Однако мировая, в том числе современная азербайджанская, история знает немало примеров, когда политические организации с практически одинаковой идеологией и идентичными целями из-за амбиций своих лидеров зачастую становились заклятыми врагами.

В этой связи нельзя не отметить ключевую роль лидеров «Мусавата» и ТПФ – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова в процессе объединения этих организаций. Тем самым эти две незаурядные личности на деле продемонстрировали свою готовность ставить

⁴ Бельский С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). С. 70.

⁵ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, 1998. С. 83.

национальные интересы и благополучие народа выше собственных амбиций и меркантильных политических интересов. Подобными же принципами они руководствовались и в течение всей последующей своей политической карьеры.

Причем этих двух принципиальных и бескорыстных политиков – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова связывали не только одинаковые идеалы и единый подход ко многим проблемам тогдашней политической ситуации, практически идентичное видение будущего Азербайджана, но и крепкая личная дружба. Именно эти качества двух азербайджанских лидеров, готовых идти на любые жертвы ради национального освобождения азербайджанских тюрок, впоследствии не раз спасали страну от, казалось бы, неминуемой катастрофы. Достаточно отметить, что проявленная в дни июньского кризиса 1918 года со стороны М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова решимость и твердость в деле защиты азербайджанской независимости во многом позволила перечеркнуть планы некоторых политических сил, стремившихся добиться включения Азербайджана в состав Турции.

Думается, что человеческие качества Н. Усуббекова лучше всего характеризует письмо его отца, которое было написано в момент его нахождения на посту премьер-министра Азербайджанской Республики. Еще с молодости Н. Усуббеков принимал активно участие в деятельности действовавших в Гяндже благотворительных и просветительских организаций, жертвуя на эти цели значительную часть своей зарплаты. И это несмотря на то, что он сам нередко сталкивался с серьезными материальными проблемами.

После обретения независимости Азербайджаном, занимая высокие государственные посты, Н. Усуббеков продолжал свою благотворительную деятельность. И по собственному признанию, зачастую даже чувствовал моральный дискомфорт от того, что его зарплата не позволяла ему выделять на благотворительные цели достаточно средств. При этом, несмотря на данное отцу обещание, даже занимая пост премьер-министра страны, он никак не мог накопить средств, необходимых для ремонта собственной

дачи вблизи родной Гянджи. Поэтому вынужден был обратиться к отцу, чтобы тот на свои деньги хотя бы загородил камышом дачный участок. В ответ получил письмо отца следующего содержания: «Дорогой сыночек, я долго терпел, но наконец-то высказусь. Нуждаясь, залезая в долги, я смог дать тебе хорошее образование. Завершив учебу, ты вернулся домой и стал начальником городского управления по провианту. Опять я заботился о тебе. От меня ты требовал только денег. Потом ты стал министром просвещения Сейма в Тифлисе. Твоей зарплаты снова не хватало. Несколько раз просил денег, и я отправлял. Затем вы провозгласили независимость Азербайджана, и ты стал министром просвещения нашей республики. Работал в столице – Баку. Снова твоя зарплата не покрывала твои расходы. Просил денег, и я всегда отправлял. Продал часть принадлежавшей мне земли. Сегодня ты премьер-министр, руководитель государства. Неужели и сейчас камыш для забора твоей дачи я должен купить?»⁶

Первоначальная договоренность об объединении «Мусавата» и ТПФ в единую политическую организацию была достигнута их лидерами – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббековым еще в ходе Общекавказского мусульманского съезда в апреле 1917 года. I Общероссийский мусульманский съезд (1-11 мая 1917 года) в Москве, в котором М.Э. Расулзаде и Н. Усуббеков выступали с единых позиций практически по всем основным вопросам текущего момента, значительно ускорил процесс организационного объединения двух партий.

Окончательное же слияние «Мусавата» и ТПФ произошло 17 июня 1917 года. Новая политическая организация получила название – «Тюркская демократическая партия федералистов – Мусават». В состав объединенного Центрального комитета партии вошли по четыре представителя от «Мусавата» – М.Э. Расулзаде, М.Г. Гаджинский, М. Векилов, М. Рафиев и от ТПФ – Н. Усуббеков, Ш. Рустамбеков, Г. Агаев и М.М. Ахундов⁷.

⁶ *Şeyxzamanlı N. Azərbaycan istiqlal mücadiləsi xatirələri*. Bakı, 1997. S. 112-113.

⁷ *Нәсәнәв С. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sistemində (1918-1920-ci illər)*. Bakı, 1993. S. 33.

Наиболее характерной чертой политической программы объединенной партии было органическое соединение принципа федерализма с целями национального движения. Именно идея федерализма, причем федерализма не на религиозной, а на национальной основе, стала краеугольным камнем политической доктрины партии.

Учитывая, что «Мусават» обладал серьезным влиянием преимущественно среди населения Бакинской губернии, а ТПФ в Гянджинской губернии, их слияние ознаменовало появление на внутривнутриполитической арене сильной общенациональной политической организации, способной единолично возглавить национально-освободительную борьбу азербайджанских тюрок.

Подтверждением этого факта стали итоги первых же выборов, в которых принимала участие объединенная партия «Мусават» во главе с М.Э. Расулзаде. Так, проведенные 22 октября 1917 года выборы в Бакинский Совет продемонстрировали огромный авторитет «Мусавата» среди азербайджанского населения города Баку. Голоса избирателей на этих выборах распределились следующим образом:

«Мусават»	9617 голосов
Эсеры	6305 голосов
«Дашнакцутюн»	5288 голосов
Большевики	3823 голосов
Меньшевики	6878 голосов ⁸

Таким образом, даже в многонациональном Баку «Мусават», значительно опередив другие партии, собрал около 40% голосов избирателей, что отражало реальное соотношение политических сил в городе. Учитывая немалый авторитет партии и в сельских регионах Азербайджана, с большой долей уверенности можно утверждать, что уже к осени 1917 года «Мусават» являлся политическим авангардом национального движения. В этом успехе немалая заслуга, несомненно, принадлежала лидеру партии М.Э. Расулзаде.

⁸ Каспий. 1917. 25 октября.

Победа «Мусавата» на этих выборах сильно напугала большевиков, в чьи планы отнюдь не входило подобное развитие событий, так как оно могло привести к кардинальным изменениям в соотношении политических сил как в Баку, так и в целом по Азербайджану. Поэтому на следующий день после обнародования результатов выборов Бакинский комитет РСДРП(б) объявил их результаты недействительными, мотивируя свое решение якобы допущенными злоупотреблениями в ходе их проведения со стороны национальных сил⁹. Аргументы большевиков были настолько беспочвенными, что даже непримиримые противники «Мусавата» в лице эсеров и меньшевиков отказались поддержать большевиков в данном вопросе.

Выступая на расширенном заседании Бакинского Совета по этому вопросу, М.Э. Расулзаде в категоричной форме отверг все домыслы большевиков относительно допущенных в ходе выборов нарушений. Одновременно он выразил уверенность в том, что «партия «Мусават» имеет такую прочную организацию и влияние среди тюркских рабочих, что на новых пере выборах она получит еще более значительное большинство, чем на октябрьских»¹⁰.

Подобное, мягко говоря, предвзятое отношение к «Мусавату» исходило из самой сути политики большевиков в отношении национальных сил Азербайджана, которые, занимая руководящие посты в Бакинском Совете, сознательно взяли курс на политическую изоляцию азербайджанских демократических сил и прежде всего «Мусавата». Подобная политика большевиков имела далеко идущие трагические последствия. Впрочем, отношение к «Мусавату» других политических сил – эсеров, меньшевиков, не говоря уже о дашнаках, также не отличалось особой терпимостью.

Укрепление авторитета «Мусавата» на политической арене Азербайджана вызывало открытое раздражение всех этих партий, которые видели в лице мусаватистов наиболее серьезных кон-

⁹ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. С. 94.

¹⁰ Бельский С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). С. 193.

курентов в регионе. В этом отношении к еще большему усилению конфронтационных тенденций в их взаимоотношениях способствовали решения I съезда «Мусавата», проходившего с 26 по 31 октября 1917 года в Баку. По своей сути, решения съезда, определившие стратегию и тактику «Мусавата» в предстоящей политической борьбе, и прежде всего принятие новой партийной программы, стали открытым вызовом тем силам, которые принимали в штыки идею национально-территориальной автономии Азербайджана.

Свою вступительную речь на съезде М.Э. Расулзаде начал с анализа тогдашнего положения тюркских народов и в целом мусульманского Востока. Причину отсталости тюркских народов в культурном и политическом отношении он видел «в отсутствии у них национального чувства, желаний и идей». В своей речи он подчеркнул, что «если у общества, нации и даже у отдельного человека не будет определенных целей, стремлений и идей, то они не сумеют двигаться вперед. Следовательно, если у народа нет национальной идеи, то он не сможет консолидироваться в национальную силу»¹¹.

В этом контексте М.Э. Расулзаде видел главное достижение партии «Мусават» в том, что «она сумела сплотить и организовать вокруг себя рабочих, крестьян и прогрессивные классы азербайджанских тюрков» на основе национальной идеи. Отмечая успехи, достигнутые в деле сплочения народных масс, М.Э.Расулзаде вместе с тем призвал своих соратников готовиться к длительной и трудной борьбе за национальное освобождение, поскольку «такие великие и сложные вопросы не разрешаются в течение дней или месяцев». Он напомнил, что «даже у прогрессивных и культурных народов борьба за свободу продолжалась годами». М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что «партия сумеет создать сильную организацию, которая, не потеряв свой путеводной звезды, дойдет до цели»¹².

¹¹ Государственный архив Азербайджанской Республики (далее – ГА АР). Фонд (Ф.) 894. Опись (Оп.). 10. Дело (Д.) 60. Лист (Л.) 2.

¹² ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 60. Л. 3.

Подтвердив стремление азербайджанских тюрков «жить самостоятельно», М.Э. Расулзаде одновременно предупредил, что выдвинутые партией задачи не направлены против других народов: «Мы идем к своим национальным чаяниям, но наше желание не господство над другими нациями или подавление других наций. Наш идеал заключается в том, чтобы жить спокойно и счастливо совместно с другими нациями, быть равноправным членом мирового сообщества и стремиться быть культурной и прогрессивной нацией»¹³. Завершил он свое выступление знаменитой фразой – «свободу людям, независимость народам»¹⁴, впоследствии ставшей основным лозунгом партии в политической борьбе.

Главным вопросом повестки дня съезда было принятие новой программы «Мусавата», в которой подводились итоги пройденного этапа национального движения и определялись задачи партии на новой стадии политической борьбы.

Сердцевину новой программы партии, основные положения которой были сформулированы М.Э. Расулзаде, составлял раздел, посвященный государственному строю страны. В нем утверждалось, что «...самым нормальным и рациональным государством должно считаться государство национальное, ибо ни один народ, не располагающий ни самостоятельностью, ни национальной автономией, не будет в состоянии отстаивать свою культуру и свободу»¹⁵.

По существу, новая программа партии являлась грандиозным проектом переустройства Российского государства на началах национально-территориальной автономии. Выступая на съезде, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что право на национально-территориальную автономию имеют народы, компактно расселенные на определенной территории. Партия, в частности, добивалась автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии, а также объявляла «своей святой обязанностью помочь всеми си-

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917-1920 гг. Баку, 1990. С. 74.

лами другим единоверцам – не тюркам – в получении права на автономию»¹⁶.

Стремление партии добиться территориальной автономии в советской историографии объяснялось желанием лидеров «Мусавата» изолировать Азербайджан от демократических процессов, происходивших в стране, с последующим насаждением в стране средневекового феодально-деспотического режима. Однако содержание программных документов «Мусавата», принятых на первом съезде, показывает, что достижение автономии являлось для партии не самоцелью, а средством построения в стране общества с широким спектром политических и гражданских свобод. Так, партия выступала за гарантированные государством и закрепленные конституцией свободу слова, совести, союзов, собраний и стачек, неприкосновенность личности и имущества. «Мусават» также ратовал за «равенство всех граждан перед законом независимо от их вероисповедания, религиозных толков, национальности, пола и политического убеждения»¹⁷.

Новая программа «Мусавата» провозглашала принцип разделения властей и независимости суда. В ней отмечалось, что суды подчиняются только закону и любое вмешательство исполнительных структур в дела судебных органов карается законом. До утверждения постановлений полномочных судебных органов ни один гражданин не мог подвергаться наказанию¹⁸.

Несостоятельны и обвинения лидеров «Мусавата» в антирусских настроениях. Открывая I съезд партии «Мусават», М.Э. Расулзаде особо отметил, что «свободу тюркам России преподнесла российская революция», и предложил «почтить память жертв этой революции вставанием»¹⁹. Отношение М.Э. Расулзаде к России, по нашему мнению, лучше всего выражают следующие его слова: «Мы не питаем решительно никакой неприязни к русскому народу как таковому, напротив, мы преисполнены по

¹⁶ Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917-1920 гг. С. 76.

¹⁷ Там же. С. 77.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 60. Л. 1.

отношению к нему самых лучших пожеланий. Но вместе с тем мы действительно враги русского империализма, который насильем и захватом, забрав нас в свою колесницу, препятствует нам устраивать свою жизнь и развивать культуру в тех формах, в которых хотим мы сами»²⁰.

Демократические реформы, зафиксированные в принятой съездом программе партии, предстояло реализовывать в очень непростых условиях. Не следует забывать, что Азербайджан был частью исламского мира, и демократические идеи приходилось осуществлять в существенно иной социальной среде по сравнению с условиями Западной Европы, где эти идеи первоначально сформировались. Это серьезно затрудняло задачу М.Э. Расулзаде и его соратникам, которым предстояло применить созданные в Европе идеи в довольно самобытной обстановке, характеризующейся сохранением сильных позиций клерикально-религиозного мышления.

Особенность исламизации, охватившей буквально все сферы жизнедеятельности азербайджанского общества, состояла в том, что религиозная догматика, отрицая свободу воли, не приемля индивидуализм, ставя веру выше логики и научных знаний, тем самым сковывала инициативу человека, тормозила развитие производительных сил, общественной мысли и в конечном итоге – конкурентоспособности азербайджанской нации.

Как справедливо отмечает известный исследователь М.Н. Губогло, когда все законы заданы Кораном, сама эта догматика превращается в тормоз для инноваций и развития социума. Для того чтобы подул свежий ветер модернизаций или хотя бы частичного реформирования, надо было пробить стену устоявшейся системы ценностей, которые прочно были вплетены в ткань традиционной культуры, особенно в ткань духовного ядра этой культуры²¹. В этой ситуации только преодоление этих норм и, следовательно, посягательство на незыблемость конфессиональной идентичности открывали путь к реформам и модернизации азербайджанского общества.

²⁰ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 22.

²¹ *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. С. 284.

По этой причине неудивительно, что М.Э. Расулзаде был последовательным приверженцем секуляристских идей. Он выступал за вытеснение или, по крайней мере, за максимальное ограничение деятельности клерикалов в сферах, не имеющих непосредственного отношения к отправлению религиозного культа. В этом отношении достаточно характерно его выступление на I съезде «Мусавата», в котором он в категоричном тоне заявил: «Человек, входя в мечеть, должен забыть политику, партию, идею и молиться только Богу. И вообще, духовенство не должно заниматься политикой и в политической борьбе мечеть должна быть нейтральна»²².

Являясь убежденным сторонником светского государства, М.Э. Расулзаде настоял на включении в программу партии специального пункта, который гласил: «Правительство не должно отдавать предпочтение ни одной вере, ни одному толку и покровительствовать одной религии в ущерб другой»²³. Тем самым была заложена основа предстоящего отделения церкви от государства в Азербайджанской Республике.

Таким образом, как свидетельствуют итоги съезда, концепция азербайджанизма, основные положения которой были сформулированы М.Э. Расулзаде, официально была утверждена в качестве политической доктрины «Мусавата». В целом программа партии «Мусават» «представляла собой органический синтез национально-освободительных идей Востока с культурными и демократическими течениями Запада»²⁴.

Опираясь на общечеловеческие ценности и учитывая исторические и культурные традиции родного народа, М.Э. Расулзаде разработал целостную концепцию национального развития, которая в конечном итоге, по его замыслу, должна была способствовать вхождению азербайджанских тюрок в семью цивилизованных и развитых народов мира. Именно это составляло со-

²² ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 60. Л. 12.

²³ Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917-1920 гг. С. 77.

²⁴ Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 11.

держание концепции азербайджанизма, зафиксированной в программе «Мусават».

На съезде М.Э. Расулзаде был избран официальным лидером – председателем Тюркской демократической партии федералистов «Мусават». Делегаты съезда поручили новоизбранному составу ЦК партии во главе с М.Э. Расулзаде «принять меры в направлении практической реализации национально-территориальной автономии Азербайджана и с этой целью поднять перед Национальным комитетом вопрос о созыве Учредительного собрания Азербайджана»²⁵.

Данное решение было открытым вызовом большевикам, которые, несмотря на все декларативные заявления о своей приверженности праву народов на самоопределение, в реальной действительности проводили политику, направленную на укрепление централизованного государства в России. В этой связи нельзя умалчивать об инсинуациях различных авторов, которые утверждают, что в начальный период после октябрьского переворота 1917 года партия «Мусават» и ее лидер М.Э. Расулзаде якобы придерживались пробольшевистской позиции. Поводом для подобного рода утверждений служат отдельные факты совпадений в этот период позиций «Мусавата» и большевиков по некоторым вопросам.

Авторы подобного рода измышлений сознательно замалчивают тот факт, что мотивации одинакового отношения этих партий к тем или иным событиям политической жизни были диаметрально противоположны, и подобные совпадения были обусловлены не идентичностью их стратегических целей, а политической конъюнктурой текущего момента.

В частности, речь идет о том, что после октябрьского переворота 1917 года в Баку создалась ситуация, когда одновременно две организации – возглавляемый меньшевиками, эсерами и дашнаками Комитет общественной безопасности и Бакинский Совет, контролируемый большевиками, претендовали на власть в городе.

²⁵ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 60. Л. 17-18.

В этой сложной и во многом запутанной политической ситуации в Баку азербайджанские национальные организации, и в частности «Мусават», стояли перед трудной дилеммой, какую из противоборствующих организаций поддержать – Комитет общественной безопасности или Бакинский Совет? Положение осложнялось тем обстоятельством, что ни одна из этих организаций не отличалась особым дружелюбием в отношении азербайджанских политических партий и их целей. Фактически лидерам «Мусавата» предстояло выбрать наименьшее из двух зол. От правильного выбора в этом вопросе в немалой степени зависела дальнейшая судьба не только «Мусавата», но и национального движения в целом. В сложившейся ситуации главная задача, стоящая перед руководством «Мусавата» как ведущей силы национального движения, заключалась в том, чтобы, используя противоречия между меньшевиками, эсерами и дашнаками, с одной стороны, и большевиками, с другой, избежать опасности борьбы одновременно на двух фронтах, что имело бы губительные последствия для партии.

Лидеры «Мусавата» прекрасно понимали, что приход к власти меньшевиков и эсеров, проповедовавших идею «единой и неделимой России», не говоря уже о дашнаках, чья националистическая политика своим острием была направлена против азербайджанцев, еще больше затруднит достижение основных целей национального движения.

Безусловно, позиция большевиков в национальном вопросе, по сути, мало чем отличалась от позиции меньшевиков и эсеров. И лидеры «Мусавата» не были настолько наивны, чтобы питать особые иллюзии относительно реализации декларативных заявлений большевиков о праве наций на самоопределение. Однако в отличие от меньшевиков и эсеров большевики, в тот период не укрепившие еще свою власть на местах, вынуждены были, жонглируя идеей национального самоопределения, заигрывать с азербайджанскими политическими силами и в первую очередь – с «Мусаватом». А это давало «Мусавату» определенную возможность для маневра, отказ от которой в тогдашних условиях мог

привести к полной изоляции партии на политической арене и в значительной степени к подрыву ее позиций.

Руководствуясь именно этими соображениями, партия «Мусават» заявила «о невозможности для себя участвовать в Комитете общественной безопасности», что и предопределило ее судьбу²⁶. Заручившись поддержкой «Мусавата», большевики 12 ноября 1917 года на заседании Бакинского Совета добились принятия решения о роспуске Комитета общественной безопасности, и последнему ничего не оставалось, как подчиниться этому решению.

Таким образом, поддержка, оказанная мусаватистами большевикам в их соперничестве с Комитетом общественной безопасности за власть в городе, отнюдь не являлась свидетельством близости политических курсов двух партий, а была лишь тактическим ходом «Мусавата», направленным на получение временной передышки для укрепления своих позиций. Следует также не забывать, что соотношение вооруженных сил в Баку в тот момент было явно не в пользу национальных сил Азербайджана. И вообще, в силу объективных причин военная сфера была ахиллесовой пятой азербайджанских турков. Для наверстывания отставания в этой сфере требовалось определенное время, которое и было получено в результате вышеупомянутого решения «Мусавата».

Подтверждением тому являются слова М.Э. Расулзаде, высказанные с трибуны Бакинской городской думы. Он, объясняя позицию своей партии, в частности, заявил: «Партия «Мусават» относится осторожно к вопросу об организации власти и боится вызвать конфликт, который зажег бы весь Кавказ. Вот ввиду опасности такого столкновения она не возражает против власти Совета, тем более что придет время, когда организованная сила безболезненно разрешит вопрос о власти»²⁷.

Еще более откровенно по этому поводу М.Э. Расулзаде высказался впоследствии. Выступая на одном из заседаний Закавказского сейма, он сказал: «Я должен сделать некоторые разъяс-

²⁶ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. С. 110.

²⁷ Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. 1917-1918. Баку, 1927. С. 123.

нения по поводу того, что партия «Мусават» поддерживала большевиков в городе Баку. В силу специфических, особых условий город Баку всегда, как пункт большого гарнизона, стоял за большевиков или за большевистски настроенных лиц, и наша партия принуждена была придерживаться этой политики, чтобы не подвергать Баку таким эксцессам, которые могли бы раскатиться кровавым эхом во всем Закавказье. Исходя из такого тактического соображения, партия «Мусават» в то время, когда большевики грозили своими солдатскими массами не только Баку, но всему Закавказью, и когда все партии, даже отъявленные противники большевиков, считали нужным придерживаться того или другого тактического курса, – партия «Мусават» вынуждена была в этом отношении придерживаться известных тактических приемов»²⁸.

Несомненно, временная передышка, полученная «Мусаватом», не могла быть длительной. Партия «Мусават» и большевики как в идеологическом, так и в политическом плане представляли собой две антагонистические противоположные политические силы. «Мусават» объявлял своей стратегической целью создание национального государства, в то время как, по мнению стратегов большевистской партии, национальное государство «было уже пройденным этапом мировой истории»²⁹.

В этом контексте поддержка, оказанная «Мусаватом» большевикам в ликвидации Комитета общественной безопасности, имела эпизодический характер и была обусловлена ситуативными факторами. В силу этих причин вряд ли можно было говорить о «серьезном сотрудничестве» между большевиками и мусаватистами, что и подтвердили последующие события.

Так, уже 18 ноября 1917 года большевики на заседании Бакинского Совета аннулировали результаты октябрьских выборов в эту структуру. Это был шаг, направленный непосредственно против «Мусавата», так как на этих выборах мусаватисты одержали убедительную победу. И в дальнейшем отношения между мусаватистами и большевиками имели устойчивую тенденцию

²⁸ Закавказский сейм. Стенографический отчет. 20 марта 1918 года. Тифлис, 1919. С. 36.

²⁹ Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б). М., 1958. С. 207.

ухудшения, что в конечном итоге привело к мартовской трагедии 1918 года.

Существенное значение для характеристики взаимоотношений между мусаватистами и большевиками в исследуемый нами период имеет позиция «Мусавата» по вопросу центральной власти в стране. Отказываясь признать новую большевистскую власть в лице Совета народных комиссаров РСФСР, партия «Мусават» всегда выступала за передачу всей полноты власти Всероссийскому Учредительному собранию и приняла активное участие на выборах в эту структуру.

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание были проведены в Закавказье 26-28 ноября 1917 года. Интерес к ним был обусловлен тем, что это были первые после свержения царизма выборы, проводимые в общегосударственном масштабе, которые позволяли выявить как степень поддержки азербайджанскими тюрками целей и задач национального движения, так и раскрыть реальное соотношение сил между различными политическими группировками Азербайджана.

Будучи последовательным поборником идеи национального единства и пытаясь предотвратить распыление голосов избирателей-азербайджанцев среди различных организаций, М.Э. Расулзаде предложил всем азербайджанским политическим партиям и организациям выступить единым списком на предстоящих выборах в Учредительное собрание. Хотя подавляющее большинство политических сил Азербайджана, мягко говоря, прохладно отнеслось к этому предложению, тем не менее оно дало определенные результаты. Так, именно в ходе предвыборной кампании во Всероссийское Учредительное собрание окончательно оформился блок «Мусавата» с «независимой демократической группой» во главе с видными деятелями национального движения азербайджанских тюрков А.М. Топчибашевым и Ф. Хойским. Создание данного блока стало очередным проявлением дальнейшей консолидации основных национально-демократических сил Азербайджана вокруг партии «Мусават».

На выборах во Всероссийское Учредительное собрание в качестве самостоятельной политической силы принимали участие в основном четыре азербайджанские организации – «Мусават», «Мусульманский социалистический блок», меньшевистский «Гуммет» и исламистский «Иттихад». Из них только «Мусават» принципиально выступал за создание азербайджанской государственности в форме национально-территориальной автономии, а остальные три партии предлагали ограничиться национально-культурной автономией. На этой почве в ходе предвыборной кампании «Мусават» подвергался жесткой критике как со стороны партий социалистического направления, так и со стороны исламистов.

Характеризуя положение «Мусавата» в ходе выборов во Всероссийское Учредительное собрание, М.Э. Расулзаде писал: «Справа нам говорили, что, выдвигая лозунг азербайджанизма, мы разделяем мусульман, возвышая флаг азербайджанизма, мы разрушаем основы ислама. А слева нас обвиняли в том, что, требуя автономии Азербайджана, мы способствуем разложению единого демократического фронта»³⁰.

Острое недовольство клерикальных кругов вызвало и предложение «Мусавата» о необходимости предоставления женщинам равных с мужчинами прав. По мнению исламистов, это было проявлением «распутства и вероотступничества». В тогдашних условиях сохранения в общественном сознании сильных религиозных предрассудков это было довольно серьезное обвинение.

Тем не менее находившееся в начале XX века лишь на начальном этапе модернизационных процессов азербайджанское общество продемонстрировало неплохую готовность к восприятию демократических ценностей, составлявших суть предвыборной платформы «Мусавата», обеспечив оглушительную победу партии на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Это свидетельствовало о готовности азербайджанского общества к восприятию демократических идей и ценностей Запада. Данный факт является лишним подтверждением необоснованности до сих пор бытующего в определенных кругах мнения о чуть ли не гене-

³⁰ *Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 114.*

тической несовместимости мусульманских народов и демократических ценностей.

Дело в том, что утверждение в том или ином обществе демократических традиций отнюдь не является стихийным процессом, как это, на первый взгляд, может показаться. В каждом конкретном случае оно является результатом колоссальных усилий политической и интеллектуальной элиты в направлении пропаганды и внедрения во все сферы жизнедеятельности общества демократических начал. Между тем политическая элита исламских стран, как правило, никогда не проявляла особого интереса к демократическим ценностям, не без основания считая их угрозой для своей монополии над государственными структурами. Элиты восточных обществ в лучшем случае использовали демократическую риторику с целью достижения своих политических целей, после чего приемы имитации демократии отбрасывались в сторону как ненужная вещь. Именно это обстоятельство является главной причиной того, что попытки модернизации восточных обществ, как правило, терпели неудачу.

В этом отношении весьма характерной является одна из ранних публикаций М.Э. Расулзаде, напечатанная в 1908 году на страницах газеты «Иршад». Статья написана в форме диалога между двумя лицами. В ней обладающий большим жизненным опытом некто Мирза Юсиф упрекает своего молодого племянника Гахрамана за его активную политическую деятельность:

– «Мирза Юсиф: Ради кого ты жертвуешь собой? Ради этого народа, который не в состоянии отличить добро от зла? Дорогой, ты плохо знаешь этот народ. Какими бы правильными, честными и искренними ни были бы твои намерения, если у тебя нет тюрбана на голове, в поясе пистолета, а в кармане денег, они не будут слушаться тебя!

– Гахраман: Дядя, по-моему, вы ошибаетесь. Правда, наши люди непросвещенные, невежественные и неграмотные, преклоняются перед тюрбанами, медалями, пистолетами и деньгами. Все это правильно. Но из этого вовсе не следует, что мусульмане не готовы воспринимать идеи свободы. Из вашей логики следует,

что необходимо подождать до того времени, когда мусульмане будут готовы к свободе. Но это время никогда не наступит, если образованная часть общества не начнет воспитывать население в духе свободы. Мусульманское население является весьма плодородной почвой, чтобы сеять в ней семена культуры. Чувствуется нужда лишь в опытном земледельце, способном вспахать и засеять эти земли. А этими земледельцами являемся мы, молодое поколение нации. Дядя, разве ты не замечаешь, как наши соседи – грузины, армяне, евреи и русские жертвуют собою ради народа?

– Мирза Юсиф: Вот и я об этом говорю... Армяне, грузины и другие способны по достоинству оценить самоотверженность этих людей. А мы готовы к этому?

– Гахраман: Кто и когда пожертвовал собой, а народ остался безучастен к его поступку? Людей можно научить относиться благодарно к подобным поступкам лишь на собственном примере самопожертвования. Безвозмездно ничего не получится. Жертвуй собой, и будешь оценен»³¹.

Уникальность ситуации, сложившейся в начале XX века в Азербайджане, заключалась в том, что на политической арене доминировала целая плеяда выдающихся деятелей – М.Э. Расулзаде, Н. Усуббеков, А.М. Топчибашев, Ф. Хойский и др., для которых демократические принципы служили не средством реализации своих меркантильных политических интересов, а являлись способом модернизации азербайджанского общества и достижения национального прогресса. Неудивительно, что народные массы в целом отвечали им той же искренностью.

Подтверждением тому являются итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Блок «Мусавата» с независимой демократической группой, намного опередив другие азербайджанские партии, вышел на общее второе место в Закавказье. По их итогам грузинские меньшевики получили 661 934 голоса (26,9% от общего числа избирателей), мусаватисты – 615 816 (25,1%), дашнаки – 558 400 (22,7%), «Мусульманский социалистический блок» – 159 770 (6,5%), эсеры – 117 522 (4,8%),

³¹ Irşad. 1908. 15 aprel.

большевики – 95 581 (3,9%), меньшевистский «Гуммет» – 84 748 (3,5%) и «Иттихад» – 66 504 (2,7%)³².

Выборы показали, что партия «Мусават» обладает наибольшим рейтингом среди азербайджанских масс. Об этом свидетельствовал, в частности, тот факт, что 66,5% голосов, поданных за азербайджанские национальные партии, приходились на долю «Мусавата». Для сравнения отметим, что занявший второе место среди азербайджанских партий «Мусульманский социалистический блок» получил 17,2%, а меньшевистский «Гуммет» и «Иттихад» соответственно – 9,1% и 7,2% голосов, отданных за азербайджанские партии. Поддержка, оказанная «Мусавату» во время этих выборов, означала, что подавляющее большинство азербайджанского общества выступало за предоставление национально-территориальной автономии Азербайджану и за осуществление кардинальных демократических преобразований.

Анализ результатов выборов выявил еще одну немаловажную деталь. «Мусават» стал единственной азербайджанской партией, добившейся относительно равных результатов повсеместно во всех регионах Азербайджана. Это было показателем общенационального характера партии. Между тем остальные азербайджанские партии имели твердую опору лишь в отдельных регионах. Так, «Мусульманский социалистический блок» и меньшевистский «Гуммет» в основном пользовались популярностью среди жителей западных районов Азербайджана. А «Иттихад» более 2/3 голосов в ходе выборов во Всероссийское Учредительное собрание получил в трех уездах – Бакинском, Ленкоранском и Геокчайском³³.

Следует отметить, что итоги выборов в Учредительное собрание как в закавказском, так и в общероссийском масштабе оказались весьма удручающими для большевиков, которые получили лишь 23,9% голосов, а большинство в Учредительном собрании досталось блоку эсеров и меньшевиков.

³² Закавказский сейм. Стенографический отчет, 19 февраля 1918 года. С. 5.

³³ Бельский С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). С. 237.

Данное обстоятельство лишило большевиков возможности превратить Учредительное собрание в послушный придаток советской власти. Первое же заседание Учредительного собрания, открывшееся 5 января 1918 года в Петрограде, продемонстрировало нежелание этого органа следовать большевистским пожеланиям, и вечером 6 января 1918 года Всероссийский ЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

Разгон Учредительного собрания, на которое возлагались особые надежды в решении национального вопроса в России, лишь усилил центробежные тенденции в стране, спровоцировав процесс отпадения национальных окраин, в том числе Закавказья, от центра. 22-23 января 1918 года в Тифлисе состоялось заседание избранных от Закавказья членов уже бывшего Учредительного собрания. Охарактеризовав обстановку в центре России как анархию и хаос, политические представители трех закавказских народов приняли решение «организоваться на местах» путем созыва регионального законодательного органа – Закавказского сейма³⁴.

С целью увеличения количества членов Закавказского сейма было решено снизить «избирательный метр» для одного депутата с 62 044 до 20 681 голоса. Это позволило путем кооптации увеличить численный состав Сейма в три раза. В итоге места в Сейме между различными политическими партиями распределились следующим образом: грузинские социал-демократы – 32, мусаватисты – 30, дашнаки – 27, «Мусульманский социалистический блок» – 7, эсеры – 5, большевики и «Гуммет» (меньшевики) – по 4, «Иттихад» – 3, грузинские федералисты, кадеты и грузинские национал-демократы – по 1 месту³⁵. Таким образом, азербайджанские политические партии получили в общей сложности 44 места, а «Мусават» обладал второй по численности фракцией в Закавказском сейме. Из всех приглашенных партий только большевики отказались участвовать в деятельности Сейма, первое

³⁴ *Ментешаивили А.М.* Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии. 1917-1921. Тбилиси, 1987. С. 72.

³⁵ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 19 февраля 1918 года. С. 6.

заседание которого состоялось 23 февраля 1918³⁶ года в Тифлисе. Лидером мусаватской фракции в Закавказском сейме был утвержден М.Э. Расулзаде, а его заместителями – Н. Усуббеков и М.Ю. Джафаров.

Таким образом, при решении вопроса о власти в закавказском масштабе «Мусават» поддержал те политические силы, которые отказались признать новую большевистскую власть в Петрограде. Более того, среди представленных в Закавказском Сейме политических сил именно фракция «Мусават», возглавляемая М.Э. Расулзаде, выступала с наиболее радикальных позиций в вопросах определения полномочий, целей и задач Сейма.

Так, 5 марта 1918 года, выступая на пленарном заседании Сейма, М.Э. Расулзаде заявил, что, «по его взгляду, Закавказский сейм является Учредительным собранием и как Учредительное собрание должен заниматься выработкой конституции Закавказья и определением функций отдельных территориальных единиц»³⁷. Далее он подчеркнул, что «в основе центральной краевой власти – федеративная власть, и значит, мы, по существу, должны принять во внимание основы федерации всех закавказских народностей. Власть должна быть коалиционной, и в эту коалицию должны быть вложены остальные элементы, которые обеспечивали бы федерацию и координацию всех народностей Закавказья»³⁸. М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «только признание Сейма Учредительным собранием способно «привести народы Закавказья к дружеской федеративной солидарной жизни»³⁹.

Очевидно, что эти предложения М.Э. Расулзаде были направлены на ускорение процесса децентрализации страны и, следовательно, на ослабление уз, связывающих Закавказье с Россией. В этой связи неудивительно, что среди депутатов Закавказского сейма М.Э. Расулзаде был одним из самых последовательных сторонников объявления независимости Закавказья. Однако

³⁶ С 14 февраля 1918 года все даты указаны по новому стилю.

³⁷ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 20 февраля 1918 года. С. 27-28.

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ Там же. С. 29.

подавляющее большинство членов Сейма в тот момент еще не были готовы к принятию решения об окончательном отделении Закавказья от России.

В подобном развитии ситуации не были заинтересованы не только грузинские и армянские депутаты Сейма, но и представители остальных азербайджанских партий. Они считали Закавказский сейм «временным органом для ликвидации некоторых спешных вопросов»⁴⁰. По этой причине они предлагали отложить созыв Учредительного собрания и выработку конституции Закавказья на неопределенное время.

Между тем в декларации фракции «Мусават», обнародованной в Сейме, предлагалось «не медлить с децентрализацией власти, не смущаться национализации отдельных сфер государственной жизни». При этом ближайшей своей задачей фракция ставила «практическое осуществление национально-территориальной автономии в Азербайджане»⁴¹. Выражая политическое кредо партии, М.Э. Расулзаде 1 марта 1918 года с трибуны Закавказского сейма недвусмысленно заявил: «Мы требуем, чтобы мы, как народ, были представлены самим себе»⁴². Эта цель была квинтэссенцией всей деятельности «Мусавата» и его лидера в Закавказском сейме.

Как впоследствии отмечал М.Э. Расулзаде, «в ходе обнародования партийных деклараций на первом заседании Закавказского сейма ни иттихадисты, ни социалисты (имеются в виду представители «Мусульманского социалистического блока» и меньшевистского «Гуммета». – *А.Б.*) не выступали от имени Азербайджана. Только в декларации партии «Мусават» подчеркивалась необходимость создания и определения компетенции краевой федеративной власти путем делегирования в нее части полномочий правительств Азербайджана, Грузии и Армении»⁴³.

Столь принципиальная позиция М.Э. Расулзаде и членов мусаватской фракции в Закавказском сейме по отстаиванию идеи

⁴⁰ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 15 февраля 1918 года. С. 12.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 31.

⁴³ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

национально-территориальной автономии Азербайджана в составе независимого Закавказского государства противоречила стратегическим планам большевиков. Тем более что центром азербайджанской автономии должен был стать Баку, который рассматривался большевиками в качестве «опорного пункта» для распространения своей власти по всему Закавказью.

Не следует также игнорировать огромную экономическую значимость нефтяной промышленности Баку. Поэтому контроль над нефтяным Баку была заветной мечтой любой политической силы, стремящейся к доминированию на Южном Кавказе. В этом смысле именно в Баку решался вопрос жизни и смерти большевистской власти в Закавказье. В силу этих причин большевики никак не могли допустить создания азербайджанской автономии со столицей в Баку, к тому же под руководством «Мусавата». Не случайно, что руководитель бакинских большевиков С.Г. Шаумян это вполне естественное требование «Мусавата» интерпретировал как «мечту азербайджанских националистов» сделать Баку «столицей Азербайджанского ханства»⁴⁴.

По словам М.Э. Расулзаде, большевики открыто заявляли, что «вы не размышляйте об автономной федерации, ибо ваша автономия будет неприемлема как для российской демократии, так и для российской буржуазии, правда, по различным мотивам. И в заключение вы получите не автономию, а груды развалин, как имеют ее армяне в Турции, как достигли ее дашнакцаканы в Турции»⁴⁵.

При этом большевиков особенно тревожил стремительный рост политического авторитета и популярности среди народных масс партии «Мусават». Эти успехи были настолько внушительными, что их вынуждены были признать даже самые непримиримые противники «Мусавата» в лице большевиков. Как в этой связи отмечал С.Г. Шаумян, «с самого начала самая слабая политическая партия в Закавказье – «Мусават», которая сформировалась во время Февральской революции, которая не имела

⁴⁴ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М., 2008. С. 14.

⁴⁵ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 54.

никаких организаций, никаких партийных традиций, никакой власти, которая не играла никакой роли в начале революции, к началу второго года оказалась самой сильной политической партией в Закавказье»⁴⁶.

По этой причине большевики решили, не дожидаясь дальнейшего укрепления позиций партии «Мусават», нанести превентивный удар по национальным силам Азербайджана с целью их полного разгрома. Вполне закономерно, что местом нанесения такого удара большевиками был выбран именно Баку. Ведь, по выражению М.Э. Расулзаде, «Баку был центром Азербайджанского национального движения, которое большевистская партия хотела уничтожить»⁴⁷.

Большевикам и их союзникам – дашнакам необходим был лишь удобный случай для развязывания вооруженной борьбы против азербайджанцев в Баку, который вскоре и представился. Им стал инцидент с пароходом «Эвелина», на котором 27 марта 1918 года в Баку прибыли офицеры и солдаты конного полка Азербайджанской дикой дивизии во главе с генералом Талышинским. Они намеревались участвовать в похоронах своего сослуживца, сына известного азербайджанского предпринимателя и мецената Г.З. Тагиева – Мамеда Тагиева, погибшего в результате неосторожного обращения с оружием.

После похорон своего сослуживца и оказания ему последних военных почестей вечером 29 марта 1918 года солдаты и офицеры дикой дивизии собирались на пароходе «Эвелина» отплыть обратно в Ленкорань, который находится в 270 км к югу от Баку, на берегу Каспийского моря. Однако руководители Бакинского Совета не разрешили капитану парохода «Эвелина» отойти от пристани, потребовав от солдат и офицеров дикой дивизии в течение 24 часов сдать оружие представителям Исполнительного комитета Бакинского Совета⁴⁸.

⁴⁶ *Шаумян С.Г.* Избранные произведения. М., 1978. Т. 2. С. 291.

⁴⁷ *Rəsulzadə M.Ə.* Azərbaycan cümhuriyyəti. S. 33.

⁴⁸ *Балаев А.* Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. С. 25.

Разоружение азербайджанских военнослужащих, к тому же собирающихся отплыть в Ленкорань, вызвало справедливое возмущение азербайджанского населения Баку и его окрестностей, фактически беззащитного перед расквартированными в городе многотысячными вооруженными формированиями большевиков и партии «Дашнакцутюн».

И уже утром 30 марта 1918 года в различных районах города стали возникать стихийные митинги протеста азербайджанцев, участники которых вполне обоснованно требовали возвращения конфискованного у азербайджанских военнослужащих оружия или же одновременного разоружения находящихся в Баку армянских формирований.

Именно в этой напряженной атмосфере в городе было получено сообщение об обстреле отряда красноармейцев. Как впоследствии выяснилось, обстрел конного отряда Красной Армии был совместно разработанной и осуществленной провокацией большевистско-дашнакского альянса, и выстрелы в сторону красноармейцев были произведены армянскими солдатами.

Воспользовавшись этой провокацией, руководители Бакинского Совета дали команду своим вооруженным формированиям незамедлительно начать крупномасштабную военную операцию в азербайджанских кварталах Баку. Собственное признание С.Г.Шаумяна свидетельствует о том, что большевикам нужен был лишь повод: «Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... у нас были уже вооруженные силы около 6 тысяч человек. У «Дашнакцутюн» имелось также около 3-4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Если б они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана»⁴⁹.

Под предлогом борьбы с мусаватистами большевистско-дашнакские отряды фактически вели целенаправленное уничто-

⁴⁹ Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 246.

жение мирного населения, жертвами которого только в Баку и его окрестностях стали более 12 тыс. мирных азербайджанцев⁵⁰. Начавшиеся вечером 30 марта 1918 года, эти азербайджанские погромы в городе продолжались фактически в течение недели.

Мартовские события 1918 года были обусловлены стремлением большевистско-дашнакского альянса к полному уничтожению национальных сил во главе с партией «Мусават», ратовавших за создание азербайджанской автономии. Развязав мартовские события, они стремились убрать с пути «Мусават», чтобы обезопасить свою власть в Азербайджане.

К сожалению, на протяжении десятилетий мартовские события 1918 года в советской историографии преподносились как спровоцированная якобы мусаватистами гражданская война. Доказывая «бездосновательность» подобных обвинений, лидер «Мусавата» М.Э. Расулзаде резонно отмечал, что «для объявления войны нужно было располагать хоть какой-нибудь физической силой, которой у «Мусавата» не было»⁵¹.

Этот факт подтверждают не только многие зарубежные, но даже некоторые советские исследователи. В частности, Я. Ратгаузер в своей работе «Революция и гражданская война в Баку», изданной в середине 20-х годов XX века, пишет: «Регулярных воинских частей у партии «Мусават» к началу событий в городе не было. Мусаватские силы, находившиеся в районах, не были своевременно подтянуты к городу. Мы предполагаем, что руководящее ядро партии «Мусават» не ожидало начала боя в день 30 марта»⁵².

Тогдашние лидеры большевиков и дашнаков в Баку обвиняли «Мусават» также в том, что он спровоцировал мартовские события 1918 года своей приверженностью к идее автономии Азербайджана. Отвечая на подобные обвинения, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «это, может быть, похоже отчасти на правду, по-

⁵⁰ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. С. 32.

⁵¹ Азербайджан. 1919. 6 декабря.

⁵² Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. 1917-1918. С. 145.

скольку если бы мы покорно гнули головы перед врагами нашей свободы, не было бы, может быть, этих событий»⁵³.

При этом М.Э. Расулзаде открыто признает, что «мы этого сделать не могли. Мы открыто в то время требовали автономию для Азербайджана. Этим мы увеличивали число своих врагов. Наши враги говорили, что автономию Азербайджана желают некоторые лица для своих личных интересов и что это не является желанием всего азербайджанского народа. Но они отлично знали, что народ идет за «Мусаватом». Ведя с нами борьбу, они вели борьбу с азербайджанским народом. Все так называемые левые партии направляли свои удары на «Мусават». Наша партия всячески старалась избежать этих событий. Она через газету «Ачыг соз» обратилась к населению с призывом не поддаваться эмоциям, но тем не менее война была начата. Известие о мартовских событиях достигло членов ЦК (партии «Мусават». – А.Б.) в Гяндже (Елисаветполе) и Тифлисе»⁵⁴.

Действительно, в разгар мартовских событий находившийся в Тифлисе М.Э. Расулзаде отчаянно пытался добиться от руководства Закавказского Сейма принятия действенных мер с целью прекращения террора в отношении мирного азербайджанского населения Баку. 1 апреля 1918 года, выступая по этому поводу в Сейме, М.Э. Расулзаде предупреждал, что «если Закавказское правительство не примет тех решительных шагов, то имейте в виду, что нам невозможно будет сидеть здесь и вести солидарную работу. Надо всеми мерами выступить против большевиков, против натиска с севера, который может прервать нашу самостоятельную, нашу солидарную жизнь. Если мы не возьмемся вместе за это дело, то невозможна никакая солидарная работа и никакое счастье для Закавказья»⁵⁵. Однако грузино-армянское большинство Сейма фактически ограничилось лишь словесным осуждением действий большевиков.

⁵³ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. С. 22.

⁵⁴ Азербайджан. 1919. 6 декабря.

⁵⁵ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 20 марта 1918 года. С. 39.

Между тем дальнейшее развитие событий в регионе показало, что массовое уничтожение мирных азербайджанцев в Баку и его окрестностях со стороны большевистско-дашнакских отрядов являлось лишь прелюдией более масштабной операции по выживанию азербайджанцев с их исконных земель на территории Бакинской губернии. Так, вслед за Баку большевистско-дашнакскими силами были организованы азербайджанские погромы в Кубинском, Шемахинском, Ленкоранском и некоторых других уездах Бакинской губернии. Всего в ходе этих событий весной 1918 года большевистско-дашнакскими отрядами в различных регионах Азербайджана были уничтожены примерно 30 тысяч мирных азербайджанцев.

Это было проявлением стремления руководства Бакинского Совета к максимальному уменьшению численности азербайджанского населения на этих землях. Дело в том, что в этот период большевистские лидеры всерьез вынашивали планы по отторжению Баку и других прикаспийских территорий Бакинской губернии от Азербайджана с последующим их включением в состав Российской Федерации. Они даже подготовили соответствующее идеологическое обоснование для реализации этого плана. Так, по мнению одного из большевистских лидеров – И.В. Сталина, в экономическом отношении Бакинский нефтяной район не имел ничего общего с остальной частью Азербайджана. Учитывая господство в марксистской идеологии экономического детерминизма, этим своим высказыванием И.В. Сталин фактически отказывался признать Баку и его окрестности составной частью Азербайджана. В этом вопросе с И.В. Сталиным были солидарны и другие большевистские лидеры, в частности руководитель Бакинского Совета С.Г. Шаумян.

Ради справедливости следует признать, что в вопросе отторжения Баку от остальной части Азербайджана идентичную с большевиками позицию занимали их самые непримиримые политические оппоненты – меньшевики, эсеры и даже кадеты. Именно представитель кадетской партии в Закавказском сейме Ю.Ф. Семенов, обращаясь к членам мусаватской фракции, в

угрожающей форме заявлял: «Баку вы не увидите. Объявите свою автономию, свою федерацию, но оставьте нам Баку, ибо от Москвы мы откажемся, но от Баку никогда не откажемся»⁵⁶. При этом представитель кадетской партии считал власть Бакинского Совета проявлением самоопределения населения города.

По существу, речь шла о попытке большевиков не допустить создания на территории Закавказья политического образования под названием Азербайджан, к чему так стремились национальные силы страны во главе с «Мусаватом». Идея отторжения Баку от Азербайджана была выгодна и партии «Дашнакцутюн», поскольку облегчала реализацию ее планов по включению обширных территорий Бакинской и Елисаветпольской губерний в состав будущего армянского государства в Закавказье.

В этом процессе не осталась бы обделенной и грузинская сторона, которая претендовала на северо-восточные регионы Азербайджана – Шеки-Закатальскую зону. Поэтому вряд ли можно считать случайностью фактически созерцательную позицию грузинских лидеров Закавказского сейма в отношении мартовских событий 1918 года в Баку и других регионах Азербайджана.

Несмотря на то что в результате мартовских событий 1918 года большевистско-дашнакскому руководству Бакинского Совета удалось на короткое время стать полновластным хозяином в городе, победа, одержанная большевиками, в конечном итоге оказалась пирровой. Большевикам так и не удалось достичь своей стратегической цели – обезглавить и разгромить Азербайджанское национальное движение.

Наоборот, мартовские события 1918 года, окончательно подорвав и без того низкий авторитет большевиков среди азербайджанского населения, одновременно значительно укрепили социальную базу национально-демократических сил во главе с «Мусаватом». С другой стороны, эти события усилили консолидационные процессы в Азербайджанском национальном движении. Оказавшись перед лицом реальной угрозы национальному существованию, азербайджанские депутаты Сейма из различных

⁵⁶ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 54.

партийных фракций выступили единым фронтом в оценке сущности и последствий мартовских событий.

Проявлением этой тенденции стало достижение согласия о создании структуры под названием «объединенных заседаний азербайджанских фракций Сейма». Данная структура выполняла функции центра координации действий этих фракций в общенациональных вопросах азербайджанских тюрок. Это объединение стало прообразом будущего Национального совета Азербайджана, объявившего независимость страны.

Создание подобной структуры не означало устранения в одночасье всех существующих разногласий между азербайджанскими фракциями, но с ее возникновением азербайджанские депутаты различной политической ориентации получили возможность оперативного и конструктивного обсуждения важнейших вопросов и принятия по ним согласованных решений.

Примечательно, что президиумом этого объединения по общему согласию всех азербайджанских партий был признан президиум фракции «Мусават» во главе с М.Э. Расулзаде⁵⁷. Таким образом, М.Э. Расулзаде фактически превратился в общего лидера всех азербайджанских фракций Сейма.

Мартовские события 1918 года сыграли также ключевую роль в изменении стратегических целей Азербайджанского национального движения. После этих событий ведущая сила национального движения – партия «Мусават» взяла курс на полную государственную независимость Азербайджана, поскольку эта трагедия продемонстрировала всю иллюзорность надежд на преобразования России под руководством большевиков в цивилизованное демократическое государство. Руководствуясь инстинктом самосохранения, и остальные азербайджанские партии вынуждены были поддержать эту линию «Мусавата». На этой почве произошло постепенное сближение позиций основных азербайджанских политических партий относительно перспектив и целей развития национального движения.

⁵⁷ *Векилов Р.* История возникновения Азербайджанской Республики // Хазар. 1990. № 2. С. 111.

Эти события привели к качественным изменениям не только в целях, но и в формах и средствах борьбы национального движения. Они показали, что относительно мирный период развития национального движения закончился, и в дальнейшем для достижения своих целей политические средства необходимо будет сочетать с вооруженными методами борьбы.

Серьезный политический кризис, к тому времени парализовавший Сейм, лишь ускорил процесс создания национального государства азербайджанских тюрков. Дело в том, что созерцательная позиция Сейма в отношении мартовских событий окончательно подорвала доверие азербайджанцев к нему. Сейм не пользовался особым авторитетом и у грузинских и армянских политиков. Ситуацию не спасло даже провозглашение 22 апреля 1918 года независимости Закавказской федеративной республики, на котором с самого начала деятельности Сейма настаивала фракция «Мусават».

Несмотря на то что к тому моменту между тремя основными национальными секторами Сейма – грузинским, азербайджанским и армянским – была достигнута принципиальная договоренность о провозглашении независимости Закавказья, само обсуждение вопроса проходило отнюдь не в спокойной обстановке. Дебаты порой принимали весьма острый характер, сопровождаясь взаимными обвинениями и оскорблениями.

В этом отношении особенно усердствовали представители левых эсеров и кадетов. Например, левый эсер Л. Туманов, отрицая саму возможность самостоятельного существования Закавказья без поддержки России, утверждал, что вопрос о независимости навязан Сейму «бекской партией «Мусават» в интересах Турции». Он считал, что «...независимость, провозглашенная в такой обстановке, в какой находится сейчас Закавказье, это есть переход к полному рабству Турции»⁵⁸. Л. Туманов охарактеризовал этот акт «ножом, занесенным в спину демократии» со стороны «Мусавата»⁵⁹.

⁵⁸ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 16.

⁵⁹ Там же. С. 47.

Отвечая на эти выпады в адрес «Мусавата», М.Э. Расулзаде заявил: «Тут понятно, когда дворянин Туманов говорит о партии «Мусават». Его психика вполне понятна. В этом дворянине Туманове, который хотя называет себя революционером, сидят еще дворянские вождения империализма»⁶⁰. Далее М.Э. Расулзаде, раскрывая истинные причины подобного поведения Л. Туманова, подчеркнул, что поскольку «ничего разумного нельзя сказать против независимости, значит, надо натравливать на ту партию, которая стоит за независимость. Это теперь модно. Если сказать, как это говорили в старину империалисты, что такая-то нация панисламисты – это неудобно, не по моде демократического времени; надо свалить вину на определенную партию и дискредитировать ее тем, что это какая-то бекская партия»⁶¹. В заключение М.Э. Расулзаде, говоря о «Мусавате», сказал: «Какая эта партия – бекская или демократическая, об этом достаточно говорит его вотум, декларация и т.д.»⁶².

В своем выступлении М.Э. Расулзаде также аргументировал необходимость объявления независимости Закавказья. Он ясно дал понять, что независимость Закавказья является не отделением от демократической России, а отделением от русских штыков в лице большевиков. По его словам, «когда все народы многонациональной России хотели решить свою судьбу совместно с Россией, то эта Россия и российская демократия очутились в таком положении, что принципы и идеалы демократии не получили должной санкции, и вместо свободы мы видим в России анархию и развал. И те великие лозунги революции, которые обещали всем народам свободно самоопределиться, эти лозунги самоопределения превратились в другой лозунг – самоопределение, но по приказанию и по повелению центра»⁶³.

В результате объявленная Февральской революцией свобода, по мнению М.Э. Расулзаде, «оказалась в руках узурпаторов, на-

⁶⁰ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 54.

⁶¹ Там же. С. 55.

⁶² Там же. С. 56.

⁶³ Там же. С. 9.

зывающих себя демократами, и приняла форму порабощения»⁶⁴. Далее он подчеркнул, что в этой ситуации закавказские народы столкнулись с реальной опасностью, когда «анархия может вылиться в форму централистской России и будут торжествовать не принципы демократии, а принципы империализма. Если мы и дальше будем терпеть это положение, то этот надвигающийся на нас северный империализм внесет в ряды закавказской демократии неурядицу, а также нашествие с юга – нашествие турок, которое тоже может нас разъединить. В этом разъединении гибель закавказской демократии»⁶⁵.

Именно по этой причине М.Э. Расулзаде считал, что для свободного развития закавказской демократии «Закавказье должно быть самостоятельным». Для того чтобы «закавказские народы могли жить солидарно и могли воспользоваться дарами свобод, приобретенных революцией, необходимо объявить независимость Закавказья» – констатировал М.Э. Расулзаде⁶⁶.

Следует отметить, что для М.Э. Расулзаде, как и в целом для «Мусавата», идея независимости Закавказья была не самоцелью, а практическим шагом в направлении создания азербайджанской государственности. Ведь М.Э. Расулзаде в тот момент был активным поборником конфедеративной формы устройства закавказского государства. Иными словами, по его замыслу, Закавказье должно было стать союзом независимых государств, объединившихся для координации своих действий в определенных областях и в первую очередь во внешнеполитической и военной сфере.

Именно по инициативе М.Э. Расулзаде на совместном заседании азербайджанских сеймовых фракций 3 мая 1918 года было принято решение «поддерживать идею конфедерации Грузии, Армении и Азербайджана вместе с Северным Кавказом», причем Азербайджан и Северный Кавказ должны были «федерировать между собой»⁶⁷.

⁶⁴ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 9.

⁶⁵ Там же. С. 10.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

Впрочем, в тот период грузинские и армянские представители в Сейме не проявили особой заинтересованности в реализации идеи Кавказской конфедерации, что еще больше усилило дезинтеграционные процессы в Закавказье. В подобной ситуации Сейм окончательно потерял контроль над происходившими в Закавказье процессами. Как отмечал один из очевидцев тех событий, «пусто, скучно, никчемно, почти жутко было в зале заседаний Сейма в эти трагические для Закавказья дни. Чувствовалось уже, что все происходившее в Сейме происходит так себе, как бы от нечего делать, что о главном, о волнующем все равно говорить здесь не будут, что главное происходит там, за кулисами, у каждой партии, у каждой группы по-своему, без возможности что-либо делать сообща»⁶⁸.

Всем было очевидно, что дни Закавказской республики сочтены. В конечном итоге отсутствие единой сплачивающей цели и непреодолимые разногласия между закавказскими народами по основным проблемам внутренней и внешней политики сделали, по существу, невозможным их дальнейшее сосуществование в рамках единого государства.

Главной причиной неудачи национально-государственной программы, намеченной Сеймом, явилось несовпадение национальных устремлений закавказских народов, что, в свою очередь, было обусловлено множеством факторов исторического, политического, экономического и психологического характера. Устранение же этих противоречий в экстремальных условиях того времени было абсолютно нереально. Более того, они имели тенденцию к обострению, в чем немалую роль сыграли и внешние факторы, в частности острое соперничество мировых держав за влияние в регионе. При этом каждое из этих государств делало ставку на политические силы одной из закавказских наций. В итоге это привело к тому, что грузины заняли прогерманскую позицию, армяне остались верны своей проанглийской ориентации, а азербайджанцы склонились к Турции.

⁶⁸ *Ставровский А.* Закавказье после Октября. М.; Л., 1925. С. 49.

В этих условиях 26 мая 1918 года Закавказский сейм принял, пожалуй, единственно верное решение о своем самороспуске, тем самым санкционировав государственное размежевание закавказских народов. Как верно заметил представитель Грузинской национальной демократической партии Г.В. Гвазава, «...настал день национальной организации, ибо все остальные организации – чистая химера»⁶⁹.

§ 2. Первые шаги Азербайджанской Республики (май – декабрь 1918 года)

Роспуск Закавказского сейма и провозглашение независимости Грузии создали реальную угрозу возникновения вакуума власти на территории Азербайджана. С целью недопущения развития событий в таком опасном направлении азербайджанские депутаты теперь уже бывшего Сейма 27 мая 1918 года собрались на свое чрезвычайное заседание. Учитывая серьезность момента, «собрание всех бывших членов Закавказского сейма – азербайджанцев единогласно решило взять на себя бремя правления Азербайджаном, провозгласив себя Временным Национальным Советом Азербайджана»⁷⁰. Председателем Национального Совета (НС) в ходе тайного голосования был избран М.Э. Расулзаде, а его заместителями – Г. Агаев и М.Г. Сеидов.

Избрание М.Э. Расулзаде председателем НС Азербайджана, несомненно, явилось признанием его неоспоримых заслуг в освободительной борьбе азербайджанских тюрков, в том числе со стороны его политических оппонентов. Учитывая, что в момент провозглашения независимости Национальный Совет являлся высшим органом государственной власти в Азербайджане, то М.Э. Расулзаде по праву считается первым президентом независимой Азербайджанской Республики.

Значимость избрания М.Э. Расулзаде руководителем Национального Совета еще больше возрастает в свете того факта, что он сам отсутствовал на этом заседании, поскольку находился в

⁶⁹ Ставровский А. Закавказье после Октября. С. 83.

⁷⁰ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

Батуме, где в составе закавказской делегации принимал участие в трудных переговорах с представителями Германии и Турции относительно политического будущего региона.

Следует отметить, что именно в Батуме, а не в Тифлисе в тот момент решалась судьба политического будущего не только Азербайджана, но и соседних Грузии и Армении. От результатов переговоров с германскими и турецкими представителями во многом зависела жизнеспособность принятых решений о провозглашении независимости трех закавказских государств.

28 мая 1918 года в 19.10 на заседании Национального Совета было принято решение о незамедлительном провозглашении независимости Азербайджана. Участники заседания 24 голосами при двух воздержавшихся (С.М. Ганизаде и Дж. Ахундов) утвердили текст «Акта о независимости Азербайджана», провозгласившего создание Азербайджанской Демократической Республики (АДР), который гласил: «В ходе великой российской революции в России установился политический строй, который повлек за собой распад отдельных частей государственного организма и оставление русскими войсками Закавказья».

Предоставленные собственным своим силам народы Закавказья взяли в свои руки дело устройства своих судеб и создали Закавказскую Демократическую Федеративную Республику. Однако в дальнейшем ходе политических событий грузинский народ счел за благо выделиться из состава Закавказской Федеративной Республики и образовать независимую Грузинскую Демократическую Республику.

Нынешнее политическое положение Азербайджана, связанное с ликвидацией войны, возникшей между Россией и Оттоманской империей, а также небывалая анархия внутри страны повелительно диктуют Азербайджану, состоящему из Восточного и Южного Закавказья, необходимость создания собственной государственной организации, дабы вывести народы Азербайджана из того тяжелого внутреннего и внешнего положения, в котором они оказались.

На основании этого Мусульманский Национальный Совет Азербайджана, избранный народным голосованием, ныне всенародно объявляет:

I. Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных прав, и Азербайджан, состоящий из Восточного и Южного Закавказья, является полноправным независимым государством.

II. Формой политического устройства независимого Азербайджана устанавливается Демократическая Республика.

III. Азербайджанская Демократическая Республика стремится установить добрососедские отношения со всеми членами международного сообщества, а в особенности с сопредельными народами и государствами.

IV. Азербайджанская Демократическая Республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола.

V. Азербайджанская Демократическая Республика всем народам, населяющим ее территорию, предоставит широкий простор для свободного развития.

VI. До созыва Учредительного Собрания во главе управления всем Азербайджаном стоит Национальный Совет, избранный народным голосованием, и Временное правительство, ответственное перед Национальным Собранием»⁷¹.

Затем Национальный Совет утвердил состав первого правительства независимого Азербайджана во главе с Ф. Хойским. Кроме Ф. Хойского, который также выполнял полномочия министра внутренних дел, в состав правительства вошли Н. Усуббеков (министр финансов и министр народного просвещения), М.Г. Гаджинский (министр иностранных дел), Х. Мелик-Асланов (министр путей сообщения и министр почт и телеграфа), Х. Хасмамедов (министр юстиции), А. Шейхульисламов (министр земледелия и министр труда), Х. Султанов (военный министр), М.Ю. Джафаров (министр торговли и промышленности) и Дж. Гаджинский (министр государственного контроля)⁷².

⁷¹ Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости. 1917-1920. М., 2011. С. 162.

⁷² ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

30 мая 1918 года во внешнеполитические ведомства всех ведущих мировых государств были отправлены радиотелеграммы следующего содержания: «По распадению федеративной Закавказской Республики и после выхода от нее Грузии Национальный Совет Азербайджана 28 мая 1918 года объявил независимость Азербайджана, в состав которого входят Восточное и Южное Закавказье, и провозгласил Азербайджанскую Республику. Временное местонахождение моего Правительства в городе Гяндже. Хойский – Председатель Совета Министров Азербайджанской Республики»⁷³.

Азербайджанская Демократическая Республика была первой республикой в истории всего мусульманского Востока, ибо, как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «все другие государства тюркского происхождения в своем возникновении базировались главным образом на религиозной основе, тогда как Азербайджанская Республика основывается на современной базе национально-культурного самоопределения, на почве тюркской национально-демократической государственности»⁷⁴.

Как подчеркивал М.Э. Расулзаде в одной из своих публикаций, «народ превращается в нацию лишь в тот момент, когда демонстрирует свою решимость создать государство и настаивает на этом»⁷⁵. По его мнению, «азербайджанское общество продемонстрировало свою волю стать нацией в современном смысле этого слова 28 мая – с провозглашением независимости и принятием соответствующей декларации»⁷⁶.

М.Э. Расулзаде был искренне рад тому факту, что «Азербайджан, попавший в начале XIX века под колониальное иго России в качестве 9-ти разрозненных ханств, вышел из под обломков рухнувшей в результате Первой мировой войны Российской империи как политическое целое, как единая нация и единое государство»⁷⁷.

⁷³ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁷⁴ Азербайджан. 1919. 28 мая.

⁷⁵ *Resulzade M.E. Milli Tesanüd.* S. 25.

⁷⁶ A.g.e. S. 18.

⁷⁷ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri.* C. 4. Bakı, 2013. S. 19.

Чтобы по достоинству оценить этот шаг азербайджанских лидеров, следует учесть, что до 28 мая 1918 года не существовало отдельной, общепризнанной национально-административной и социально-политической единицы под названием «Азербайджан». В этом контексте М.Э. Расулзаде вполне справедливо отмечал, что лишь «обнародовав Декларацию 28 мая 1918 года, Национальный Совет Азербайджана подтвердил существование азербайджанской нации в политическом смысле этого слова. Тем самым понятие «Азербайджан» из географического, этнографического и лингвистического превратилось в политическое определение»⁷⁸.

Несмотря на то что провозглашение независимости стало восстановлением исторической справедливости и реализацией естественного права азербайджанских тюрков на собственную государственность, тем не менее принятие такого ответственного решения требовало от членов НС Азербайджана немало политического мужества и воли, а также определенной доли риска. Дело в том, что не только внешнеполитические факторы, но и внутренняя ситуация в стране отнюдь не благоприятствовала созданию независимого Азербайджанского государства. К тому же необходимо признать, что в момент провозглашения 28 мая 1918 года независимость Азербайджана имела в значительной степени декларативный характер.

В первую очередь это было связано с тем, что независимость была провозглашена за пределами Азербайджана. И для наполнения государственной независимости реальным содержанием еще предстояло обеспечить переезд национального правительства из Тифлиса в пределы страны и установить его юрисдикцию над всей территорией Азербайджана, значительная часть которого, включая столицу Баку, в то время находилась под контролем большевистских сил. Необходимо было также ликвидировать очаги сепаратизма в различных регионах Азербайджана, угрожающие самому существованию молодой республики, создать дееспособную систему государственной власти, призванную решить

⁷⁸ Istiklal. 1933. 28 mayıs.

первоочередные задачи национального возрождения, приступить к военному строительству с целью создания национальной армии, способной защитить страну от внешних угроз. И самое главное – национальному правительству предстояло добиться признания независимости Азербайджана со стороны мирового сообщества и в первую очередь союзных держав.

Решение всех этих многочисленных проблем составляло основное содержание деятельности Национального Совета после провозглашения независимости Азербайджана 28 мая 1918 года. И М.Э. Расулзаде как председатель этого высшего на тот момент органа государственной власти страны непосредственно руководил процессом становления и упрочения азербайджанской государственности.

В этой связи глубоко символично, что на первом международном документе, констатировавшем факт существования независимого Азербайджана, стоит подпись М.Э. Расулзаде. Именно он вместе с тогдашним министром иностранных дел национального правительства М.Г. Гаджинским 4 июня 1918 года подписал договор о дружбе между Османской империей и АДР, ставший гарантией безопасности азербайджанской независимости в начальный период ее существования. В этом отношении большое значение имела IV статья этого договора, согласно которой «Императорское Оттоманское правительство обязалось оказывать помощь вооруженной силой правительству Азербайджанской Республики, если таковая потребуется для обеспечения порядка и безопасности в стране»⁷⁹.

Этот пункт договора позволил азербайджанскому правительству обратиться за военной поддержкой к Турции, когда в начале июня 1918 года вооруженные силы Бакинского Совета начали наступление в направлении временной столицы страны – Гянджи. Учитывая печальный опыт мартовских событий 1918 года, не вызывает сомнений, что наступление большевистско-дашнакских сил в направлении Гянджи представляло смертельную угро-

⁷⁹ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920). М., 2010. С. 108.

зу не только для азербайджанской независимости, но самого физического существования азербайджанских тюрок.

Характерно, что 24 мая 1918 года, т.е. еще до распада Закавказской Федерации и образования Азербайджанской Республики, руководитель Бакинского Совета С. Г. Шаумян открыто писал: «...мы готовимся в ближайшее время пойти на Гянджу. Нужно торопиться в Гянджу, чтобы там, а затем и дальше вызвать восстание армян... Если это восстание не произойдет и турки успеют закрепить за собой Грузию и Тифлис, тогда мы будем совершенно изолированы и нам придется оборонять только Абшеронский полуостров»⁸⁰. Как видно из содержания этого письма, руководитель бакинских большевиков строил масштабные планы по распространению своей власти на территорию всего Закавказья. И первым шагом на пути реализации этого плана должно было стать уничтожение национальных сил Азербайджана, выступавших за государственную независимость страны.

Наличие подобных планов у большевиков подтверждает и военный историк А.Б. Кадишев. По его мнению, успех наступления на Гянджу позволил бы большевикам «установить связь с районами Азербайджана, находившимися еще под господством мусаватистов. разгром войск мусаватистов открывал дорогу в Грузию и Армению и давал возможность объединить революционные силы Закавказья»⁸¹.

В этой непростой ситуации правительство Османской империи незамедлительно отреагировало на просьбу азербайджанской стороны, направив свои регулярные части в Азербайджан. Турецким частям при поддержке азербайджанских добровольцев удалось в битве под Геокчаем, которая продолжалась в течение четырех дней, с 27 июня по 1 июля 1918 года, приостановить продвижение большевистских сил к Гяндже. Битва под Геокчаем стала переломным моментом в летней военной кампании 1918 года, поскольку после нее стратегическая инициатива на фронте полностью перешла в руки турецко-азербайджанских сил.

⁸⁰ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917-1918 гг. Баку, 1957. С. 425.

⁸¹ Кадишев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 110-111.

Следует отметить, что в начальный период своего существования Азербайджанская Республика сталкивалась не только с серьезными внешними угрозами, но и внутренними проблемами. Дело в том, что уставшее от бесчинств большевистско-дашнакских вооруженных формирований мирное азербайджанское население жаждало силы, способной восстановить спокойствие и порядок в стране. При этом многие азербайджанцы осознавали, что собственными силами не удастся пресечь господствующую в стране анархию и хаос. В этом отношении они возлагали особые надежды на помощь Османской империи. Появление в начале июня 1918 года в Гяндже 300 турецких военных инструкторов во главе с Нури-паши и восстановление ими за относительно короткий срок должного правопорядка в городе еще больше усилили авторитет и популярность турок среди азербайджанского населения.

Этой ситуацией решили воспользоваться так называемые «илхагисты» – сторонники присоединения Азербайджана к Турции. Основной костяк «илхагистов» составляли буржуазно-помещичьи и клерикальные круги Азербайджана, которые не без основания опасались укрепления позиций НС во главе с М.Э. Расулзаде.

При этом «илхагистов» тревожила не столько сама идея независимости Азербайджана как таковая, сколько планы НС Азербайджана по кардинальной реорганизации политической системы страны на основе демократических ценностей. Призывы членов НС к скорейшей реализации широких демократических свобод, необходимости отделения церкви от государства, проведению аграрной реформы, предоставлению женщинам равных с мужчинами гражданских прав и др. не без основания рассматривались этими кругами прямой угрозой своим привилегиям.

В силу этого для немалой части азербайджанской буржуазии, помещиков и духовенства НС и созданное им правительство являлись слишком революционными и радикальными. Путем слияния Азербайджана с Турцией они пытались помешать осуществлению этих планов НС. Как впоследствии подчеркивал

М.Э. Расулзаде, «турки пришли к нам как воины, для защиты народа. Это верно. Но среди нас были свои беки и паши, которые стремились к тому, чтобы здесь управлял Стамбул»⁸².

«Илхагисты» развернули масштабную кампанию среди населения против Национального Совета, не брезгуя при этом никакими средствами. Так, приверженность Национального Совета к идее азербайджанской независимости «илхагисты» объясняли тем, что руководители этой структуры якобы продались армянам и не желают прихода турецких войск в Азербайджан⁸³. В условиях, когда протурецкие настроения в Азербайджане были в своем апогее, подобная «пропаганда» находила определенный отклик у наиболее отсталой части населения, недостаточно проинформированной о деятельности Национального Совета.

Характерно, что еще задолго до объявления независимости Азербайджана, в период существования Закавказского сейма, «илхагисты» направили своих многочисленных эмиссаров в Трапезунд, Батум и Стамбул, где проходили переговоры между Турцией и закавказской делегацией, чтобы убедить турецких представителей в необходимости вхождения Азербайджана в состав Османской империи⁸⁴. В своих воспоминаниях Р. Векилов отмечал, что «с первых же дней открытия мирных переговоров с Турцией сепаратные делегации от азербайджанского населения наводнили сперва Трапезунд, потом Батум и Стамбул, выставляя свой пресловутый лозунг «илхаг»⁸⁵.

Одновременно эмиссары «илхагистов», используя религиозный фактор, вели активную кампанию дискредитации национальных сил Азербайджана на страницах турецкой печати. Дело в том, что подавляющее большинство азербайджанских тюрков являются шиитами, в то время как османские турки в основном принадлежат к суннитскому течению ислама. Спекулируя на этом факте, представители «илхагистов» через турецкую прессу

⁸² Азербайджан. 1919. 12 февраля.

⁸³ Азербайджан. 1919. 28 мая.

⁸⁴ Elm. 1992. 17 yanvar.

⁸⁵ Азербайджан. 1919. 28 мая.

распространяли слухи о якобы притеснении суннитов в Азербайджане со стороны шиитов, захвативших все ключевые посты в национальном правительстве. Они утверждали, что среди правительственных лиц нет ни одного суннита. С подобным доносом они даже обратились к главе турецкого правительства⁸⁶.

Отсутствие традиций государственности, низкий уровень национального и политического сознания у значительной части населения, а также имидж турок как «спасителей» Азербайджана являлись дополнительными факторами, способствовавшими успеху пропагандистской деятельности «илхагистов». Ведь определенная часть «илхагистов» искренне полагала, что «азербайджанцы не в состоянии создать и управлять самостоятельным государством. Поэтому они были убеждены в том, что в этой ситуации нет ничего предосудительного в нахождении двух братских тюркских народов под одним государственным управлением»⁸⁷.

Положение сторонников азербайджанской независимости еще больше осложнялось тем обстоятельством, что «илхагисты» пользовались полной поддержкой командующего турецкими войсками в Азербайджане Нури-паши. Это было обусловлено близостью их политических взглядов относительно перспектив государственного развития Азербайджана.

Следует учесть, что для тогдашних правящих кругов Османской империи была абсолютно неприемлемой приверженность лидеров Национального Совета к демократическим идеалам российской революции и светской модели государства. Кроме того, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что Нури-паша был братом по отцу одного из наиболее радикально настроенных в отношении так называемых «восточных территорий» турецких руководителей – Энвер-паши и активным проводником в жизнь его политической программы, предусматривающей интеграцию всех тюркских народов Кавказа и Средней Азии в состав Османской империи.

⁸⁶ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 7.

⁸⁷ *Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri*. Bakı, 2013. С. 4. S. 15.

По этой причине поддержку, оказанную со стороны Нури-паши «илхагистам», вряд ли можно объяснить тенденциозной информированностью турецкого генерала о намерениях НС Азербайджана, как это утверждают некоторые исследователи, пытаясь из добрых побуждений сглаживать естественные противоречия между Азербайджаном и Турцией в тот период. По нашему мнению, поддержка Нури-паши «илхагистов» исходила из самой сути тогдашней политики правящих кругов Турции в отношении тюркских народов, в том числе Азербайджана.

Так, еще в марте 1918 года в ходе Трапезундских переговоров Энвер-паша настоятельно рекомендовал азербайджанским представителям согласиться на государственный союз Азербайджана с Турцией в подобие Австро-Венгрии. Естественно, что подобное предложение было отвергнуто азербайджанскими представителями, поскольку фактически означало аннексию Азербайджана со стороны Турции⁸⁸.

Однако демократические силы АДР, сгруппировавшиеся вокруг Национального Совета, ясно отдавали себе отчет в том, что без поддержки стратегического союзника им не удастся реализовать идею азербайджанской независимости. И только с помощью дружественной внешней силы можно спасти азербайджанский народ от разрушающей анархии и дашнакско-большевистской угрозы, водворив в стране государственный порядок. В сложившихся в то время условиях таким стратегическим союзником могла стать лишь Турция.

Но в отличие от «илхагистов» руководители Национального Совета не собирались взамен даже этой жизненно необходимой в тот момент помощи жертвовать азербайджанской независимостью. Для М.Э. Расулзаде и его соратников идея азербайджанской независимости была не преходящей идеей и не предметом политического торга, они защищали ее от любых посягательств, откуда бы это ни исходило.

Подтверждением тому являются слова Н. Усуббекова, который перед мирной конференцией в Батуме говорил: «Анархия столь грандиозного размера, которая имеется не только у нас, у азербай-

⁸⁸ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. С. 208.

джанских тюрков, но и на всей территории Закавказья, не может быть подавлена нашими собственными силами; положение еще больше усугубляется тем, что с востока наступают большевики в союзе с нашими вековыми врагами, неся с собою разорение и окончательную гибель тюркскому народу. При таком положении вещей, при такой нашей беззащитности нет другого исхода, как обратиться к иностранному вмешательству. В данном случае мы можем радоваться тому счастливому сочетанию обстоятельств, что внешней силой, долженствующей явиться сюда, будет дружественная и братская нам сила – Турция... Настало время, когда наша делегация должна идти в Батум и от имени тюрков Восточного Закавказья просить помощи у Оттоманской империи. Но при всем этом никогда не надо упускать из виду идею самостоятельного существования свободного Азербайджана»⁸⁹.

Некоторые члены Национального Совета, хорошо осведомленные о наличии аннексионистских настроений в правящих кругах Османской империи в отношении Азербайджана, еще в ходе заседания от 28 мая 1918 года высказывали сомнения относительно целесообразности немедленного провозглашения независимости Азербайджана. В частности, проявляя нерешительность в этом вопросе, Ф. Хойский предлагал «до выяснения ситуации на местах воздержаться от объявления независимости Азербайджана и ограничиться образованием полноправного правительства Азербайджана для ведения мирных переговоров с державами»⁹⁰.

Правда, на том же заседании НС Г. Агаев, пытаясь успокоить своих коллег, утверждал, что прибытие в Гянджу турецких офицеров во главе с Нури-пашой не имеет ничего общего с будущим политическим устройством Азербайджана и «турки не преследуют никаких агрессивных действий в политической жизни Азербайджана, а наоборот, они заинтересованы в сохранении самостоятельности Азербайджана»⁹¹. Однако, как показал дальнейший ход событий, опасения Ф. Хойского были не напрасны.

⁸⁹ *Ставропольский А.* Закавказье после Октября. С. 50-51.

⁹⁰ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 49-50.

⁹¹ Там же.

В этой связи отнюдь не случайно, что, переехав 16 июня 1918 года из Тифлиса в Гянджу, Национальный Совет и азербайджанское правительство сразу же натолкнулись на крайне враждебное отношение Нури-паши. Обладавший реальной властью в городе Нури-паша публично выразил недоверие Национальному Совету и сформированному им правительству, тем самым спровоцировав серьезный политический кризис.

Попытки делегации НС и правительства Азербайджана в составе М.Э. Расулзаде, Ф. Хойского и М.Г. Гаджинского обсудить с Нури-пашой возможные пути выхода из создавшейся ситуации потерпели провал. Нури-паша высокомерно отказался даже выслушать азербайджанских лидеров под тем предлогом, что «он солдат и в политике не разбирается», и направил их к своему советнику по гражданским делам Ахмед беку Агаоглу.

Подобное поведение Нури-паши было равносильно выражению недоверия НС Азербайджана и сформированному им правительству. Фактически на карту было поставлено само существование независимого Азербайджана. Тем более что начало переговоров азербайджанских лидеров с А. Агаоглу также не предвещало ничего оптимистичного для сторонников сохранения государственной независимости Азербайджана. Будучи убежденным сторонником пантуранистских идей, А. Агаоглу больше всего опасался того, что азербайджанские турки пойдут по пути формирования самостоятельного государства. В этом смысле он был яростным поборником идеи вхождения Азербайджана в состав Османской империи. Эти разногласия между НС Азербайджана и турецким командованием фактически являлись отражением «борьбы между демократическими течениями и консервативными силами вокруг проблемы государственного устройства Азербайджана»⁹².

Придерживаясь принципиальной позиции в вопросе азербайджанской независимости, М.Э. Расулзаде в категоричной форме выступил против планов «илхагистов» относительно вхождения Азербайджана в состав Османской империи. Одновременно он был

⁹² *Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. Bakı, 1990. S. 40.*

сторонником поиска компромиссных вариантов с целью недопущения дальнейшего разрастания конфронтации между Национальным Советом Азербайджана и Нури-пашой, поскольку прекрасно осознавал негативные последствия подобного развития ситуации.

Одним из таких компромиссных вариантов стало сформулированное М.Э. Расулзаде предложение о реорганизации Национального Совета. Оно предусматривало расширение состава Национального Совета за счет сторонников Нури-паши и формирование нового правительственного кабинета. Но при этом НС сохранял за собой статус высшего органа государственной власти в Азербайджане, а право выдвижения кандидатуры нового премьер-министра сохранялось за председателем НС⁹³.

Подобный компромисс был неприемлем для Нури-паши, стремившегося к единоличной власти в Азербайджане и, следовательно, полному контролю над правительством. Поэтому компромиссное предложение М.Э. Расулзаде было отвергнуто А. Агаоглу. При этом он многозначительно намекнул, что народ не поддерживает Национальный Совет и в случае мятежа турки не намерены защищать Национальный Совет⁹⁴.

По существу, это было плохо скрытой угрозой в адрес Национального Совета, чтобы добиться его полной ликвидации в качестве высшего органа власти в стране. Отсутствие у А. Агаоглу всякого желания искать с представителями Национального Совета взаимоприемлемый выход из ситуации вынудило азербайджанских лидеров поставить вопрос ребром: «На каких условиях Нури-паша согласится поддержать азербайджанское правительство?» На это последовал такой же прямой ответ А. Агаоглу, смысл которого заключался в том, что необходимо распустить Национальный Совет, чтобы Нури-паша получил возможность по своему усмотрению организовать новое правительство⁹⁵. Нетрудно было догадаться, что правительство Нури-паши состояло бы из «бывших придворных служителей русского

⁹³ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

⁹⁴ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

⁹⁵ *Holly Shissler A. İki İmparatorluk Arasında: A. Ağaoğlu ve Yeni Türkiye. İstanbul, 2005. S. 260.*

царизма и шейхульислама»⁹⁶, то есть исключительно из противников азербайджанской независимости.

Естественно, что лидеры Национального Совета не могли принять это предложение А. Агаоглу, которое фактически было равносильно отказу от независимости Азербайджана. В тот момент члены Национального Совета, по выражению М.Э. Расулзаде, оказались фактически в положении «войсковой части, получившей приказ защищаться на последних тыловых позициях отступающей армии в самый грозный и ответственный момент битвы»⁹⁷.

В этой ситуации лишь твердость и прагматизм М.Э.Расулзаде и других руководителей НС, сочетавшиеся с их готовностью пойти на разумные компромиссы, не затрагивающие фундаментальные принципы государственной независимости, позволили с наименьшими потерями выйти из острейшего политического кризиса.

В частности, отрезвляющее воздействие на турецких представителей оказало предупреждение азербайджанских лидеров о том, что в случае насильственного разгона НС и образования нового правительства Азербайджана под непосредственным руководством Нури-паши Турции не избежать осложнений на международной арене. Ведь фактическая аннексия Азербайджана противоречила международным обязательствам Турции как перед своими союзниками по Первой мировой войне, так и перед Россией по Брест-Литовскому договору. В итоге турецким представителям все же пришлось пойти на компромисс с НС Азербайджана.

17 июня 1918 года с целью обсуждения сложившейся ситуации на свое экстренное заседание собрался НС Азербайджана. Открывая заседание, М.Э. Расулзаде, в частности, сказал: «В вопросах, предстоящих нашему сегодняшнему обсуждению, мы должны прежде всего не поддаваться чувствам и, понимая всю ответственность и чрезвычайность положения, обсудить его с должным хладнокровием. Сегодня мы должны принять во внимание создавшееся положение, оставаясь верными своим прин-

⁹⁶ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, 1998. С. 211.

⁹⁷ Векilов Р. История возникновения Азербайджанской Республики // Хазар. 1990. № 2. С. 122.

ципам». Далее М.Э. Расулзаде выразил надежду, что члены НС «при принятии решения будут руководствоваться интересами Родины и нации, и этим докажут свой патриотизм»⁹⁸.

Подчеркивая сложность ситуации, он предупредил, что «азербайджанский идеал, рожденный вследствие мировой войны и российской революции и делающий первые шаги на арене политической жизни, переживает невыразимо важные минуты. Дойдет ли это новорожденное тюркское политическое дитя до совершеннолетия, займет ли место в ряду других наций или погибнет как хилый ребенок? Вот момент, когда на долю лиц, взявших в свои руки судьбу Азербайджана, выпадает самый трудный, но вместе с тем самый важный долг – не дать погибнуть новорожденному Азербайджану»⁹⁹.

Таким образом, даже в такой критической ситуации М.Э. Расулзаде ставил во главу угла задачу сохранения азербайджанской независимости. И особо следует отметить то обстоятельство, что в этом вопросе он получил абсолютную поддержку членов Национального Совета. Практически все члены НС независимо от их политической принадлежности высказались за сохранение независимости Азербайджана. Однако в противостоянии с Нури-пашой соотношение сил было явно не в пользу НС Азербайджана, что делало неизбежным определенные уступки со стороны последнего.

Это осознавали и члены НС, предлагавшие различные варианты выхода из кризисной ситуации. Так, М. Магеррамов (Мусульманский социалистический блок) предложил НС упраздниться, никому не уступив свою власть и возвратив ее народу¹⁰⁰. Представитель меньшевистского «Гуммета» А. Шейхульисламов же утверждал, что Национальный Совет не может никому уступить прав, данных ему народом. «Пусть нас распустят силой. И пусть будет известно, что желающие распустить нас являются врагами и Азербайджана, и Турции», – заявил он¹⁰¹.

⁹⁸ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

⁹⁹ Там же. Л. 61.

¹⁰⁰ Там же. Л. 59.

¹⁰¹ Там же. Л. 60.

Национальный Совет действительно стоял перед трудноразрешимой дилеммой: полностью самоустраниться от управления страной, уступив дорогу «илхагистам», результатом чего стала бы полная потеря государственной независимости Азербайджана, или же, придерживаясь тактики компромиссов и даже жертвуя определенной частью суверенитета страны, все же не позволить «илхагистам» и стоящим за ними силам полностью монополизировать государственную власть, тем самым сохранив перспективу демократического и независимого развития Азербайджана в будущем.

Ситуация еще больше осложнилась тем, что представители социалистических партий в знак протеста против действий Нури-паши решили выйти из состава Национального Совета, тем самым сняв с себя всякую ответственность за дальнейшее развитие событий.

В этой критической обстановке инициативу снова взял в свои руки М.Э. Расулзаде, повторно призвав членов Национального Совета не поддаваться эмоциям. Он решительно выступил против добровольной уступки Нури-паше права формирования нового правительства Азербайджана. М.Э. Расулзаде напомнил своим коллегам по Национальному Совету о том, что «если мы не воспользуемся данными нам народом правами и уступим организацию правительства другим силам, то будет опасность формирования реакционного правительства»¹⁰².

Позицию М.Э. Расулзаде поддержал и Н. Усуббеков. В своем обращении к участникам заседания Н. Усуббеков, имея в виду «илхагистов» и их покровителей из числа турецких офицеров, в частности, сказал: «Эти личности хотят пользоваться нашими правами. Если мы не захотим сделать никаких уступок и крепко будем держаться за наши права, то повредим международному положению страны. Но в такой серьезный момент это не будет делом патриота. А потому я предлагаю принять отставку кабинета и предложить нашему председателю поручить формирование нового правительства тому, кому он доверяет. Новоорганизован-

¹⁰² ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

ному правительству дадим все полномочия с условием сохранения завоеваний свободы и верности им, чтобы оно управляло страной, созвало в ближайшем будущем Учредительное собрание и не уступало добровольно никому своих прав и сдалось бы только силе и штыкам. Я должен заявить, что буду первым защитником независимости против всяких покушений»¹⁰³.

Взвешенная и прагматичная позиция М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова, а также их скоординированные действия позволили склонить членов НС к принятию компромиссного решения. По предложению Н. Усуббекова участники заседания единогласно проголосовали за отставку кабинета Ф. Хойского и поручили председателю НС М.Э. Расулзаде выдвинуть кандидатуру, ответственную за формирование нового правительства.

Формирование нового кабинета председатель НС М.Э. Расулзаде вновь поручил Ф. Хойскому. Затем Национальный Совет принял постановление о правах и обязанностях правительства Ф. Хойского. Согласно этому документу правительство не имело «права отменить государственную независимость и существующие политические свободы, а также изменить революционные законы по аграрному и другим подобным важным вопросам». Постановление также обязывало правительство Ф. Хойского принять незамедлительные меры с целью созыва Учредительного собрания Азербайджана в течение ближайших шести месяцев. В остальных вопросах управления государством правительство имело полную свободу действий¹⁰⁴. После этого, передав «всю полноту власти образованному под председательством Ф. Хойского правительству», НС принял решение о своем роспуске¹⁰⁵.

В своей заключительной речи на заседании М.Э. Расулзаде признал, что «уход со сцены Национального Совета, являвшегося хотя бы отчасти народным представительством во временной столице Азербайджана – г. Гяндже, несомненно, должен считаться отступлением демократии и успехом реакционных сил». Тем

¹⁰³ Там же. Л. 57.

¹⁰⁴ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 149. Л. 89.

¹⁰⁵ Там же.

не менее он призвал членов Национального Совета не отчаиваться и не терять оптимизма.

Далее, анализируя происходящие на территории бывшей Российской империи политические процессы, М.Э. Расулзаде заявил: «Нынешнее положение рождает в нас мысль о крахе русской революции. Но, господа, не обманем себя внешним видом, не будем думать так поверхностно. Пусть говорят что хотят, – русская революция вовсе не потерпела крах. Что должна была совершить российская революция? На этот вопрос не надо отвечать с точки зрения русских революционеров, отравленных мыслью о «Великой России», а следует анализировать природу самой революции. Если поступим так, то станет очевидным, что русская революция должна была освободить униженные и обездоленные классы и поработанные народы. Мы должны признать, что обездоленные классы получили больше, чем хотели, а народы получают независимость один за другим. Да, разрушается великая Россия, охватывающая шестую часть всей суши. Но разве революция обязана была воссоздать великую Россию? Категорически нет».

М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что «положение будет лучше прежнего. А потому до сих пор живу надеждами. Я знаю, что Азербайджан полностью будет пользоваться демократическими принципами и свободами российской революции, и не сомневаюсь в том, что в независимом Азербайджане общественные и личные свободы будут шире, чем в прежней деспотической России. Даже, господа, хочу утверждать, что Азербайджан будет счастливее Грузии, считающейся самой свободолюбивой и революционной республикой на Кавказе».

Не считая нужным реагировать на выпады политических противников Национального Совета, М.Э. Расулзаде лишь выразил уверенность в том, что «через несколько месяцев свободные народные выборы покажут истинное желание народа. Сам народ будет судьей в этом споре, и истина выяснится».

В завершение своего выступления, обращаясь к членам Национального Совета, М.Э. Расулзаде сказал: «Не забудем, что

исторический момент благоприятствует нашим национальным идеалам. И будем надеяться, что скоро увидимся в столице Азербайджана – Баку, в Учредительном собрании. Да здравствует Азербайджан! Да здравствует тюркский народ!»¹⁰⁶ Как показало дальнейшее развитие событий, эти слова М.Э. Расулзаде оказались поистине пророческими.

Таким образом, в борьбе с «илхагистами» Национальному Совету удалось, хотя и в значительно ограниченной форме, сохранить независимость Азербайджана. Ради этого члены Национального Совета фактически добровольно отказались от политической власти, приняв решение о своем самороспуске. Тем самым они наглядно продемонстрировали, что национальные интересы для них выше всяких личных амбиций.

Июньский кризис 1918 года был обусловлен не только противостоянием двух различных политических течений с собственным видением перспектив государственного развития Азербайджана, но и столкновением двух взаимоисключающих проектов национального развития. Это был выбор между интеграцией в состав Османской империи и созданием собственной государственности у азербайджанских тюрков. В этом столкновении двух различных направлений руководители НС во главе с М.Э. Расулзаде сделали однозначный выбор в пользу создания азербайджанской национальной государственности. Это имело судьбоносное значение для дальнейшего национального развития азербайджанских тюрков.

Этот выбор азербайджанских лидеров и в первую очередь М.Э. Расулзаде был обусловлен их скептическим отношением к «романтическому пантуранизму». Представители этого течения «одно кровное родство тюркских народов, некоторую общность их языков, а также религиозное их однородство считали доказательством принадлежности всех тюркских народов к единой нации. И стремились при удобной политической комбинации создать единое турецкое государство»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

¹⁰⁷ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 70.

Не отрицая прогрессивную историческую роль «романтического пантуранизма» в ослаблении позиций религиозно-исламской идеологии в тюркском мире и в пробуждении тюркских народов к независимой национальной жизни, М.Э. Расулзаде, тем не менее, считал эту идею «утопией, не имеющей под собой реальной почвы»¹⁰⁸.

М.Э. Расулзаде считал идеологию «романтического пантуранизма» уже пройденным этапом. По его собственному признанию, эта идеология особенно не привлекала азербайджанских лидеров, поскольку «при развивающейся демократической структуре нового азербайджанского общества, возникающего на развалинах феодального Средневековья, движение с явно противоположными тенденциями, конечно, не могло иметь успеха»¹⁰⁹. Он исходил из того, что «единой тюркской нации нет, а существуют только нации тюркской расы»¹¹⁰. Как он отмечал, азербайджанские лидеры «добивались прежде всего освобождения отдельных тюркских народов в виде отдельных независимых государств»¹¹¹. Именно лозунг «независимого Азербайджана» составлял сердцевину стройной идеологии азербайджанизма.

М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «романтического, политического «пантуранизма» уже нет, есть только «тюркизм», преследующий исключительно реальные и конкретно-национальные цели». Это означало, что «оставаясь в пределах своей национальной политики и прежде всего базируясь на свои собственные силы сохранить свое существование и работать над благоденствием собственного народа», а не подвергать его «разорению в погоне за несбыточной и утопичной мечтой», которой является создание единого государства всех тюркских народов»¹¹².

М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «национальное самосознание тюркских народов от расовой идеологии переходит на

¹⁰⁸ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 71.

¹⁰⁹ Там же. С.70-71.

¹¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹¹ Там же. С. 70.

¹¹² Там же. С. 53.

идеологию национальную»¹¹³. По его словам, «подобно славянским народам, которые, воодушевившись панславизмом, затем национально осознавши себя, стремились к свободе и независимости и ныне являются вполне самостоятельными, азербайджанский народ, в свое время объективно воодушевившись революционизирующей идеей пантуранизма, субъективно пришел к идее защиты своего национального бытия»¹¹⁴.

М.Э. Расулзаде предлагал строить отношения между тюркскими народами не на основе их этнического родства, а на базе интересов каждого народа. В его трактовке лишь наличие общих интересов в борьбе за национальное освобождение и стремление консолидировать силы тюркских народов в этой борьбе, а не идея единого тюркского государства составляло содержание «тюркского единства». Таким образом, речь шла о налаживании сотрудничества и взаимопомощи тюркских народов в борьбе за реальные и конкретные национальные идеалы.

М.Э. Расулзаде особо подчеркивал, что между «вчерашним пантуранизмом и сегодняшним тюркизмом такая же разница, какая имелаась в понимании панславизма между чешскими идеологами Ф. Палацким и К. Гавличеком». Как известно, первый из них ратовал за создание единой славянской империи под владичеством великой братской России, и освобождение чехов ожидал исключительно со стороны России. А второй, оставаясь верным славянству, как бы в противоположность этой иллюзии в своих воззрениях опирался на реальную почву, выдвинув лозунг «независимой Чехии». Он утверждал, что освобождение чехов произойдет в первую очередь непосредственно их собственными силами¹¹⁵. «И сегодняшняя Чехословакия, можно сказать, плод этой реалистической мысли», – подчеркивал М.Э. Расулзаде.

В этой связи М.Э. Расулзаде резонно отмечал, что если идея о славянском объединении не была помехой для образования чехословацкого государства, то и идея тюркского единства не может

¹¹³ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 79.

¹¹⁴ Там же. С. 81.

¹¹⁵ Там же. С. 25.

служить препятствием для создания Азербайджанского государства. По его словам, «какой-либо идеалист в масштабе Ф. Палацкого может быть и сейчас воодушевлен мыслью, что в один прекрасный день все славянские народы, в том числе Чехословакии, образуют политическое единство. Однако эта идея не может отрицать факта существования Чехословакии как самостоятельного и независимого государства». М.Э. Расулзаде считал, что это также применимо и в отношении идеи азербайджанской независимости¹¹⁶. В этом контексте не удивительно, что М.Э. Расулзаде ратовал за освобождение конкретных тюркских народов и создание их национальной государственности, а не за объединение их в едином государстве.

По мнению М.Э. Расулзаде, идеи «романтического пантуранизма» сохранили свою ценность лишь в области культуры, в борьбе за сохранение культурного наследия тюркских народов¹¹⁷. Он признавал тюркизм не как политическое, а как «научно-философско-эстетическое течение», являющееся методом борьбы за культурное объединение тюркских народов. «Мы – народники в политике, тюркисты в культуре!» – заявлял М.Э. Расулзаде¹¹⁸.

Характерно, что подобная концепция азербайджанских деятелей и их приверженность к идее «независимого Азербайджана» определенными политическими кругами Османской империи воспринималась чуть ли не показателем враждебного отношения азербайджанцев к «интересам Турции и тюркского единства»¹¹⁹. Одна из турецких газет того времени с тревогой писала, что «в Азербайджане появились партии либеральная и консервативная, но не появилась партия присоединения к Турции»¹²⁰.

В этой ситуации азербайджанским лидерам приходилось доказывать, что лозунг независимого Азербайджана не противоречит интересам Турции. Тем не менее подобная пропаганда посредством СМИ не могла не вызывать у определенной части

¹¹⁶ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 25-26.

¹¹⁷ Там же. С. 26.

¹¹⁸ Там же. С. 47.

¹¹⁹ Там же. С. 71.

¹²⁰ Там же. С. 72.

турецкого общества негативного отношения к лидерам АДР. И эти настроения впоследствии сыграли не последнюю роль в большевистской оккупации Азербайджана в апреле 1920 года, чему в немалой степени содействовали некоторые круги в правящей элите Турции.

Как бы то ни было, перипетии июньского кризиса 1918 года лишней раз демонстрируют всю лживость доминировавших в советской историографии утверждений о том, что якобы «мусаватисты были врагами независимости азербайджанского народа» и стремились «включить Азербайджан в состав Османской империи и тем самым полностью обезопасить себя от революции»¹²¹. В борьбе с «илхажистами» Национальный Совет и его председатель М.Э. Расулзаде поставили во главу угла интересы азербайджанской независимости, не дав «илхажистам» возможности реализовать свои замыслы относительно присоединения Азербайджана к Османской империи. Хотя и в значительно урезанной форме, азербайджанскую независимость все же удалось сохранить. И это было главным достижением политических сил, сгруппировавшихся под руководством М.Э. Расулзаде в Национальном Совете Азербайджана.

Ликвидация июньского политического кризиса 1918 года все не означала завершение противостояния двух направлений государственного развития Азербайджана. Тем более что этот кризис привел к усилению позиций «илхажистов» во внутривнутриполитической жизни Азербайджана. После июньских событий они начали применять тактику выхолащивания самой сути идеи независимости. Для этого «илхажисты» использовали различные средства – от широкомасштабного наступления на демократические права и свободы азербайджанских граждан до удаления из страны наиболее авторитетных лидеров национального движения.

При благословении Нури-паши создавались всевозможные искусственные препятствия на пути построения демократического и независимого Азербайджанского государства. Введение

¹²¹ *Токаржевский Е.А.* Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957. С. 83.

различного рода запретительных мер полностью парализовало общественно-политическую жизнь страны. После июньских событий политические партии, в том числе «Мусават», фактически были вынуждены приостановить свою деятельность или в значительной степени ее ограничить. Не случайно, что, выступая в декабре 1919 года на II съезде «Мусавата», сам М.Э. Расулзаде характеризовал этот период как застойный для партии. «За все время нахождения турок на территории Азербайджана, – отмечал он, – партийная жизнь замерла»¹²².

Безусловно, частично эти меры можно было объяснить чрезвычайностью ситуации, связанной с оккупацией значительной части территории Азербайджана, включая его столицу – Баку, большевистско-дашнакскими бандами. Но даже это обстоятельство не оправдывает многие жесткие меры, принятые под давлением Нури-паши и «илхагистов», которые однозначно являлись шагом назад в демократическом развитии страны. В частности, речь идет о предоставлении шейхуль-исламу права участия в заседаниях правительства с решающим голосом. Кроме того, образование министерства религиозных дел противоречило принципу разделения церкви и государства и стало серьезным ударом по светской модели государства, о приверженности к которой неоднократно заявлял М.Э. Расулзаде и его близкие соратники¹²³.

Но лучше всего об истинных замыслах Нури-паши и «илхагистов» свидетельствует решение правительства от 21 июня 1918 года, согласно которому государственным флагом Азербайджанской Республики было объявлено полотнище, «изготовленное из красной материи с изображением белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красном фоне»¹²⁴. Этот флаг был фактически идентичен государственному флагу Османской империи. Единственное различие заключалось в том, что в турецком флаге звезда была пятиконечной¹²⁵.

¹²² Азербайджан. 1919. 6 декабря.

¹²³ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 45. Л. 2.

¹²⁴ Там же. Д. 149. Л. 47.

¹²⁵ *Hüseynzadə Ə. Azərbaycanca düşüncülərim // Hüseynov Ş. Milli haqq və ədalət axtarışında. Bakı, 2004. S. 149.*

По существу, со стороны Нури-паши и «илхагистов» предпринимались энергичные шаги в направлении приведения политических институтов и государственных структур Азербайджана в соответствие с политической системой Османской империи, которая в то время уже являлась анахронизмом. В реальной практике это означало осуществление ползучей аннексии.

Чтобы снизить до минимума противодействие этим планам со стороны национальных сил и получить полную свободу действий в их реализации, Нури-паша и «илхагисты» решили избавиться от лидера национального движения и наиболее последовательного сторонника азербайджанской независимости, в срочном порядке отправив его за пределы страны. Так, уже на следующий день после роспуска Национального Совета, 18 июня 1918 года, М.Э. Расулзаде под предлогом участия на Стамбульской конференции во главе азербайджанской дипломатической миссии был отправлен в Турцию¹²⁶. В состав миссии, кроме М.Э.Расулзаде, входили также А. Сафикюрдский и Х. Хасмамедов.

Стамбульская конференция была задумана для налаживания сотрудничества между новообразованными кавказскими государствами и странами – участниками коалиции центральных держав в составе Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Но истинной причиной такого решения было желание Нури-паши и «илхагистов» свести до минимума возможности влияния М.Э. Расулзаде на внутривнутриполитические процессы в Азербайджане.

Правда, М.Э. Расулзаде были предоставлены широкие полномочия. Он получил право подписывать на планируемой Стамбульской конференции от имени Азербайджанского правительства любые документы политического, военного и финансово-экономического характера¹²⁷. Однако, не умаляя значение поставленных перед дипломатической миссией задач, в том числе важность самой Стамбульской конференции, все же хочется отметить, что по степени значимости они не шли ни в какое сравнение

¹²⁶ ГА АР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹²⁷ *Həsənov C. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sistemində (1918-1920-ci illər). Bakı, 1993. S. 101.*

с теми судьбоносными проблемами азербайджанской независимости, которые в то время предстояло решить внутри Азербайджана. Данное обстоятельство делало необходимым присутствие М.Э. Расулзаде как лидера национального движения именно в Азербайджане. По крайней мере, при желании без всякого ущерба для государственных интересов Азербайджана М.Э.Расулзаде легко можно было заменить другим лицом в составе этой дипломатической миссии.

Однако смертельная опасность, угрожавшая в тот момент азербайджанскому населению со стороны вооруженных сил Бакинского Совета, отодвигала на задний план эти негативные моменты во взаимоотношениях между азербайджанским правительством и турецким командованием, заставляя их, отбросив все разногласия в сторону, выступить единым фронтом против общего врага.

В этом отношении турецкая военная помощь сыграла ключевую роль в защите зарождающейся азербайджанской государственности от посягательств большевистско-дашнакских сил. В отношении тюркских народов Кавказа и Центральной Азии Турция выполняла ту же освободительную миссию, что и Россия на Балканах. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, несмотря на все коллизии азербайджано-турецких отношений, «память о турках в наших сердцах останется такая же, какая осталась в Болгарии о русских героях, пришедших туда для ее освобождения»¹²⁸.

24 июня 1918 года М.Э. Расулзаде во главе азербайджанской делегации прибыл в Стамбул. Характерно, что даже свою фактически «политическую ссылку» в Стамбул он использовал с максимальной отдачей для защиты интересов независимого Азербайджана. В своем первом же письме после прибытия в Стамбул, адресованном военному министру Турции Энвер-паше, М.Э.Расулзаде главный акцент сделал именно на необходимости сохранения и упрочения азербайджанской независимости. Он обращал внимание Энвер-паши на то обстоятельство, что национальные интересы Османской империи диктуют необходимость

¹²⁸ Азербайджан. 1919. 12 февраля.

существования самостоятельной и сильной Азербайджанской Республики. В письме содержалась подробная информация о ситуации в стране и поднимался вопрос ускорения принятия решения относительно турецкой военной помощи Азербайджану в связи с событиями в Бакинской губернии.

Следует отметить, что в период нахождения в Стамбуле М.Э.Расулзаде особо волновала судьба Баку. Дело в том, что многие ведущие государства мира, и в первую очередь Россия, Великобритания и Германия, в то время пытались установить свой контроль над богатейшими нефтяными месторождениями Баку, поскольку «нефть для воюющих сторон была необходима, как вода»¹²⁹. Причем противоречия в этом вопросе имелись не только между Антантой и коалицией центральных держав, но и внутри каждого из этих блоков.

Как свидетельствует донесение М.Э. Расулзаде из Стамбула от 19 июля 1918 года, немцы, являвшиеся союзниками Османской империи в Первой мировой войне, тем не менее активно противодействовали взятию Баку со стороны турецко-азербайджанских сил, аргументируя свою позицию тем, что в этом случае большевики могут сжечь нефтяные промыслы¹³⁰. В этой связи неудивительно, что летом 1918 года за спиной азербайджанского правительства происходил настоящий торг между представителями различных государств, предметом которого являлся Баку с его нефтяными богатствами.

Примером тому являлись переговоры между Россией и Германией, которые велись в течение всего июля и августа 1918 года и завершились 27 августа подписанием дополнительного соглашения к Брест-Литовскому мирному договору. Некоторые положения этого соглашения напрямую касались Азербайджана. Согласно этим положениям Германия взяла на себя обязательство препятствовать пересечению границ Шемахинского и Бакинского уездов вооруженными силами третьей державы. Очевидно, что речь шла о турецких войсках, в то время задействованных в Азер-

¹²⁹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 2.

¹³⁰ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 2.

байджане для освобождения Бакинской губернии от большевистско-дашнакских сил. Взамен за эту «услугу» Россия должна была поставлять Германии ежемесячно четвертую часть всей добываемой в Баку нефти¹³¹.

Практическая значимость этого соглашения была равна нулю, поскольку в момент его подписания большевистская Россия уже не контролировала Баку, а Германия не обладала в регионе сколько-нибудь серьезной военной силой, а также необходимыми рычагами, чтобы приостановить продвижение турецко-азербайджанских войск к Баку. Тем не менее в связи с подписанием данного соглашения 12 сентября 1918 года М.Э. Расулзаде в качестве главы азербайджанской делегации в Стамбуле вручил посланнику германского правительства в Турции графу Вальдбургу ноту, в которой выражался протест против признания Германией суверенитета России над городом Баку, «естественной столицей, интеллектуальным, экономическим и политическим центром Азербайджана»¹³².

В ноте подчеркивалось, что «азербайджанский народ, пользуясь правом, которое было провозглашено русской революцией и подтверждено русским правительством в Брест-Литовске, а именно правом самоопределения, сбросил вековое иго и провозгласил свою независимость в твердой уверенности, что сможет рассчитывать на симпатии Четверного Соглашения»¹³³.

В ноте с исторической, географической, культурной, экономической и этнографической точек зрения обосновывалась принадлежность Баку к Азербайджану. До сведения германского посла доводился и тот факт, что Баку «с незапамятных времен являлся крупным центром азербайджанских тюрок и был аннексирован Россией лишь в 1813 году»¹³⁴.

Отмечая значимость Баку для независимого существования Азербайджана, М.Э. Расулзаде писал: «Все политические, эконо-

¹³¹ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. С. 226.

¹³² ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

мические и общественные институты, духовные учреждения, школы и благотворительные общества, культурные центры, мусульманские типографии – все сконцентрировано в Баку, который одновременно является центром объединения всей нашей интеллигенции. Это центр, объединяющий все материальные и нравственные силы, способные создать независимость страны»¹³⁵.

Как отмечалось в ноте, «этот вопрос является для Азербайджана не просто проблемой территориального приращения, а скорее условием жизнеспособности страны», в то время как для других государств, претендующих на Баку, город представляет лишь экономический интерес. При этом от имени азербайджанского правительства М.Э. Расулзаде гарантировал обеспечение «коммерческих и экономических интересов тех стран, которые будут поддерживать с нами дружеские отношения, в особенности интересов такой великой промышленной державы, как Германия». В конце документа выражалась «твердая надежда» на то, что данная позиция азербайджанского правительства и права азербайджанцев «на этот город будут серьезно приняты во внимание императорским германским правительством»¹³⁶.

Безусловно, М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал, что подобными дипломатическими демаршами вряд ли удастся решить проблему Баку в пользу Азербайджана. Поэтому в своем письме министру иностранных дел Азербайджана М.Г. Гаджинскому от 6 сентября 1918 года он подчеркивал, что «вопрос Баку зависит только от силы. Если Баку не будет взят – все кончено. Прощай Азербайджан»¹³⁷. Он нисколько не сомневался в том, что «величайшим и достойнейшим ответом» на русско-германское соглашение от 27 августа 1918 года может стать только «взятие Баку»¹³⁸.

Анализируя происходящие процессы, связанные с попытками различных государств установить свой контроль над нефтяными месторождениями Баку, он настоятельно требовал от азербай-

¹³⁵ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

¹³⁶ Там же. Л. 3.

¹³⁷ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 154. Л. 16.

¹³⁸ Там же. Д. 31. Л. 29.

джанского правительства «любыми средствами, любыми путями в ближайшее время освободить Баку»¹³⁹. Так, в своем послании от 6 августа 1918 года М.Э. Расулзаде, обращаясь к своим соратникам, в частности, писал: «Во что бы то ни стало Вы должны взять Баку. Чтобы всех поставить перед лицом свершившегося факта. Тогда события приобретут совершенно другой оборот. Большевики могут угрожать сопротивлением, но я полагаю, что они не будут воевать, поскольку в настоящее время они заняты внутренними распрями»¹⁴⁰.

Примечательно, что М.Э. Расулзаде советовал освободить Баку азербайджанскими силами. Он считал, что «движение в сторону Баку обязательно должно быть от имени Азербайджана, город должен быть освобожден азербайджанским правительством. В противном случае возможны затруднения»¹⁴¹. В этой связи он призывал азербайджанских руководителей «наряду с проявлением политической инициативы изо всех сил стараться и в организации военного дела»¹⁴².

Правда, все это отнюдь не означало, что М.Э. Расулзаде недооценивает значимость турецкой военной помощи или же вообще отказывается от нее. Наоборот, во время нахождения в Стамбуле М.Э. Расулзаде пытался добиться усиления турецкого военного присутствия в Азербайджане, неоднократно поднимая этот вопрос перед представителями правительства Османской империи. Но одновременно он указывал членам азербайджанского правительства, что «нельзя все наши проблемы разрешить с помощью турецких войск». Как истинный патриот своей родины М.Э. Расулзаде мечтал о создании сильной современной армии в Азербайджане, способной защищать суверенитет страны. Поэтому он предлагал национальному правительству в кратчайшие сроки издать закон о всеобщей воинской обязанности: «Пусть начнется набор, а то ожидать всего от «анатолийского мамед-

¹³⁹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 154. Л. 9.

¹⁴⁰ Там же. Д. 31. Л. 19.

¹⁴¹ Там же. Д. 154. Л. 9.

¹⁴² Там же. Л. 15.

чика» (имеются в виду турецкие солдаты. – А.Б.) будет неправильно... Население думает, что все наши вопросы разрешаются войсками, прибывающими из Анатолии»¹⁴³.

Он был встревожен тем фактом, что первая попытка Нури-паши собрать азербайджанских добровольцев с целью освобождения Баку фактически провалилась, поскольку на этот призыв, по сведениям Энвер-паши, откликнулись только 36 человек. По этой причине М.Э. Расулзаде предлагал объявить всеобщую воинскую повинность и призвать в армию «всех от 20 до 25-летнего возраста». При этом он отмечал, что при встречах с иностранными дипломатами в Стамбуле все они начинают разговор с вопроса: «Начали ли организовывать войско? Этот вопрос интересует всех: друзей, врагов, политиков, население. Этот вопрос – всем вопросам начало»¹⁴⁴. В этой связи он предлагал незамедлительно учредить военное министерство.

Следует отметить, что азербайджанской делегации во главе с М.Э. Расулзаде приходилось действовать в Стамбуле в очень непростых условиях, обусловленных отсутствием более или менее налаженной связи с азербайджанским правительством. Это затрудняло получение оперативной информации о положении внутри страны и принятых азербайджанским правительством решениях. По словам М.Э. Расулзаде, в течение первых трех месяцев нахождения в Стамбуле делегации удалось получить от азербайджанского правительства только три пакета с необходимыми официальными документами. Данное обстоятельство создавало немалые проблемы для деятельности азербайджанской делегации.

Достаточно отметить, что даже радостную весть об освобождении 15 сентября 1918 года города Баку объединенными турецко-азербайджанскими войсками М.Э. Расулзаде получил не из официальных источников Азербайджана, а по телефону от тогдашнего военного министра Турции Энвер-паши. «Это краткое сообщение вызвало у меня такие чувства, которые невозможно выразить словами», – отмечал М.Э. Расулзаде.

¹⁴³ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 154. Л. 4-5.

¹⁴⁴ Там же. Л. 5.

Действительно, трудно переоценить значимость этого события для укрепления азербайджанской независимости. Как писала газета «Азербайджан», «если дату 28 мая мы считаем официальным днем провозглашения нашей независимости, то день 15 сентября, день вступления азербайджанских войск и азербайджанского правительства в Баку, можно считать днем закладки фундамента и главных основ государственного организма»¹⁴⁵. В этом отношении освобождение Баку стало одним из важных этапов на пути построения независимого Азербайджанского государства.

Хотя Стамбульская конференция так и не состоялась, но азербайджанская делегация выполнила значительный объем работы для защиты национальных интересов Азербайджана. В своих многочисленных встречах с представителями дипломатических миссий различных государств, аккредитованных в Стамбуле, М.Э. Расулзаде пытался довести до них истинную информацию о ситуации в Азербайджане, о целях и задачах национального правительства.

Не всегда эти встречи проходили гладко, поскольку даже представители некоторых соседних государств, мягко говоря, с раздражением воспринимали провозглашение азербайджанской независимости. В этом отношении достаточно характерным является негативная реакция тегеранского режима на это событие. Как вспоминал М.Э. Расулзаде, будучи летом 1918 года в Стамбуле, он отправил в персидское консульство текст декларации об объявлении независимости Азербайджана. Сотрудники консульства, положив все эти документы в один пакет, вернули их обратно с сопроводительным письмом, в котором подчеркивалось, что иранское правительство не признает самостоятельного государства под названием Азербайджан. Одновременно в МИД Азербайджана была направлена нота протеста иранской стороны с утверждением, что территория Азербайджанской Республики якобы составляет неотъемлемую часть Персии¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Азербайджан. 1919. 28 мая.

¹⁴⁶ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Внешняя политика: Документы и материалы. Баку, 1998. С. 70.

При этом М.Э. Расулзаде с сожалением отмечал, что в то время аналогичной позиции придерживались не только правящие круги Ирана, но и многие азербайджанцы, проживающие в этой стране. Например, один из соратников М.Э. Расулзаде по Конституционной революции в Иране – С.Г. Тагизаде, руководствуясь принципами персидского патриотизма, высказывал свое недовольство политикой азербайджанского правительства, направленной на создание самостоятельной государственности азербайджанских тюрок. Даже С.Дж. Пишевари, впоследствии ставший лидером национального движения иранских азербайджанцев во время Второй мировой войны, в 1918 году придерживался позиции неприятия независимости Азербайджана, также считая его исторической областью Ирана¹⁴⁷.

Летом 1918 года вопрос установления окончательных границ между закавказскими государствами был предметом интенсивных консультаций в Стамбуле между дипломатами различных государств. В них активное участие принимали и члены азербайджанской делегации. Учитывая сложность данного вопроса, М.Э. Расулзаде приходилось использовать все свое дипломатическое мастерство для нейтрализации территориальных притязаний соседних Грузии и Армении к Азербайджану.

Как и следовало ожидать, больше всего проблем для азербайджанской делегации создавали армянские представители, которые, по выражению М.Э. Расулзаде, «развернули в Стамбуле отчаянную пропаганду туркофильства». Подобным способом они пытались добиться уступок в свою пользу в территориальных вопросах как от Турции, так и от Азербайджана. В частности, как информировал из Стамбула М.Э. Расулзаде, в представленном Энвер-паше проекте армяне требовали от Турции – Сурмали, Нахичевань, Ахалкалаки, Эчмиадзин и Эривань, а от Азербайджана – Казахский, Карабахский, Зангезурский и Ордубадский уезды¹⁴⁸.

В этой связи глава азербайджанского правительства Ф. Хойский, инструктируя М.Э. Расулзаде, писал: «Вам надо всемерно

¹⁴⁷ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

¹⁴⁸ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 21.

отстаивать границы Азербайджана; если армяне заявят претензии на Карабах, то тогда откажитесь уступить им Эривань и часть Казахского уезда, если же армяне останутся на почве состоявшегося устного соглашения, то даже можно было бы уступить им часть Эриванского уезда...»¹⁴⁹. Данное письмо Ф. Хойского лишнее раз свидетельствует о том, что решение Национального Совета Азербайджана от 29 мая 1918 года об уступке города Эривани армянской стороне было результатом достигнутого между сторонами джентльменского соглашения. Согласно его условиям армяне, получив Эривань в качестве столицы, обязались отказаться от притязаний на другие азербайджанские регионы, и в первую очередь на Карабах.

Впрочем, в территориальных спорах с Арменией М.Э.Расулзаде занимал достаточно жесткую позицию, выступая против каких-либо серьезных послаблений в этом вопросе армянской стороне. Как он резонно замечал в своем донесении М.Г. Гаджинскому, «пойти на уступку в этих вопросах армянам означает дать возможность разыграть их аппетиту»¹⁵⁰.

Для сравнения отметим, что М.Э. Расулзаде в вопросах решения территориальных проблем с Грузией занимал гораздо более гибкую позицию. Он даже не исключал возможность определенных территориальных уступок грузинам, чтобы «составить с ними союз». В письме М.Г. Гаджинскому он по этому поводу, в частности, писал: «Было бы очень хорошо, если бы вы пришли с грузинами к соглашению и разрешили бы вопрос окончательно»¹⁵¹. Он не без основания считал, что достижение договоренности с грузинами значительно укрепит позиции Азербайджана в противостоянии с Арменией.

Но при этом М.Э. Расулзаде подчеркивал необходимость оставления в пределах Азербайджана участков Борчалы и Караязы, а также Закатальского и Сигнахского уездов, на которые претендовала Грузия. Наиболее принципиальное значение для него

¹⁴⁹ Государственный архив политических партий и общественных движений
Управления делами президента Азербайджанской Республики
(далее – ГАППОД УДПАР). Ф. 277. Оп. 2. Д. 7. Л. 37.

¹⁵⁰ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 27.

¹⁵¹ Там же.

имело включение в состав Азербайджана южной части Борчалы, что позволило бы иметь прямой коридор с Турцией¹⁵².

Следует отметить, что, возглавляя азербайджанскую делегацию в Стамбуле, М.Э. Расулзаде занимался решением не только политических, но и финансово-экономических проблем, с которыми в то время сталкивалось азербайджанское правительство. Характеризуя финансовую ситуацию в стране, 11 июля 1918 года премьер-министр Ф. Хойский сообщал М.Э. Расулзаде о том, что «правительство наше сейчас сильно нуждается в деньгах. Выпущенные общезакавказские боны, из которых Азербайджану досталось очень мало, иссякли, и мы накануне полного безденежья».¹⁵³ Поэтому перед М.Э. Расулзаде была поставлена задача – добиться от турецкого правительства открытия кредитной линии азербайджанскому правительству, а также организовать в Стамбуле печатание первых азербайджанских денежных знаков¹⁵⁴.

За относительно короткий срок М.Э. Расулзаде удалось решить эти проблемы. И уже в начале сентября 1918 года он информировал МИД Азербайджана о подписании с турецким правительством соглашения, которое предусматривало реализацию в этой стране азербайджанских товаров на сумму 2 млн. турецких лир. Причем из этой суммы азербайджанское правительство получало авансом 500 тыс. лир, что позволило несколько снизить остроту проблемы нехватки денежных купюр в стране¹⁵⁵.

М.Э. Расулзаде решил также проблему изготовления первых денежных знаков Азербайджанской Республики, печатание которых началось в начале сентября 1918 года. Как он писал из Стамбула, «Азербайджан будет иметь двоякого рода денежные знаки: азери и более мелкие разменные монеты. Азери будет нашей денежной единицей. Азери будут достоинством в 1, 2, 5, 10, 25, 50, 100, 500, затем будут отчеканены монеты достоинством в 1, 5, 10, 15, 20, 25, 50, которые будут использованы в

¹⁵² Там же.

¹⁵³ ГАШПОД УДПАР. Ф. 277. Оп. 2. Д. 21. Л. 4.

¹⁵⁴ ГАШПОД УДПАР. Ф. 277. Оп. 2. Д. 21. Л. 4.

¹⁵⁵ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 12-13.

качестве разменных денег. Приступили к печатанию почтовых и гербовых марок»¹⁵⁶.

Несмотря на то что в период нахождения М.Э. Расулзаде в Стамбуле само дальнейшее существование Азербайджанской Республики было под большим вопросом, тем не менее он вынашивал далеко идущие планы относительно перспектив национального развития азербайджанских тюрков. В этом контексте немалый интерес представляют сведения М.Э. Расулзаде о его контактах в Стамбуле с представителями иранских азербайджанцев. В своем донесении от 19 июля 1918 года он, в частности, пишет: «Я здесь повидался с персидскими азербайджанцами. Они мои старые товарищи. В них я почувствовал тайную любовь к независимости Азербайджана. Многие из них разочаровались в Персии». Далее М.Э. Расулзаде сообщает об организации в Стамбуле общества южных азербайджанцев, занимающегося пропагандой тюркизма и азербайджанизма. При этом он выражал надежду на создание в будущем единого Азербайджанского государства путем объединения северной и южной частей страны¹⁵⁷.

Действительно, создание независимого Азербайджана способствовало пробуждению национального самосознания и среди иранских азербайджанцев. Не случайно, что заместитель дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Иране А. Садыхов сообщал о развитии в этой стране движения «азербайджанских самостийников, которые начинают проникаться национальным чувством и работать в пользу отделения от Ирана и образования независимого и самостоятельного Персидского Азербайджана. Это движение в настоящее время сильно беспокоит как персидское правительство, так и англичан, имеющих большие виды на богатейший край. В Персидском Азербайджане замечается также агитация в пользу отделения его от Персии и присоединения к Азербайджанской Республике. Азербайджанская Республика должна быть готова к грядущим событиям в Персии и использовать эти события в своих интересах»¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 8.

¹⁵⁸ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 162. Л. 18.

Об этом же информировал свое правительство и дипломатический представитель Азербайджана в Иране А. Зиядхан, который отмечал, что «отношение персов к нашей республике не особенно благожелательное, напротив – отношение тюрок персидского Азербайджана к нам дружественно-братское, тенденция Персидского Азербайджана – к автономии, самостоятельности и отделению от Персии»¹⁵⁹.

Нахождение в Стамбуле позволяло М.Э. Расулзаде быть в курсе всех международных событий, которые в тот период менялись порою с калейдоскопической быстротой. Ему удалось сразу же уловить изменение конъюнктуры на международной арене осенью 1918 года. Неудачи центральных держав на фронтах Первой мировой войны дали основание М.Э. Расулзаде сделать вывод об их обреченности. Пытаясь заранее подготовить членов азербайджанского правительства к предстоящим изменениям в международной обстановке, он еще в середине сентября 1918 года обращал их внимание на то обстоятельство, что «политическое положение принимает все более серьезный оборот. Уже прошло время рассуждать об исключительном торжестве Германии. Германия и ее союзники перешли на положение серьезной обороны. Австрия внутри переживает большие трудности. Внутри Турции положение также серьезное. В провинциях царствует голод и бандитизм»¹⁶⁰.

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде рекомендовал азербайджанскому правительству вести «самостоятельную энергичную политику, поскольку это будет в нашу пользу»¹⁶¹. Как он отмечал, «чем больше будете показывать Азербайджан, как самостоятельное государство, тем будет лучше»¹⁶². Поэтому в адресованной премьер-министру Ф. Хойскому телеграмме М.Э. Расулзаде требовал срочного созыва Национального Совета Азербайджана и отправки в Европу азербайджанской делегации с целью налаживания контактов с государствами Антанты¹⁶³.

¹⁵⁹ Гулиев В. Поколение поборников независимости // Зеркало. 2008. 2 августа.

¹⁶⁰ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 25.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. Л. 14.

¹⁶³ ГАШПОД УДПАР. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1. Л. 55.

Уже к концу сентября 1918 года М.Э. Расулзаде пришел к выводу о бессмысленности дальнейшего нахождения азербайджанской делегации в Стамбуле. Поэтому он считал, что «будет лучше и почетнее быть на местах, обращать больше внимания на накопление силы нации»¹⁶⁴. И в конце октября 1918 года М.Э. Расулзаде вернулся в Баку.

Как и предсказывал М.Э. Расулзаде, стремительная развязка событий на фронтах Первой мировой войны привела к кардинальным изменениям как на международной арене, так и в расстановке сил в Закавказском регионе, что, в свою очередь, поставило азербайджанских лидеров перед очередным серьезным испытанием. Потерпев поражение в войне, Турция 30 октября 1918 года подписала Мудросское перемирие с державами Антанты. Согласно условиям этого перемирия, Турция должна была вывести свои войска из Закавказья, которое объявлялось сферой влияния Великобритании¹⁶⁵.

Несмотря на все сложности азербайджано-турецких взаимоотношений, в тот период именно Турция являлась фактически единственной союзницей азербайджанского народа в его борьбе за независимость. Уход турок из Азербайджана не только создавал труднопреодолимые препятствия на пути достижения стратегических целей Азербайджанского национального движения, но и ставил под удар все предыдущие завоевания освободительной борьбы. Тем более что англичане, призванные заменить турок в регионе, не питали особых симпатий ни к азербайджанским лидерам, ни к декларируемым ими целям.

В силу этого первые контакты с англичанами не давали особого повода для оптимизма сторонникам азербайджанской независимости. Так, встречаясь в начале ноября 1918 года в Энзели с азербайджанской делегацией в составе Н. Усуббекова, А. Агаоглу и М. Рафиева, главнокомандующий британскими войсками в Иране генерал В. Томсон отказался признать азербайджанскую независимость. Он прямо заявил, что «не существует республики,

¹⁶⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 31. Л. 29.

¹⁶⁵ Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 2. С. 255.

родившейся согласно всеобщему желанию азербайджанского народа, имеется только правительство, организованное интригой турецкого командования». Правда, в ответ на возражение азербайджанских представителей В. Томсон обещал по прибытии в Баку со всеми проблемами разобраться на месте и «вынести соответствующее решение»¹⁶⁶.

В. Томсон поставил перед азербайджанскими представителями ряд требований, которые подробно изложены в телеграмме азербайджанской делегации, отправленной из Энзели. В частности, В. Томсон «настоятельно потребовал очищения Баку к десяти часам утра 17 ноября не только от турецких, но и от азербайджанских войск». При этом он заверил, что «будет оккупирован только Баку с промыслами. Азербайджанские войска останутся везде, кроме района Баку. Азербайджан официально не признается, но представители Англии, Франции, Америки будут в сношении с фактическим его правительством». Генерал также гарантировал, что «все организации, правительственные, государственные, общественные учреждения продолжают функционировать на прежних основаниях, за исключением следующих: генерал Томсон будет объявлен генерал-губернатором города. Во главе городской милиции станет англичанин. Городская дума, Совет съездов могут быть реорганизованы... Принцип самоопределения народностей решится на мирной конференции, причем Азербайджан не будет исключен. В отряде будет Л. Бичерахов с казаками, относительно действий которых генерал дает заверение; вооруженные армяне не будут впущены в город»¹⁶⁷.

17 ноября 1918 года английские войска прибыли в Баку. По прибытии в Баку генерал В. Томсон обратился с воззванием к населению города, в котором слово «Азербайджан» даже не упоминалось. Из содержания воззвания истекло, что англичане рассматривают Кавказ и Азербайджан составной частью России¹⁶⁸.

¹⁶⁶ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 44.

¹⁶⁷ Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927. С. 32-33.

¹⁶⁸ Азербайджан. 1919. 19 ноября.

Положение сторонников азербайджанской независимости дополнительно осложнялось тем, что вместе с англичанами в Баку прибыл вооруженный отряд Л. Бичерахова, новоиспеченного «главнокомандующего русскими морскими и сухопутными силами на Кавказе». Поздравив местное население «с возвращением русских и союзных войск в Баку», он в своем воззвании «К гражданам России» выразил уверенность в том, что «при помощи союзников Великая Русь скоро будет восстановлена в своих исконно старых границах»¹⁶⁹.

Действительно, политика английского командования в первые дни его пребывания в Баку в целом благоприятствовала устремлениям Л. Бичерахова и его единомышленников. Азербайджанское же население города, наоборот, находилось в весьма тревожном состоянии, которое еще больше усиливалось бесчинствами солдат Л. Бичерахова на улицах Баку. Бичераховские солдаты устраивали дебоши в азербайджанских кварталах города, срывали вывески на азербайджанском языке, разбивали витрины магазинов и даже сбивали папахи азербайджанцев.

Описывая положение национального правительства в тот период, М.Э. Расулзаде отмечал: «Турецкая армия ушла, нет и азербайджанских частей. Потому что прибывшее командование не признавало войск, называвшихся азербайджанскими частями. Собственно говоря, азербайджанские войска не представляли организованной силы, поскольку их численность составляла всего 1500 человек, причем они были рассредоточены по всей территории страны. В Баку национальное правительство смогло опереться лишь на полицейский корпус численностью в 500 чел. Но если даже национальное правительство обладало бы достаточной силой, естественно, немислимо было для Азербайджана открыть военные действия против армии, перед которой капитулировали Германия и Турция»¹⁷⁰.

Следует отметить, что первоначальное негативное отношение англичан к национальному правительству было обусловлено

¹⁶⁹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 119. Л. 4.

¹⁷⁰ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 44.

объективными факторами. Ведь азербайджанские лидеры в период после Февральской революции 1917 года во внешнеполитической сфере придерживались активной протурецкой ориентации, что вызывало явное раздражение англичан. К тому же еще были свежи в памяти события лета и осени 1918 года, связанные с освобождением Баку, когда азербайджанские и английские солдаты, находясь в противоположных сторонах фронта, сражались друг против друга.

Тем временем лидеры Русского Национального Совета в Баку, считавшие Азербайджан неотъемлемой частью России, чувствуя поддержку англичан, начали открыто требовать аннулирования азербайджанской независимости и передачи им всей полноты власти. Характеризуя сложившуюся в конце ноября 1918 года обстановку в стране, М.Э. Расулзаде писал: «С одной стороны, поддержанная авторитетом союзного командования вооруженная сила (отряд Л. Бичерахова. – *А.Б.*), не признававшая независимости Азербайджана, а с другой стороны – правительство, черпавшее силу из чаяний и воли азербайджанского народа и не опиравшееся на организованную военную силу. Русские организации и политические партии, являвшиеся подголоском союзного командования, до невозможности были избалованы и в высшей степени набрались смелости. Азербайджанцам говорили, что «откажитесь от независимости, объявленной вами, и мы окажем вам благоволение», и к этому любезно добавляли, что в правительстве, организуемом ими, азербайджанцами, сравнительно с другими, будут предоставлены очень высокие посты. Враждебность же и упрямство армянской организации были еще более явными»¹⁷¹.

В этой непростой ситуации даже некоторые опытные азербайджанские политики дрогнули, выступив, по сути, за принятие требований Русского Национального Совета. Например, Ахмед бек Агаоглу, выступая на заседании Русского Национального Совета, так изложил свои взгляды на создавшееся положение: «В результате мировой войны Турция, на которую до сего времени

¹⁷¹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 46.

опирались азербайджанские турки, оказалась побежденной. Поскольку азербайджанцы могут ориентироваться только на Турцию и Россию, то с поражением Турции им ничего не остается, как связать свою судьбу с судьбой России. Тем более что в культурном отношении Россия стоит на более высокой ступени, нежели Турция. Исходя из этих соображений, а также если азербайджанский вопрос не будет разрешен на мирной конференции в Европе, то азербайджанский народ должен согласиться войти в состав общероссийской федерации»¹⁷².

Предложение А. Агаоглу фактически означало отказ от идеи государственной независимости Азербайджана и капитуляцию перед Русским Национальным Советом, ранее в ультимативной форме потребовавшем от азербайджанских лидеров признания будущей федеративной связи Азербайджана с Россией в качестве базы переговоров.

Именно имея в виду А. Агаоглу, М.Э. Расулзаде впоследствии писал: «Были такие, которые перед затруднениями изменили свою позицию на 180 градусов. Для того чтобы понять создавшуюся опасность, достаточно сказать, что некоторые уважаемые лица, в патриотизме которых нельзя было сомневаться, впали в такое малодушие, что предлагали поставить на обсуждение вопрос об отказе от независимости»¹⁷³.

Причем за спиной А. Агаоглу стояли некоторые влиятельные силы азербайджанского общества, обладавшие немалым весом в экономической жизни страны, а также бывшие «илхагисты», которые теперь уже ратовали не за слияние с Турцией, а с Россией. Так, некоторые крупные землевладельцы и часть азербайджанской торгово-промышленной буржуазии, имевшей тесные контакты с российским капиталом, не надеясь на силу азербайджанского правительства, стремились иметь более твердую гарантию прочности и незыблемости своего положения в лице общероссийской государственности.

Поэтому неудивительно, что часть иттихадистов («Иттихад» – партия крупных землевладельцев и клерикалов Азербайджана),

¹⁷² ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 98. Л. 3.

¹⁷³ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 46.

а также некоторые представители азербайджанской буржуазии – Нури Амирасланов, Гасан Мустафаев, Бала Гулиев и др. согласились принять «бичераховско-деникинскую ориентацию»¹⁷⁴ и вступить в сношения с Русским Национальным Советом.

В этом вопросе не следует игнорировать и роль психологического фактора. Ведь десятилетия русского владычества привели к притуплению чувства самодостаточности, и наоборот, стимулировали развитие иждивенческих настроений даже у части азербайджанской элиты, которая стремилась снять с себя всякую ответственность за судьбу страны и народа и переложить ее на чужие, более сильные плечи. При этом они искренне верили, что проблемами и бедами азербайджанского народа должны заниматься Стамбул, Москва, Лондон и вообще неизвестно кто, но только не они сами.

Трудно сказать, в каком бы направлении развивались события, если бы инициативу вновь не взял в свои руки Национальный Совет Азербайджана. Как было отмечено выше, еще находясь в Стамбуле, М.Э. Расулзаде советовал своим соратникам в Азербайджане немедленно возобновить деятельность этой структуры. И по возвращении в Баку в конце октября 1918 года он начал предпринимать конкретные шаги в данном направлении. И после пятимесячного перерыва, 16 ноября 1918 года, НС Азербайджана под руководством М.Э. Расулзаде собрался на свое первое заседание в Баку. На нем был утвержден текст обращения Национального Совета к гражданам Азербайджана, в котором, в частности, отмечалось: «Все граждане Азербайджана без различия религии и национальности, дети одной родины, должны протянуть руку друг другу, чтобы возможно лучше устроить свою жизнь в пределах общей родины, чтобы сообща ковать свое счастье и лучшее будущее. Особенно большая обязанность и ответственность в этом вопросе падает на азербайджанских тюрок, составляющих огромное большинство населения Азербайджана. Поэтому они должны быть более терпимыми, нести больше тягости и идти на самопожертвование»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 98. Л. 5.

¹⁷⁵ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 25. Л. 6.

На данном заседании Национального Совета азербайджанскими лидерами был сделан достаточно сильный политический ход, в значительной степени предопределивший направление дальнейшего развития событий. Так, члены НС высказались за создание коалиционного правительства в Азербайджане. Учитывая, что формирование коалиционной власти в стране было одним из главных требований английского командования, то этот шаг азербайджанских лидеров позволил переломить ситуацию. Одновременно была создана почва для налаживания плодотворного сотрудничества между национальными силами и англичанами.

Причем готовность азербайджанских лидеров к созданию коалиционного правительства проявилась не только в декларативных заявлениях, но и в практических шагах Национального Совета, одним из которых стало принятие 19 ноября 1918 года Закона «Об образовании азербайджанского парламента»¹⁷⁶. Учитывая многонациональный состав населения страны, закон предусматривал создание всех необходимых условий для интеграции представителей не только относительно крупных национальностей – русских и армян, но и малочисленных национальных групп Азербайджана – поляков, грузин, евреев, немцев в государственные структуры власти. Для этих национальностей строго пропорционально их удельному весу в национальном составе населения Азербайджана были предусмотрены специальные квоты в парламенте. Из расчета 1 депутат на каждые 25 тыс. населения 120 депутатских мест в парламенте были распределены следующим образом: мусульманское население – 80, армяне – 21, русские – 10 и немцы, евреи, грузины и поляки – по одному месту. Многонациональный состав законодательного органа Азербайджана открывал прямой путь к созданию коалиционного правительства с участием представителей различных политических сил и национальных меньшинств страны.

После утверждения данного закона Национальный Совет обратился к народу с воззванием «Ко всем гражданам Азербайджана!». В нем население информировалось о преобразовании

¹⁷⁶ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 169. Л. 19-20.

этой структуры из «национального учреждения азербайджанских мусульман» в «общегосударственное» учреждение – азербайджанский парламент. Именно парламент до созыва Учредительного собрания Азербайджана взял на себя полномочия отстаивать интересы молодого государства, формировать правительство, осуществлять законодательные функции¹⁷⁷.

24 ноября 1918 года Национальный Совет Азербайджана, пытаясь привлечь представителей бакинского Русского Национального Совета к участию в работе парламента и правительства, выступил с компромиссным предложением, согласно которому азербайджанские лидеры даже не настаивали на немедленном признании с их стороны независимости Азербайджана. Они предлагали оставить решение этого вопроса на рассмотрение Парижской мирной конференции при сохранении существующего статускво¹⁷⁸.

Однако Русский Национальный Совет (РНС), раньше времени возомнивший себя хозяином положения в городе, отказался делегировать своих представителей в парламент и вновь потребовал передать ему всю полноту власти в городе. Условием вхождения своих представителей в состав парламента бакинский Русский Национальный Совет выдвинул отказ Азербайджана от своей «сепаратистской точки зрения», т.е. от идеи государственной независимости, и признание принципа «единства и неделимости России». По мнению представителей РНС, согласие на участие в работе парламента и правительства означало бы «молчаливое признание факта отделения Азербайджана от России», что, в свою очередь, значительно облегчило бы международное признание независимости Азербайджана¹⁷⁹.

Окончательно потеряв чувство реальности, РНС одновременно поставил перед английским командованием новые условия, фактически потребовав реанимировать политику репрессий в отношении азербайджанцев в духе трагических событий марта 1918 года. Принятие этих условий могло привести к новой эска-

¹⁷⁷ Азербайджан. 1918. 29 ноября.

¹⁷⁸ ГА АР. Ф. 895. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

¹⁷⁹ ГА АР. Ф. 895. Оп. 3. Д. 7. Л. 29.

ляции межнациональной напряженности, что шло вразрез с планами англичан, стремившихся к стабилизации ситуации в регионе. Поэтому при всей симпатии англичан к русским они не могли принять подобные требования РНС.

Принципиальную позицию в данном вопросе занял и Национальный Совет Азербайджана. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, в ответ представителям Русского Национального Совета было твердо заявлено: «По основному положению парламента, русские и армяне могут участвовать в правительстве; больше этого мы категорически ничего не можем принять»¹⁸⁰. Таким образом, азербайджанские лидеры в отличие от руководителей РНС продемонстрировали больший реализм в оценке политической ситуации. Проявив твердость в защите идеи национальной независимости, они одновременно выразили готовность к созданию коалиционного правительства в стране.

На фоне непомерных амбиций и нереальных требований руководства РНС, ставших камнем преткновения на пути создания коалиционной власти в Азербайджане, конструктивная позиция азербайджанских лидеров не могла не импонировать англичанам. К тому же дальнейшее затягивание с формированием коалиционного правительства грозило окончательной дестабилизацией ситуации. Это способствовало постепенному сближению и налаживанию сотрудничества между англичанами и Национальным Советом Азербайджана.

Принципиальность в сочетании с гибкостью, проявленная руководством Национального Совета в деле защиты независимости Азербайджана, повлияла и на позицию представителей русского населения Баку. Не все они были согласны с политикой руководства РНС. В частности, функционировавшее в Баку «Славяно-русское общество» обратилось с просьбой разрешить его представителям войти в состав парламента для «участия в общем государственном строительстве»¹⁸¹. После некоторого раздумья своих представителей в парламент согласились направить также партия «Дашнакцутюн» и армянская община Азербайджана.

¹⁸⁰ ГА АР. Ф.894. Оп. 10. Д. 148. Л. 47.

¹⁸¹ ГА АР. Ф.894. Оп. 10. Д. 38. Л. 10.

Это позволило национальным силам 7 декабря 1918 года провести первое заседание азербайджанского парламента, которое с вступительной речью открыл председатель Национального Совета М.Э. Расулзаде. Он, в частности, сказал: «На мою долю выпало великое счастье открыть заседание первого азербайджанского парламента и честь поздравить вас, уважаемых депутатов. Ход великих событий привел нас к эпохе, когда каждый народ, входивший в состав Российского государства, предоставленный самому себе, самостоятельно должен позаботиться о своей судьбе, об устройстве внутренней жизни и урегулировании внешних взаимоотношений».

При этом М.Э. Расулзаде в своей речи особо подчеркнул, что «наше отделение от России не является враждебным актом по отношению к России. Мы не чувствовали обиды от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма. Мы желаем видеть в России государство, основанное на демократических началах. Мы любим Россию, но любим и свою независимость. Мы не хотим жить под игом давления, ибо счастье и свобода – в независимости. Для этого символизирующее независимый Азербайджан и поднятое Национальным Советом трехцветное знамя, олицетворяющее тюркскую национальную культуру, исламскую цивилизацию и демократические ценности современной Европы, вечно будет развеваться над нами. Однажды поднятое нами знамя свободы не должно спуститься»¹⁸².

Далее М.Э. Расулзаде напомнил членам азербайджанского парламента о трудностях и проблемах «тернистого пути» независимости и заявил: «Если мы, азербайджанцы, всем своим существом будет защищать и охранять свою судьбу, свою независимость, проявим стойкость и твердость в этом вопросе, то, несомненно, и Азербайджанская Республика станет прочной. Но повторяю, для этого нужно быть стойким и непоколебимым. Нужно доказать, что мы достойны независимого существования»¹⁸³.

¹⁸² Азербайджан. 1918. 10 декабря.

¹⁸³ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). Баку, 1998. С. 35.

В конце своей речи лидер национального движения призвал членов парламента «ставить интересы родины и благополучие народа выше партийных интересов»¹⁸⁴.

В ответ на создание азербайджанского парламента силы, сгруппировавшиеся вокруг Русского Национального Совета, в середине декабря 1918 года предприняли неудачную попытку насильственного захвата власти в Баку, что окончательно дискредитировало их в глазах английского командования.

Тем временем после продолжительных консультаций 26 декабря 1918 года парламента утвердил состав нового правительственного кабинета Азербайджана во главе с Ф. Хойским. В состав правительства в качестве министров финансов, здравоохранения и продовольствия вошли трое членов Славяно-русского общества.

После формирования нового правительства генерал В. Томсон 28 декабря 1918 года выступил с декларацией следующего содержания: «Ввиду образования коалиционного азербайджанского правительства под председательством Ф. Хойского объявляю, что союзное командование будет оказывать полную поддержку этому правительству как единственной местной законной власти в пределах Азербайджана»¹⁸⁵.

Выступая по этому поводу 30 декабря 1918 года на заседании парламента, М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что заявление В. Томсона «покажет противникам Азербайджана, что в деле разрушения азербайджанской независимости им нечего рассчитывать на союзников. Они убедятся, что надежда их эфемерна и что азербайджанский народ не уступит своих прав и будет защищать их всеми силами». М.Э. Расулзаде также выразил надежду на то, что «признание легитимности нашего правительства союзным командованием превратится в признание нашей независимости правительствами держав этого командования»¹⁸⁶.

Прибывший 22 января 1919 года в Баку главнокомандующий союзными войсками в Закавказье генерал Дж. Мильн во время встречи с премьер-министром Ф. Хойским еще раз подтвердил,

¹⁸⁴ Азербайджан. 1918. 10 декабря.

¹⁸⁵ Азербайджан. 1918. 29 декабря.

¹⁸⁶ Азербайджан. 1919. 1 января.

что «английское правительство признает правительство Азербайджана как единственную легальную власть на территории Азербайджана, что эта власть будет поддержана союзным командованием всеми способами»¹⁸⁷.

Таким образом, азербайджанские лидеры в ходе событий ноября-декабря 1918 года, руководствуясь извечным принципом, гласящим, что «в политике нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы», смогли добиться кардинального изменения отношения англичан к национальному правительству – от полного неприятия к взаимовыгодному сотрудничеству. Даже А. Раевский вынужден был признать, что англичане помогли Азербайджану «государственно оформиться»¹⁸⁸. В этой связи М.Э. Расулзаде справедливо отмечал, что «такое поведение англичан не вытекало из того, что они были влюблены в черные глаза азербайджанцев. Собственно говоря, любовь не может служить политическим фактором, так как вместе с первобытной эпохой давно отошла в область преданий. Здесь имела место не любовь, а политические и экономические интересы. Нахождение нефти в руках независимого азербайджанского правительства и вообще отделение Азербайджана от России было на руку англичанам. Азербайджан же должен был использовать это обстоятельство. Этим объяснялись дипломатические успехи национального правительства»¹⁸⁹.

И во всех этих процессах ноября-декабря 1918 года активное участие в качестве руководителя Национального Совета Азербайджана принимал М.Э. Расулзаде, который своей деятельностью немало способствовал достижению первоочередной задачи национальных сил – признания азербайджанского правительства со стороны английского командования. Именно решение этой проблемы позволило азербайджанским лидерам сконцентрировать свои усилия непосредственно на строительстве дееспособных государственных органов власти в стране.

¹⁸⁷ Азербайджан. 1919. 25 января.

¹⁸⁸ *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. С. 24.

¹⁸⁹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 49.

§ 3. Становление и упрочение азербайджанской государственности. Триумф и трагедия лидеров АДР (январь 1919 г. – апрель 1920 г.)

Нахождение значительной части страны, включая столицу Баку, под оккупацией большевистско-дашнакских сил и обусловленная этим фактором политическая нестабильность не позволяли азербайджанским лидерам на начальном этапе независимости приступить к полномасштабному государственному строительству. Подобную возможность они получили лишь в конце 1918 года, после создания парламента и признания легитимности сформированного им правительства со стороны английского командования.

Между тем именно от устойчивости и эффективности государственных структур в значительной степени зависела жизнеспособность создаваемого в Азербайджане национального государства. Ведь будучи основой всякой политической системы, государственные учреждения играют ключевую роль в консолидации политических институтов и общества в единую систему для реализации общенациональных задач.

При этом следует учесть, что становление новых государственных структур в Азербайджане, призванных заменить прежний аппарат национального угнетения, происходило в крайне неблагоприятных условиях, детерминированных колониальным наследием прошлого. Даже по сравнению с соседней Грузией и Арменией процессы создания структур управления национальным государством в Азербайджане были гораздо более тяжелыми.

Обращая внимание на это обстоятельство, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «мусульманский Азербайджан больше, чем христианские его соседи, подвергался угнетению царского режима. Не в пример армянам и грузинам, азербайджанцы не отбывали воинской повинности (как неблагонадежный элемент), не принимались на государственно-административные службы (за очень редким исключением), ограничивались в общегражданских правах (в местных самоуправлениях Закавказья мусульмане не имели право образовывать больше половины всех гласных) и ис-

кусственно держались в темноте»¹⁹⁰. В результате в течение достаточно длительного времени азербайджанцам запрещалось создавать общественные организации даже благотворительного и просветительного направления, не говоря уже о создании политических партий и организаций. Колониальные власти подобными методами стремились подавить всякую политическую активность у азербайджанских тюрок.

Отсутствие опыта государственного строительства, острая нехватка квалифицированных национальных кадров, интриги недоброжелателей азербайджанской независимости как внутри страны, так и за ее пределами также оказывали весьма негативное влияние на процессы государственного строительства. При создании государственных структур азербайджанским лидерам приходилось считаться и с относительно низким уровнем национального самосознания у большинства азербайджанцев, чья психология и идентичность в немалой степени все еще основывались на обычаях и традициях уммы. В этих условиях неудивительно, что идея азербайджанской государственности все еще не укоренилась среди немалой части населения.

Азербайджанские лидеры были прекрасно осведомлены о неблагоприятной ситуации в этой сфере. По крайней мере, они были далеки от идеализации тогдашнего азербайджанского общества. Подтверждением тому является выступление М.Э. Расулзаде в феврале 1919 года на заседании азербайджанского парламента. Критически оценивая ситуацию после почти девятилетнего существования азербайджанских тюрок в условиях независимости, он открыто признавал, что «в тюрках еще нет, в достаточной степени, национального самосознания, и считаем своей обязанностью, внушить народу это самосознание»¹⁹¹.

Ситуация осложнялась и тем, что в программе строительства азербайджанской государственности задачи национального осво-

¹⁹⁰ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 13-14.

¹⁹¹ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 5.

бождения органически увязывались с одновременным осуществлением глубоких демократических преобразований в обществе. А проведение в жизнь реальных демократических преобразований требовало активного содействия снизу, которое в тот период, в силу вышеуказанных причин было не на должном уровне. Поэтому в условиях сохранения весьма сильных позиций региональной идентичности и партикуляристских тенденций, недостаточной развитости политического и национального самосознания азербайджанским лидерам зачастую приходилось проводить социально-политические реформы сверху, не надеясь на сколько-нибудь значительную поддержку народных масс.

Впрочем, наличие этих многочисленных проблем лишь увеличивает значимость проделанной азербайджанскими лидерами работы по созданию эффективных властных структур национальной государственности в 1918-1920 годах. При этом следует особо подчеркнуть, что М.Э. Расулзаде являлся не только главным идеологом строительства национальной государственности, но и активным участником этого процесса. Более того, создание государственных структур и проведение в жизнь кардинальных демократических реформ зачастую осуществлялось под его непосредственным руководством. В этой связи не выдерживают никакой критики утверждения некоторых недоброжелателей, которые стремятся принизить роль М.Э. Расулзаде в строительстве национальной государственности тем фактом, что он якобы не занимал ответственные государственные посты в период с декабря 1918 года по май 1920 года.

Авторы подобных утверждений лишь подтверждают свою неосведомленность о структуре государственного управления периода АДР. Ведь по форме правления АДР 1918-1920 годов была классическим примером парламентской республики, опирающейся на принципы политического плюрализма и многопартийности. Анализ полномочий и методов деятельности парламента не оставляет сомнений, что именно этот орган был ведущей ветвью государственной власти АДР в 1918-1920 годах,

определяя функции и полномочия всех остальных государственно-правовых институтов.

Азербайджанский парламент не только был наделен верховной законодательной властью, но и обладал правом формировать и контролировать исполнительные структуры во главе с правительством. Например, утверждение кандидатуры премьер-министра и всего персонального состава правительства, а также программы деятельности кабинета являлось исключительной прерогативой парламента. Он же в случае необходимости путем выражения вотума недоверия мог отправить правительство в отставку. Для этого было достаточно простое большинство голосов депутатов при наличии кворума.

М.Э. Расулзаде, обращая внимание на ключевую роль парламента в политической системе страны, подчеркивал, что «он держал в своих руках все узловые точки государства. Без его согласия не мог пройти ни один закон, не могла быть объявлена война или заключено перемирие; он же контролировал и государственную казну. Ни одна другая сила не могла вмешиваться в его деятельность, и вся власть принадлежала только парламенту. Это было подлинно народной республикой, не имеющей аналогов даже в Европе»¹⁹².

В этом отношении все нити управления как законодательными, так и исполнительными структурами Азербайджана находились в руках правящей партии, каковой на тот момент являлся руководимый М.Э. Расулзаде «Мусават», обладавший наиболее многочисленной фракцией в парламенте. Поэтому неудивительно, что в качестве лидера фракции правящей партии страны в парламенте М.Э. Расулзаде обладал широкими возможностями и полномочиями для определения основных направлений деятельности не только законодательного органа, но и правительства Азербайджана. Для сравнения отметим, что даже председатель парламента, хотя и считался номинальным главой государства, не имел таких возможностей для влияния на принимаемые парламентом решения как лидер фракции правящей партии. Спикер

¹⁹² *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени // Хазар. 1990. № 1. С. 54.

парламента выполнял лишь чисто представительские функции, поскольку его полномочия ограничивались ведением текущих заседаний и подписанием принимаемых законов.

Безусловно, с началом работы азербайджанского парламента М.Э. Расулзаде сосредоточился в основном на законотворческой деятельности. Будучи убежденным сторонником национального государства, он все свои усилия направлял на создание добротных законов, способных стать прочной правовой основой для осуществления необходимых реформ в стране. Все основные законы, принятые национальным парламентом в 1918-1920 годах и обеспечившие на тот момент лидирующее положение Азербайджана в исламском мире в области демократических преобразований, в той или иной степени связаны с именем М.Э. Расулзаде. Он принимал непосредственное участие в их подготовке и продвижении по парламентским структурам.

Правда, это было сопряжено с немалыми трудностями, поскольку, не обладая твердым большинством в парламенте, фракции «Мусават» и ее лидеру приходилось при принятии законодательных актов, необходимых для реализации демократических реформ в стране, постоянно балансировать между различными политическими силами.

Основные приоритеты мусаватской фракции в строительстве национальной государственности были обнародованы М.Э. Расулзаде 10 декабря 1918 года на втором заседании парламента в декларации партии «Мусават». В ней были сформулированы стратегические цели партии в области строительства национальной государственности. В начале своей программной речи М.Э. Расулзаде напомнил о том, что всего полтора года тому назад даже идея азербайджанской автономии, выдвинутая «Мусаватом», была встречена в штыки всеми без исключения азербайджанскими политическими организациями. Но, как подчеркнул М.Э. Расулзаде, «не увлекшись социалистическими течениями, склоняющимися к петроградскому централизму, и не заразившись таким психически болезненным состоянием, завладевшим многими умами, как «илхагизм», партия все же добилась призна-

ния идеи азербайджанской независимости со стороны других азербайджанских партий»¹⁹³.

И он с гордостью отметил, что теперь идея азербайджанской независимости и необходимость ее защиты от внутренних и внешних посягательств нашла свое отражение в декларациях всех азербайджанских фракций, представленных в парламенте, и в этом вопросе между ними нет никаких разногласий. Он выразил свое удовлетворение тем обстоятельством, что теперь «партии занимаются уже не пропагандой идеи независимости Азербайджана, а политической, правовой и внешней защитой существующего факта».

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде отметил, что в области внешней политики «защита и юридическое признание Азербайджана должны быть альфой и омегой в политике вновь образуемого правительства». Далее он призвал своих коллег по парламенту сделать все возможное, чтобы его «призыв – «развивающийся национальный флаг не должен более спуститься», встреченный единодушным одобрением в день торжественного открытия парламента, осуществился не на словах, а на деле»¹⁹⁴.

М.Э. Расулзаде полагал, что провозглашенные президентом США В. Вильсоном принципы «о праве малых народов на самоопределение, воспринятые Англией и Францией, создадут благоприятную ситуацию «для защиты интересов самоопределившегося Азербайджана перед лицом всего культурного мира, а в особенности перед державами Согласия». И воспользоваться этим благоприятным положением, по его мнению, являлось первоочередной задачей парламента и правительства»¹⁹⁵.

В области внутренней политики М.Э. Расулзаде ратовал за осуществление кардинальных демократических преобразований. «Завоевания Великой российской революции, – подчеркивал он, – как то: свобода печати, слова, совести, собраний, союзов и все

¹⁹³ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 37.

¹⁹⁴ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 39.

¹⁹⁵ Там же.

другие гражданские и национальные права, должны быть обеспечены законом, Азербайджан должен быть страной свободной. Если до сих пор вследствие исключительных условий, переживаемых страной, эти начала свободы и демократизма не были осуществлены в достаточной мере, то в ближайшем будущем наше правительство должно обратить особое внимание на упрочение этих начал в стране»¹⁹⁶.

Одним из стержневых элементов демократии, в представлении М.Э. Расулзаде, был принцип национального равноправия. «В Азербайджане не должно быть сынов и пасынков; армяне, русские, евреи, грузины, немцы, поляки и другие народы, оставаясь гражданами Азербайджанской Республики, должны пользоваться правами национально-культурной автономии», – подчеркивал он в своем выступлении на парламенте¹⁹⁷.

Как отмечал М.Э. Расулзаде, хотя «азербайджанские тюрки составляют большинство населения страны, это не дает им никаких преимуществ перед остальными этническими группами, наоборот, этот факт накладывает на них дополнительную ответственность по поддержанию межэтнического согласия».

В своей речи М.Э. Расулзаде выступил в поддержку идеи коалиционного правительства, считая его важным средством обеспечения доверительных отношений между представителями различных национальностей Азербайджана. «Если до сих пор правительство состояло из одних мусульман, то впредь оно должно быть сконструировано на справедливых коалиционных началах. Азербайджанские тюрки, испытавшие на себе все тяжести подневольного состояния, не создадут подневольных наций», – подчеркнул он¹⁹⁸. М.Э. Расулзаде настаивал на том, что Азербайджану необходимо «правительство, способное защищать существование народа и независимость страны». Он был убежден, что в тогдашних условиях подобное правительство «могло быть организовано только

¹⁹⁶ Там же. С. 40.

¹⁹⁷ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 40.

¹⁹⁸ Там же.

на коалиционных началах»¹⁹⁹. Причем вся практика государственного строительства в 1918-1920 годах свидетельствует о том, что высказанные М.Э. Расулзаде с парламентской трибуны идеи являлись программой практических действий.

Так, одним из первых решений парламента стал Закон «О несомещении государственной службы с членством в парламенте», положивший начало реализации в стране принципа разделения различных ветвей власти и их автономного существования. Данный закон, принятый по настоянию М.Э. Расулзаде, запрещал членам парламента занимать должности в исполнительных структурах. В нем отмечалось: «Члены парламента, несшие должности по другим государственным учреждениям и проживающие в г. Баку, в течение трех дней, а иногородние – десяти, должны представить в канцелярию парламента документы об оставлении ими государственной службы. В противном случае они лишаются как должности, так и права представительства в парламенте»²⁰⁰. Подобное совмещение должностей разрешалось только министрам.

В условиях острого дефицита управленческих кадров это был довольно рискованный шаг, предпринятый азербайджанскими лидерами в направлении демократизации системы государственного управления в стране. Во время обсуждений в парламенте некоторые депутаты выступили против данного законопроекта, мотивируя свою позицию тем, что при острой нехватке кадров принятие подобного предложения вовсе парализует деятельность государственных структур. Они были убеждены в том, что реализацию подобного принципа могут позволить себе такие развитые страны, как Франция, Америка и Англия, а для зарождающейся азербайджанской демократии это является преждевременным шагом. Поэтому они предлагали разрешить государственным чиновникам совмещать службу в исполнительных структурах с членством в парламенте²⁰¹.

¹⁹⁹ Там же. С. 43.

²⁰⁰ Азербайджан. 1919. 28 января.

²⁰¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 177.

Возражая авторам этих суждений, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что если мы выбрали путь парламентаризма, то должны быть до конца последовательными в реализации его основных принципов, в том числе принципа разделения властей. По его убеждению, «депутат, представляющий нацию, должен быть полностью свободен в своих мыслях и действиях. Если депутат одновременно будет выполнять функции правительственного чиновника, то он будет лишен этой свободы. Что же касается слабости кадрового и интеллектуального потенциала нашей страны, то я не думаю, что после отправки в парламент 60 депутатов у Азербайджана не останется кадров для заполнения вакансий правительственных чиновников. Если же мы настолько бессильны, то нам вообще не нужен никакой парламент»²⁰². Именно яркое выступление М.Э. Расулзаде позволило изменить расстановку сил в парламенте в пользу принятия Закона «О несовмещении государственной службы с членством в парламенте».

На одном из первых заседаний азербайджанского парламента М.Э. Расулзаде, подчеркивая необходимость «скорейшего созыва Учредительного собрания Азербайджана», предложил создание специальной комиссии для выработки избирательного закона²⁰³. Впоследствии он же руководил работой этой комиссии, которой в течение буквально нескольких месяцев удалось разработать и весной 1919 года внести на обсуждение парламентариев проект «Положения о выборах в Учредительное собрание Азербайджанской Республики».

М.Э. Расулзаде был главным автором этого избирательного закона, который своим революционным для тогдашнего периода подходом ко многим проблемам занимает особое место среди принятых в 1918-1920 годах азербайджанским парламентом законодательных актов. Он же в качестве докладчика представлял данный законопроект в ходе обсуждений в парламенте.

Принятый парламентом 21 июля 1919 года в третьем чтении избирательный закон устанавливал пропорциональную систему

²⁰² Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 178.

²⁰³ Там же. С. 43.

выборов в Учредительное собрание. Выборы проводились «на основе всеобщего, без различия пола и равного избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования»²⁰⁴. Согласно закону право участия в выборах в Учредительное собрание предоставлялось всем «гражданам республики обоего пола, коим ко дню выборов исполняется 20 лет»²⁰⁵.

Таким образом, «Положение» предоставляло женщинам равные с мужчинами избирательные права. Между тем в тот период принцип гендерного равноправия в избирательной сфере еще не был реализован во многих европейских государствах, не говоря уже о мусульманском Востоке.

Характерно, что лица, занимающие должности в исполнительных и правоохранительных органах, в частности приставы, уездные начальники и их заместители, полицмейстеры и их заместители, губернаторы и их помощники, пользовались лишь активным избирательным правом. Другими словами, они не могли стать членами Учредительного собрания, что было серьезным шагом в направлении деполитизации правоохранительных и исполнительных структур.

Кроме того, по настоянию М.Э. Расулзаде в избирательный закон был включен пункт, запрещающий духовным лицам вести предвыборную агитацию «в храме или ином предназначенном для богослужения месте как посредством проповедей, так равно и в виде устных или письменных воззваний»²⁰⁶. Виновные в нарушении данного положения наказывались «заключением в тюрьму сроком до шести месяцев»²⁰⁷.

Учитывая, что влияние религиозной идеологии и мусульманского духовенства на наиболее отсталую часть населения было еще существенным, это было вполне осознанным шагом со стороны М.Э. Расулзаде, направленным на максимальное огра-

²⁰⁴ Там же. С. 71.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 86-87.

²⁰⁷ Там же. С. 87.

ничество вмешательства духовных лиц в политические процессы на стороне самых реакционных сил.

Как и следовало ожидать, в ходе обсуждений в парламенте данное предложение М.Э. Расулзаде столкнулось с острым противодействием представителей клерикальной партии «Иттихад». В частности, член иттихадской фракции С.М. Ганизаде выступил с инициативой отмены данного пункта. Он мотивировал это тем, что «мечети, как и религия ислама, объемлют не только божественное служение, но и почти все отрасли общественной жизни. Здесь именно в мечетях происходят сходы. В мечетях собираются люди для обсуждения своих нужд и жизненных проблем, и запрещать здесь агитацию неправильно»²⁰⁸. Отвечая С.М. Ганизаде, М.Э. Расулзаде с парламентской трибуны заявил: «На этот вопрос надо смотреть с государственной и принципиальной точек зрения. Мы устраиваем не теократическое, а демократическое государство на новых началах. В такое время нельзя возвращаться к основам прошлых веков. Их время давно уже прошло. Религия и мечеть должны хранить свою святость, оставаясь вдали от политики. Духовенство должно оставаться носителем мира и согласия среди бушующих политических страстей. Нам говорят, что жандармы и городовые с плетью идут на выборы, но молла идет с еще более худшим бичом — «куфром». Всякого инакомыслящего он предаёт «анафеме», называя «кафиром» и «баби». Если вы уважаете моллу и мечеть, не втягивайте их в политическую грызню»²⁰⁹. В конечном итоге парламентарии подавляющим большинством голосов отвергли инициативу С.М. Ганизаде, оставив соответствующий пункт избирательного закона в редакции, предложенной М.Э. Расулзаде.

Следует отметить, что секуляризм занимал важное место в системе политических взглядов М.Э. Расулзаде, который прекрасно осознавал пагубность клерикализма как для развития национального самосознания азербайджанцев, так и для становления зарождающейся азербайджанской государственности. В

²⁰⁸ Там же. С. 468.

²⁰⁹ Там же. С. 469.

своей работе «О пантуранизме» М.Э. Расулзаде открыто подчеркивал, что ислам препятствует пробуждению национального самосознания мусульманских народов, задерживает их прогресс и тем самым мешает им стать независимыми нациями. Далее он отмечал, что «препятствовать пробуждению национального самосознания – это значит препятствовать народам образовывать независимые государства»²¹⁰.

Поэтому М.Э. Расулзаде предлагал «усиливать во всех мусульманских странах процесс пробуждения национального самосознания, ибо первоисточником всякого прогресса, а также основой национальной независимости является только наличие осознанного национального «Я»²¹¹.

В силу этого лидер «Мусавата» выступал за вытеснение или, в крайнем случае, за максимальное ограничение деятельности клерикалов в общественно-политической жизни общества, естественно, за исключением сфер, имеющих непосредственное отношение к отправлению религиозного культа. Поэтому неудивительно, что Азербайджан стал практически первым светским государством мусульманского Востока, в котором церковь была отделена от государства, а религия объявлена личным делом граждан страны.

С целью развития национального самосознания народных масс целые полосы печатных изданий партии «Мусават» и официальных газет посвящались очеркам из истории, литературы и политики Азербайджана, истории возникновения Азербайджанской Республики и происхождения слова «Азербайджан». Для широкой публики проводились лекции на тему «Азербайджанская Республика» и устраивались специальные «Азербайджанские вечера». На этих вечерах ответственным распорядителем выступал сам М.Э. Расулзаде²¹².

Одним из крупных достижений мусаватской фракции во главе с М.Э. Расулзаде в области демократических преобразо-

²¹⁰ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 58.

²¹¹ Там же.

²¹² Гулиев Дж. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970. С. 122.

ваний было обеспечение практически полной свободы слова в стране. М.Э. Расулзаде с гордостью отмечал, что «каждая партия имела свою газету, а правительство относилось ко всем газетам с большим уважением и доброжелательностью, несмотря на то, что большинство из них критиковало и тягалось с ним»²¹³.

Правовую основу свободы слова составлял «Устав о печати», принятый парламентом 30 октября 1919 года и запретивший всякую цензуру на печать. Согласно этому документу «никакого разрешения со стороны правительственной власти на открытие типографии, литографии, металлографии и других заведений этого рода для тиснения, напечатания, выпуск из типографий и продажу произведений печати, публичное представление драматических произведений, а равно на открытие кабинетов для чтения не требовалось»²¹⁴.

Для основания периодических изданий достаточно было информировать о своем намерении главного инспектора по делам печати. Печатный орган мог быть привлечен к ответственности только по решению суда и только в случае совершения преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством²¹⁵.

В основу разработанного фракцией «Мусават» и принятого 11 августа 1919 года парламентом Закона «Об азербайджанском гражданстве» был положен принцип происхождения. Азербайджанскими гражданами считались все подданные бывшей Российской империи, без различия национальности и вероисповедания, которые сами или их родители родились на территории Азербайджанской Республики²¹⁶.

Некоторые современные авторы обвиняют азербайджанских лидеров, и в первую очередь М.Э. Расулзаде, в излишней увлеченности демократическими свободами в ущерб интересам национальной безопасности, что, по их мнению, стало одной из

²¹³ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени // Хазар. 1990, № 1. С. 53-54.

²¹⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 3. Д. 294. Л. 43.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ ГА АР. Ф. 895. Оп. 3. Д. 92. Л. 31.

основных причин падения АДР. В качестве примера они приводят находение в составе азербайджанского парламента фракций «Дашнакцутюн», армянской общины и «Славяно-русского общества», крайне враждебно настроенных в отношении азербайджанской независимости.

Отвечая подобного рода критикам, М.Э. Расулзаде еще 28 января 1919 года с парламентской трибуны говорил: «Желая участия всех партий в нашем парламенте, мы, конечно, не предполагали, что все они будут сходиться на одной точке зрения и будут отстаивать нашу независимость. Мы желали только одного, чтобы критика наших действий и возражения против наших позиций раздавались не вне стен парламента, а с парламентской кафедры, чтобы ответы на это получались бы с той же кафедры»²¹⁷. Это было проявлением приверженности М.Э. Расулзаде к цивилизованным, парламентским методам политической борьбы. И не вина, а скорее, беда М.Э. Расулзаде и его соратников заключается в том, что как само азербайджанское общество того периода, так и политические оппоненты «Мусавата» оказались не готовыми вести политическую борьбу в цивилизованных рамках.

Безусловно, стране предстояло пройти еще долгий путь по развитию демократии. Но уже проделанная работа – создание парламентской системы управления, основанной на многопартийной системе, реализация принципа разделения властей, обеспечение на практике основных гражданских прав и демократических свобод и т.д. дает основание утверждать, что в 1918-1920 годах был заложен крепкий фундамент для дальнейшего демократического развития азербайджанского общества.

О функциональном характере азербайджанской демократии периода 1918-1920 годов свидетельствует один примечательный факт. Так, в начале марта 1920 года правоохранительными органами Азербайджана в Баку был раскрыт большевистский заговор, преследующий цель насильственного захвата власти в стране. Однако двоим активным участникам заговора – Г. Джабиеву и

²¹⁷ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 143.

А.Байрамову удалось скрыться в квартире члена азербайджанского парламента, большевика А. Караева. Осведомленная об этом полиция не могла войти в квартиру, так как закон о парламентаризме не давал ей этого права. Для этого требовалось согласие самого члена парламента, занимающего эту квартиру, или же официальное разрешение президиума парламента. Только по истечении суток полиция получила подобное разрешение. Причем она имела право лишь на осмотр, но не на обыск квартиры А. Караева. А к тому времени Г. Джабиеву и А.Байрамову удалось уйти из квартиры²¹⁸.

Успехи, достигнутые в этот период азербайджанскими лидерами в сфере демократических преобразований, особенно наглядно видны на фоне соседних мусульманских стран, в которых в то время все еще господствовал восточный деспотизм со всеми его атрибутами. Таким образом, в исследуемый период Азербайджан по уровню общественно-политического развития намного опережал соседние мусульманские государства.

Трудно переоценить роль М.Э. Расулзаде в достижении всех этих успехов в деле строительства национальной государственности. Причем многие проекты, инициированные М.Э. Расулзаде, были направлены не на получение быстрых и сиюминутных политических дивидендов, а рассчитаны на долгосрочную перспективу укрепления основ молодой азербайджанской государственности. При этом он прекрасно осознавал, что ему и его соратникам приходится делать черновую работу и, скорее всего, им не удастся воспользоваться плодами проводимых в азербайджанском обществе реформ.

В этом отношении достаточно примечательным является одно из его выступлений в ходе парламентских прений. «История несколько похожа на кухню, – подчеркивал М.Э. Расулзаде, – где повар prepares вкусную пищу, но часто сам не успевает ее попробовать. Порой ему бывает даже тошно от этих яств, но все же он, не отходя от плиты, аккуратно исполняет свою работу, а

²¹⁸ *Караев А.Г.* Из недавнего прошлого: Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (б). Баку, 1926. С. 117.

потом приготовленными ими блюдами питаются и наслаждаются многие. Мы, члены парламента, создавая историю Азербайджана, должны соглашаться и на неприятности для себя теперь, чтобы наша история не была запятнанной. Мы должны заботиться о потомстве, а потому теперь должны идти на все жертвы»²¹⁹.

Как лидер парламентской фракции правящей партии М.Э. Расулзаде возлагал большие надежды в строительстве национального государства на представителей молодого поколения, ратовал за их выдвижение на ответственные посты в государственных структурах. Так, в ходе утверждения в парламенте состава первого правительственного кабинета Н. Усуббекова некоторые депутаты выразили свое недовольство тем обстоятельством, что многие министерские портфели в нем были предоставлены молодым и незнакомым широкой публике лицам. Парируя подобные выпады парламентариев, М.Э. Расулзаде говорил: «...это молодое правительство. Вероятно, произнесенные здесь имена членов этого правительства для многих являются новыми именами. Вам известно, что мы нация, недавно вступившая на арену политической жизни. В ходе мировой революции, когда наблюдается стремление к изменению и обновлению всего, можно лишь приветствовать выдвижение молодых сил на министерские посты. Кроме знаменитых «идолов», нам нужны решительные и честные молодые деятели. И если по своему составу новое демократическое правительство молодое, то это дает нам надежду, что оно осуществит на практике те цели, которые оно сегодня нам изложило в своей декларации»²²⁰.

Одно из центральных мест в парламентской деятельности М.Э. Расулзаде занимали проблемы развития системы образования на национальном языке. При его непосредственном участии был разработан и принят парламентом целый пакет законов, направленных на языковую национализацию системы образования.

²¹⁹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 449-450.

²²⁰ Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920). Parlament (Stenoqrafik hesabatlar). Bakı, 1998. С. 1. S. 453.

Языковая национализация подразумевала планомерное вытеснение языка бывшей империи с одновременным восстановлением позиций и государственного статуса азербайджанского языка, утраченных им в колониальный период.

Для ускорения национализации школьной системы была образована специальная комиссия по разработке и изданию учебников на национальном языке²²¹. За относительно короткий период, практически за год, комиссия сумела создать и напечатать немалое количество учебников на азербайджанском языке для начальных и средних школ.

Составной частью политики языковой национализации являлась попытка реформирования азербайджанской письменности и ее перевода на латинскую графику. В марте 1919 года впервые на мусульманском Востоке на государственном уровне была создана специальная комиссия для перевода азербайджанской письменности с арабской на латинскую графику²²².

Несмотря на огромные трудности, принятые меры позволили к началу 1919/20 учебного года охватить языковой национализацией не только все начальные школы, но и 15 из 23 государственных средних учебных заведений страны. Об успешности этого процесса свидетельствует тот факт, что даже авторы, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к М.Э. Расулзаде и его соратникам, признают, что реализованная ими в тот период национализация системы образования являлась одним из главных достижений «правительственной политики АДР»²²³.

Наряду с расширением сети начальных и средних школ, М.Э. Расулзаде выступал за развитие системы высшего образования в Азербайджане, хотя реализация этой задачи была сопряжена со многими трудностями. Как известно, в период царского режима на территории Азербайджана не было ни одного высшего учебного заведения. Поэтому страна не обладала необходимыми на-

²²¹ *Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti*. Bakı, 1990. S. 56.

²²² *Балаев А.* Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. Баку, 2005. С.

²²³ *Волхонский М., Муханов В.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. С. 221.

циональными кадрами для учреждения хотя бы одного высшего учебного заведения. В этих условиях некоторые парламентарии высказывались за идею «развития просвещения снизу, а не сверху», т.е. они предлагали первоначально «поставить на ноги низшую и среднюю школу, а также учительские семинарии и институты», чтобы затем, опираясь на них и по мере подготовки национальных кадров, учредить университет с преподаванием на родном языке²²⁴.

В этих условиях М.Э. Расулзаде и его соратникам по фракции «Мусават» пришлось предпринять немало усилий, чтобы убедить парламентариев в необходимости немедленного учреждения в Баку университета на русском языке. Симптоматично, что при обсуждении соответствующего законопроекта в финансово-бюджетной комиссии парламента представитель фракции «Славяно-русского общества» в парламенте Кравченко высказал свои сомнения относительно целесообразности создания университета, посоветовав «впустую не транжирить народные средства»²²⁵. И это несмотря на то, что на начальном этапе функционирования университета обучение в нем должно было вестись на русском языке, так как профессорско-преподавательский состав учебного заведения состоял исключительно из представителей русской интеллигенции.

Хотя азербайджанский язык являлся обязательным предметом преподавания на всех факультетах университета, тем не менее против открытия русскоязычного университета в Баку выступили и представители некоторых азербайджанских фракций, в частности «Иттихада». Лидер иттихадской фракции К. Карабеков, имея в виду русских преподавателей, считал недопустимым «вручение судьбы университета в руки людей неведомых нам и чуждых нашей государственности»²²⁶. Поэтому он предлагал не спешить с рассмотрением данного законопроекта и вернуть его в парламентские комиссии и фракции для дальнейшей доработки.

²²⁴ Азербайджан. 1919. 24 августа.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Азербайджан. 1919. 30 августа.

Возражая ему, М.Э. Расулзаде напомнил своим коллегам по парламенту о том, что недостаточно объявить себя независимым. По его мнению, для того чтобы зажить действительно независимой жизнью и занять подобающее место в семье культурных народов мира, необходимо заложить прочный фундамент, на котором азербайджанский народ мог бы полностью проявить особенности своего национального гения. В этом контексте он рассматривал «открытие университета одной из первых забот государства», считая его важнейшим атрибутом азербайджанской независимости.

М.Э. Расулзаде рассматривал университет не только как образовательное учреждение, но и как центр научно-культурной жизни страны, способный стимулировать исследования основных проблем национальной жизни, а также дальнейшее развитие культурной гомогенизации и национального самосознания населения Азербайджана.

Поэтому М.Э. Расулзаде считал ошибочной и позицию некоторых парламентариев, которые предлагали пока ограничиться отправкой определенного количества азербайджанских студентов для получения высшего образования за границу. Отметив наличие у правительства планов относительно отправки около ста азербайджанских студентов в лучшие университеты Западной Европы, он вместе с тем подчеркнул необходимость «создания научного рассадника именно внутри страны»²²⁷.

Безусловно, М.Э. Расулзаде не скрывал, что и для него предпочтительным было бы создание университета на национальном языке. Но одновременно он ясно осознавал, что из-за недостаточности научных сил страна не в состоянии создать национальный университет в ближайшем будущем. «Но даже если имелись бы эти научные силы, – подчеркивал он, – то невозможно было найти студентов, способных слушать лекции в высшем учебном заведении на азербайджанском языке». Ведь не секрет, что подавляющее большинство азербайджанской молодежи того времени получало начальное и среднее образование на русском языке и по этой причине очень слабо владело родным языком.

²²⁷ Азербайджан. 1919. 24 августа.

Учитывая все эти факторы, М.Э. Расулзаде признавал невозможность в тот момент открытия университета на национальном языке. Но одновременно он был убежден в том, что это обстоятельство «никого не может остановить, как не останавливало и другие страны». В качестве примера он приводил опыт первых русских и японских университетов, в которых в момент их учреждения преподавание также велось на иностранных языках. «Что касается того, почему у нас университет на русском языке, то вопрос ясен – потому, что комплект слушателей у нас не знает никакого другого иностранного языка, кроме русского», – заявил М.Э. Расулзаде²²⁸.

Таким образом, наиболее действенным средством создания в будущем национального университета и необходимой его предпосылкой М.Э. Расулзаде считал скорейшее учреждение университета на одном из развитых европейских языков, которым в условиях Азербайджана был русский язык.

Подчеркивая наднациональный характер науки, М.Э. Расулзаде справедливо указывал, что «ее мы можем изучать в Китае и можем учиться у китайца в Азербайджане... Науку можно изучать во всех странах и на всех языках, вот почему наша фракция высказывается за немедленное открытие университета. Не надо гнушаться скромностью научной силы»²²⁹.

М.Э. Расулзаде также советовал «не бояться, что открываемый университет, как утверждает священник Кравченко, будет русским. В тюркской стране, в тюркской среде он будет носить свою окраску». Он обоснованно указал на то обстоятельство, что «фундамент национализации университета закладывается вместе с его учреждением, поскольку в нем будет преподаваться тюркский язык, да и студенты здесь, в Баку, будут находиться в родной атмосфере, близко к родной стихии и родному своему народу»²³⁰.

М.Э. Расулзаде искренне надеялся на то, что «в атмосфере, густо насыщенной национальными стремлениями, введение уси-

²²⁸ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 626.

²²⁹ Там же. С. 626-627.

²³⁰ Азербайджан. 1919. 24 августа.

ленного обучения тюркскому языку» позволит уже в ближайшей перспективе безболезненно и поэтапно осуществлять национализацию университета.

В этом вопросе М.Э. Расулзаде активную поддержку оказал и тогдашний министр просвещения Азербайджанской Республики Р. Капланов. В своей яркой речи в ходе обсуждения законопроекта об открытии университета в Баку Р. Капланов в частности заявил: «Если мы самостоятельное государство, если мы твердо решили не оставаться бесформенным конгломератом, а превратиться в организованную нацию, играющую подобающую ей роль в общей культурной жизни человечества, мы не можем не прийти к необходимости создания научного центра, который будет душой нашего национального тела»²³¹. Он выразил надежду на то, что этот рассадник науки «будет вдохновлять и руководить всей умственной жизнью страны и явится тем центром, вокруг которого будет концентрироваться вся политическая и общественная жизнь народа»²³².

В конечном итоге эти аргументы подействовали на депутатов, и 1 сентября 1919 года парламент подавляющим большинством голосов принял Закон «Об учреждении в городе Баку государственного университета», который начал функционировать 15 ноября того же года.

Символично, что на том же заседании парламента по инициативе фракции «Мусават» было принято постановление об отправке за счет государства в лучшие европейские университеты примерно 100 абитуриентов и студентов для получения высшего образования по различным специальностям – от архитектуры до кораблестроения²³³. Представляя проект постановления парламентариям, член фракции «Мусават» Р. Векилов заявил, что «все народы, ставшие на самостоятельный путь развития, всегда стремились на Запад; туда же должны стремиться и мы, ибо этот путь ведет к теснейшему сближению с западноевропейской культурой

²³¹ Азербайджан. 1919. 27 августа.

²³² Там же.

²³³ ГА АР. Ф. 895. Оп. 3. Д. 103. Л. 1.

и дает возможность воспользоваться ее благами из первоисточника. Это наивернейший путь для прогресса отсталых народов»²³⁴.

Большое значение М.Э. Расулзаде придавал и языковой национализации государственных учреждений. По сути, этот процесс подразумевал перестройку всей структуры языковой ситуации путем устранения одного из ее компонентов и восполнения его другим²³⁵. Следует учесть, что с провозглашением в мае 1918 года независимости Азербайджана впервые в новой и новейшей истории страны появилась возможность свободного функционального развития национального языка. В правительственном воззвании от 17 июня 1918 года к народу Азербайджана говорилось: «Одной из ближайших задач правительства является национализация всех правительственных учреждений, суда и школы»²³⁶.

Первым же шагом в этом направлении стало создание соответствующей правовой базы языковой национализации. Так, правительственным постановлением от 27 июня 1918 года азербайджанский язык получил статус государственного языка Азербайджанской Республики. Правда, при этом временно допускалось употребление русского языка в государственных учреждениях. Дело в том, что в течение 100 лет колониальной зависимости от России царские власти делали все возможное, чтобы искоренить азербайджанский язык из основных сфер жизни общества. В частности, как уже было отмечено, он был полностью изгнан из официальных школ, в результате чего значительная часть азербайджанцев, получивших образование в подобных учебных заведениях, не могла читать и писать на азербайджанском языке.

Тем не менее М.Э. Расулзаде по мере возможностей пытался ускорить процесс языковой национализации системы образования и государственных учреждений. Еще в декларации партии «Мусават», обнародованной М.Э. Расулзаде, среди основных задач во внутренней политике особое место отводилось «введению

²³⁴ Азербайджан. 1919. 6 сентября.

²³⁵ Балаев А. Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. С. 64.

²³⁶ ГА АР. Ф. 895. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

в официальных бумагах между государственными учреждениями национального языка»²³⁷.

Характерно, что в ходе парламентских прений М.Э. Расулзаде неоднократно требовал составления и оглашения тех или иных официальных документов исключительно на азербайджанском языке. Даже правительственные телеграммы, отправляемые в иностранные государства, он предлагал «оглашать на тюркском языке, а потом, если понадобится, перевести их и на русский, ибо здесь Азербайджан и официальным языком должен считаться тюркский язык»²³⁸.

Создание благоприятных условий для широкого функционирования азербайджанского языка во всех сферах жизни общества способствовало также ускорению процесса развития национальной идентичности, что в тогдашних условиях имело поистине судьбоносное значение для зарождающейся азербайджанской государственности. Ведь родной язык, как правило, является мощным символом культурного единства и удобным инструментом административного управления в новом национальном государстве. Язык формирует важный элемент культурной идентичности, что, в свою очередь, является частью национальной идентичности. В этом смысле обязательное образование на родном языке, которое несет национальное государство, постепенно выковывает единую нацию. Поэтому расширение базы национальной идентичности в значительной степени зависит от темпов развития школьной сети на родном языке и степени вовлечения в нее широких народных масс.

Будучи прагматичным политиком, М.Э. Расулзаде понимал, что полный перевод делопроизводства в государственных учреждениях на азербайджанский язык в тогдашних условиях не является легкой и быстро разрешимой задачей и потребует определенного времени. Не случайно, что, выступая в декабре 1919 года на II съезде «Мусавата», М.Э. Расулзаде с горечью заявлял: «Я был очень рад слышать о желании моих товарищей вести все

²³⁷ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 42

²³⁸ Там же. С. 99.

дела в государственных учреждениях на тюркском языке, но, к сожалению, пока это не представляется возможным»²³⁹.

М.Э. Расулзаде в исследуемый период принимал активное участие и в обеспечении внешней безопасности и территориальной целостности Азербайджана, в налаживании дружественных отношений с соседними государствами, в организации азербайджанской армии как гаранта независимости страны. Так, в связи с вторжением ранней весной 1919 года частей Добровольческой армии Деникина в пределы Горской Республики М.Э. Расулзаде, выступая в парламенте, предупредил, что «идущая сила – это сила, стремящаяся к порабощению свободных народов, к уничтожению добытых революцией прав народов на самоопределение, на самостоятельное существование»²⁴⁰. М.Э. Расулзаде призывал парламент не ограничиться выражением декларативного протеста, а оказать Горской Республике реальную помощь, в том числе в военной сфере. Именно по его инициативе началась отправка в Дагестан азербайджанских добровольцев²⁴¹.

Но ситуация стала особенно угрожающей для независимости Азербайджана после окончательного захвата деникинскими войсками территории Дагестана и их выходом к азербайджанским границам. В этой связи именно М.Э. Расулзаде выступил с запросом к правительству, потребовав от премьер-министра Н. Усуббекова отчитаться перед парламентом о принятых мерах для защиты независимости страны.

Выступая по этому поводу 26 мая 1919 года в парламенте, М.Э. Расулзаде, в частности, заявил: «В последнее время население Азербайджана находится в состоянии тревоги. Причиной этой тревоги является занятие добровольческими отрядами Петровска (ныне Махачкала. – А.Б.) и Дербента. Необходимость защищать нашу независимость очевидна, так как Дагестан – это ворота Азербайджана, и враги, сидящие в Дагестане, – это враги Азербайджана и всех новообразовавшихся государств, враги, ко-

²³⁹ Азербайджан. 1919. 9 декабря.

²⁴⁰ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 260.

²⁴¹ Там же.

торые идут с черными мыслями. И, конечно, видя их движение, население не может сидеть спокойно дома. Поэтому мы обращаемся к правительству с вопросом, какие меры приняты им для защиты нашей самостоятельности?»²⁴²

Обсуждение запроса фракции «Мусават» к правительству было продолжено на заседании парламента от 5 июня 1919 года. Повторно взяв слово, М.Э. Расулзаде, имея в виду командование Добровольческой армии, сказал: «Напрасно они питают себя иллюзией о том, что они торжественно вступят в нашу столицу и азербайджанцы выйдут коленопреклоненно целовать ноги царским генералам. Быть может, наши головы будут потоптаны под их ногами, но целовать эти ноги мы не будем»²⁴³. Он выразил надежду на то, что «азербайджанцы славную смерть во имя своей самостоятельности предпочтут бесславному рабскому существованию»²⁴⁴. Характерно, что эти слова М.Э. Расулзаде были встречены громкими аплодисментами во всех скамьях, за исключением той части парламента, где сидели представители партий «Иттихад», «Дашнакцутюн» и фракции армянской общины.

При этом М.Э. Расулзаде был далек от недооценки сил противника. Наоборот, он открытым текстом заявлял, что «враг наш силен». Тем не менее он говорил о необходимости «сплотить все силы, все партии, классы и слою населения вокруг правительства» с целью отпора противнику. «Мы не раз указывали, – подчеркивал он, – что если силы Деникина будут в Дербенте, то это будет револьвером, направленным в сердце Азербайджана. Рука врага уже взялась за курок, необходимо быстрым и ловким ударом отсечь эту руку. Мы никогда не были агрессивными и сторонниками войны. Что же делать, когда не всегда удается следовать собственному желанию. Часто, чтобы не заслужить проклятия потомков, мы должны делать и то, что противно нам»²⁴⁵.

²⁴² Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 421.

²⁴³ Там же. С. 448-449.

²⁴⁴ Там же. С. 449.

²⁴⁵ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 449.

М.Э. Расулзаде был одним из инициаторов принятого парламентом решения, согласно которому «в целях государственной обороны был выделен из состава правительства особый орган с предоставлением ему чрезвычайных полномочий»²⁴⁶. На основе этого решения 9 июня 1919 года был образован Комитет Государственной обороны, объявивший 14 июня 1919 года военное положение на всей территории Азербайджанской Республики.

В отражении возможной агрессии со стороны войск Деникина М.Э. Расулзаде большое значение придавал консолидированным действиям трех южно-кавказских республик. Поэтому он с большим воодушевлением воспринял подписание 16 июня 1919 года между Азербайджаном и Грузией военно-оборонительного соглашения, согласно которому стороны «обязывались выступать совместно всеми вооруженными силами и средствами против всякого нападения, угрожающего независимости или территориальной неприкосновенности одной или обеих договаривающихся республик»²⁴⁷.

Выступая 27 июня 1919 года в ходе ратификации этого соглашения в азербайджанском парламенте, М.Э. Расулзаде сказал: «Заключаемые между государствами соглашения нередко выглядят полезными лишь с точки зрения руководителей правительства, в то время как народные массы считают их неприемлемыми. Представленное сегодня на наше рассмотрение соглашение, предусматривающее дружбу и союзничество между Азербайджаном и Грузией, одобряется и поддерживается не только правительством, но и азербайджанской нацией. Сегодня азербайджанский парламент примет историческое решение об его утверждении. Азербайджанская нация будет товарищем по оружию и солидарным с грузинами против общего врага. Как видите из содержания соглашения, этот союз преследует единственную цель — защиту нашей независимости и безопасности от внешних сил»²⁴⁸.

Твердая позиция, занятая правительствами Азербайджана и Грузии, а также решительные действия английского командо-

²⁴⁶ Там же. С. 451-452.

²⁴⁷ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 87. Л. 31.

²⁴⁸ Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920). Parlament (Stenoqrafik hesabatlar). C. 1. S. 761.

вания предотвратили вторжение деникинских войск в пределы южно-кавказских государств. Так, английское командование потребовало от Деникина соблюдения демаркационной линии, установленной 11 июня 1919 года между Азербайджаном и Добровольческой армией в пяти милях южнее Петровска. И Деникину ничего не оставалось, как подчиниться данному требованию.

Характерно, что, хотя Армении и было предоставлено право в двухнедельный срок присоединиться к грузино-азербайджанскому военно-оборонительному соглашению, дашнакское правительство так и не решилось на этот шаг, поскольку тесно сотрудничало с Деникиным. Как впоследствии подчеркивал председатель правительства независимой Грузии в 1918-1921 гг. Н. Жордания, «армяне смотрели все время в сторону России и ждали его прихода, как спасительницы от турецкой опасности. В деникинской армии было много армянских частей»²⁴⁹.

Неслучайно, что официальные представители Деникина рассматривали Армению и ее армию в качестве авангарда Добровольческой армии в борьбе с Грузией и Азербайджаном²⁵⁰. Ирония судьбы заключается в том, что подобная политика дашнакского правительства в отношении своих соседей противоречила прежде всего долгосрочным интересам самой Армении.

Ведь как справедливо отмечал М.Э. Расулзаде, только мирное сосуществование и налаживание добрососедских отношений между тремя новообразовавшимися южно-кавказскими государствами – Азербайджаном, Грузией и Арменией могли стать твердой гарантией их самостоятельного существования, а также способствовать ускорению процесса их признания со стороны мирового сообщества. «Хотя на азербайджанскую демократию взваливали несправедливые обвинения в лицемерии, – отмечал М.Э. Расулзаде, – хотя нас стремились представить всем как «реакционеров» и «контрреволюционеров», хотя в происшедших печальных армяно-мусульманских столкновениях старались очернить нас, однако факты могут говорить за себя довольно красноречиво. Азербай-

²⁴⁹ Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968. С. 107.

²⁵⁰ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.

джанский народ за весь период самостоятельного своего существования основывал свою политику и тактику лишь на миролюбии и дружественном сосуществовании с другими народами. Правительство Азербайджана с самого начала являлось сторонником этой тактики, вы не можете указать ни одного случая, когда оно отступало от нее. Азербайджанское правительство со дня своего существования стремилось к разрешению спорных вопросов между кавказскими народами путем не войн, а мира и согласия»²⁵¹.

Склонность к мирному решению спорных проблем в деятельности М.Э. Расулзаде органически сочеталась с принципиальностью в вопросах отстаивания территориальной целостности Азербайджана. Несмотря на то что исходя из национальных интересов Азербайджана он высоко ценил дружественные отношения с Грузией, тем не менее в вопросе о населенном преимущественно азербайджанцами Борчалинском уезде, на который претендовала и Грузия, занимал достаточно бескомпромиссную позицию. Когда правительство Грузии 5 июня 1918 года приняло решение о насильственном присоединении Борчалы к Грузии и направлении в этот регион регулярных грузинских войск, М.Э. Расулзаде, находившийся в Батуме, выразил свой решительный протест грузинским представителям. А на предупреждение грузинской стороны о том, что в случае неудовлетворения их притязаний на Борчалы «прольется кровь», он спокойно, но решительно ответил: «Ну что же, если вынудите, придется пойти и на кровопролитие»²⁵². При этом следует учесть, что это жесткое заявление было сделано М.Э. Расулзаде в тот момент, когда азербайджанское правительство все еще находилось в Тифлисе и в немалой степени зависело от грузинских властей.

Впоследствии в своих выступлениях в парламенте М.Э. Расулзаде неизменно подчеркивал, что «Борчалы, населенное тюрками и мусульманами, является неотъемлемой частью Азербайджанской Республики»²⁵³. Считая, что проблема Борчалы «созда-

²⁵¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 67-77.

²⁵² ГА АР. Ф. 894. Оп. 1. Д. 31. Л. 15-16.

²⁵³ Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920. Parlament (Stenoqrafik hesabatlar). С. 1. S. 116.

на искусственно», он даже предлагал грузинской стороне «решить этот вопрос посредством международного арбитража»²⁵⁴.

Не менее решительным образом М.Э. Расулзаде действовал и при отражении территориальных притязаний армянской стороны в отношении Азербайджана. Во время обсуждения в парламенте 14 апреля 1919 года декларации правительства Н. Усуббекова некоторые депутаты критиковали последнего за то, что в списке спорных территорий, включенных в декларацию правительства, не был упомянут Карабах. Отвечая этим парламентариям, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что спорными необходимо считать те регионы, которые «еще не находятся в наших руках, поскольку туда Азербайджан пока не назначил своего представителя. Борчалинский вопрос упоминается, потому что он находится вне сферы нашего управления. Есть вопросы, касающиеся некоторых частей Эриванской губернии, которые находятся в чужих руках. Карабахский же вопрос находится в другом положении. Туда назначен наш генерал-губернатор, и наши права на эту территорию даже получили международное признание. Спрашивать у правительства, которое оспаривает территорию в Эриванской губернии, о его отношении к Карабаху не имеет никакого смысла, поскольку правительство, идущее к Эриванской губернии, не может идти туда, не перевалив Карабахских гор»²⁵⁵.

Действительно, с целью пресечения вмешательства армянской стороны во внутренние дела республики 15 января 1919 года азербайджанское правительство приняло решение о создании Карабахского генерал-губернаторства в составе Джеванширского, Шушинского, Джебраильского и Зангезурского уездов²⁵⁶. 29 января 1919 года временным генерал-губернатором Карабаха был назначен Хосров бек Султанов, который, несмотря на все протесты армянской стороны, 12 февраля 1919 года прибыл в Шушу и приступил к исполнению своих обязанностей²⁵⁷.

²⁵⁴ А. g. e. S. 115-116.

²⁵⁵ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 357-358.

²⁵⁶ ГА АР. Ф. 894. Оп. 2. Д. 81. Л. 49.

²⁵⁷ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 247. Л. 10.

3 апреля 1919 года было обнародовано заявление представителя союзного командования на Южном Кавказе Д. Шательворта, в котором подчеркивалось, что до окончательного решения вопроса Карабах на Парижской мирной конференции этот регион остается в составе Азербайджана, и союзное командование признает администрацию Хосров бека Султанова единственной законной властью в Карабахе²⁵⁸. Исходя из реально сложившейся в тот момент ситуации в Карабахе, М.Э. Расулзаде резюмировал, что «карабахского вопроса так же нет, как нет бакинского вопроса»²⁵⁹.

М.Э. Расулзаде постоянно требовал от правительства принятия эффективных мер для обеспечения безопасности азербайджанских граждан от бесчинствующих армянских формирований в приграничных с Арменией регионах страны. Выступая 17 июля 1919 года на заседании парламента при обсуждении вопроса азербайджанских беженцев из Армении и сопредельных с ней азербайджанских территорий, он указывал, что «жители Нахичеванского и Шарурского уездов являются нашими гражданами, и мы должны предпринять все усилия для их спасения». При этом он подверг жесткой критике предложение представителя партии «Иттихад» С.М. Ганизаде, который выступил с инициативой переселения в Азербайджан всех мусульман, проживающих на территории Армении. «Это неправильная мысль, – парировал М.Э. Расулзаде, – этим мы лишь будем способствовать исполнению вековой мечты армян»²⁶⁰.

Но, несмотря на наличие немалых проблем и противоречий во взаимоотношениях южно-кавказских государств, М.Э. Расулзаде был убежденным сторонником идеи Кавказской конфедерации. Еще в ноябре 1918 года он по этому поводу писал: «Азербайджан я представляю как конфедеративную часть объединенного в союзное государство Кавказа, куда должны войти Азербайджан, Грузия, Армения и Северный Кавказ»²⁶¹.

²⁵⁸ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 62. Л. 66.

²⁵⁹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). С. 358.

²⁶⁰ Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920. Parlament (Stenoqrafik hesabatlar). C. 1. S. 860.

²⁶¹ Азербайджан. 1919. 12 ноября.

На II съезде партии «Мусават» именно по инициативе М.Э. Расулзаде была принята специальная резолюция о Кавказской конфедерации, в которой, в частности, говорилось: «признать целесообразным принцип объединения кавказских республик в свободный союз Кавказской конфедерации». Одновременно делегаты съезда призвали «всю кавказскую демократию, а также правительства соседних республик способствовать реализации этой идеи»²⁶².

М.Э. Расулзаде искренне верил в способность и возможность азербайджанских тюрок встать в один ряд с самыми развитыми нациями мирового сообщества. И это несмотря на то, что тогдашние реалии азербайджанского общества не давали повода для особого оптимизма на этот счет. Ведь азербайджанскому обществу, в котором еще достаточно сильны были феодально-патриархальные пережитки и религиозные предрассудки, фактически предстояло сделать стремительный рывок из средневековья в современность. Причем это необходимо было осуществить в крайне неблагоприятных условиях непрекращающихся внешних угроз и упорного сопротивления консервативно-клерикальных сил внутри страны.

Но все эти трудности не смогли заставить М.Э. Расулзаде и его соратников свернуть с пути демократических преобразований. Наоборот, все эти проблемы лишь еще больше укрепляли в них убежденность в необходимости продолжения начатых реформ. Безусловно, в нынешнем азербайджанском обществе, утратившем многие свои морально-нравственные устои и продолжающем ускоренно деградировать, в котором люди вынуждены жить «тройным стандартом», когда думают одно, говорят другое, а делают третье, многие поступки азербайджанских лидеров периода АДР могут показаться невероятными.

И в первую очередь у немалой части современных азербайджанцев может вызвать удивление тот факт, что тогдашние руководители Азербайджана стремились не к укреплению в стране своей личной власти, а обеспечивали демократические условия для свободной деятельности своих непримиримых политических

²⁶² Азербайджан. 1919. 14 декабря.

оппонентов, заботились о будущем не собственных детей, а тратили последние гроши из скудных финансовых ресурсов государства для отправки около 100 талантливых молодых азербайджанцев на учебу в престижные европейские университеты, не сколачивали состояние путем разграбления национальных богатств, а думали о будущем Азербайджана.

Подобное их поведение было обусловлено тем, что для М.Э. Расулзаде и подавляющего большинства его соратников власть являлась не средством получения материальных благ, а способом решения существующих общенациональных проблем с целью создания соответствующих условий для ускоренного развития Азербайджана. Именно бескорыстная и самоотверженная деятельность азербайджанских лидеров на этом поприще, а не методы государственного «пиара», которые практически отсутствовали в АДР, была главной причиной их популярности среди народных масс.

Как свидетельствуют источники того периода, 28 мая 1919 года в день празднования первой годовщины объявления независимости Азербайджана вышедшего к трибуне перед зданием парламента М.Э. Расулзаде народные массы встретили неописуемым восторгом и почти громовыми, долго не смолкавшими овациями. Обращаясь к собравшимся перед зданием парламента, М.Э. Расулзаде в частности сказал: «Прежде чем говорить о значении сегодняшнего дня, хочу обратить ваше внимание на события, совершившиеся год назад, когда ваши представители вдали от вас, в Тифлисе и на берегах Черного моря (в Батуме. – *А.Б.*), решали судьбу как Закавказья, так и Азербайджана. Они хотя были от вас на далеком расстоянии, но, чувствуя идейную близость с вами, решая вопрос о самостоятельности, были уверены, что они исполняют вашу народную волю. Те, которые сегодня только в принципе признают самостоятельность Азербайджана, лукаво мотивируя это тем, что эта самостоятельность ханов и имущего класса, сегодня воочию убедились, что эта самостоятельность ваша, народная, и видят, как это море столичного населения без всякого исключения дорожит ею. Сегодняшний день показал сплоченность азербайджанского народа вокруг лозунга независи-

мости, не исключая ни богатого, ни бедного, ни женщин, ни мужчин, ни даже детей. Сегодняшнее ваше собрание служит лучшим предзнаменованием того, что тюркский народ сможет сплотиться и в дни бедствия, и в день торжества, как сегодня»²⁶³.

Далее М.Э. Расулзаде напомнил народу о том, что «осенью в тяжелую минуту нашей жизни, когда при открытии парламента мы говорили, что знамя Азербайджана, поднятое над парламентом, никогда не опустится, были люди, которые смеялись себе в ус, но сегодня эти господа должны видеть, что весь Баку утопает в море трехцветных азербайджанских знамен»²⁶⁴. И в конце своего выступления он поздравил всех от имени «Мусавата», отметив, что «сегодняшний день является днем торжества идеалов «Мусавата».

Следует отметить, что М.Э. Расулзаде прекрасно понимал необходимость сильной политической организации в стране как основы дальнейшего развития процесса строительства национальной государственности. Лишь такая организация, руководствующаяся в своей практической деятельности исключительно национальными интересами, могла обеспечить преемственность тех идей, которые начали осуществляться в Азербайджане. По этой причине он уделял пристальное внимание укреплению организационных структур и совершенствованию идеологической основы и программных установок «Мусавата».

В этом смысле знаменательным событием стал II съезд партии «Мусават», состоявшийся 2-11 декабря 1919 года в Баку. В работе съезда принимали участие 140 делегатов, представлявших все уезды Азербайджана, а также члены парламентской фракции партии. Лидер партии М.Э. Расулзаде в своей вступительной речи в частности сказал: «Господа! Я счастлив, что открываю второй съезд партии в столице нашего свободного, независимого Азербайджана. Два года назад не было того, свидетелями чего мы в настоящее время являемся. Дорогие товарищи! Мы с вами пережили много

²⁶³ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент: (Стенографические отчеты). С. 426.

²⁶⁴ Там же. С. 427.

трудностей, но, будучи тюрками, никогда не теряли надежду на светлое будущее. Мы всегда верили, что наш народ, временно лишенный своих политических прав и казавшийся мертвым, в недалеком будущем воскреснет и займет подобающее ему место. Закрывая первый съезд нашей партии, я говорил, что придет время, когда мы получим «золотое яблоко», и те, которые привыкли смотреть на нас, как на мертвых, увидят нас живыми. Не прошло двух лет, и мы имеем уже свое независимое государство»²⁶⁵.

Выступивший затем с приветственным словом к съезду Ф.Хойский, отметив, что по многим соображениям он до сих пор не является членом какой-либо политической партии, заявил: «Поэтому для меня было легче со стороны беспристрастно наблюдать за работой каждой партии в отдельности. Я считаю своим долгом заявить, что партия «Мусават» в своей работе многое сделала для укрепления нашей независимости. Было бы несправедливо это отрицать. Причина такой плодотворной работы заключается в том, что в те моменты, когда наш народ находился в опасности, руководители партии «Мусават» всегда ставили интересы народа выше своих партийных интересов»²⁶⁶.

С отчетным докладом о деятельности Центрального комитета и парламентской фракции партии выступил М.Э. Расулзаде. В докладе подробно была проанализирована деятельность партии в переломные моменты развития политических процессов в регионе – в ходе мартовских событий 1918 года, в Закавказском сейме, в периоды объявления независимости Азербайджана, отражения большевистско-дашнакской агрессии, борьбы за освобождение Баку и т.д. Особый раздел в докладе был посвящен деятельности парламентской фракции партии.

Необходимо отметить, что отчетный доклад был выдержан в достаточно самокритичном духе. В нем, наряду с достижениями, открыто говорилось о невыполненных задачах, о причинах затруднений и проблем в деятельности партии. В столь же демократичной атмосфере происходили и обсуждения вокруг отчетного

²⁶⁵ Азербайджан. 1919. 4 декабря.

²⁶⁶ Там же.

доклада ЦК партии. Примечательно, что в них активное участие принимали не только опытные и авторитетные деятели партии, но и представители молодого поколения мусаватистов. Именно из их уст зачастую звучала и самая резкая критика в адрес руководства партии. С характерным для молодежи задором и максимализмом они требовали от руководства еще большей самоотдачи в реализации поставленных перед партией задач. В частности, молодые члены партии были особенно обеспокоены медлительностью, по их мнению, руководства партии в решении аграрного вопроса, а также недостаточно быстрыми темпами внедрения азербайджанского языка в государственные органы управления и т.д.

Впоследствии советские историки, привыкшие к полному единодушию в аналогичных форумах коммунистов, трактовали живую дискуссию на II съезде «Мусавата» чуть ли не проявлением раскола партии. Безусловно, для людей с советским мышлением, воспринимавших каждое высказывание коммунистического вождя истиной в последней инстанции, была непривычной и даже из ряда вон выходящей критика, звучавшая в адрес лидеров «Мусавата» со стороны делегатов съезда, к тому же представителей молодого поколения.

Но именно критика в адрес руководства партии была наиболее наглядным показателем успешности проводимых в тот период в Азербайджане демократических реформ, в том числе и внутри «Мусавата». Именно так воспринимал критику своих более молодых коллег М.Э. Расулзаде, не скрывая своей удовлетворенности от наличия подобной атмосферы на съезде. При этом он делал особый акцент на то обстоятельство, что критика делегатов съезда не затрагивала основные принципы политической деятельности руководства партии²⁶⁷.

Симптоматично, что наиболее последовательные критики М.Э. Расулзаде на II съезде, среди которых своей бескомпромиссностью и резкостью высказываний особо выделялся 21-летний

²⁶⁷ Азербайджан. 1919. 9 декабря.

М.Б. Мамедзаде, всей своей последующей деятельностью доказали преданность идеалам партии и ее лидеру. Достаточно отметить, что сам М.Б. Мамедзаде впоследствии стал одним из близких соратников М.Э. Расулзаде и автором наиболее фундаментального труда эмигрантской литературы, посвященной истории национального движения в Азербайджане.

Докладчиком по вопросу внесения изменений в партийную программу на II съезде «Мусавата» также выступал М.Э. Расулзаде. Как известно, в программе партии, принятой в октябре 1917 года на первом съезде, основной целью «Мусавата» объявлялось достижение территориальной автономии Азербайджана в составе Российского государства. Кардинальные политические изменения в регионе, и в первую очередь провозглашение независимости Азербайджана, потребовали внесения определенных изменений в программу партии.

В своем докладе по этому вопросу на съезде М.Э. Расулзаде предложил определить в программе новые цели и устремления партии, отразить в ней достижение независимости Азербайджана и зафиксировать форму государственного правления страны, а также дополнить ее отдельным разделом о воинской повинности, который отсутствовал в прежнем основном документе «Мусавата». Согласно внесенным в программу партии изменениям и дополнениям, отныне стратегической целью «Мусавата» провозглашалась защита и укрепление государственной независимости Азербайджана. Исходя из этого, основной задачей партии объявлялось строительство национальной государственности.

По предложению М.Э. Расулзаде программа партии была дополнена специальным разделом о форме государственного правления Азербайджана. Формой государственного устройства независимого Азербайджана объявлялась демократическая республика, а официальным языком – азербайджанский язык. Как подчеркивалось в этом разделе, правительство опирается на парламентское большинство и ответственно перед ним. Для управления городами и регионами планировалось создание на выборной основе муниципалитетов и других структур местного самоуправ-

ления с широкими полномочиями. Руководствуясь необходимостью защиты государства от внешней агрессии и поддержания порядка внутри страны, делегаты съезда впервые в истории партии проголосовали за включение в программу особого раздела о всеобщей воинской повинности.

В заключительный день съезда, 11 декабря 1919 года, были сформированы руководящие органы партии. Подавляющим большинством голосов М.Э. Расулзаде был вновь избран членом Центрального комитета и председателем партии «Мусават»²⁶⁸.

К началу 1920 года достижения в строительстве национальной государственности и реализации демократических преобразований в Азербайджане были немалыми. Тем не менее для окончательной реализации «Акта о независимости Азербайджана» необходимо было добиться признания Азербайджанской Демократической Республики со стороны мирового сообщества.

В этом отношении знаменательным событием в политической жизни страны стало принятие 11 января 1920 года Верховным советом союзных держав решения о признании де-факто независимости Азербайджана. Как справедливо отмечалось в воззвании по этому случаю правительства к гражданам страны, «вступление Азербайджана полноправным членом в семью передовых народов» стало возможным благодаря «проявленной народом воле к самостоятельной жизни и способности его к самоуправлению»²⁶⁹.

Однако международное признание Азербайджанской Республики по времени совпало с усилением угрозы для национальной независимости со стороны большевистской России. Оттесняя остатки Добровольческой армии на юг, большевистские войска с каждым днем все больше приближались к северным границам Азербайджана. Причем экономическая и военно-стратегическая значимость бакинской нефти не оставляла азербайджанским лидерам даже малейших шансов на достижение компромисса с большевиками.

Первый сигнал тревоги для азербайджанских лидеров прозвучал 2 января 1920 года, когда Азербайджанское правитель-

²⁶⁸ Азербайджан. 1919. 13 декабря.

²⁶⁹ Азербайджан. 1920. 17 января.

ство получило послание главы внешнеполитического ведомства Советской России Г.В. Чичерина с предложением заключить военный союз против Деникина. Обращая внимание на популистский и пропагандистский характер данного послания, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что, отказываясь признать Азербайджанскую Республику, большевистское руководство одновременно стремилось втянуть Азербайджан в неравное противоборство с Деникиным²⁷⁰.

Следует признать, что большевики затеяли беспроигрышную для себя дипломатическую игру с азербайджанской стороной, поскольку согласие Баку на совместную борьбу с Деникиным неминуемо привело бы к ослаблению Азербайджана, тем самым облегчив задачу окончательного уничтожения азербайджанской независимости со стороны большевистских орд. А в случае отказа Баку от этого предложения, что казалось более вероятным, большевистские власти получали прекрасный повод для оправдания вторжения своих войск в пределы Азербайджана.

Дальнейшие события развивались именно по второму сценарию, поскольку в ответном послании министр иностранных дел Азербайджана Ф. Хойский подчеркнул, что, «придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела другого народа, азербайджанское правительство считает недопустимым со своей стороны вторжение в сферу борьбы русского народа в деле устройства им своей внутренней жизни»²⁷¹.

Как и следовало ожидать, активная дипломатическая переписка в первые месяцы 1920 года между Ф. Хойским и Г.В. Чичериным не привела к конкретным результатам. Более того, с каждым днем становилось все более очевидным, что руководство Советской России, начав этот диалог, не преследовало цель наладить дипломатические и экономические отношения с Азербайджаном²⁷². В этом смысле вся эта дипломатическая переписка служила лишь прикрытием для готовящейся интервенции боль-

²⁷⁰ *Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. S. 61.*

²⁷¹ *Nəşənov C. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sistemində. S. 317.*

²⁷² *Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 195.*

шевиков против Азербайджана и попыткой усыпить бдительность руководства республики.

Об истинных намерениях большевиков в отношении Азербайджана свидетельствует телеграмма В.И. Ленина от 17 марта 1920 года членам РВС Кавказского фронта И.Т. Смилге и Г.К. Орджоникидзе: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичным и удостовериться в подготовке твердой местной Советской власти»²⁷³.

С этой целью с каждым днем усиливалась подрывная деятельность большевиков внутри Азербайджана, направляемая и финансируемая со стороны Советской России. Составной частью этой деятельности являлась активизация местных большевистских организаций.

Однако ни создание в феврале 1920 года «самостоятельной» Коммунистической партии Азербайджана, ни огромная финансовая и военная помощь, оказываемая извне, были недостаточны для реализации агрессивных планов большевиков в отношении национального правительства. По крайней мере, весной 1920 года местные большевики не имели абсолютно никаких шансов для прихода к власти в Азербайджане собственными силами. В этом отношении так называемая «самостоятельная» Компартия Азербайджана в лучшем случае была пригодна лишь для прикрытия факта внешней вооруженной интервенции и создания видимости свержения национального правительства со стороны «восставшего» местного населения. Но она не смогла выполнить даже эту миссию, поскольку в этот период количество сторонников большевиков в Баку не превышало 1000 человек²⁷⁴.

По этой причине руководство Советской России, особо не надеясь на местных большевиков, предпочитало действовать одновременно в нескольких направлениях. Так, перед вторжением в Азербайджан оно тесно координировало свои действия с дашнакским правительством Армении, которое за свои «услуги» Кремлю

²⁷³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1978. Т. 51. С. 163-164.

²⁷⁴ Мəтнмәдзadə М.В. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 139.

надеялось в качестве «дивиденда» получить часть азербайджанских земель. Именно с благословения большевиков в ночь с 22 на 23 марта 1920 года – в день главного национального праздника азербайджанцев – Новруз байрамы – армянские сепаратисты напали на Ханкендинский и Аскеранский гарнизоны азербайджанских войск. Это послужило сигналом для начала антиправительственного мятежа на всей территории нагорной части Карабаха, а также в населенных армянами местностях Гянджинского и Казахского уездов²⁷⁵.

Сепаратисты рассчитывали застать врасплох азербайджанцев, занятых празднованием Новруза. Хотя им удалось, воспользовавшись внезапностью атаки, захватить Аскеран, но нападение на Ханкенди было отражено азербайджанскими частями. Сорвалась также попытка наступления на азербайджанский гарнизон в Шуше²⁷⁶.

В отличие от нынешнего карабахского конфликта, тогдашнему азербайджанскому правительству удалось быстро локализовать и подавить мятеж. Уже 3 апреля 1920 года азербайджанские войска полностью восстановили контроль над Аскераном, потеря которого означала прекращение связи нагорной части Карабаха с Баку. В этой связи следует напомнить, что в ходе азербайджано-армянского военного конфликта в конце 80-х – начале 90-х годов XX века азербайджанским войскам, несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось овладеть Аскераном.

Несмотря на эти успехи, для подавления дашнакского мятежа в Карабахе азербайджанскому правительству пришлось перебросить практически все боеспособные части национальной армии в этот регион. В результате непосредственно перед большевистской интервенцией северные границы Азербайджана оказались практически беззащитными.

Одновременно дашнакский мятеж в Карабахе оказал весьма негативное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Азербайджане, предоставив оппозиционным силам, в частности социалистам и членам «Иттихада», дополнительный повод для уси-

²⁷⁵ *Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. S. 64-65.*

²⁷⁶ ГА АР. Ф. 2894. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

ления давления на правительство. Демагогически обвиняя правительство и фракцию «Мусават» в неспособности защитить территориальную целостность Азербайджана, они все более открыто и нагло требовали обращения за военной помощью к России для наведения порядка и установления спокойствия в стране.

В этом контексте весьма характерна речь одного из лидеров азербайджанских большевиков, члена социалистической фракции А. Караева. Выступая 1 апреля 1920 года в ходе дебатов в парламенте по карабахским событиям, он заявил буквально следующее: «Единственными защитниками независимости Азербайджана являются азербайджанские коммунисты... Красная армия стоит у ст. Ялама, и, по нашему мнению, нужно сейчас же вызвать ее на помощь сюда и предложить вам сдать власть большевикам, поскольку это единственная власть, которая способна разрешить национальный вопрос, и Красная армия – единственная армия, способная положить конец межнациональной резне и предотвратить в дальнейшем всякие попытки ее вызвать»²⁷⁷.

Отвечая на провокационное выступление А. Караева, М.Э. Расулзаде резонно заметил: «Я здесь слышал речь не члена азербайджанского парламента, а уполномоченного России, агента России... Во имя борьбы с карабахскими мятежниками нам предлагают сдаться на милость большевикам. При этом сознательно замалчивают тот факт, что именно они возглавляют мятеж в Карабахе». Далее, обращаясь с парламентской трибуны к А. Караеву, М.Э. Расулзаде заявил: «Если вы представите мне доказательства, что, придя к власти, сформируете национальное правительство, а не создадите тут под видом Азербайджанского правительства отделение Советской России, то я готов вести с вами переговоры. На самом деле вы не поборник независимости, а заговорщик, пытающийся ее уничтожить»²⁷⁸.

Характерно, что речь А. Караева была встречена аплодисментами турецкими представителями, сидевшими в ложе для почет-

²⁷⁷ Караев А.Г. Из недавнего прошлого: Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (б). Баку, 1926. С. 121.

²⁷⁸ Азербайджан. 1920. 5 апреля.

ных гостей парламента. И как показали последующие события, столь благожелательное отношение турецких представителей к идее приглашения частей Красной армии в Азербайджан не было случайностью.

Подобное поведение турецких представителей в Азербайджане было следствием достигнутых договоренностей между кемалистской Турцией и большевистской Россией, которые стали одним из ключевых факторов, приведших к падению АДР.

Безусловно, союз между кемалистской Турцией и большевистской Россией по всем параметрам был «браком по расчету». Мустафу Кемалю в объятия большевиков подтолкнула критическая ситуация, сложившаяся в стране весной 1920 года. В этот период Турция фактически оказалась лицом к лицу с мощной коалицией европейских государств. А большевики умело воспользовались безвыходным положением Турции, руководство которой ради спасения страны от оккупации европейских государств вынуждено было пойти на сговор с Советской Россией.

Как по этому поводу отмечает турецкий историк О. Коджаман, «наступление британских войск на Стамбул 16 марта 1920 года оказало решающее влияние на характер советско-турецких отношений, склонив таких видных турецких лидеров, как Кязим Карабекир и Февзи Чакмак, к идее наладить связи с большевиками для получения от них военной помощи»²⁷⁹.

Их позиция была поддержана и лидером турецких «Национальных сил» (Kuva-i Milliye) М. Кемалем. В результате достигнутой сторонами договоренности Россия согласилась поставлять кемалистской армии оружие и боеприпасы, а также оказать финансовую помощь Турции. Взамен турецкая сторона отказывалась от всяких притязаний на Закавказье, признавая этот регион сферой влияния Советской России. Суть этой турецко-российской договоренности раскрывает письмо Мустафы Кемалю В.И. Ленину от 26 апреля 1920 года. В нем, в частности, отмечалось: «Если советские силы предполагают открыть военные операции

²⁷⁹ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. М., 2004. С. 50.

против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния, заставят Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, турецкое правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и обязывается заставить Азербайджанскую Республику войти в круг советского государства»²⁸⁰.

После принципиального одобрения турецким руководством в конце марта 1920 года подобной договоренности с Советской Россией Исполнительный комитет «Национальных сил» Турции направил специальную инструкцию находившимся в тот момент в Баку турецким представителям во главе с Халил-пашой, приказав им действовать совместно с Кавказским краевым комитетом РПК(б) в направлении отстранения партии «Мусават» от власти в Азербайджане²⁸¹.

Турецкие представители, как и большевики, прекрасно осознавали, что «Мусават» является наиболее последовательным защитником азербайджанской независимости, и в этом вопросе руководство партии вряд ли пойдет на какие-либо уступки. Поэтому они не без основания считали «Мусават» главным препятствием на пути реализации своих договоренностей. В этой связи не случайно, что основное острие удара турок и большевиков было направлено именно против «Мусавата».

Если у правительства Азербайджана имелось еще немало возможностей, чтобы противостоять карабахским сепаратистам и местным большевикам, то фактический переход руководства «Национальных сил» Турции на сторону Советской России кардинально изменил ситуацию.

Ведь большевики по объективным причинам не пользовались особым авторитетом среди азербайджанского населения, и по этой причине их пропаганда не представляла реальной угрозы для национального правительства. Между тем, как справедливо отмечает О. Коджаман, «сближение с турками дало большевикам

²⁸⁰ История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1986. Т. 1. С. 92.

²⁸¹ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 198.

дополнительный шанс на успех в их кавказской кампании, так как теперь они могли перетянуть на свою сторону значительную часть мусульманского населения Кавказа»²⁸². Таким образом, складывающаяся в регионе весной 1920 года геополитическая ситуация не оставляла азербайджанским лидерам ни единого шанса для спасения независимости Азербайджана.

Между тем турецкие представители в Баку открыто обвиняли лидеров «Мусавата» и руководимое ими правительство в служении британским интересам и в безучастном отношении к судьбе братской Турции²⁸³. Они пытались убедить азербайджанское население в том, что национальное правительство во главе с партией «Мусават» преграждает путь большевистским войскам, направляющимся якобы «для оказания помощи революционной Анатолии». Дезориентируя азербайджанские массы и сея в их сердца семена недоверия в отношении национального правительства, турки своей пропагандой способствовали созданию «чрезвычайно благоприятной почвы для советского переворота в Баку»²⁸⁴.

В этой связи не случайно, что М.Э. Расулзаде выразил свой протест Халил-паше, проявлявшему особое рвение в агитационной работе среди населения против «Мусавата» и его принципиальной политики по защите национальной независимости. Обращаясь к нему, М.Э. Расулзаде говорил: «Не делайте этого. Оставьте нас в покое. Мы лучше вас знаем русских, под властью которых находились более ста лет»²⁸⁵.

Однако никакие уговоры и аргументы азербайджанских лидеров не действовали на турецких представителей, взявших курс на сотрудничество с большевиками с целью уничтожения азербайджанской независимости. В этой связи трудно не согласиться с мнением М.Э. Расулзаде о том, что своей агитацией турки содействовали большевистскому заговору против независимости Азербайджана и оккупации страны Советской Россией²⁸⁶.

²⁸² *Коджаман О.* Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 48.

²⁸³ *Karabekir K.* *Istiklal Harbimiz.* Istanbul, 1960. S. 612.

²⁸⁴ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 98. Л. 20.

²⁸⁵ *Məmmədşadə M.B.* *Milli Azərbaycan hərəkatı.* S. 137.

²⁸⁶ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени // Хазар. 1990. № 1. С. 57.

Не ограничиваясь агитацией среди населения, турки открыто подталкивали парламентскую оппозицию Азербайджана на открытое противостояние с правительством и партией «Мусават». Халил-паша и его соратники пытались убедить оппозиционные партии в том, что лишь совместными усилиями они могут свергнуть правительство «Мусавата».

Именно под влиянием турок партии «Иттихад» и «Эхрар» отказались поддержать правительство Н. Усуббекова. В данном вопросе с ними полностью солидаризовались и социалисты, к тому времени уже находившиеся под полным контролем большевиков²⁸⁷. Тем самым они спровоцировали правительственный кризис в стране, полностью парализовав деятельность кабинета Н. Усуббекова. Таким образом, буквально накануне вторжения большевистских войск страна фактически осталась без правительства.

Подобная ситуация, способствуя усилению растерянности и неопределенности среди населения, уменьшала и без того ограниченные возможности Азербайджанской Республики по организации эффективного сопротивления внешней агрессии.

Однако деструктивная деятельность турецких представителей этим не ограничивалась. Следует учесть, что им были доверены ключевые руководящие посты в азербайджанской армии и стратегически важных государственных учреждениях страны. В частности, элитный полицейский полк «Yardımlı alayı», на который была возложена задача охраны парламента и других государственных учреждений, состоял исключительно из турок. Впоследствии именно «Yardımlı alayı» одним из первых перешел на сторону большевиков.

Кроме того, как выяснилось в результате раскрытия азербайджанскими спецслужбами сети большевистского заговора в Баку, целью которого являлось «свержение существующего республиканского строя и введение советской власти»²⁸⁸, у большевиков имелись точные сведения о численности частей азербайджанской армии, местах их дислокации, количестве оружия и боеприпасов.

²⁸⁷ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 224. Д. 7.

²⁸⁸ Азербайджан. 1920. 30 марта.

В руки заговорщиков попала даже схема связи Бакинского укрепленного района и всех его фортификационных сооружений²⁸⁹.

И всю эту строго конфиденциальную информацию большевикам передавали в основном турецкие офицеры, служившие в азербайджанской армии. Они же вместе с представителями азербайджанской оппозиции выступали против преследования большевиков, уличенных в подготовке государственного переворота в стране.

Таким образом, накануне апрельского переворота в Азербайджане создалась достаточно причудливая и разношерстная в политическом отношении коалиция, состоящая из большевиков, азербайджанских социалистов, клерикалов из партии «Иттихад» и турецких офицеров. При всем различии их конечных целей и политико-идеологических воззрений на тот момент они были объединены общим стремлением – любыми средствами покончить с существованием независимого Азербайджана.

Тем временем в начале апреля 1920 года части XI Красной армии, разгромив остатки деникинских войск, вышли на северную границу Азербайджанской Республики. В этой связи 15 апреля Ф. Хойский направил ноту в МИД России, в которой, в частности, отмечалось: «...ныне наблюдается концентрация значительных войсковых сил российского правительства в Дербентском районе, у границ Азербайджанской Республики. Азербайджанское правительство, не будучи осведомленным о намерениях Советского правительства, просит срочно уведомить о причинах и целях концентрации войск в указанных районах»²⁹⁰.

Однако российское внешнеполитическое ведомство даже не сочло нужным ответить азербайджанскому правительству. Это было обусловлено тем, что подготовка интервенции в Азербайджан вступила в завершающую стадию и большевики уже не нуждались в дипломатическом прикрытии своих истинных целей в отношении Азербайджанской Республики. Уже в ночь с 26 на 27 апреля 1920 года части XI армии перешли азербайджанскую границу и начали продвигаться в сторону Баку.

²⁸⁹ ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 139. Л. 1.

²⁹⁰ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 204. Л. 1.

27 апреля в 12 часов дня азербайджанскому парламенту был предъявлен ультиматум следующего содержания: «Красный флот Социалистической Советской Азербайджанской Республики предлагает Вам немедленно сдать власть Советскому Рабоче-крестьянскому правительству во главе с тов. Н. Наримановым. Красный флот в этом случае гарантирует спокойствие и мир всему населению Баку без различия национальностей. Командующий Красным флотом Советского Азербайджана Ч. Ильдрым»²⁹¹.

Члены парламента в экстренном порядке собрались для обсуждения создавшегося положения и выработки общей позиции в отношении предъявленного коммунистами ультиматума. На заседании парламента, проходившем под председательством М.Э. Расулзаде, представители «Иттихада», партии «Эхрар» и социалистической фракции единодушно высказались в пользу передачи власти большевикам. Следует отметить, что, пока шло обсуждение ультиматума, орудия Каспийской военной флотилии были направлены на здание парламента. Не менее агрессивно была настроена и состоящая из турок парламентарская охрана, требовавшая от депутатов немедленного принятия ультиматума.

Тем не менее М.Э. Расулзаде и Ш. Рустамбеков выступили против принятия ультиматума. В своей речи, разоблачая инсинуации о том, что XI армия, не вступая в Баку, отправится на помощь Турции, М.Э. Расулзаде заявил: «Господа! Мы остались перед лицом агрессивного ультиматума. Тут говорят о капитуляции. Но, господа, что означает капитуляция? Перед кем мы капитулируем? Нас уверяют в том, что во главе вторгнувшейся в наши пределы армии стоит турецкий офицер под именем Неджати. Утверждают, что прибывшая из России эта оккупационная армия отправится на помощь Турции, борющейся за свою свободу.

Господа! Турция является спасительницей Азербайджана. Мы с удовольствием готовы принять и оказать всякое содействие силе, которая стремится на ее помощь. Но с условием, что эта сила не раздавит нашу свободу и независимость. Тогда как любая

²⁹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 27. Д. 313. Л. 20.

сила, без нашего согласия вторгнувшаяся в наши пределы, является не другом, а врагом».

Он предупредил парламентариев, что «если даже командующим армией, вторгшейся в пределы Азербайджана без нашего разрешения, является турок, как в этом нас убеждают, от этого она вовсе не перестает быть русской и оккупационной. Ее целью является восстановление границ в пределах 1914 года. Придя сюда под предлогом оказания помощи Анатолии, эта оккупационная армия никогда не покинет наши пределы»²⁹².

М.Э. Расулзаде предложил создать новое правительство, наделенное чрезвычайными полномочиями, и отвергнуть ультиматум коммунистов. И в конце своей речи он предупредил членов парламента о том, что «принятие этого ультиматума будет означать сдачу собственными руками власти врагу, принявшему обличие друга. Мы пришли сюда по желанию и воле народа, и нас отсюда должны выбивать лишь с помощью штыков и силы»²⁹³.

Примечательно, что все парламентские фракции требовали проведения обсуждений относительно ультиматума коммунистов в закрытом режиме. Лишь фракция «Мусавата» настояла на открытом обсуждении этого документа. Более того, по инициативе мусаватской фракции на заключительное заседание парламента были допущены все желающие. Именно с их стороны речь М.Э. Расулзаде была встречена громкими аплодисментами. Однако большинство членов парламента придерживалось иного мнения и проголосовало за принятие ультиматума большевиков, что положило начало целой цепи трагических событий в истории азербайджанского народа.

К утру 28 апреля Баку был занят XI Красной армией, вслед за которой шли турецкие офицеры во главе с генералом Халил-пашой, агитировавшие азербайджанцев не оказывать сопротивления большевикам. Они сыграли значительную роль в успокоении народных масс сразу же после апрельского переворота.

Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, в первые дни после вторжения XI армии в пределы Азербайджана стены бакинских зда-

²⁹² *Məmmədşadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 145.*

²⁹³ *Məmmədşadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 146.*

ний были обклеены различными приказами, декларациями и объявлениями с подписями турецких офицеров, занимавших руководящие посты в городской полиции и гарнизоне. В них утверждалось, что командующим XI армией является турецкий офицер, а в ее составе имеются полки, сплошь состоящие из турецких военных, а также немалую часть этой армии составляют поволжские татары. Население Баку предупреждалось о том, что XI армия торопится на помощь Анатолии и по этой причине любое сопротивление к ее продвижению будет расценено как нежелание помочь спасению Турции и предательством интересов тюркского единства и ислама²⁹⁴.

Как докладывал Г.К. Орджоникидзе В.И. Ленину сразу после взятия Баку большевистскими частями, «весьма активную роль в пользу революции в Баку сыграли турецкие аскеры и офицеры»²⁹⁵. В отчете внешнеполитического ведомства РСФСР к VIII съезду Советов отмечалось: «Кемалисты вступили с нами в сношения через Азербайджан, где группа их приверженцев содействовала перевороту и приглашению российских красных войск революционным азербайджанским правительством».

Несмотря на падение АДР, захватившим власть в Азербайджане большевикам не удалось перечеркнуть все достижения периода национальной независимости. Большевики, для которых «еще в 1918 году даже упоминание о независимости Азербайджана было равносильно проклятию»²⁹⁶, были вынуждены считаться с реалиями, созданными за 23 месяца независимости азербайджанскими лидерами во главе с М.Э. Расулзаде. И в первую очередь им пришлось смириться с тем фактом, что Азербайджан стал реальностью на политической карте мира. Поэтому большевики вынуждены были отказаться от планов расчленения азербайджанских земель между соседними республиками – Грузией, Арменией и Российской Федерацией и согласиться на сохранение, хотя и в

²⁹⁴ *Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. Bakı, 1990. S. 67.*

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 13. Л. 9.

²⁹⁶ *Swietochowski T. Müslüman Şeşaatın Ulusal Kimliği. Rus Azerbaycanı. 1905-1920. Ankara, 1988. S. 258.*

номинальной форме, национальной государственности азербайджанцев в составе советской империи. Именно это обстоятельство позволило спустя 70 лет, в начале 90-х годов XX века, вновь восстановить независимую Азербайджанскую Республику.

Историческая заслуга лидеров АДР также заключается в том, что они предприняли первую на всем мусульманском Востоке попытку реализации европейской модели национальной государственности. Как известно, европейские народы прошли эту стадию исторического развития еще в XIX веке, а на Востоке миссия стать первопроходцами этого процесса выпала на долю азербайджанских лидеров.

В этом отношении основатели АДР во главе с М.Э. Расулзаде на несколько лет опередили создателя современной Турции Ататюрка. Ведь идеи национальной государственности, которыми руководствовался Ататюрк при создании нынешней Турецкой Республики в середине 20-х годов XX века, были сформулированы и реализованы М.Э. Расулзаде и его соратниками в Азербайджане еще в 1918-1920 годах. Причем в отличие от Ататюрка, опиравшегося исключительно на авторитарные методы при строительстве турецкого национального государства, азербайджанские лидеры придерживались демократических принципов. В этом контексте М.Э. Расулзаде и его соратников в какой-то степени можно считать учителями самого Ататюрка.

ГЛАВА III

БОРЬБА ЗА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ИДЕАЛ НА ЧУЖИХ БЕРЕГАХ (1920-1930)

*Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идет в кабалу из-за хлеба,
Мне плевать на твою справедливость, творец.*
Омар Хайям

§ 1. Деятельность М.Э. Расулзаде после падения АДР (1920-1922)

С падением АДР азербайджанский народ вступил в один из самых трагических периодов своей истории. Сразу же после захвата страны XI армией, предав забвению свои недавние обещания относительно соблюдения основных гражданских прав и свобод, в том числе в политической сфере, большевики начали преследования и репрессии видных деятелей АДР. В Азербайджане был установлен режим массового террора. Причем жертвами заработавшей на полную мощь машины репрессий зачастую становились рядовые граждане, а не только лица, занимавшие высокие государственные должности в период АДР. Карательные органы, осуществлявшие эти репрессии, обладали чрезвычайными полномочиями и напрямую были подчинены Кремлю. Они фактически были бесконтрольны в своих действиях, в результате чего насилия над личностью и имуществом мирных граждан приняли огромные масштабы. Очевидец тех событий так описывает ситуацию сразу же после свержения в апреле 1920 года национального правительства: «Я не в силах переписать всех отдельных случаев бессмысленных и бесцельных

жестокостей пьяных матросов, красноармейцев и чекистов; грабежи, оскорбления, надругательства над основными правами человека; изнасилования женщин и тому подобные бесчисленные факты преступлений разнузданных и озверелых хамов; тщательно скрываемые ужасы застенков и Чека. В эти кошмарные дни человек чувствовал себя лишенным элементарнейших гарантий свободы, права, справедливости...»¹. Ежедневные обыски, ничем не оправданные и самочинные реквизиции, повальные облавы по всему городу, аресты и расстрелы людей без суда и следствия стали обыденным явлением жизни населения Азербайджана.

Фактически вся большевистская власть в Азербайджане держалась на штыках XI армии. Азербайджанские коммунисты, сыгравшие роль «пятой колонны» при оккупации страны XI армией, не имели никакого влияния на принимаемые этими карательными органами решения. Несмотря на то, что формально страной руководил Революционный комитет Азербайджана во главе с Н. Наримановым, в реальной действительности эта структура была лишь марионеткой в руках кремлевских эмиссаров – Г.К. Орджоникидзе, А. Микояна, М. Левандовского, В. Панкратова и др. Назначенное на руководящие посты ограниченное количество азербайджанских коммунистов – А. Караев, М.Д. Гусейнов, Г. Мусабегов, Д. Буниатзаде и другие – готовы были выполнять любые приказы кремлевских эмиссаров. В этой связи М.Э.Расулзаде верно заметил, что «нариманы и алигейдары подписывались под приказами микоянов, чораевых, соловьевых»². Неудивительно, что эти «азербайджанские коммунисты» не пользовались особым авторитетом среди населения.

Определенной популярностью из руководителей-азербайджанцев среди народных масс обладал лишь Н. Нариманов, который, как подчеркивал один из его современников, отличался «мягкостью характера, и эта его черта, граничащая с бесхарактерностью и трусостью, составляла и самый крупный его минус»³.

¹ *Аскеров-Кенгерлинский А.* Трагедия Азербайджана // Хазар. 1990. № 3. С. 81.

² *Расулзаде М.Э.* Сиявшу нашего времени // Хазар. 1990. № 1. С. 61.

³ *Аскеров-Кенгерлинский А.* Трагедия Азербайджана // Хазар. 1990. № 3. С. 80.

Очевидно, что в условиях жестокой диктатуры и массовых репрессий не могло быть и речи о существовании каких-либо политических свобод. Вскоре после падения АДР захватившие власть в стране коммунисты потребовали от всех политических партий Азербайджана признания новой власти и «добровольного» приостановления своей деятельности. И большинство азербайджанских партий поторопилось выполнить данное требование большевиков. Так, после апрельского переворота партия «Иттихад» выступила с заявлением, в котором подчеркивалось, что «в ходе революции 27 апреля цели партии были достигнуты». Поэтому руководство партии рекомендовало своим членам вступить в ряды АКП(б). Аналогичным образом поступили и представители меньшевистского «Гуммета» и социалистического блока, которые, впрочем, в последние месяцы своей деятельности ничем не отличались от большевиков, кроме своего названия⁴.

Лишь «Мусават», несмотря на все усилия коммунистов, отказался признать новую власть. Большевистские власти с помощью двух лиц, ранее исключенных из партии «Мусават», организовали 29 апреля 1920 года в Баку так называемую «конференцию» мусаватистов. Единственным пунктом повестки дня «конференции» был вопрос о признании большевистской платформы и принятии решения о самороспуске партии. Однако участники конференции, среди которых преобладали представители молодежи, составившие впоследствии основной костяк подпольной организации «Мусават» внутри страны, отвергли это предложение. Они решили, что «лишь при соблюдении обязательств, данных и подписанных большевиками», «Мусават» будет лояльно относиться к новой власти⁵. Один из руководителей АКП(б) М.Д. Гусейнов, комментируя это решение, назвал его «самоубийственным» для «Мусавата»⁶.

Коммунисты также не выполнили свое обещание относительно сохранения среднего и младшего кадрового состава государ-

⁴ *Məmmədşadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkatı. Bakı, 1992. S. 147-148.

⁵ A.g.e. S. 148.

⁶ A.g.e. S. 149.

ственных учреждений. Ведь первоначально ими было обещано, что будут заменены лишь лица, занимавшие ответственные посты. Однако вскоре большевистские власти под прикрытием ротации кадров в правительственных учреждениях начали в массовом порядке увольнять служащих-азербайджанцев, повсеместно заменяя их представителями некоренных национальностей. Национальный состав служащих правительственных учреждений «приводил в ужас беспристрастных наблюдателей, поскольку они были заполнены исключительно русскими, армянами и евреями»⁷.

Начались гонения на азербайджанский язык, который целенаправленно вытеснялся из правительственных учреждений. В своей работе «К истории нашей революции в окраинах», посвященной анализу особенностей большевистской политики в регионе, Н. Нариманов с горечью признавал, что в собственной столице «азербайджанские тюрки поневоле должны обращаться устно и письменно к служащим Баксовета на русском языке, так как русские, евреи и армяне не говорят на тюркском языке...». Далее он утверждал, что азербайджанские тюрки «не испытывали такого притеснения даже во времена существования городской Думы»⁸.

В результате подобной политики Азербайджан стал «игрушкой» в руках кремлевских эмиссаров⁹, что вызывало естественное недовольство и протесты населения. Неудивительно, что ситуация внутри страны с каждым днем все больше накалялась. Осознавая серьезность положения, новые власти начали предпринимать экстренные меры для разоружения и расформирования частей азербайджанской армии, которые не вызывали особого доверия у большевиков. Они не без основания полагали, что в случае возникновения массовых выступлений против большевистских властей национальная армия выступит в поддержку народных масс.

Но именно попытки разоружения частей азербайджанской армии и замены командного состава русскими и армянскими офицерами стали катализатором целой серии антибольшевист-

⁷ ГА АР. Ф. 609. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

⁸ Нариманов Н. К истории нашей революции в окраинах. Баку, 1990. С. 92.

⁹ Там же.

ских восстаний весной-осенью 1920 года в Гяндже, Карабахе, Загатале, Шеки, Лянкяране, Шемахе и других регионах Азербайджана. Эти восстания были активно поддержаны мирным населением, которое из-за неоправданной жестокости новых властей оказалось в безвыходном положении.

Этими антибольшевистскими выступлениями руководили ушедшие в подполье национальные силы Азербайджана во главе с партией «Мусават». Так, уже вечером 27 апреля 1920 года, получив советы и указания от М.Э. Расулзаде, молодые мусаватисты собрались на квартире известного азербайджанского драматурга Дж. Джаббарлы на окраине Баку, и учредили подпольный центр партии. Руководителем этого центра стал М.Б. Мамедзаде, а его генеральным секретарем – Дж. Джаббарлы¹⁰.

Безусловно, пользуясь явным превосходством своих вооруженных сил, большевики с невиданной жестокостью расправлялись с этими выступлениями. Достаточно отметить, что только при подавлении гянджинского восстания красноармейцы истребили в этом городе примерно 13 тыс. мирных азербайджанцев, значительную часть которых составляли женщины, дети и старики¹¹. Однако, несмотря на все эти зверства и массовые репрессии, большевикам в течение длительного времени не удавалось стабилизировать ситуацию в Азербайджане.

Подтверждением шаткости положения большевистской власти в Азербайджане в тот период является специальный приказ командования XI армии от 26 мая 1920 года, который предписывал красноармейцам отойти в сторону Баку в случае, если восстания в регионах Азербайджана примут массовый характер. Как подчеркивалось в документе, при любых обстоятельствах «Баку не будет оставлен и станет началом новой борьбы за освобождение территории Азербайджана от мусаватистов»¹².

¹⁰ *Yurtsever A.V. Gizli Musavat Teşkilatının Karakteristik Vasıfları // Azerbaycan. 1991. № 282. S. 42.*

¹¹ *Аскеров-Кенгерлинский А. Трагедия Азербайджана // Хазар. 1990. № 3. С. 81.*

¹² Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 195. Оп. 4. Д. 184. Л. 4.

Отсутствие авторитета большевики пытались компенсировать запугиванием населения с помощью карательных акций, жертвами которых в основном становились мирные азербайджанцы. В силу этого неудивительно, что для обезглавливания народного движения против большевистской оккупации коммунисты еще больше усилили репрессии в стране. В этом им активно помогали и местные коммунисты. Так, после апреля 1920 года Н. Нариманов призывал «объявить вне закона и совершенно уничтожить мусаватистов», так как, по его мнению, «право жить имеет только трудящийся»¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что своим главным острием эти репрессии были направлены в первую очередь против представителей политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, а также национальных военных кадров. Нетрудно догадаться, что подобными действиями большевики стремились обезглавить национальное движение и лишить азербайджанцев политических и военных руководителей. Это, в свою очередь, значительно облегчило бы задачу укрепления большевистской власти в Азербайджане.

Не случайно, что жертвами большевистского террора зачастую становились даже находившиеся в Баку азербайджанские офицеры, не имевшие никакого отношения к антибольшевистским восстаниям. За первый год хозяйничанья в Азербайджане большевики уничтожили 12 генералов и 27 полковников и подполковников национальной армии. В частности, были расстреляны генералы – Мамед бек Сулькевич, Габиб бек Салимов, Мурад Гирей Тлехас, Гамид бек Гайтабаши, Рустам бек Шихлинский и др., занимавшие высшие командные посты в национальной армии. В общей же сложности в период с апреля 1920 года по август 1921 года жертвами большевистского террора в Азербайджане стали 48 тыс. чел. – в основном представители азербайджанской интеллигенции¹⁴.

Из Азербайджана началась массовая эмиграция людей, не согласных с новыми политическими реалиями на исторической

¹³ Нариманов Н. Избранные произведения. Баку, 1989. Т. 2. С. 183.

¹⁴ Аскеров-Кенгерлинский А. Трагедия Азербайджана // Хазар. 1990. № 3. С. 87.

родине. Однако развязанный большевиками красный террор не ограничивался только пределами Азербайджана. При этом для расправы с видными деятелями АДР за рубежом большевиками была активно задействована террористическая структура партии «Дашнакцутюн». Так, летом 1920 года дашнакскими агентами были убиты находившиеся в эмиграции в Тифлисе первый премьер-министр и министр иностранных дел АДР Ф. Хойский и вице-спикер азербайджанского парламента Г. Агаев¹⁵.

После большевистского переворота М.Э. Расулзаде также вынужден был перейти на нелегальное положение. Однако, учитывая опасность дальнейшего нахождения в Баку из-за усиливающихся с каждым днем репрессий, он принимает решение перебраться в Грузию по горным дорогам. По пути он некоторое время скрывается в Лагиче, где пишет одно из наиболее оригинальных своих произведений – «Сиявуш нашего времени», посвященное истории национального движения в Азербайджане. Это было первое среди целой серии произведений М.Э. Расулзаде, в которых обобщался опыт освободительной борьбы в Азербайджане в начале XX века.

Однако в результате предательства большевикам удается установить местонахождение М.Э. Расулзаде в Лагиче. Предупрежденный об этом М.Э. Расулзаде пытается уйти от преследования и покидает Лагич. Но большевикам все же удается арестовать его 17 августа 1920 года в селе Гарамарьям Геокчайского уезда. М.Э. Расулзаде был препровожден в Баку и помещен в изолятор Особого отдела ЧК, который возглавлял В. Панкратов, получивший прозвище «палача азербайджанского народа». Если учесть, что в тот период одна лишь принадлежность к партии «Мусават» была достаточным основанием для вынесения в отношении него смертной казни, то судьба М.Э. Расулзаде фактически была предрешена. К тому же на казни М.Э. Расулзаде особенно настаивали именно местные коммунисты.

И лишь вмешательство И.В. Сталина спасло М.Э. Расулзаде от неминуемой гибели. О грозящей М.Э. Расулзаде опасности друзья

¹⁵ Ереван. 2007. № 10. С. 142.

каким-то образом сумели известить И.В. Сталина, который с 1 ноября 1920 года находился с инспекционной поездкой в Баку. Дело в том, что согласно немецким архивным материалам М.Э. Расулзаде был другом молодости И.В. Сталина и, будучи одним из руководителей социал-демократической организации «Гуммет», участвовал вместе с ним в революционном движении в Закавказье. На этой почве у них сложились почти дружеские отношения.

В тот период И.В. Сталин часто гостил в отцовском доме Мамед Эмина в селе Новханы. Более того, по свидетельству очевидцев, Мамед Эмин несколько раз спасал И.В. Сталина от неминуемой гибели. В частности, И.В. Сталин неоднократно скрывался от царской охранки в сельской мечети Новханы, ахундом которой являлся отец М.Э. Расулзаде. А в тот период это было сопряжено с огромным риском для Мамед Эмина, о чем, несомненно, догадывался и И.В. Сталин. Кроме того, когда в марте 1908 года Сталин был арестован и посажен в знаменитую Баиловскую тюрьму в Баку, М.Э. Расулзаде принимал непосредственное участие в организации его побега в сентябре того же года.

Видимо, И.В. Сталин не забыл об этих благородных поступках Мамед Эмина и решил вернуть свой долг другу молодости. Так это или не так, сейчас сказать трудно. Но это не столь уж и важно. Главное, что он не позволил репрессировать М.Э. Расулзаде, предложив ему поехать в Москву. При этом он ясно дал понять М.Э. Расулзаде, что, оставаясь в Баку, он постоянно будет подвергать свою жизнь опасности, поскольку местные коммунисты все равно не оставят его в покое и под каким-либо предлогом обязательно вновь арестуют его. И М.Э. Расулзаде решил воспользоваться этим предложением.

Можно только догадываться, какими соображениями руководствовался И.В. Сталин, когда содействовал освобождению М.Э. Расулзаде. Однако вызывает большие сомнения то, что им двигало исключительно только чувство долга перед своим старым другом, попавшим в беду. Хотя даже таким одиозным личностям, как И.В. Сталин, не чужды привычные для простых смертных человеческие слабости и эмоции.

Тем не менее все же думается, что, спасая М.Э. Расулзаде от рук палачей Особого отдела, И.В. Сталин преследовал прежде всего свои меркантильные политические цели. Не исключено, что И.В. Сталин решил попытаться использовать авторитет и популярность М.Э. Расулзаде в азербайджанском обществе для укрепления позиций советской власти в регионе и склонить его к сотрудничеству в той или иной форме с большевиками.

В данный момент это выглядит невероятным и фантастическим, но с точки зрения реалий того периода это было вполне обычным и реализуемым сценарием. В начале 20-х годов XX века подобные политические союзы, продиктованные сугубо прагматичными соображениями, между людьми диаметрально противоположных идеологических взглядов были не такой уж и редкостью. Ведь в тот период с большевиками тесно сотрудничал даже один из лидеров младотурецкой партии «İttihat ve Terakki», бывший военный министр Османской империи Энвер-паша. Обосновавшись в Москве, Энвер-паша при покровительстве большевиков создал «Общество исламской революции», поставившее перед собой задачу освобождения всех тюркских и мусульманских народов Востока от колониального ига европейских держав¹⁶.

Большевики планировали при определенном стечении обстоятельств использовать Энвер-пашу против Мустафы Кемалю, которому не очень доверяли. В августе 1921 года, когда греки перешли в генеральное наступление в направлении Анкары¹⁷, большевики держали Энвер-пашу в Батуми, недалеко от турецкой границы. В случае падения Анкары, большевики рассматривали его в качестве альтернативы более строптивому Мустафе Кемалю¹⁸.

При личной встрече с М.Э. Расулзаде в Москве Энвер-паша предлагал лидеру «Мусавата» отказаться от борьбы с большевиками и войти в состав данного общества. Он мотивировал свою позицию тем, что «Мусават» бессилён в борьбе с Красной армией

¹⁶ *Rəsulzadə M.Ə. Stalinlə ixtilal xətirələri.* Bakı, 1991. S. 68.

¹⁷ *Pichon J. Le partage du Proche-Orient.* Paris. 1938. P. 236.

¹⁸ *Мамушиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945).* Тбилиси-Париж, 2012. С. 31.

и любые антибольшевистские выступления в Азербайджане будут потоплены в крови. Высоко оценивая саму идею национального освобождения мусульманских народов, М.Э. Расулзаде одновременно открыто высказал свои сомнения относительно возможности достижения этой цели методами, предлагаемыми Энвер-пашой.

М.Э. Расулзаде считал, что, будучи центром мирового коммунистического интернационала, Москва не может одновременно быть и центром национального освобождения восточных народов. Как подчеркнул М.Э. Расулзаде, «любое мусульманское движение, центр которого будет находиться в красной Москве, станет лишь инструментом в руках коммунистов»¹⁹. И он вежливо, но твердо отклонил предложение Энвер-паши о сотрудничестве. Впрочем, ошибочность своих взглядов вскоре осознал и сам Энвер-паша. Разорвав всякие отношения с большевиками, он отправился в Центральную Азию, где встал во главе басмаческого движения и там же погиб в августе 1922 года в бою с красноармейцами.

Факт кратковременного сотрудничества Энвер-паши с большевиками важен для нас лишь в контексте демонстрации реалий начала 20-х годов прошлого столетия, когда были возможны даже самые невероятные политические альянсы. В этом отношении И.В. Сталин имел основание возлагать определенные надежды на возвращение М.Э. Расулзаде на «путь истины», тем более учитывая его революционное прошлое.

С другой стороны, не следует игнорировать, мягко говоря, негативное отношение И.В. Сталина к тогдашнему номинальному руководителю Азербайджана – Н. Нариманову. Даже из короткой беседы И.В. Сталина с М.Э. Расулзаде, состоявшейся в застенках Особого отдела, видна плохо скрываемая неприязнь и даже брезгливость будущего «отца народов» к Н. Нариманову. Поэтому, предлагая сотрудничество М.Э. Расулзаде, И.В. Сталин, возможно, надеялся при определенном стечении обстоятельств заменить Н. Нариманова другом своей молодости. По крайней

¹⁹ *Rəsulzadə M.Ə. Stalinlə ixtilal xətirələri. S. 70.*

мере, по свидетельству известного татарского большевика М. Султан-Галиева, подобная перспектива была предметом обсуждений в кремлевских кабинетах в начале 20-х годов XX века²⁰.

Привлекательность фигуры М.Э. Расулзаде для И.В. Сталина также возрастала в свете перспективы объединения двух частей – Северного и Южного Азербайджана. Дело в том, что в тот момент на уровне высшего кремлевского руководства всерьез обсуждались планы советизации вслед за Северным Азербайджаном и Южного Азербайджана²¹. Тем более что необходимая для реализации этой задачи военная сила – большевистские части – в то время находилась на территории Ирана в районе порта Энзели. Учитывая высокий авторитет М.Э. Расулзаде среди революционеров Южного Азербайджана и Ирана в целом, трудно было найти более подходящую кандидатуру на должность руководителя объединенного Азербайджана. Достаточно отметить, что после ареста М.Э. Расулзаде большевиками летом 1920 года находившийся в Баку один из известных иранских революционеров Гейдар хан Амиоглу лично обратился к Н. Нариманову с просьбой о его освобождении. При этом Гейдар хан, имевший дружеские отношения с М.Э. Расулзаде, предупредил Н. Нариманова: «Ни один волос не должен упасть с головы Мамед Эмина»²². Да и сам факт отправки М.Э. Расулзаде в Москву в личном вагоне И.В. Сталина свидетельствует о многом.

Все это дает основание предположить, что решающее значение для И.В. Сталина имела не их прошлая личная дружба, а желание воспользоваться услугами М.Э. Расулзаде в своих политических интересах. Поэтому неудивительно, что в течение примерно полутора лет нахождения М.Э. Расулзаде в Москве И.В. Сталин неоднократно пытался склонить его к сотрудничеству в той или иной форме с советской властью, предлагая ему различные должности.

В частности, М.Э. Расулзаде было предложено возглавить Общество по изучению стран Востока, которое планировалось

²⁰ *Rəsulzadə M.Ə. Stalinlə ixtilal xatirələri.* S. 66.

²¹ A.g.e. S. 64.

²² A.g.e. S. 22.

создать при Наркомнаце РСФСР, а также должность профессора в Коммунистическом университете трудящихся стран Востока. Но по идейно-политическим соображениям М.Э. Расулзаде каждый раз отказывался от этих предложений²³. Даже личное вмешательство И.В. Сталина и его попытки уговорить М.Э. Расулзаде принять эти предложения не дали желаемого результата. За период нахождения в Москве в 1920-1922 годах он ограничился лишь работой преподавателя персидского и русского языков в Институте восточных языков (бывший Лазаревский институт), а также занимался научными исследованиями, публикуя их результаты на страницах журнала «Жизнь национальностей».

Таким образом, И.В. Сталину так и не удалось «завербовать» М.Э. Расулзаде. И.В. Сталин не учел того, что М.Э. Расулзаде был уже не тем романтичным и даже несколько наивным молодым человеком, которого он хорошо знал по совместной работе в революционном движении начала XX века. Реальность состояла в том, что вместо тогдашнего неопытного активиста «Гуммета», находящегося в постоянном поиске своей «путеводной звезды» в политике, перед И.В. Сталиным стоял уже полностью сформировавшийся политик, убежденный в правоте своих идей и готовый идти на любые жертвы ради их реализации. И заставить столь своенравную и неординарную личность отказаться от своих убеждений было не под силу даже И.В. Сталину.

Впрочем, М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал, что так долго продолжаться не может, и он не в состоянии бесконечно игнорировать «просьбы» И.В. Сталина. Поэтому, пытаясь окончательно избавиться от этих назойливых предложений, М.Э. Расулзаде принял решение уехать из России, и все свои усилия направил на реализацию этого плана. В Москве друзья посоветовали ему бежать из страны через Финский залив в Финляндию.²⁴

С этой целью летом 1922 г. М.Э. Расулзаде под предлогом работы в научной библиотеке Академии Наук, а также консультаций с такими известными учеными, как Н. Марр и В. Бартольд,

²³ *Rəsulzadə M.Ə. Stalinlə ixtilal xatirələri. S. 56-57.*

²⁴ *Resulzade M.E. Rusiya'da siyasi Vaziyet. Istanbul, 2005. S. 26.*

отправляется в научную командировку в Петроград. И с помощью своих друзей, в первую очередь, известного татарского общественного деятеля Мусы Бигиева, ему удается переправиться на лодке через Финский залив в Финляндию. После нахождения в течение 15 дней на карантине в Териоки, М.Э. Расулзаде примерно месяц гостит в татарской колонии Хельсинки.

16 сентября 1922 года М.Э. Расулзаде покидает Хельсинки и отправляется в Берлин. Именно находясь в Берлине, он 12 октября 1922 года пишет письмо Джейхун беку Гаджибейли, в котором сообщает, что к 13-му числу завершит все свои дела, а вечером 14 октября покинет германскую столицу и отправится в Париж.²⁵

Исторические документы, выявленные известным исследователем Г. Мамулиа в личном архиве А.М. Топчибаши в Центре исследований России, Кавказа и Центральной Европы Высшей школы исследований социальных наук (Париж), свидетельствуют о том, что примерно до середины декабря 1922 года М.Э. Расулзаде находился в Париже. Согласно этим документам, турецкий текст ноты на имя министра иностранных дел Турции Исмет паши, переданной 17 ноября А.М. Топчибаши турецкому посольству в Париже был откорректирован М. Э. Расулзаде.

Кроме того, по первоначальным расчетам М. Э. Расулзаде и один из членов азербайджанской делегации должны были сопровождать А.М. Топчибаши в Лозанну, где планировалось проведение международной конференции с участием ведущих европейских государств.

Однако тяжелейшее финансовое положение не позволило А.М.Топчибаши взять с собой кого-либо из других членов делегации, поскольку М. Асадуллаев, председатель «Союза азербайджанских нефтепромышленников», обещавший выделить на эту поездку необходимую сумму денег, так и не сдержал данное им слово. К тому же, вскоре стало понятно, что европейцы, и в частности правительство Англии, не собираются допустить представителей

²⁵ *Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем / Сост., предисл. и прим. С. Исхаков. М., 2010. С. 246-247.*

изгнанных в результате большевистской оккупации демократических республик Кавказа к участию в Лозаннской конференции.

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде принимает окончательное решение обосноваться в Турции, и в начале второй декады декабря 1922 года отправляется из Парижа через Лозанну в Стамбул. Характерно, что находясь в Лозанне М.Э. Расулзаде не встретился с А.М. Топчибаши, о чем последний с сожалением сообщает М. Рафиеву в своем письме от 20 декабря 1922 года. В середине декабря 1922 года М.Э. Расулзаде уже был в Стамбуле²⁶.

Правда, некоторые исследователи полагают, что М.Э. Расулзаде прибыл в Стамбул в начале 1923 года²⁷. Однако вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что подобного рода утверждения не соответствуют действительности, поскольку доподлинно известно, что в декабре 1922 года Мамед Эмин бей уже находился в Стамбуле. Подтверждением тому являются также его письма, отправленные отсюда своим друзьям и соратникам. В одном из них, датированным 21 декабря 1922 года, М.Э. Расулзаде подчеркивает, что спустя несколько дней после своего приезда в Стамбул, он встретился с министром внутренних дел кемалистов генералом Рефатпашой, и обсудил с ним проблемы азербайджанской эмиграции.²⁸

В январе 1923 года, находясь уже в Стамбуле, М.Э. Расулзаде пишет открытое письмо И.В. Сталину, в котором благодарит последнего за свое освобождение. Он, в частности, пишет: «Мои друзья очень удивились, узнав, что меня выпустили из тюрьмы Особого отдела. И я их понимаю: ведь многих рабочих расстреливали только за то, что они были рядовыми членами мусаватской партии. Я же был ее лидером. Но это чудо оказалось возможным благодаря Вам, именно Вы вспомнили о нашей прежней дружбе и вытащили меня из бакинской тюрьмы»²⁹.

Но, даже выражая свою признательность И.В. Сталину за свое спасение, М.Э. Расулзаде остается верным своим принципам

²⁶ Сведения представлены Г. Мамулиа.

²⁷ См. например: *Hacaloğlu Y.* Resulzade'den Tanrıöver'e mektuplar // Türk dünyası araştırmaları. 1997. Sayı: 109. S. 210.

²⁸ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 242.

²⁹ Yeni Kafkasya. 1924. 23 Ocak.

и не упускает возможности критиковать политику большевиков, обвиняя их в том, что «...пришедшая к власти коммунистическая партия, полностью отступив от своих прежних идеологических установок, решила вновь возродить Российскую империю»³⁰.

М.Э. Расулзаде отмечает, что «это произошло вследствие имперских амбиций правящей верхушки и ведет к вполне определенным результатам. Замена великодержавного шовинизма рабочим космополитизмом ничего, по сути, не меняет и в конечном итоге тоже приводит к уничтожению малых наций. Кроме того, вы подавляете силой своего оружия национальные движения на Кавказе и в Туркестане и говорите, что делаете это в интересах местного пролетариата. Но ведь пролетариат возник здесь вследствие царской политики русификации и составляет ничтожное меньшинство. И ради интересов этого меньшинства вы без тени смущения растоптали законное право абсолютного большинства местного населения на самоопределение и независимость»³¹.

Для М.Э. Расулзаде было совершенно очевидным, что «провозглашенная в Азербайджане и Туркестане диктатура пролетариата есть, в сущности, та же диктатура Москвы, и ничего больше. Когда столицей империи был Петроград, все было точно так же. И говорить всерьез об автономии, которую якобы получили бывшие независимые республики, просто невозможно. Азербайджанские ханства при первых царских наместниках на Кавказе были более самостоятельны, чем нынешние кавказские республики при секретарях Закрайкома»³².

И в заключение своего письма М.Э. Расулзаде выражал уверенность в том, что «восточные народы, в частности тюркские, все равно, несмотря ни на что, обретут в конце концов свою независимость». Обращаясь к Сталину, он пишет: «Все равно вы не добьетесь того, чего хотите. Народы Востока будут жить так, как захотят сами, а не по коммунистическим нормам и принципам. Они будут бороться со всеми, кто будет им мешать... у

³⁰ Yeni Kafkasya. 1924. 23 Ocak.

³¹ A.g.e.

³² A.g.e.

моего Азербайджана есть такое же право бороться против вашей оккупации, какое имела героическая Турция в борьбе против Антанты. Хотя я и не изменил своим политическим идеалам и продолжаю свою борьбу, хочу Вас заверить, что никогда не забуду того, что Вы для меня сделали»³³.

Нетрудно догадаться, что И.В. Сталин не мог простить и, тем более, забыть такого поступка М.Э. Расулзаде. И жестокой мезтью «отца народов» за верность М.Э. Расулзаде своим политическим идеалам станет практически полное уничтожение его оставшейся в Азербайджане семьи в ходе репрессий конца 30-х годов XX столетия.

Безусловно, в то время Мамед Эмин бей еще не знал и не мог знать, что ему придется пережить все эти чудовищные удары судьбы. Пока же он отправлялся в Стамбул, чтобы продолжить борьбу за независимость Азербайджана уже далеко за пределами Родины, на чужих берегах.

§ 2. Турецкий период эмиграции. Формирование первых организационных структур азербайджанской полит-эмиграции (1923-1924)

Широкомасштабные репрессии большевиков, узурпировавших власть в стране, спровоцировали массовую эмиграцию из Азербайджана людей, не согласных с новыми политическими реалиями на исторической родине. Первая волна эмигрантов, в основном, состояла из членов правительства, высших государственных чиновников, руководителей и активистов политических партий, а также представителей военной элиты. В рядах эмигрантов оказались и члены дипломатической миссии Азербайджана во Франции во главе с А.М. Топчибаши (Топчибашев)³⁴, участвовавшие в работе Парижской мирной конференции, которые отказались вернуться на родину. Вскоре их примеру последовали

³³ Yeni Kafkasya. 1924. 23 Ocak.

³⁴ В эмиграции Али Мардан бек во всех документах подписывался как Топчибаши.

дипломаты, аккредитованные или пребывавшие в других странах, ряд представителей интеллигенции, военных и национальной буржуазии, находившихся в момент апрельского переворота за пределами Азербайджана.

По мере усиления большевистских репрессий внутри страны ряды азербайджанских эмигрантов начали пополняться и за счет простых граждан, которые, не пожелав смириться с царящим в стране правовым беспределом, пытались любыми путями, легально или нелегально, покинуть республику.

Как уже было отмечено, в августе 1922 года в эмиграции оказался и основатель азербайджанской государственности М.Э. Расулзаде, который в конце того же года прибыл в Стамбул.

К тому времени тысячи эмигрантов из Азербайджана уже обосновались в различных странах мира, и прежде всего, в Турции и Иране. Хотя в европейских государствах азербайджанские колонии были немногочисленными, но в таких странах, как Франция и Германия, находились видные представители политической и научной элиты Азербайджана. Неудивительно, что более или менее активными в политическом отношении были именно азербайджанские эмигранты, обосновавшиеся в этих европейских странах, а также в Турции и Иране. В силу своих возможностей они предпринимали определенные шаги, чтобы в дипломатическом, информационном и пропагандистском плане дать отпор большевикам, оккупировавшим их историческую родину³⁵.

Особой активностью среди азербайджанских эмигрантов выделялся в этом плане председатель азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции А.М. Топчибаши. 8 сентября 1920 года он от имени делегации официально проинформировал руководство Лиги Наций относительно большевистской оккупации Азербайджана, пытаясь подобным образом привлечь внимание этой организации к азербайджанской проблеме³⁶.

Вслед за этим, 1 ноября 1920 года, А.М. Топчибаши направил официальную ноту Генеральному секретарю Лиги Наций с прось-

³⁵ *Абуталыбов Р.* Свои среди чужих, чужие среди своих. М., 2007. С. 4.

³⁶ *Naşıtova A.* XX əsrin birinci yarısında Azərbaycan mühacirəti. Bakı, 1992. S. 131.

бой рассмотреть вопрос принятия Азербайджана в ряды этой организации ³⁷. Известно, что Азербайджан, как и Грузия, был признан *де-факто* Верховным советом Антанты 12 января 1920 г., т. е. еще до его оккупации большевиками в конце апреля 1920 года. Оккупация Азербайджана была вызвана, в определенной степени, именно страхом большевиков перед тем, что за этим последует и признание Баку *де-юре*, как впоследствии в случае с Грузией. Хотя Лига Наций и отказала Азербайджану в приеме, но данное решение практически явилось признанием самого факта оккупации Азербайджана ³⁸.

Не умаляя значения деятельности А.М. Топчибаши и других азербайджанских эмигрантов, все же следует признать, что предпринимаемые ими демарши и шаги носили разрозненный и эпизодический характер. Это объяснялось отсутствием серьезных организационных структур, способных координировать и направлять деятельность азербайджанской эмиграции в единое русло.

Что же касается Стамбула, то по прибытии туда М.Э. Расулзаде столкнулся с удручающим положением азербайджанской эмиграции. Правда, впоследствии политические оппоненты М.Э. Расулзаде внутри азербайджанской эмиграции утверждали, что, пока он находился в Москве, они в поте лица трудились для создания организационных структур эмиграции в Стамбуле, и по приезде в Стамбул ему оставалось лишь возглавить уже готовые организации.

Тем не менее, как свидетельствуют факты, подобные утверждения далеки от исторических реалий. К моменту приезда М.Э. Расулзаде в Стамбул в конце 1922 года, там не существовало не только каких-либо дееспособных организаций азербайджанской эмиграции, но даже деятельность уже созданных структур была по сути парализована. В частности, из-за интриг и разногласий между азербайджанскими эмигрантами прекратило свое существование азербайджанское консульство в Стамбуле, о чем

³⁷ Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. М., 2006. С. 53.

³⁸ Там же. С. 55.

М.Э. Расулзаде сообщал Джейхуну Гаджибейли в своем письме от 21 декабря 1922 года³⁹.

В закрытии представительства АДР в Стамбуле решающую роль сыграли разногласия между тогдашним руководителем азербайджанского консульства Ю.В. Чеменземинли и Х. Хасмамедовым. В начале 1921 года Хасмамедову, с помощью своих сторонников из числа гянджинских мусаватистов, удалось сместить Ю.В. Чеменземинли со своего поста и самому занять его место. В данном вопросе Х. Хасмамедова поддержал и А.М. Топчибаши, который давно уже испытывал неприязнь к Ю.В. Чеменземинли.

Дело в том, что до своего отъезда в Париж в апреле 1919 года А.М. Топчибаши занимал также пост чрезвычайного и полномочного посла Азербайджана, аккредитованного в ряде стран, в том числе и в Османской империи. Отправляясь на Парижскую мирную конференцию, А.М. Топчибаши поручил временно исполнять обязанности дипломатического представителя Азербайджана в Турции Сафвет беку Меликову (1891-1975), входившему в состав технического персонала азербайджанской делегации. Следует отметить, что С. Меликов был младшим сыном Г.Б. Зардаби и близким родственником, шурином, А.М. Топчибаши.

Однако национальное правительство не поддержало это предложение А.М. Топчибаши, назначив через некоторое время дипломатическим представителем Азербайджана в Стамбуле Юсифа Везира Чеменземинли. Это, несомненно, делает честь лидерам АДР, поскольку для них критерием отбора при назначении на столь важный пост послужили, прежде всего, личные и профессиональные качества кандидатов, а не их родословная или родственные связи с высокопоставленными чиновниками в государственных структурах. Как и следовало ожидать, этот шаг официального Баку вызвал открытое раздражение А.М. Топчибаши, подтверждением чему является его письмо от 8 июля 1919 года, адресованное тогдашнему премьер-министру Азербайджана Н. Усуббекову.

Таким образом, неудивительно, что два года спустя А.М. Топчибаши не преминул воспользоваться первой же представив-

³⁹ *Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 242.*

шейся возможностью для «реванша». Он безоговорочно поддержал Х. Хасмамедова в его противостоянии с Ю.В. Чеменземинли за пост дипломатического представителя АДР в Стамбуле. Тем самым, А.М. Топчибаши окончательно испортил свои взаимоотношения с Ю.В. Чеменземинли, который впоследствии выступил с достаточно серьезными обвинениями в его адрес.

Следует отметить, что притязания Х. Хасмамедова на пост дипломатического представителя Азербайджана в Турции также возникли не на пустом месте. Еще в начале апреля 1920 года, т. е. незадолго до оккупации страны большевиками, Х. Хасмамедов решением парламента был назначен послом Азербайджана в Стамбуле. Однако в свете последовавших затем событий последний так и не изъявил особого желания занять этот пост.

Ситуация коренным образом изменилась в начале 1921 года, когда А.М. Топчибаши из Парижа начал направлять в Турцию немалые средства для финансирования деятельности азербайджанских эмигрантов. Так, только в течение 10 месяцев А.М. Топчибаши с целью оказания помощи азербайджанским эмигрантам и поддержки их политической деятельности отправил в Стамбул, в общей сложности, 600 тыс. франков⁴⁰, которые распределялись через дипломатическое представительство.

И тут же Х. Хасмамедов, вспомнив о давнем решении Азербайджанского парламента, предъявил свои притязания на пост главы дипломатического представительства АДР. Очевидно, это было обусловлено стремлением Х. Хасмамедова и его сторонников, состоящих, в основном, из гянджинских мусаватистов, контролировать финансовые ресурсы, выделяемые А.М. Топчибаши. Естественно, что, в силу вышеупомянутых причин, для А.М. Топчибаши более приемлемой фигурой на посту руководителя азербайджанского представительства в Стамбуле являлся именно Х. Хасмамедов.

К сожалению, возглавив стамбульское представительство, Х. Хасмамедов значительную часть выделяемых средств начал использовать не по прямому назначению, а в качестве первичного

⁴⁰ *Qasımlı M. Azərbaycan türklerinin milli mücadele tarihi. 1920-1945. İstanbul, 2006. S. 329.*

капитала для организации торговых операций между Стамбулом и Батумом, которыми руководил один из его близких друзей – Аббас Рафиев.

Это был отнюдь не единичный случай, когда выделяемые для азербайджанской эмиграции средства использовались группировкой Х.Хасмамедова для реализации различного рода бизнес-проектов. Сам Х. Хасмамедов и его соратники объясняли свои действия необходимостью создания стабильного и надежного источника финансирования эмигрантской деятельности. Однако все эти попытки по налаживанию бизнеса в Турции, как правило, заканчивались полным фиаско.

И когда окончательно выяснилось, что Х. Хасмамедов и его соратники являются никудышными бизнесменами, а деньги фактически израсходованы впустую, то азербайджанские эмигранты потребовали от них отчета. Учитывая, что Х. Хасмамедову нечего было ответить на подобные обвинения, появившиеся даже на страницах турецких газет, ему не оставалось иного выхода, как подать в отставку с поста дипломатического представителя Азербайджана в Стамбуле.

Тем более что к тому времени финансовая поддержка азербайджанских эмигрантов в Стамбуле со стороны А.М. Топчибаши была полностью прекращена. Таким образом, лишившись в одночасье как руководства, так и средств для существования, азербайджанское представительство и функционирующее при нем информационное бюро прекратили свою деятельность. В результате к концу 1922 года в Стамбуле «не было ни одной организации, борющейся за азербайджанский идеал, и ни одного человека, способного ответить на многочисленные нападки на освободительную борьбу азербайджанских тюрок»⁴¹.

Таким образом, как справедливо отмечал М.Б. Мамедзаде, «до приезда Мамед Эмина состояние эмигрантского лагеря оставляло удручающее впечатление, поскольку он находился в сильной апатии, где царствовали хаос и недисциплинированность»⁴². Поэтому

⁴¹ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. Varşava, 1934. S. 58.*

⁴² *Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 177.*

М.Э. Расулзаде предстояло сплотить и организовать азербайджанскую эмиграцию, направив ее энергию в нужное русло.

В подобных условиях свою деятельность в Стамбуле по формированию организационных структур азербайджанской эмиграции М.Э. Расулзаде пришлось начинать практически с нуля. Первым делом он попытался заручиться поддержкой турецких официальных лиц. Судя по секретным донесениям советских спецслужб, М.Э. Расулзаде и его соратники по партии «Мусават» регулярно контактировали с видными государственными деятелями Турции – Исметом Иненю и Кязымом Карабекир пашой, обсуждая с ними вопросы поддержки Анкарой борьбы азербайджанских политэмигрантов по восстановлению независимости Азербайджана⁴³.

Правда, очень скоро выяснилось, что, несмотря на теплый прием, оказанный в Турции М.Э. Расулзаде как со стороны общественности, так и официальных властей, Анкара не намерена публично поддерживать деятельность азербайджанских эмигрантов. Более того, с первых же минут нахождения на турецкой земле М.Э. Расулзаде ясно дали понять, что ему необходимо учитывать в своей деятельности сложившиеся политические реалии, обусловленные дружественными отношениями между Анкарой и Москвой.

Как известно, Турция, ведущая отчаянную борьбу за свое собственное существование против объединенных сил Антанты, вынуждена была пойти на политическую сделку с большевиками. Так, согласно Московскому договору от 16 марта 1921 года, кемалисты и большевики «обязались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, имеющих целью борьбу против другой стороны»⁴⁴.

После подписания этого договора Москва пристально следила за деятельностью эмигрантов на турецкой территории, периодически требуя от Анкары ее пресечения. Как писал в июле 1923 года М.Э. Расулзаде, «в одном из номеров тюркского «Комму-

⁴³ *Qasımlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 328.*

⁴⁴ История дипломатии. М., 1986. Т. 3. С. 313.

ниста» потребовали нашего удаления из Стамбула. По моим сведениям, в Министерстве иностранных дел в Ангоре получена большевистская нота, где указывается на нашу работу как на факт, противоречащий Московскому договору. Видимо, нота не достигла цели. Наоборот, мы были свидетелем некоторого заботливого отношения турецкой полиции»⁴⁵.

Все это делало практически невозможным открытую антибольшевистскую деятельность азербайджанской эмиграции на территории Турции. Неслучайно М.Э. Расулзаде в конце декабря 1922 года писал в Париж Джейхуну Гаджибейли о том, что «здесь можно будет издавать газеты, но создавать организацию не удастся»⁴⁶.

Именно этот фактор сыграл ключевую роль в том, что М.Э. Расулзаде пришлось отказаться от идеи создания по примеру грузин национального правительства в изгнании. Свой отказ он аргументировал следующим образом: «Во-первых, правительство должно составлять единое целое со своим народом и функционировать среди народа; мы же в настоящее время находимся за пределами Азербайджана, и, следовательно, далеки от народа, которым собираемся руководить. Во-вторых, наличие за пределами родины правительства в изгнании провоцировало бы массовые гонения внутри страны на сторонников независимости»⁴⁷.

Впрочем, не вызывает сомнений, что все это было лишь отговоркой со стороны М.Э. Расулзаде. Истинная же причина отказа от идеи Азербайджанского правительства в изгнании заключалась в осознании М.Э. Расулзаде полного отсутствия объективных и субъективных условий для организации подобной структуры. Ведь формирование грузинского правительства в изгнании стало возможным, в первую очередь, благодаря тому, что, в отличие от Азербайджана, независимость Грузии 27 января 1921 г. была де-юре признана Верховным советом Антанты.

⁴⁵ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 23.07.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. 1923-1926 / Сост., предисл. и прим. С. Исхаков. М., 2012. С. 40-41.

⁴⁶ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем С. 242.

⁴⁷ *Qasımlı M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 326.

Кроме того, грузинское национальное правительство в изгнании функционировало во Франции, которая, несмотря на большевистскую оккупацию, вплоть до 1933 г. де-юре признавала независимость Грузии, а также ее социал-демократическое правительство. Поместье, купленное в местечке Левиль-сюр-Орж, под Парижем, было официальной резиденцией, где проживали со своими семьями члены правительства Грузии в изгнании. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в ходе насильственной советизации Грузии ее последнему национальному правительству удалось практически в полном составе покинуть страну и обосноваться во Франции.

В случае же с Азербайджаном эти условия отсутствовали. Единственной страной, в которой было возможно функционирование подобного правительства, являлась Турция. Между тем, Анкара, как уже отмечалось выше, руководствуясь собственными национальными интересами, пресекала любую антибольшевистскую деятельность на своей территории. В этой ситуации не могло быть и речи о функционировании в этой стране какого-либо национального правительства в изгнании, борющегося за восстановление независимости Азербайджана.

Но даже при наличии соответствующего согласия официальной Анкары создание Азербайджанского правительства в изгнании было, мягко говоря, достаточно проблематичным, поскольку формировать подобную структуру было не из кого. Ведь после советизации Азербайджана часть членов национального правительства перешла на сторону большевиков, часть была арестована и расстреляна, а тем, кому удалось избежать репрессий большевиков и эмигрировать, в основном, были заняты решением личных проблем и устройством своего быта.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что до середины 20-х гг. в Турции имелись определенные условия для полуправильной деятельности кавказских, в том числе и азербайджанских эмигрантов. Это обуславливалось тем, что турки не до конца доверяли большевикам. Они опасались, что Кремль в любой момент с целью политической изоляции Анкары может пойти на

сговор с западными державами. По мнению грузинского исследователя Г. Мамулия, подозрения кемалистов были не лишены основания, так как одно время большевики даже держали в Батуме, недалеко от турецкой границы, Энвер-пашу, одного из лидеров младотурков. Большевики рассматривали его в качестве альтернативы более строптивому Мустафе Кемалю⁴⁸.

Учитывая эти обстоятельства, Анкара примерно до середины 20-х гг., хотя и не оказывала открытую поддержку представителям кавказского национально-освободительного движения, тем не менее, не чинила особых препятствий их полулегальной деятельности. Скорее всего, турецкие власти намеревались использовать кавказских, в том числе азербайджанских эмигрантов в качестве разменной монеты в политической игре с Кремлем, а также своеобразным рычагом давления на большевиков.

Как бы то ни было, воспользовавшись ситуацией, М.Э. Расулзаде приступил к созданию организационных структур азербайджанской эмиграции. Под его руководством было сформировано Заграничное бюро партии «Мусават» – первая политическая организация азербайджанской эмиграции. Эта была строго законспирированная организация, которая руководила деятельностью местных ячеек «Мусавата» как внутри Азербайджана, так и за его пределами, в частности в Турции, Иране, и некоторых европейских странах.

Заграничное бюро был достаточно представительным органом. Поэтому с целью соблюдения конфиденциальности наиболее важные решения принимались в узком кругу, на президиуме Заграничного бюро, который состоял из трех лиц: М.Э. Расулзаде (председатель), Х. Хасмамедова и М.С. Ахундзаде⁴⁹. Характерно, что о тех или иных решениях президиума сообщалось только тем членам ЦК, на которых возлагалось их непосредственное выполнение. В этой связи вполне естественно, что информацией о

⁴⁸ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). Тбилиси-Париж, 2012. С. 31. См. также: *Sonyel S.R. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement // Studies in 20-th Century History. Vol. 3. London, SAGE Publications, 1975. P. 125.*

⁴⁹ *Şimşir S. Azerbaycanın istiklal mücadelesi. İstanbul, 2006. S. 37.*

персональном составе подпольного ЦК партии, действующего в Азербайджане, также обладали только эти три лица.

Заграничному бюро удалось за относительно короткий период наладить связи с существующими в условиях глубокого подполья в Азербайджане ячейками партии. Одновременно в местах компактного проживания азербайджанских эмигрантов в различных городах Турции и Ирана была восстановлена и усилена деятельность местных комитетов «Мусавата». Помимо Стамбула, ячейки партии действовали в таких турецких городах, как Трапезунд, Карс и Смирна, а также в Иране: в Тегеране, Тебризе, Реште. Примечательно, что наиболее крупная по численности ячейка «Мусавата» за пределами Азербайджана находилась в иранской столице – Тегеране.

Параллельно с созданием организационных структур азербайджанской эмиграции, М.Э. Расулзаде вплотную занимался и налаживанием информационно-пропагандистской деятельности. Он не мог ограничить себя только рамками строго конспиративной работы, поскольку всеми силами стремился информировать турецкую и европейскую общественность о ситуации в Азербайджане, о попранных большевиками правах азербайджанских тюрок на свободу и независимость, пропагандировать идею национальной независимости и вести борьбу за ее восстановление. В сложившихся в то время в Турции условиях подобной деятельностью можно было заниматься, лишь используя возможности прессы.

Поэтому М.Э. Расулзаде придавал исключительное значение прессе в деле консолидации азербайджанских эмигрантов в борьбе за восстановление государственной независимости Азербайджана. Исходя из этого, он сосредоточил свои усилия в направлении учреждения различного рода печатных изданий, которые стали информационным рупором азербайджанской эмиграции. В этом контексте одним из главных заслуг М.Э. Расулзаде в истории освободительного движения азербайджанских тюрок является создание эмигрантской периодической печати, которая все годы господства советского режима вела за пределами родины неустанную и систематическую борьбу за азербайджанский идеал.

Значимость печатных изданий для азербайджанской эмиграции еще больше возрастала в свете того факта, что, в отличие от грузинских и армянских эмигрантов, у М.Э. Расулзаде и его соратников не было высоких покровителей в коридорах власти европейских стран. В этой связи в своем письме Дж. Гаджибейли М.Э. Расулзаде с горечью отмечал, что «у грузин имеются II Интернационал и европейские друзья, при содействии которых они продвигают свои интересы. Мы же лишены таких возможностей. Поэтому единственным средством, с помощью которого мы можем заявить о своем существовании, является печать»⁵⁰.

26 сентября 1923 года в Стамбуле увидел свет сигнальный номер журнала «Yeni Kafkasya»⁵¹, ставший первым печатным органом в истории не только азербайджанской, но и всей тюрко-мусульманской эмиграции. Данное печатное издание, инициатором создания и фактическим редактором которого являлся М.Э. Расулзаде, объявило своей целью борьбу за свободу и независимость не только Азербайджана, но и всех поработанных большевиками народов советской империи. По меткому наблюдению азербайджанского исследователя В. Гулиева, в этом смысле журнал «Yeni Kafkasya» стал первой публичной трибуной не только для азербайджанских тюрков, но и для представителей других тюрко-мусульманских народов СССР – горцев Кавказа, татар, башкир, казахов и др. Наличие подобного издания позволяло им вести идеологическую работу, отстаивать свои национальные интересы⁵².

Тем не менее, журнал «Yeni Kafkasya» в первую очередь предназначался для азербайджанской аудитории, и его экземпляры распространялись не только среди эмигрантов, разбросанных по разным странам Европы и Востока, но тайными каналами доставлялись и в Азербайджан. Как и следовало ожидать, публикации журнала отличались ярко выраженной антибольшевистской направленностью. Разоблачая и показывая истинную сущ-

⁵⁰ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 301.

⁵¹ *Şimşir S.* Azərbaycanin istiklal mücahədəsi. S. 39.

⁵² Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века) / Сост., предисл. и прим. В. Гулиев. Торун, 2010. С. 11.

ность антинациональной политики большевиков в Азербайджане, журнал одновременно выступал в роли последовательного пропагандиста идеи азербайджанской независимости, вызывая тем самым явное раздражение и недовольство советских властей.

Карательными органами советского режима периодически проводились облавы и обыски внутри Азербайджана «с целью выяснить и обнаружить читателей «Yeni Kafkasya». Именно в ходе одной из таких облав в Баку были арестованы М.Ю. Джафаров и известный азербайджанских архитектор Зивер бек Ахмедбеков⁵³.

Характерно, что на основе материалов, опубликованных в «Yeni Kafkasya», А.М. Топчибаши составлял подробные заметки о положении в Азербайджане, и рассылал их как официальным структурам и СМИ ведущих европейских государств, так и лидерам кавказской эмиграции, проживающим в Париже⁵⁴.

Об эффективности пропаганды «Yeni Kafkasya» нагляднее всего свидетельствует тот факт, что этот небольшой журнал в 16 страниц, выходящий раз в 2 недели, не давал покоя большевикам. Как отмечал М.Э. Расулзаде, азербайджанские газеты – «Коммунист» и «Бакинский рабочий» «уделяли ему немало энергии и полемического искусства. Маленькая заминка в издании журнала технического характера ознаменовалась в советском Баку, как большой праздник «пролетариата». Немало внимания обращали на этот стамбульский журнал туркестанские, татарские и грузинские большевистские газеты. Даже московская «Правда» не могла обойти молчанием разоблачения этого «эмигрантского журнальчика»⁵⁵. На публикации «Yeni Kafkasya» вынужден был реагировать даже научно-академический журнал «Новый Восток»⁵⁶.

Следует отметить, что относительно целей и задач журнала «Yeni Kafkasya» имелись определенные тактические расхождения между М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибаши. Последний был полностью солидарен с М.Э. Расулзаде в том, что «журнал не только по

⁵³ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 05.03 1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 85.

⁵⁴ Там же. С. 43.

⁵⁵ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 72. Л. 124.

⁵⁶ *Məmmədşadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı*. S. 191.

направлению, но и по своему содержанию должен быть исключительно антибольшевистским», и подвергать «неустанной и все-сторонней критике ненавистный режим»⁵⁷. При этом А.М. Топчибаши полагал, что «журнал этот, прежде всего, должен задаться целью воздействовать на турецкое общественное мнение в отношении русского большевизма вообще и, в частности, нынешнего положения нашей страны»⁵⁸. Тем самым, А.М. Топчибаши надеялся вынудить турецких властей занять более активную позицию в азербайджанском вопросе.

Между тем, не отрицая значимость данной проблемы, М.Э. Расулзаде все же считал, что главная задача журнала «Yeni Kafkasya» заключается в том, чтобы «дать духовную пищу» азербайджанским эмигрантам, мобилизовать, сплотить и организовать их в борьбе за восстановление потерянной независимости родины. М.Э. Расулзаде полагал, что в условиях невозможности создания легально действующей политической структуры журнал должен выполнять функции публичного идейно-морального центра азербайджанской эмиграции⁵⁹.

Думается, эти расхождения между А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде имели более глубокие корни. Дело в том, что А.М. Топчибаши явно переоценивал значение внешнего фактора в деле восстановления независимости Азербайджана. И, скорее всего, это было связано с его профессиональной деятельностью. В последние годы своей жизни он занимался дипломатической работой и активно контактировал с различными представителями политической элиты зарубежных государств. В результате этого у него сформировалось убеждение, что решающую роль в деле развала СССР, и, следовательно, восстановления независимости Азербайджана, будет играть политико-дипломатическое и военное давление европейских стран и Турции на большевистский режим.

⁵⁷ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 15.04.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 32.

⁵⁸ А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 32.

⁵⁹ Yeni Kafkasya. 1924. 6 Ekim.

Вот почему А.М. Топчибаши возлагал большие надежды, особенно в первые годы нахождения в эмиграции, на европейские страны и Турцию в деле освобождения поработанных народов СССР. Но этим надеждам не суждено было сбыться. И когда европейские государства одно за другим начали признавать большевистский режим и налаживать с ним отношения, он вынужден был констатировать, что «ряды наших доброжелателей из числа французских, английских и других политических деятелей все более редуют»⁶⁰. В конечном итоге, А.М. Топчибаши осознал, что из-за восстановления государственной независимости республик Южного Кавказа европейцы и турки не собираются «портить отношения с Советами»⁶¹.

Все это оказывало гнетущее влияние на А.М. Топчибаши. Учитывая, что душевная боль от подобных действий европейцев усугублялось трудным материальным положением и многочисленными болезнями, которыми он страдал, то не трудно представить себе психологическое состояние находящегося уже в преклонном возрасте А.М. Топчибаши. После признания СССР со стороны Англии и Италии, 9 февраля 1924 года А.М. Топчибаши пишет М.Э. Расулзаде: «Да, мы получили если не последний, все же сильный удар, отягчающий еще более наше и без того тяжелое положение. Получается крайне угнетающая атмосфера и это в связи еще с давно осадившим нас проклятым вопросом материального характера. И если при этом страдать еще и от болезни, то можно представить довольно-таки неотрадную картину!.. Но, велик Аллах!.. Надежды не теряю»⁶².

В отличие от А.М. Топчибаши, М.Э. Расулзаде никогда особо не обольщался относительно искренности заявлений европейских политиков об их поддержке независимости кавказских народов. Это вовсе не означает, что он недооценивал такую поддержку со стороны европейской общественности и политических кругов.

⁶⁰ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 07.04.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 92.

⁶¹ Там же. С. 28.

⁶² Там же. С. 24.

Просто он не хотел утверждения иждивенческих настроений в эмигрантской среде. Он не желал, чтобы его соратники по эмиграции, полагаясь исключительно на помощь европейских государств, рассчитывали бы на то, что в один прекрасный день европейцы придут и очистят их родину от большевистских оккупантов. Признание в середине 20-х гг. ведущими европейскими государствами большевистского режима окончательно убедило М.Э. Расулзаде в нереальности их военного вмешательства в отношении советской империи⁶³.

Поэтому он настоятельно советовал в деле освобождения Азербайджана от большевистского ига опираться, прежде всего, на собственные силы. Исходя из этого, М.Э. Расулзаде нисколько не сомневался в том, что «спасение родины зависит не столько от комбинаций европейских политиков и их дипломатических маневров, сколько от краха большевистской власти и от внутренних сил»⁶⁴.

Об этом же М.Э. Расулзаде предупреждал А.М. Топчибаши в одном из своих писем: «Освобождение родины придет не извне, а произойдет в самой стране при посредстве местных сил. К ним обращены наши взоры, и это главным образом определяет линию нашего поведения. Поэтому в соответствии с этим мы прилагаем усилия и принимаем посильные меры к улучшению их организаций, снабжению необходимыми сведениями, поддержкой и пр.»⁶⁵.

При этом, понимая, что борьба с большевизмом будет достаточно продолжительной и изнурительной, М.Э. Расулзаде пытался предостеречь представителей азербайджанской и кавказской эмиграции от авантюрных шагов, способных еще больше осложнить условия борьбы за освобождение региона от большевистской оккупации. В этой связи неудивительно, что он критически относился к планам грузинской эмиграции по организации летом 1924 года общенародного восстания в Грузии. Еще за полгода до

⁶³ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 281.

⁶⁴ Там же. С. 281-282.

⁶⁵ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 25.12.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 71.

этого восстания он предупреждал грузинских социал-демократов о нежелательности и изначальной обреченности в данный момент подобных выступлений.

Аргументируя свою позицию, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «пока Россия не вовлечена в какую-нибудь серьезную войну или в России не вспыхнули серьезные осложнения, никакое вооруженное выступление не приведет к цели, и мы рискуем подвергать наши народы неслыханной катастрофе, которая может отодвинуть дело освобождения на многие годы»⁶⁶.

Трагические последствия августовского восстания 1924 г. в Грузии лишь подтвердили эти выводы М.Э. Расулзаде. Примечательно, что командующий повстанческими силами Грузии генерал С. Чавчавадзе также считал восстание бесперспективным, поскольку большевики, осведомленные о намечающемся выступлении, срочно стянули войска в Тбилиси и Батуми, которые были главными стратегическими целями повстанцев. Тем не менее, руководители грузинских социал-демократов, чтобы привлечь внимание международной общественности к ситуации в Грузии, все же решили приступить к реализации ранее подготовленного плана.

Хотя восстание против оккупантов охватило большинство сельских регионов Западной и отдельные районы Восточной Грузии, а некоторые регионы в течение недели находились в руках восставших, им не удалось овладеть ни Тбилиси, ни Батуми, что, со своей стороны, обрекло восстание на поражение. Месть большевиков была беспредельной. В ходе кровавого подавления восстания и последовавших за этим репрессий большевиками было варварски истреблено около 5 тысяч человек. При этом репрессии не ограничились только Грузией, распространившись и на соседние южно-кавказские республики, в том числе на Азербайджан. Усилились гонения на мусаватское подполье внутри страны⁶⁷.

Как отмечает Г. Мамулия, «подавление восстания 1924 г. оставило глубокие следы в грузинском обществе, так как большевики

⁶⁶ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 17.10.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 3

⁶⁷ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 85-86.

уничтожили элиту нации: цвет интеллигенции, дворянства, предпринимателей, крестьянства, офицеров, сформированных при старом режиме. Грузины поняли, что при создавшихся условиях было бы бессмысленно продолжать вооруженную борьбу»⁶⁸.

Грузинские события еще больше укрепили убежденность М.Э. Расулзаде в том, что одним наскоком, одним локальным ударом невозможно сокрушить набирающий силу большевистский режим. Реалистически оценивая ситуацию, с целью ведения успешной борьбы он предлагал принять тактику и стратегию, адекватно реагирующую на условия, существующие в Азербайджане и на Кавказе. Предвидя, что борьба за национальное освобождение будет продолжительной и изнурительной, он считал первоочередной задачей сохранение и укрепления в самосознании азербайджанских тюрок идеи независимости Азербайджана и веры в возможность ее восстановления. В этой связи он советовал обратить особое внимание на наиболее энергичную и самоотверженную часть азербайджанской молодежи. По его мнению, именно эта молодежь должна была сыграть ключевую роль в деле освобождения родины⁶⁹.

В решении поставленных задач М.Э. Расулзаде важное место отводил журналу «Yeni Kafkasya». Неудивительно, что он сконцентрировал все свои усилия на обеспечении регулярного и своевременного издания журнала, хотя это и было сопряжено с многочисленными проблемами. В первую очередь, М.Э. Расулзаде приходилось решать серьезные финансовые проблемы. Не секрет, что среди представителей кавказской эмиграции именно политэмигранты из Азербайджана находились в наиболее бедственном положении. И это несмотря на то, что после апрельской оккупации 1920 года немало состоятельных людей, включая известных представителей национальной буржуазии, оказались за пределами страны. Но они не очень-то стремились поддержать деятельность азербайджанских политэмигрантов в материальном плане.

⁶⁸ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. (1921-1945). С. 88.

⁶⁹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 281.

Так что неудивительно, что первые номера журнала «Yeni Kafkasya» выходили при финансовой поддержке грузин. Однако «с 10 № они прекратили материальную поддержку, ссылаясь на сокращение расходов», в результате чего журнал оказался в довольно критическом положении, задолжав значительную сумму типографии⁷⁰.

Правда, в этот период определенную материальную поддержку журналу оказывал А. Агаоглу, избранный в 1923 году депутатом турецкого парламента (ВНСТ). Подтверждением тому является его шифрованное письмо от 14 марта 1924 года. В нем говорится об отправке М.Э. Расулзаде 350 лир. В связи с этим следует отметить, что в середине 20-х гг. М.Э. Расулзаде поддерживал тесную связь с А. Агаоглу. И это несмотря на то, что во многих важнейших политических и идеологических вопросах их позиции, мягко говоря, не совпадали.

В частности, А. Агаоглу, будучи убежденным тюркистом, выступал против разделения единого, по его мнению, тюркского мира на многочисленные самостоятельные государства. Он был последовательным сторонником государственного единства Азербайджана с Турцией. Между тем, в отличие от А. Агаоглу, подавляющее большинство азербайджанских политэмигрантов во главе с М.Э. Расулзаде ратовали за создание независимого Азербайджанского государства.

Тем не менее, А. Агаоглу оказывал посильную помощь находящимся в Турции азербайджанским политэмигрантам. М.Э. Расулзаде при личной встрече в Стамбуле с Ахмед бекком даже просил последнего оказать содействие в трудоустройстве Джейхуна Гаджибейли, который собирался переехать из Парижа в Стамбул⁷¹. Правда, А. Агаоглу так и не смог ничем помочь в этом вопросе Дж. Гаджибейли. Но сам этот факт свидетельствует о весьма доверительных отношениях между М.Э. Расулзаде и А. Агаоглу.

Одновременно следует учесть, что хотя к тому времени А. Агаоглу был весьма влиятельной политической фигурой в Турции,

⁷⁰ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 20.04.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 36.

⁷¹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 278.

его возможности в плане оказания не только материальной, но и морально-политической поддержки азербайджанской эмиграции были весьма ограничены. Дело в том, что его контакты с находящимися в Турции лидерами азербайджанской политэмиграции не поощрялись высшим турецким руководством, поскольку они противоречили официальному курсу Анкары по налаживанию дружбы и тесного сотрудничества с Москвой. Здесь трудно не согласиться с М.Э. Расулзаде, который с болью в сердце писал Дж. Гаджибейли: «Верно, что Турция является нашей второй родиной. Но при этом необходимо учесть, что восточные страны не всегда прилежно выполняют родительские обязанности в отношении своих детей. Именно в этом заключается наша настоящая трагедия»⁷².

Более того, сам А. Агаоглу находился под пристальным наблюдением турецких спецслужб. В одном из донесений военной разведки Турции того периода выражается обеспокоенность тем, что средства в размере 12 тыс. лир, выделенные по личному распоряжению Мустафы Кемаль паши для поездки А. Агаоглу в Измир, могут быть переданы мусаватистам, обосновавшимся в стране⁷³. Учитывая все эти обстоятельства, А. Агаоглу приходилось не афишировать свои контакты с азербайджанскими политэмигрантами, и вести тайную переписку с М.Э. Расулзаде. Впрочем, судя по вышеуказанным фактам, скрыть от турецких спецслужб свои связи с азербайджанскими политэмигрантами ему так и не удалось. И, скорее всего, под их давлением А. Агаоглу впоследствии вовсе прекратил связи с М.Э. Расулзаде и другими азербайджанскими эмигрантами.

В этих условиях, чтобы достать необходимые для издания «Yeni Kafkasya» средства, М.Э. Расулзаде приходилось демонстрировать чудеса предприимчивости. Частично расходы удавалось погасить за счет подписки на журнал. Наиболее активными в этом плане были азербайджанские эмигранты в Германии.

Впрочем, и здесь не все складывалось так гладко, как хотелось бы М.Э. Расулзаде. В частности, в Париже было лишь 1-2

⁷² Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 285.

⁷³ *Qasımlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 327.*

подписчика «Yeni Kafkasya», хотя годовая подписка на журнал составляла всего 1,5 доллара⁷⁴. А ведь именно в Париже располагалась азербайджанская делегация. Здесь же обосновались многие представители азербайджанской буржуазии, эмигрировавшие после апрельской оккупации из страны. Во Франции также было немало азербайджанских студентов, в свое время отправленных правительством АДР туда для получения высшего образования.

Учитывая эти обстоятельства, М.Э. Расулзаде в письме, адресованном А.М. Топчибаши, отмечал, что «было бы лучше, если бы наши сородичи во Франции по примеру наших студентов в Германии или офицеров в Польше, а также эмигрантов в разных углах Анатолии и даже финляндских татар проявили бы интерес к журналу в виде хотя бы подписки. Думаю, что к этому их нужно побудить всеми мерами»⁷⁵.

Ответ же А.М. Топчибаши на этот упрек М.Э. Расулзаде был достаточно симптоматичным: «Вы просите меня предложить находящимся здесь азербайджанцам подписаться на журнал и сотрудничать в нем. Верьте, что и без просьбы я считаю это долгом каждого из нас и поэтому не раз делал именно такого рода предложение. Особенно убеждал в посылке статей и корреспонденций, но, к сожалению, в ответ слышу лишь жалобы на тяжелое материальное положение, на отсутствие настроения, на неимение времени. Вы знаете, как овладевают людьми слабодушие, нервность и пр., и в особенности теми, кто не может, или не хочет найти в себе силы сопротивляться невзгодам жизни...»⁷⁶

В этой ситуации от полного финансового банкротства «Yeni Kafkasya» спасло лишь то, что местные отделения культурно-просветительского общества «Türk osaklagı», количество которых на территории Турции доходило до 130-ти, подписались на журнал⁷⁷. Созданное в свое время для изучения и пропаганды культурного наследия тюркских народов, а также идей тюркизма, это

⁷⁴ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 255.

⁷⁵ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 17.10.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 54.

⁷⁶ Там же. С. 64.

⁷⁷ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 270-271.

общество после прихода к власти Ататюрка направило все свои усилия на поддержку строительства национального государства в Турции. Находясь в эмиграции на турецкой земле, М.Э. Расулзаде тесно контактировал с «Türk ocakları», в особенности, с молодыми членами этой организации, кумиром которых он являлся.

Характерно, что большинство азербайджанских эмигрантов, многие из которых занимали важные государственные посты в период независимости в 1918-1920 гг., не только не удосужились поддержать журнал в материальном плане, что можно было еще как-то оправдать, но даже проигнорировали настоятельные просьбы М.Э. Расулзаде писать статьи и заметки для журнала «Yeni Kafkasya». Они даже не считали нужным отвечать на подобные письма М.Э. Расулзаде.

Исключение составляли, пожалуй, лишь А.М. Топчибаши и Дж. Гаджибейли, которые хоть и нерегулярно, но все же писали для «Yeni Kafkasya». И это несмотря на то, что их материальное положение было ничем не лучше по сравнению с другими азербайджанскими эмигрантами. Как признавался А.М. Топчибаши, «я и Дж. Гаджибейли переживаем весьма затруднительное положение, оказавшись в невозможности удовлетворять насущные нужды наших семей, в том числе уплатить за наши квартиры»⁷⁸. В записке, адресованной Дж. Гаджибейли, А.М. Топчибаши жаловался на то, что из-за материальных затруднений не может позволить себе протелефонировать или же поехать к кому-либо: «. сижу без одного су!... Не могу выходить из дому»⁷⁹.

Сын Дж. Гаджибейли был даже лишен возможности посещать уроки College Richelieu, поскольку родители оказались не в состоянии платить за его учебу⁸⁰. Что же касается А.М. Топчибаши, то, помимо финансовых проблем, его одолевали многочисленные болезни. В частности, он страдал от болезни почек, а также от ревматизма в суставах пальцев рук, особенно правой,

⁷⁸ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 30.11.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 58.

⁷⁹ Государственный архив литературы и искусства Азербайджанской Республики им. С. Мумтаза. Ф. 649. Оп. 3. Д. 102. Л. 4.

⁸⁰ Там же. Д. 103. Л. 1.

что зачастую лишало его «возможности брать перо в руки»⁸¹. К тому же А.М. Топчибаши с трудом писал на родном языке, и по этой причине его статьи приходилось переводить на тюркский. В одном из своих писем А.М. Топчибаши признавался в том, что страдает «от такого своего недостатка»⁸². Между тем, качество этих переводов зачастую вызывало обоснованное недовольство А.М. Топчибаши, поскольку находящийся в тисках материальных затруднений журнал был не в состоянии нанимать профессиональных переводчиков.

В подобных условиях вся тяжесть издания «Yeni Kafkasya» легла на плечи М.Э. Расулзаде, который был редактором и автором подавляющего большинства публикаций в журнале. Извиняющимся тоном он писал Дж. Гаджибейли: «Вы систематически пишете мне письма, а я не могу с той же регулярностью отвечать Вам. Поскольку, помимо занятости общими делами, приходится писать статьи для «Yeni Kafkasya». С этой точки зрения и тамошние, и здешние наши товарищи очень мало помогают нам»⁸³.

Кроме того, ему приходилось заниматься не только творческими вопросами, но и решать многочисленные организационно-технические и финансовые проблемы «Yeni Kafkasya». Характеризуя свое положение в журнале, М.Э. Расулзаде 17 апреля 1924 года пишет Дж. Гаджибейли: «Приходиться отвечать одновременно на несколько ваших писем. Не считите это за неуважение, поскольку я очень занят. На прошлой неделе болел ангиной. Тем не менее, в таком состоянии мне пришлось подготовить очередной номер журнала. Я настолько одинок, что приходится отказать себе даже в праве болеть. Наши здешние товарищи не владеют на должном уровне тюркским языком, к тому же они не обладают необходимыми журналистскими навыками, чтобы заполнить журнал нужными статьями»⁸⁴.

⁸¹ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 07.04.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 93.

⁸² Там же. С. 32.

⁸³ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 265.

⁸⁴ Там же. С. 267.

А. Шейхульисламов, ставший невольным свидетелем этой болезни М.Э. Расулзаде, в своем письме от 12 апреля 1924 года так описывает обстановку в его комнате: «Эмин бея нашел больным. Обстановка трогательная. Комната завалена газетами и книгами. Над кроватью висит азербайджанская карта. Во всем видна преданная азербайджанской идее работа»⁸⁵. Заметим, что это пишет человек, который был в весьма натянутых отношениях с М.Э. Расулзаде практически на всем протяжении эмигрантской жизни.

Некоторые представители азербайджанской эмиграции не только отказывались содействовать изданию «Yeni Kafkasya», но даже с сарказмом относились к деятельности М.Э. Расулзаде в этой сфере. В частности, Хосров бек Султанов, возомнивший себя мессией, которому суждено стать спасителем поработенной большевиками Родины, считал, что М.Э. Расулзаде просто занимается маранием бумаги⁸⁶.

Однако М.Э. Расулзаде пытался не обращать особого внимания на подобные выпады отдельных представителей азербайджанской эмиграции. Он лишь советовал любителям интриг и «партизанщины» заниматься более полезными делами, в частности, «на деле доказывать свою причастность к национальной борьбе, проявлением которой являются восемь номеров «Yeni Kafkasya», выпущенных в течение последних четырех месяцев. По-моему, не следует опасаться негативных поступков интриганов, которые не годятся для полезных дел. Национальная борьба имеет всеохватывающую и общую пользу. И эта борьба продолжается группой энергичных людей. А люди, способные лишь на негативные действия, пусть продолжают распускать слюни»⁸⁷.

В отличие от не очень искушенного в политических вопросах Х. Султанова, большевистское руководство было далеко от недооценки подобной работы М.Э. Расулзаде. Оно прекрасно осознавало, какую именно опасность представляет для большевистского режима политическая и издательская деятельность М.Э. Расулза-

⁸⁵ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 82. Л. 34.

⁸⁶ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 274.

⁸⁷ Там же. С. 253.

де. За короткое время пребывания в Стамбуле М.Э. Расулзаде превратился в самую заметную фигуру азербайджанской эмиграции, инициативы которой уже невозможно было замалчивать.

Тем более что деятельность М.Э. Расулзаде не ограничивалась только изданием журнала «Yeni Kafkasya». В Стамбуле он активно занимался исследовательской работой, в частности, обобщением и анализом опыта национального движения в начале XX века. В 1923 году в Стамбуле издаются его работы – «Азербайджанская Республика» и «Сиявуш нашего времени»⁸⁸, а несколько позже – «Идеология независимости и молодежь»⁸⁹. В этих трудах, научную значимость которых трудно переоценить, М.Э. Расулзаде дает скрупулезный анализ событий новой и новейшей истории Азербайджана. На основе конкретных исторических фактов он доказывает, что провозглашение в мае 1918 года Азербайджанской Демократической Республики стало следствием национального возрождения и политического пробуждения азербайджанских тюрков в ходе модернизационных процессов, охвативших азербайджанское общество в конце XIX и начале XX века.

Вместе с тем, там он открыто высказывается о слабых сторонах национального движения, которые были обусловлены объективными факторами, и, прежде всего, незрелостью и зародышевым состоянием национального самосознания. Причем, по мнению М.Э. Расулзаде, эти недостатки были характерны не только для азербайджанских тюрков, но и для других кавказских народов. Чтобы наглядно продемонстрировать эти недостатки он в статье «Идеология независимости и молодежь» сравнивает национальные движения народов Южного Кавказа и Балтии. Здесь особый интерес представляет сравнительный анализ содержания «Актов о независимости» Азербайджана и Грузии, с одной стороны, и Эстонии, с другой.

⁸⁸ *Resulzade M.E. Azerbaycan Cumhuriyeti: Keyfiyeti-Teşekkülü ve şimdiki Vaziyeti.* İstanbul, 1923; *Asrımızın Siyavuşu.* İstanbul, 1923.

⁸⁹ *Resulzade M.E. Istiklal mefküresi ve gençlik.* İstanbul, 1924.

Как отмечает М.Э. Расулзаде, еще в апреле 1918 года объявление Закавказским Сеймом независимости Южного Кавказа воспринималось не как долгожданное счастливое событие, а как меньшее зло, избежать которого в сложившейся тогда ситуации не представлялось возможным. Таким же вынужденным шагом являлось и провозглашение независимости Грузии, Азербайджана и Армении после распада Сейма в конце мая 1918 года. По словам М.Э. Расулзаде, по крайней мере, авторы документов, на основании которых была провозглашена независимость трех южно-кавказских республик, считали этот шаг «печальной неизбежностью»⁹⁰.

В качестве подтверждения своих слов М.Э. Расулзаде приводит вступительную часть «Акта о независимости Азербайджана»: «В ходе великой российской революции в России установился политический строй, который повлек за собой распад отдельных частей государственного организма и оставление русскими войсками Закавказья. Предоставленные собственным своим силам народы Закавказья взяли в свои руки дело устроения своих судеб и создали Закавказскую Демократическую Федеративную Республику. Однако в дальнейшем ходе политических событий грузинский народ счел за благо выделиться из состава Закавказской Федеративной Республики и образовать независимую Грузинскую Демократическую Республику.

Нынешнее политическое положение Азербайджана, связанное с ликвидацией войны, возникшей между Россией и Оттоманской империей, а также небывалая анархия внутри страны повелительно диктует Азербайджану, состоящему из Восточного и Южного Закавказья, необходимость создания собственной государственной организации, дабы вывести народы Азербайджана из того тяжелого внутреннего и внешнего положения, в котором они оказались.

На основании этого Национальный Совет Азербайджана, избранный народным голосованием, ныне всенародно объявляет: Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных

⁹⁰ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

прав, а Азербайджан, состоящий из Восточного и Южного Закавказья, полноправным независимым государством...»⁹¹

Как подчеркивает М.Э. Расулзаде, из текста этого документа отчетливо видно, что «независимость Азербайджана воспринимается как средство, к которому с сожалением вынуждены были прибегнуть ради спасения от гибели нации, «оставленной» прежними хозяевами и погрузившейся в пучину «небывалой анархии». «Государство» распалось, возникла критическая ситуация, грузины ушли, и мы волей-неволей вынуждены были управлять собою и объявить свою независимость». Продолжая свою мысль, М.Э. Расулзаде далее пишет: «Давайте признаемся в том, что этот текст написан не политиками и революционерами нации, борющимися за свою независимость и жаждущими свободы, а «проницательными» лицами, которые под влиянием страха от рухнувшего царства и величия, и от неожиданности событий думают и представляют себе завтрашнюю ответственность, пытаюсь заранее обеспечить себя смягчающим алиби для оправдания»⁹².

Как отмечает М.Э. Расулзаде, аналогичный недостаток был характерен и для грузинской декларации. Вернее сказать, авторы азербайджанской декларации о независимости переняли эту слабость у грузин. Ведь и грузинская декларация считала независимость «меньшим злом» в тогдашних условиях, когда, в первую очередь, из-за «сепаратизма» мусульман грузины просто вынуждены были выйти из состава Закавказской Федерации и провозгласить свою независимость. Там самым, как подчеркивает М.Э. Расулзаде, авторы грузинской декларации обеспечили себе «алиби» перед будущим обвинительным актом прокурора.

Сравнивая декларации независимости южно-кавказских народов с аналогичными актами балтийских наций, М.Э. Расулзаде приходит к выводу, что эстонцы, литовцы и латыши при провозглашении государственной независимости руководствовались совсем другими «мотивами». В отличие от азербайджанских тюр-

⁹¹ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

⁹² A.g.e.

ков и грузин, они изначально были готовы к этому историческому шагу, и для них независимость не стала неожиданностью или «меньшим злом».

В этой связи неудивительно, что Декларация о независимости, принятая 19 мая 1919 года Эстонским Учредительным собранием гласит: «Вот уже шесть месяцев лучшие сыны нашего народа защищают эстонскую государственную самостоятельность и независимость, принося бесчисленные жертвы. Эстонский народ ведет напряженную сверхчеловеческую борьбу с насильнической большевистской Россией за свое право на жизнь и это свое драгоценнейшее достояние эстонский народ намерен защищать до последней капли крови. Эстонский народ решительным образом разрывает все те связи, которые соединяли его с Россией, и с горечью вспоминает всю несправедливость, которую он терпел от русского государства или его попущением. Россия как мачеха обращалась с эстонским народом. Она отстранила нас от управления нашей родиной, русифицировала школу, органы власти и суды. Не исправила эту ситуацию и русская революция. Отныне Эстония не желает иметь какие-либо связи с Россией и отказывается от всех связей с ней».

Как справедливо отмечает М.Э. Расулзаде, в отличие от кавказских народов, которые проливали слезы в связи «с уходом России», эстонцы, латыши и литовцы, воспользовавшись представившимся историческим шансом, с оружием в руках встали на защиту собственной свободы и независимости. Только в одном бою с большевистскими ордами маленькая Эстония потеряла 15 000 бойцов, среди которых насчитывалось 500 офицеров высшего чина⁹³.

М.Э. Расулзаде считает вполне естественным и закономерным подобное различие в поведении политических лидеров национальных движений народов Южного Кавказа и Балтии. По его мнению, это объясняется тем, что балтийские народы раньше южно-кавказских осознали себя как единая нация и сформулировали свои национальные идеалы. Например, в отличие от азербайджанских тюрков, эти народы еще в ходе событий 1905 года

⁹³ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

требовали предоставления им автономии и национальной независимости. Поэтому народы Балтии в достаточно зрелом состоянии встретили крах русского империализма в 1917-1918 гг. Таким образом, если декларации независимости южно-кавказских народов были лишь вынужденной реакцией на сложившиеся обстоятельства, продиктованной инстинктом самосохранения, то аналогичные документы балтийских народов являлись давно ожидаемым и осознанным шагом. Неудивительно, что они смогли воспользоваться представившейся им возможностью для реализации своих политических целей и национальных идеалов, в то время как народы Южного Кавказа оказались не в состоянии защитить и сохранить свою независимость.

Характерно, что при этом М.Э. Расулзаде не видел причин для особого пессимизма. Как он подчеркивал, опыт, приобретенный балтийскими народами в 1905 году, азербайджанские тюрки получили лишь в 1918-1919 гг. И хотя идею национальной независимости Азербайджана не удалось до конца воплотить в реальность, она была обретаена в сознании и продолжает существовать в помыслах азербайджанских тюрков. М.Э. Расулзаде был твердо убежден в том, что азербайджанская молодежь, опираясь на опыт 1918-1919 гг., в будущем восстановит государственную независимость страны, и напишет еще декларацию независимости лучше эстонской⁹⁴.

Эти аналитические работы М.Э. Расулзаде, в особенности «Азербайджанская Республика», привлекли пристальное внимание не только печати, но и научной общественности Турции и других европейских стран. Многочисленные рецензии на данную работу появились на страницах турецких периодических изданий – «Tanin», «İkdam», «Akşam», «Yeni mecmua» и др. Профессор Венского университета, востоковед др. Краелич посвятил этой работе специальную статью, опубликованную в венской газете «Die Deutschösterreichische Tages-Zeitung»⁹⁵.

Это обстоятельство сильно тревожило и беспокоило советские власти, проявлением чего является тот факт, что И. Сталин

⁹⁴ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

⁹⁵ *Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 181-183.*

решил лично отреагировать на издание данной работы М.Э. Расулзаде. В письме руководителям Заккрайкома и партийной организации Азербайджана от 16 сентября 1923 года советский вождь советовал подготовить ответный «разоблачительный» пропагандистский материал:

«Мои советы гг. Мусабекову, Мирзояну, Ахундову, Кирову, Орахелашвили по поводу реакционной брошюры Расулзаде. Общий тон брошюры против Расулзаде должен быть наступательным. Ни в коем случае не оправдываться, а наступать, обвиняя его в следующих грехах:

- В ренегатстве. Он был большевиком, но изменил нам.
- В измене интересам самих турок. Так как он сам и его партия «Мусават» мешали Красной армии помогать туркам, препятствовали взятию Баку.
- В измене азербайджанскому народу. Препятствовали передаче земли крестьянам и ликвидации владений беков.
- В измене интересам всех народов Востока и помощи Англии в сохранении колониального господства над мусульманами.
- В организации армяно-татарской резни. Обозвать его азербайджанским Пуришкевичем.
- Обвинить в организации шамхорского погрома. Обозвать его азербайджанским погромщиком.

Нужно прямо указать, что Расулзаде является отсталым, невежественным, средневековым утопистом, поскольку он не понимает того простого факта, что мир раскололся на два основных лагеря, лагерь советских республик и лагерь империалистических держав, что угнетенные народы должны пристать либо к одному лагерю, либо к другому, что необходимо стоять либо за советские республики против империализма, либо за империализм против советских республик, что тот, кто старается занять третью позицию, он либо прикрывает свою измену угнетенным народам в пользу империализма лживыми фразами о несуществующей и неосуществимой третьей позиции, либо он является невежественным алхимиком, невежественным и утопическим попом от мелкотравчатого и бесхребетного национализма. Только круглые идиоты могут утверж-

дать, что при буржуазной России мыслимы свободные Турция, Персия, Азербайджан и пр. Только круглые идиоты могут забыть, что буржуазная Россия расширялась (и будет расширяться) лишь за счет Турции и Персии и лишь в союзе с Англией и прочими империалистическими державами. И т. д. и т. д.

Я думаю, что брошюра будет вполне удовлетворительной, если будут учтены при ее составлении все эти (и подобные им) тезисы»⁹⁶.

Получив это указание Сталина, тогдашний председатель Совнаркома Азербайджана Г. Мусабеков написал директору Музея революции и Института С.Г. Шаумяна в Баку Я. Ратгаузеру: «Очень прошу Вас предоставить в мое распоряжение необходимые материалы, имеющиеся в музее революции, для составления мною брошюры, согласно тезисам т. Сталина»⁹⁷.

Руководствуясь указаниями «отца народов», большевистские власти Азербайджана развернули широкомасштабную пропагандистскую кампанию с целью пресечения «негативного» влияния «реакционной деятельности» мусаватистов за рубежом на сознание азербайджанских масс внутри страны. Начиная примерно с середины 1923 года, страницы бакинской и тифлисской печати пестрят «разоблачительными» материалами, посвященными деятельности азербайджанской эмиграции. Причем, авторами этих публикаций были не рядовые члены большевистской партии, а руководящие работники партийно-правительственного аппарата Азербайджана – Д. Буниатзаде, М.Д. Гусейнов, Р. Ахундов, А. Караев, М. Кулиев и др.⁹⁸

По сути, своей борьбой за пределами родины за азербайджанский идеал М.Э. Расулзаде способствовал зарождению в середине

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4491. Л. 1-2.

⁹⁷ Там же. Л. 1.

⁹⁸ См.: *Буниатзаде Д.* Мусаватисты. (Мусаватисты-тюркофилы) // *Заря Востока*. 1923. 6 июля; *Гусейнов М.Д.* Идея о независимости Азербайджана и партия «Мусават» // *Заря Востока*. 1925, 28 апреля; *Караев А.* Из недавнего прошлого. Баку, 1926; *Кулиев М.* Наследие проклятого прошлого. (По материалам мусаватского архива) // *Бакинский рабочий*. 1927, 25 июля; *Его же.* Тюркская культура и мусаватисты // *Бакинский рабочий*. 1927. 15 июня; *Ахундов Р.* Доклад по национальному вопросу // Стенографический отчет XII Общебакинской конференции АКП (6-12 июня 1923 г.). Баку, 1923; и др.

20-х годов XX века целого направления в советской историографии, которое специализировалось в освещении истории национального движения в Азербайджане в выгодном для большевиков ракурсе. Так, именно в этот период издаются многочисленные работы советских авторов, посвященные критике деятельности национальных сил в 1917-1920 годах, то есть в период наивысшего подъема освободительной борьбы азербайджанских тюрков за независимость страны⁹⁹.

Выступая летом 1923 года на XII Общебакинской конференции АКП (б), первый секретарь Закавказского крайкома коммунистической партии К.Г. Орджоникидзе подчеркивал, что «мусаватисты дискредитируют национальную политику большевиков в глазах народов Востока. Они пытаются доказать, что сегодня независимого Азербайджана не существует, и Азербайджан управляется русскими.¹⁰⁰ Но, как правильно заметил М.Э. Расулзаде, подобная деятельность большевиков, направленная якобы на «дискредитацию» мусаватистов, на самом деле давала обратный эффект, способствуя пропаганде и распространению идеи независимости Азербайджана¹⁰¹.

Более того, если бы не деятельность азербайджанской эмиграции, то Кремль, очевидно, вообще не вспомнил бы о такой важнейшей проблеме, как национализация государственных учреждений Азербайджана. Именно под прессингом критики «Yeni Kafkasya» большевики, хотя бы для видимости, вынуждены были уделить определенное внимание данной проблеме. Так, Г.К. Орджоникидзе в вышеупомянутом выступлении, заявив о том, что у него в портфеле лежит книга М.Э. Расулзаде, одновременно дал указание о немедленном устранении существующих дефектов в деле

⁹⁹ Аркомед С.Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1923; Гусейнов Р. Очерки революционного движения в Азербайджане. Баку, 1926; Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Баку, 1927; Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. 1917-1918. Баку, 1927; Сеф С. К вопросу о социальной сущности «Мусавата» // «Большевик Закавказья». 1928. № 5-6; Ставровский А. Закавказье после Октября. М.; Л., 1925; Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.

¹⁰⁰ Мәтмәдзadə М.В. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 184.

¹⁰¹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 257.

«национализации учреждений Азербайджана». Он заговорил о необходимости привлечения азербайджанских тюрок к работе в госучреждениях, и не потому, что этого требует М.Э. Расулзаде, а поскольку «эта наша настоящая задача» и «Азербайджан должен быть примерной республикой для всего Востока»¹⁰².

Таким образом, благодаря деятельности М.Э. Расулзаде, голос азербайджанской эмиграции вновь был услышан мировой общественностью и прессой, что объективно способствовало актуализации азербайджанского вопроса. Так, до появления в эмиграции М.Э. Расулзаде в общественно-политических кругах европейских стран в целом доминировало мнение о том, что период независимости Азербайджана был лишь преходящим и случайным событием истории. Но за относительно короткий период времени М.Э. Расулзаде удалось кардинально изменить эту неблагоприятную для национальных сил ситуацию и привлечь внимание европейских государств к проблеме Азербайджана. Правящие круги европейских стран, среди которых особой активностью выделялись Польша, Франция и Германия, начали проявлять заинтересованность в налаживании контактов с азербайджанской политэмиграцией.

Как бы ни был сосредоточен М.Э. Расулзаде на борьбе за азербайджанский идеал, его не могли не волновать личные проблемы, и, прежде всего, судьба своих родных, оставшихся в Азербайджане фактически в положении заложников большевистского режима. Правда, многочисленные соратники М.Э. Расулзаде в один голос утверждают, что он не любил прилюдно обсуждать проблемы своей семьи. Более того, он в достаточно жесткой форме пресекал любые разговоры на эту тему, напоминая своим товарищам по эмигрантской деятельности о том, что они ведут «не личную, а национальную борьбу». Хотя он прекрасно осознавал, что соратники интересовались этой проблемой исключительно из добрых побуждений, пытаясь как-то поддержать и смягчить его переживания из-за разлуки с семьей.

¹⁰² *Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. №2. С. 8.*

Безусловно, это вовсе не означало, что его не волнует судьба родных и близких. Скорее всего, это было своеобразной защитной реакцией М.Э. Расулзаде, поскольку он не любил демонстрировать личные переживания и чувства, связанные с разлукой с семьей. К тому же он стремился дополнительно не обременять и без того тяжелую жизнь своих товарищей по эмиграции собственными проблемами. Переживаниями, связанными с семьей, М.Э. Расулзаде предпочитал делиться лишь с весьма ограниченным кругом наиболее близких ему людей, одним из которых в начальный период эмигрантской жизни являлся Дж. Гаджибейли. Переписка с Дж. Гаджибейли показывает, что он постоянно искал пути, чтобы выволить родных из большевистского плена. Судя по этим письмам, с момента своего появления в Стамбуле М.Э. Расулзаде прилагал отчаянные усилия, чтобы добиться приезда своей семьи в Турцию.

Следует отметить, что до 1929 года, т. е. до введения в СССР жесткой почтовой цензуры, М.Э. Расулзаде регулярно переписывался с родными в Баку. Он периодически получал информацию о состоянии их здоровья, был в курсе всех событий, происходивших в семье, и оказывал им посильную материальную помощь, пытаясь тем самым хоть чуточку облегчить их положение.

Так, поддерживая желание Дж. Гаджибейли переселиться из Франции в Турцию, М.Э. Расулзаде в письме от 16 января 1924 года писал: «Ваше решение о переезде сюда очень важно, особенно с точки зрения воспитания детей. Я тоже хочу перевезти сюда свою семью. Посмотрим, будет ли это возможным? Мои дети этой весной переболели малярией. А супруга страдала от болей в сердце – сейчас ей стало немного легче. Ваши дети получают хотя и иностранное, но зато культурное воспитание. А какое воспитание у моих детей – известно...»¹⁰³.

Как видно из содержания данного письма, М.Э. Расулзаде, в первую очередь, беспокоил тот факт, что оставшиеся в Азербайджане его дети не смогут получить должного воспитания в национальном духе. Поэтому неудивительно, что в начале марта 1924 года в

¹⁰³ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 252.

письме Дж. Гаджибейли он вновь отмечает, что переезд семьи является одной из самых неотложных его задач, и при первой же возможности он постарается осуществить эту затею¹⁰⁴. А в письме от 24 ноября 1924 года еще раз повторяет, что «хотел бы семью привести сюда. Они там несколько раз попытались, но пока безрезультатно. Бедные, очень там скучают. И я тут беспокоюсь»¹⁰⁵.

Судя по всему, в начале 1925 года появились определенные надежды, что проблема воссоединения с семьей наконец-то получит свое разрешение. Подтверждением тому является письмо, адресованное Дж. Гаджибейли от 1 февраля 1925 года, в котором М.Э. Расулзаде подчеркивает, что «вскоре появится возможность для приезда семьи сюда. Посмотрим, что получится»¹⁰⁶.

Впрочем, вскоре выяснилось, что большевистские власти не собираются выпускать родных М.Э. Расулзаде из страны, поскольку семья являлась достаточно эффективным рычагом давления на него. И большевики не собирались добровольно отказываться от подобного средства воздействия на опасного для них политика. По крайней мере, из содержания письма М.Э. Расулзаде от 19 июля 1925 года видно, что его супруга Уммуль-бану несколько раз обращалась с подобной просьбой в соответствующие органы, но ей неизменно отказывали или же советовали подождать¹⁰⁷.

Трагическая участь семьи М.Э. Расулзаде в период репрессий в конце 30-х гг. стала подтверждением самых страшных предположений. Как известно, Мамед Эмин бей имел четырех детей от брака с Уммуль-бану – двух дочерей (Лятифа и Халида) и двух сыновей (Расул и Азер). В момент последней встречи Мамед Эмина со своими родными в ноябре 1920 года, перед отбытием со Сталиным в Москву, самому старшему ребенку семьи – дочери Лятифе исполнилось всего 8 лет, а младший Азер был двухмесячным грудным младенцем. Больше Мамед Эмину так и не суждено было увидеть своих родных.

¹⁰⁴ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 261-262.

¹⁰⁵ Там же. С. 266.

¹⁰⁶ Там же. С. 281.

¹⁰⁷ Там же. С. 276.

Репрессии в отношении семьи М.Э. Расулзаде начались летом 1937 года с ареста его старшего сына – Расула. После месяцев истязаний и пыток в казематах НКВД Расул был приговорен пресловутой «тройкой» к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение 1 марта 1938 года. К тому моменту Расулу исполнилось всего 19 лет.

Вслед за Расулом в том же 1937 году были арестованы и остальные члены семьи М.Э. Расулзаде – его супруга Уммубану, дочь – Халида, сын – Азер и даже 70-летняя мачеха – Марал ханум. Как известно, Мамед Эмин очень рано потерял свою родную мать – Зинят ханум, после чего его отец женился на Марал ханум. Маленького Мамед Эмина и его сестру – Шахрабану фактически воспитала и поставила на ноги Марал ханум, в полном смысле слова заменив им родную мать. Поэтому Мамед Эмин относился к ней, как к родной матери.

По свидетельству очевидцев, во время ареста Марал ханум, имея в виду И.В. Сталина, в сердцах бросила сотрудникам НКВД: «Сообщите этому усатому, что арестовали тетушку Марал. Арестовали ту женщину, которая столько раз его поила и кормила, давала ему приют в своем доме»¹⁰⁸. Эта был крик отчаяния старой женщины, так и не услышанный палачами НКВД.

После долгих месяцев содержания в невыносимых условиях в различных тюрьмах Азербайджана всю семью М.Э. Расулзаде выслали в Казахстан, где скоро от голода и холода скончалась Марал ханум. В 1940 году, не выдержав трудных испытаний, в особенности потерю своего старшего сына Расула, умерла супруга Мамед Эмина – Уммубану ханум. Похоронив родную мать в казахстанских степях, младшая дочь Мамед Эмина – Халида решила тайно вернуться в Баку. Хотя это ей и удалось, но вскоре после прибытия туда она пропала без вести. Таким образом, от репрессий 30-х гг. удалось спастись лишь младшему сыну М.Э. Расулзаде – Азеру, которому пришлось практически в одиночку выдержать все суровые условия и трудности ссыльной жизни в

¹⁰⁸ *Yaqublu N. Məmməd Əmin Rəsulzadə. Bakı, 1991. S. 20.*

казахских степях. Практически всю свою сознательную жизнь он провел вдали от родины – в Казахстане.

Не обошли стороной репрессии и старшую дочь Мамед Эмина Лятифу ханум, которая была замужем и имела троих дочерей. Однако это обстоятельство ее не спасло. Сначала арестовали мужа Лятифы ханум, а затем пришли за ней и ее детьми. Младшая дочь Лятифы ханум – Сона в момент ареста находилась в детском санатории, и матери даже не разрешили забрать ее оттуда. О дальнейшей судьбе маленькой Соны до сих пор ничего не известно. Лятифу ханум вместе с двумя дочерьми также выслали в Казахстан, где ее замерзшей вместе с дочерью Эвшан утром одного из морозных январских дней 1944 года обнаружила старшая дочь – 13-летняя Фируза.

Родную же сестру Мамед Эмина, Шахрабану ханум, от репрессий спасло лишь то обстоятельство, что, не выдержав преследований, она скоропостижно скончалась от разрыва сердца. Таким образом, из большой семьи М.Э. Расулзаде в ходе репрессий 30-х гг. удалось выжить лишь его сыну Азеру и внучке Фирузе ханум.

Между тем, в конце 20-х гг. М.Э. Расулзаде все еще жил с надеждой, что ему удастся вызволить своих родных из когтей большевистского режима. Например, 10 августа 1928 года он пишет Дж. Гаджибейли о своих переживаниях относительно судьбы родных, и одновременно сообщает о продолжении собственных усилий, чтобы добиться их переезда в Стамбул. В нем он также подчеркивает, что получил письмо от дочери, где она жалуется на тяжелое материальное положение семьи и просит прислать деньги. И, как сообщает М.Э. Расулзаде, все имевшиеся у него средства он тот час же отправил в Баку¹⁰⁹. Это одно из последних писем М.Э. Расулзаде, где он затрагивал проблему своей семьи.

Еще одним ударом для М.Э. Расулзаде стала кончина его отца Гаджи Алекбера Расулзаде, информация о которой была напечатана 15 марта 1927 года в журнале «Yeni Kafkasya»¹¹⁰. Как

¹⁰⁹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 298

¹¹⁰ Yeni Kafkasya. 1927. № 11-12.

подчеркивалось в напечатанном в связи с этим событием некрологе, несмотря на давление властей, земляки Гаджи Алекбера Расулзаде с большим почтением проводили его в последний путь. Многие даже закрыли свои лавки, чтобы участвовать в его похоронах. И это несмотря на то, что большевистские власти, в частности ОГПУ, заранее предупредило людей, что даже выражение обычного в этих случаях человеческого сочувствия и соболезнования этой семье, не говоря уж об участии в похоронной процессии, будет считаться враждебным поступком в отношении существующего режима¹¹¹. Тем не менее, подавляющее большинство жителей Новханы сочло своим долгом отдать последнюю дань уважения покойному Гаджи Алекберу Расулзаде.

Выражая благодарность Дж. Гаджибейли за соболезнование в связи с кончиной отца, М.Э. Расулзаде 12 апреля 1927 года пишет: «Хотя отец был уже пожилым, но его печальный уход в разлуке меня очень расстроил. Несчастный, даже в последние минуты жизни, говоря об этой разлуке, навечно сомкнул глаза». При этом он выражает убежденность в том, что «единственным нашим утешением может быть лишь деятельность, направленная на спасение Родины от врагов, где отец, даже умирая, так и не нашел покоя»¹¹².

Однако ни исковерканные и уничтоженные чудовищной машиной репрессий И.В. Сталина судьбы родных и близких, ни горечь чужбины, ни преследования советских спецслужб не могли сломить волю и решимость М.Э. Расулзаде в борьбе за осуществление идеи азербайджанской независимости, верность которой он сохранял всю свою жизнь. Напротив, все эти нечеловеческие испытания, выпавшие на долю М.Э. Расулзаде, лишь укрепляли в нем убежденность в правоте избранного им пути, который, по его замыслу, должен был привести в конечном итоге к национальному освобождению азербайджанских тюрок и восстановлению государственной независимости Азербайджана. Вся кипучая деятельность М.Э. Расулзаде в эмиграции свидетельствует о том, что он ни на секунду не сомневался в возможности

¹¹¹ Yeni Kafkasya. 1927. № 11-12.

¹¹² Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 291.

реализации этого идеала. И все его действия были подчинены выполнению этой задачи.

§ 3. Борьба за единство азербайджанской эмиграции. Создание Азербайджанского национального центра (1925—1930)

Создание Заграничного бюро партии «Мусават» и информационно-пропагандистского рупора национального движения азербайджанских тюрков за пределами страны – журнала «Yeni Kafkas-ya», несомненно, явились большим шагом вперед в оживлении деятельности азербайджанской эмиграции. Однако М.Э. Расулзаде прекрасно понимал, что «в борьбе за азербайджанский идеал» нельзя ограничиваться лишь реанимацией и усилением деятельности партии «Мусават». Предпосылкой успеха он считал консолидацию действий всех политических сил Азербайджана, представленных в эмиграции. Поэтому Мамед Эмин бей много работал в плане объединения различных течений азербайджанской эмиграции на основе общей политической и организационной платформы.

Основой для такого объединения мог бы стать Азербайджанский комитет, созданный эмигрантами в начале 1924 года в Стамбуле. К сожалению, не только в азербайджанской, но и в турецкой историографии утвердилось ошибочное мнение о том, что данный комитет является Азербайджанским национальным центром (АНЦ). Указывается даже конкретная дата создания этой структуры – 28 апреля 1924 года¹¹³.

Между тем, подобные утверждения не соответствуют историческим фактам, поскольку АНЦ возник несколько позже, лишь в 1927 году. Подтверждением тому являются многочисленные документы, в том числе письма самого М.Э. Расулзаде. В частности, в письме от 5 марта 1927 года, адресованном дипломатическому представителю Грузинского национального правительства в Стам-

¹¹³ См. например: *Şimşir S. Azərbaycanın istiklal mücadelesi. İstanbul, 2006, S. 28; Yağublu N. Müsavat partiyasının tarixi. Bakı, 1997. S. 174.*

буле С.Г. Мдивани, М.Э. Расулзаде информирует его «об образовании 26 февраля сего года Азербайджанского национального центра, в состав которого входят представители всех активных политических партий и течений, борющихся за независимость Азербайджана. Местом нахождения центра назначен Константинополь, как город сравнительно близко стоящий к стране, а также как главный пункт сосредоточения зарубежных азербайджанцев»¹¹⁴.

Далее мы более подробно расскажем об истории возникновения Азербайджанского национального центра и предшествовавших этому событию процессах. В данном же случае еще раз приходится констатировать, что существовавший в 1924 году в Стамбуле Азербайджанский комитет не имел ничего общего с АНЦ. Этот комитет первоначально возглавлял Муса бек Рафиев, бывший во втором (1918 г.) и пятом (1920 г.) правительственных кабинетах министром призрения и здравоохранения АДР. После его отставки в октябре 1924 года полномочия председателя Азербайджанского комитета были возложены на М.Э. Расулзаде¹¹⁵.

Эта структура была достаточно представительной организацией, объединяющей деятелей азербайджанской эмиграции. Неслучайно, что в ноябре 1924 года А.М. Топчибаши обратился к М.Э. Расулзаде с просьбой «прислать в Париж одного или двух лиц из состава комитета по своему выбору для участия в предстоящих работах азербайджанской делегации»¹¹⁶. Эта просьба была обусловлена тем, что в тот период А. Шейхульисламов и М. Мехтиев отстранились от участия в деятельности азербайджанской делегации, поэтому ощущался острый недостаток в «наличных силах» для усиления азербайджанской делегации.

Правда, выполнить эту просьбу не удалось, поскольку ни Азербайджанский комитет, ни азербайджанская делегация «не располагали никакими денежными средствами, кои могли бы

¹¹⁴ Bibliotheque de documentation internationale contemporaine (BDIC), Nanterre, France, microfilms des archives du gouvernement georgien, mfm 881, bobine 132.

¹¹⁵ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 17.10.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 54.

¹¹⁶ Там же. С. 61.

быть предоставлены в распоряжение будущих сотрудников»¹¹⁷. И в своем письме А.М. Топчибаши от 25 декабря 1924 года М.Э. Расулзаде с сожалением вынужден был констатировать, что «в настоящее время эта просьба прямо-таки невыполнима как по соображениям материального характера, так и по условиям работы самого комитета»¹¹⁸.

К тому же у М.Э. Расулзаде были далеко идущие планы по превращению данной структуры в единый руководящий орган азербайджанской эмиграции, привлечению с этой целью к ее деятельности эмигрантов самых разных политических убеждений и партийной принадлежности. По крайней мере, его письмо от 25 декабря 1924 года является наглядным подтверждением наличия подобных планов. В нем, информируя А.М. Топчибаши о переименовании Азербайджанского комитета в «Истиглал Комитеси» (Комитет независимости), М.Э. Расулзаде пишет: «По форме и содержанию новое название признано более подходящим, так как комитет, будучи центральной организацией, возглавляет и руководит такого же названия прочими организациями, находящимися как внутри нашей страны, так и вне ее границ»¹¹⁹.

Притязания возглавляемого М.Э. Расулзаде «Истиглал Комитеси» на руководство всей азербайджанской эмиграцией были встречены А.М. Топчибаши с определенной настороженностью. Ведь не вызывает сомнений, что М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибаши в идеологическом, организационном, дипломатическом и финансовом отношении были двумя ключевыми фигурами азербайджанского антибольшевистского сопротивления. И глупо было бы отрицать тот факт, что между ними шло перманентное соперничество за лидерство в азербайджанской эмиграции.

В этой связи вполне естественно, что временами это соперничество приводило к обострению их взаимоотношений. Однако величие этих двух незаурядных личностей заключалось в том, что,

¹¹⁷ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 30.11.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 62.

¹¹⁸ Там же. С. 71.

¹¹⁹ Там же. С. 70.

несмотря на наличие определенных трений и разногласий по отдельным тактическим вопросам, они, в конечном итоге, умели жертвовать своими личными амбициями ради национальных интересов азербайджанских тюрок, чтобы прийти к консенсусу в стратегических вопросах национально-освободительного движения.

И в данном случае, именно исходя из коренных национальных интересов, А.М. Топчибаши поддержал преобразование Азербайджанского комитета в «Истиглал Комитеси». Как он подчеркивал, без существования и деятельности подобных организаций «немыслимо разрешение вопроса освобождения Азербайджана»¹²⁰. Более того, А.М. Топчибаши ратовал за превращение «Истиглал Комитеси» в единую организацию всей азербайджанской эмиграции в Стамбуле. По этому поводу он писал М.Э. Расулзаде: «...раз в Стамбуле образовался «Истиглал Комитеси», и раз, как Вы сами пишете, комитет – орган непартийный и не возражает против вхождения отдельных наших деятелей в его состав, то нетрудно договориться с 3-4 лицами и тем приобрести этих деятелей для общей работы: ведь и без того у нас так мало работников!... Нет сомнения, что объединение с группой – дело не трудное, в особенности, повторяю, при отсутствии каких-либо серьезных коренных расхождений во взглядах политических и, прежде всего, на дело спасения родины»¹²¹.

В этом письме, говоря о «3-4 лицах», А.М. Топчибаши имел в виду группировку бывшего Карабахского генерал-губернатора Хосров бека Султанова, который в начале своей политической карьеры, в 1917 году, вступил в «Мусават». Правда, уже через год он переметнулся на сторону правой религиозно-клерикальной партии «Иттихад». Будучи панисламистской партией, «Иттихад» являлся непримиримым противником секуляристских идей и демократических преобразований в азербайджанском обществе, декларируемых «Мусаватом». Поэтому неудивительно, что в 1918-1920 гг. «Иттихад» был главным оппонентом «Мусавата» на правом фланге внутривнутриполитической арены.

¹²⁰ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 27.01.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 80.

¹²¹ Там же. С. 81.

Неприятные отношения между мусаватистами и иттихадистами сохранились и после падения АДР, и вся история азербайджанской политэмиграции 20-30-х гг. прошлого столетия знаменуется противостоянием представителей этих двух антагонистически противоположных политических линий. В этой связи неудивительно, что взаимоотношения лидеров «Мусавата» и «Иттихада» в эмиграции также были весьма натянутыми. По крайней мере, между Х. Султановым, который был одним из лидеров «Иттихада» в эмиграции, и М.Э. Расулзаде сложились довольно напряженные отношения. Сколотив вокруг себя небольшую группировку, состоящую из представителей правой кавказской эмиграции, Х. Султанов торпедировал любые инициативы, исходящие от М.Э. Расулзаде и других мусаватистов, направленные на консолидацию и объединение разрозненных сил азербайджанской эмиграции.

Иногда неистребимое желание Х. Султанова любыми средствами насолить М.Э. Расулзаде приводило к довольно серьезным последствиям. Так, в июле 1926 года был создан Комитет Независимости Кавказа (КНК) – объединенная организация кавказских политэмигрантов. Журнал «*Promèthèe*» («Прометей»), являвшийся официальным органом КНК, первоначально планировалось издавать в Стамбуле. И одним из тех, кто воспротивился этой идее, был Х. Султанов. Он опасался, что в этом случае ведущая роль в издании журнала будет принадлежать М.Э. Расулзаде, что автоматически приведет к еще большему укреплению его позиций и авторитета в эмигрантских кругах. В конечном итоге, издание «*Promèthèe*» перевели в Париж, где этот журнал, как и следовало ожидать, «приобрел грузинский дух и окраску»¹²². И после всего этого Х. Султанов и его соратники из правой эмиграции, нисколько не смущаясь, обвиняли М.Э. Расулзаде в том, что он позволяет грузинам занимать доминирующее положение в структурах кавказской эмиграции.

На фоне подобных трений между мусаватистами и иттихадистами поставленная А.М. Топчибаши задача о необходимости

¹²² Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 301-302.

достижения единства между «Истиглал Комитеси» и группировкой Х. Султанова была практически невыполнима, что подтвердили и последующие события. Тем более что в тот момент международная конъюнктура благоприятствовала Х. Султанову и его соратникам из правого крыла азербайджанской эмиграции. Дело в том, что после подавления антибольшевистского восстания в Грузии в августе-сентябре 1924 г. страны Западной Европы окончательно потеряли интерес к деятельности кавказской эмиграции. В этой ситуации Польша стала основным внешнеполитическим партнером борющихся за восстановление независимости Кавказа эмигрантов.

А в Польше после ухода в декабре 1922 г. с поста главы польского государства Ю. Пилсудского, открыто симпатизировавшего левым кругам кавказской эмиграции, к власти пришли правые силы. И они предпочитали сотрудничать с представителями правого лагеря эмигрантов с Кавказа. Человеком правых взглядов был и посланник Польши в Турции Роман Кнолль, игравший заметную роль как в определении политики Варшавы в отношении кавказской эмиграции, так и в контактах с ее представителями.

И когда в октябре 1924 года, по инициативе Романа Кнолля, было принято решение об объединении кавказских эмигрантов в единую политическую организацию, стоящую на платформе Кавказской Конфедерации, то в качестве партнеров с целью реализации этой идеи польский посланник выбрал представителей правого крыла кавказской эмиграции, в том числе Х. Султанова. Определенную роль в подобном выборе польских дипломатов сыграла и «соответствующая работа», проведенная Х. Султановым и его единомышленниками с аккредитованными в Турции польскими дипломатами. Он убеждал польских представителей в том, что мусавитисты якобы не желают «защищать позицию Кавказской Конфедерации» и стремятся «присоединить Азербайджан к Турции»¹²³.

Неслучайно, что в созданном под непосредственным руководством Р. Кнолля в октябре 1924 г. в Стамбуле Комитете кав-

¹²³ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 19.09.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 110.

казских конфедератов не нашлось места азербайджанским мусаватистам и грузинским социал-демократам. В состав этой структуры вошли по три представителя от правых политических организаций Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа, обладавших хорошими связями в турецких кругах. Азербайджанскую эмиграцию в этой структуре представляли Х. Султанов, А. Амирджан и А. Шейхульисламов. Руководящим органом Комитета конфедератов был президиум в составе Д. Вачнадзе, Х. Султанова и В.Г. Джабагиева¹²⁴.

Ради справедливости следует отметить, что даже после создания Комитета кавказских конфедератов А.М. Топчибаши не оставлял попыток добиться единства двух организаций. Понимая важность согласованной деятельности азербайджанских политэмигрантов, особенно в Турции, он предупреждал, что «разрозненная работа не даст желательных результатов и ослабит и без того небольшие силы» азербайджанской эмиграции¹²⁵. Настаивая на необходимости объединения, А.М. Топчибаши весной 1925 года писал по этому поводу Х. Султанову: «Существовавший комитет членов парламента и правительства заменен новым органом «Истиглал Комитеси», беспартийным, куда могут входить все сторонники общей работы на дело освобождения Азербайджана. Нельзя ли слиться с этим органом, который мог быть специальным органом освобождения для наших деятелей..? Раз это орган беспартийный, то всякие азербайджанские деятели вправе принять в нем участие. Ведь вот грузины тоже имеют специальный свой однородный орган. Будем воздерживаться от пагубного раздробления сил и сомкнем теснее небольшие наши ряды»¹²⁶.

Но эти призывы А.М. Топчибаши, как и следовало ожидать, были проигнорированы Х. Султановым, поскольку он не считал

¹²⁴ Письмо Объединенного комитета кавказских конфедератов Комитету освобождения Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей» / Сост., пред., пер., прим. Г.Г. Мамулия. М., 2012. С. 49.

¹²⁵ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 02.02.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 119.

¹²⁶ Там же. С. 131.

нужным идти на какие-либо компромиссы с «Истиглал Комитеси» ради достижения единства азербайджанской эмиграции. Более того, получив материальную и моральную поддержку Польши, Х. Султанов еще больше ужесточил свою позицию в отношении возглавляемого М.Э. Расулзаде «Истиглал Комитеси», высокомерно предложив членам этого комитета вступить в ряды Комитета конфедератов на персональной основе.

Естественно, что члены «Истиглал Комитеси» не сочли возможным для себя участвовать в работе Комитета конфедератов на предложенных Х. Султановым условиях. Объясняя причины отказа, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что Комитет конфедератов «состоит из отдельных персон, т. е. организован на принципе персональной унии. Тогда как, на наш взгляд, он должен быть организован на принципе национального представительства, другими словами, на принципе федерации. Нынешний состав и методы работы «комитета» (конфедератов – А. Б.) решительно не пригоден для столь конспиративной и ответственной работы: все секреты комитета дебатировались в различных кафе и «шикования» его членов служат предметом критики константинопольской эмиграции»¹²⁷.

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде выступил с предложением реорганизации Комитета конфедератов: «По-нашему, комитет должен состоять из ограниченного числа лиц, по два из каждой нации, главное руководство должно сосредоточиться в руках действительно ответственных лиц представляемой страны, опирающихся на солидные организации данной страны»¹²⁸. Однако лидеры Комитета конфедератов отказались идти на какие-либо уступки в вопросе реорганизации этой структуры. Посредничество польского посланника также не привело к желаемому результату. В конечном итоге, под предлогом нежелания «вмешиваться во внутренние дела кавказских народов», Р. Кнолль отказался от дальнейших попыток добиться согласия между «Истиглал Комитеси» и Комитетом конфедератов.

¹²⁷ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 19.09.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С.110.

¹²⁸ Там же. С. 111.

Стало очевидным, что представителям двух этих организаций не удастся прийти к консенсусу по вопросу объединения. Поэтому на продолжающиеся настоятельные призывы А.М. Топчибаши о необходимости членам «Истиглал Комитеси» «войти в контакт и стараться привлечь группу Х. Султанова к совместным действиям», М.Э. Расулзаде с раздражением ответил, что недостаточно предлагать объединиться, нужно еще указывать конкретные способы объединения¹²⁹.

Не отрицая необходимость объединения азербайджанской эмиграции, М.Э. Расулзаде вместе с тем подчеркивал, что «единственное условие этого объединения – это искренность. Призыв к объединению внешне очень лестная задача, но не всегда целесообразная. Лучше не призывать декларативно, а способствовать реально настоящему, а не фиктивному объединению. То, что возможно было вчера, труднодостижимо сегодня»¹³⁰.

Одновременно Мамед Эмин бей акцентировал внимание А.М. Топчибаши на том, что главное различие между «Истиглал Комитеси» и Комитетом конфедератов заключается «не в целях, а в методах борьбы. При нынешнем нашем положении многое, а может быть и все, зависит от метода. Иные неразборчивы в методах и средствах; таковые иногда и имеют успех, но эти успехи преходящи, как и преходяща их цель»¹³¹.

Действительно, политическое чутье и на этот раз не обмануло М.Э. Расулзаде, т. к. очень скоро под влиянием внутренних и внешних факторов в расстановке сил в кавказской эмиграции произошли существенные изменения в пользу мусаватистов и других левоцентристских сил.

Приступая осенью 1924 года к практическому осуществлению проекта по объединению кавказских эмигрантов в единую организацию, польские представители планировали создание двух параллельных структур – в Париже и Стамбуле, обладаю-

¹²⁹ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 23.02.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 124.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

щих различными функциями. Так, стамбульский комитет конфедератов задумывался как оперативный центр кавказской эмиграции. Учитывая близость Кавказа, Стамбул был идеальным местом для проведения тайных разведывательных операций и пропагандистской работы на Кавказе.

Общее же политическое руководство национально-освободительным движением кавказских народов должен был осуществлять созданный в ноябре 1924 года в Париже Комитет освобождения Кавказа. На этот же комитет возлагалась задача координации деятельности дипломатических представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа за рубежом. Выбор Парижа в качестве местонахождения центра политической и дипломатической работы кавказской эмиграции был не случаен, поскольку именно здесь функционировали дипломатические миссии Азербайджана и Северного Кавказа, а также находилась легация Грузии.

Главной целью Комитета освобождения Кавказа являлось «ведение конспиративных дел за границей, и создание на Кавказе организаций, которые в подходящий момент могли бы взять на себя руководство делом борьбы наших народов за освобождение от чужеземного ига»¹³².

В отличие от стамбульского комитета конфедератов, в парижском комитете доминировали представители не правого, а центристского и левого крыла кавказской эмиграции. Со стороны Азербайджана документ о создании в Париже Кавказского комитета подписали руководитель дипломатической делегации Азербайджана на Парижской мирной конференции Али Мардан бек Топчибаши и член этой же делегации Джейхун Гаджибейли¹³³. В состав организационной секции комитета на персональной основе был избран и М.Э. Расулзаде¹³⁴.

Как уже отмечалось, с момента своего появления в Стамбуле в конце 1922 года М.Э. Расулзаде прилагал немало усилий, чтобы

¹³² Письмо Комитета освобождения Кавказа Объединенному комитету конфедератов Кавказа. 23.07.1925 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 53.

¹³³ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 109.

¹³⁴ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 31.12.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 77.

добиться поддержки кавказской эмиграции со стороны турецкого правительства. Он даже предлагал турецким представителям взять под свой патронаж процесс консолидации кавказской эмиграции в едином центре. В какой-то момент Мамед Эмин бею удалось вызвать у турецких властей определенный интерес к этой идее. Но по мере потепления турецко-советских отношений, в особенности после подписания между двумя странами 17 декабря 1925 года договора о дружбе и нейтралитете¹³⁵, Анкара потеряла всякий интерес к этому вопросу.

Неудивительно, что из-за «вынужденной дружбы» между Анкарой и Москвой не только азербайджанские, но и кавказские, туркестанские и другие политэмигранты из СССР, обосновавшиеся в Турции, начали отдавать предпочтение контактам с европейскими странами. В создавшихся условиях М.Э. Расулзаде также вынужден был более активно налаживать сотрудничество с европейскими представителями, заинтересованными в реализации идеи кавказского единства.

Это еще раз подтверждает тот факт, что при всем уважении и любви к Турции, которую М.Э. Расулзаде считал второй родиной, в своей политической деятельности он руководствовался исключительно интересами азербайджанского народа и его государственной независимости.

С целью объединения различных течений кавказской эмиграции на основе общей политической и организационной платформы М.Э. Расулзаде активно контактировал с находящимися в Стамбуле политическими эмигрантами из Грузии и Северного Кавказа, а также с тогдашним военным атташе посольства Польши в Турции полковником Гадеушом Шетцелем.

Тем временем, возникли значительные трудности на переговорах между представителями стамбульского и парижского комитетов, где главным предметом обсуждения являлся вопрос координации деятельности, а затем и объединения двух этих структур. Наиболее серьезные разногласия выявились в вопросах раздела сфер компетенции парижского и стамбульского комите-

¹³⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 739-742.

тов. Будучи в основном представителями правого лагеря кавказской эмиграции, члены стамбульского комитета не горели желанием отказаться от части своих полномочий ради достижения компромисса.

На первый взгляд, стамбульские конфедераты соглашались «признать за парижским комитетом право на официальное дипломатическое представительство от имени Конфедерации Кавказа перед иностранными державами»¹³⁶. Но они тут же подчеркивали, что Комитет конфедератов Кавказа изначально поставил себе целью не только налаживание прочных связей с Кавказом и ведение политико-пропагандистской и организационной работы на местах, но и «установление тесной связи с дипломатическими ведомствами различных государств»¹³⁷. По сути, стамбульский комитет пытался узурпировать полномочия парижского комитета.

Но это не помешало стамбульским конфедератам весной 1925 года возложить всю ответственность за возникшие на переговорах проблемы на парижский Комитет освобождения Кавказа, который был обвинен в полном бездействии в вопросе достижения единства двух организаций. Как подчеркивалось в специальном постановлении, принятом 30 марта 1925 года на заседании стамбульского Комитета конфедератов, «за время 4,5 месяца после организации Комитета освобождения Кавказа с выделением из него Совета 3-х, последнее не предприняло никаких практических шагов для осуществления начал, положенных в основу ноябрьского акта, в смысле налаживания общей организационной работы»¹³⁸. Руководители стамбульских конфедератов – В.Г. Джабагиев, Х. Султанов и Д. Вачнадзе, объясняли «подобное бездействие» парижского комитета отсутствием «твердой спайки между членами» этой структуры и «явной несогласованностью взглядов между политическими группировками грузин»¹³⁹.

¹³⁶ Письмо Объединенного комитета кавказских конфедератов Комитету освобождения Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 51.

¹³⁷ Там же. С. 50.

¹³⁸ Там же. С. 51.

¹³⁹ Там же. С. 50-51.

А самое главное – данное постановление Комитета конфедератов заканчивалось недвусмысленным предупреждением, что «в случае, если парижскому комитету не удастся стать на путь практической объединенной работы, устранив все к тому препятствия, то константинопольский комитет принужден будет стать на путь совершенно независимой от парижского комитета самостоятельной работы»¹⁴⁰.

Несмотря на довольно жесткий тон постановления стамбульских конфедератов, парижский комитет решил не обострять и без того непростые взаимоотношения с этой структурой. Поэтому в ответном письме парижского комитета от 23 апреля 1925 года в довольно деликатной форме упоминалась необходимость реформирования Комитета конфедератов путем «привлечения в него представителей главных политических организаций азербайджанцев и грузин» в качестве важнейшего условия объединения двух организаций¹⁴¹.

Однако и этот призыв относительно необходимости включения в состав стамбульского комитета представителей мусаватистов и грузинских социал-демократов был фактически проигнорирован конфедератами. Как видно из официальных документов Комитета конфедератов, руководители данной структуры всерьез полагали, что и без мусаватистов они достигли полного единения всех действующих на территории Турции кавказских эмигрантов.

Подобное непочтительное и дерзкое поведение стамбульских конфедератов вынудило парижский Комитет освобождения Кавказа ужесточить свою позицию. Проявлением этого стало письмо Комитета освобождения Кавказа от 23 июля 1925 года, адресованное стамбульским конфедератам. В нем отвергались все их обвинения относительно бездействия парижского комитета и якобы наличия внутри последнего серьезных расхождений между представителями различных политических течений¹⁴².

¹⁴⁰ Письмо Объединенного комитета кавказских конфедератов Комитету освобождения Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 51-52.

¹⁴¹ Парижский Комитет Освобождения Кавказа Константинопольскому Объединенному Комитету Конфедератов Кавказа, 23. 4. 1926 // BDIC, microfilms des archives du gouvernement georgien, mfm 881, bobine 194.

¹⁴² Письмо Комитета освобождения Кавказа Объединенному комитету конфедератов Кавказа. С. 53-54.

Как подчеркивалось в письме, в отличие от парижского комитета, руководители стамбульского Комитета конфедератов не смогли объединить в своем составе представителей всех главных течений кавказских народов, что и стало основным препятствием на пути достижения консолидации кавказской эмиграции. В этой связи парижский комитет в очередной раз напоминал руководителям стамбульских конфедератов, что «созданная их усилиями организация страдает одним недостатком: за исключением Северного Кавказа, все другие республики, и Азербайджан, и Грузия в нем представлены однобоко, что не может не отразиться на ходе работы организации»¹⁴³. Предлагалось устранить этот «недостаток» путем реформирования стамбульского комитета и привлечения в него представителей главных политических организаций Азербайджана и Грузии – мусаватистов и социал-демократов.

В заключение письма руководители парижского комитета еще раз напоминали стамбульским конфедератам о том, что основной задачей кавказской эмиграции является «усиление агитации и пропаганды на Кавказе против русско-советской оккупации, а также создание и укрепление соответствующих там организаций. Для ускорения этой работы необходимо установление контакта среди константинопольских деятелей Кавказа. Мы выражаем уверенность, что Ваши усилия в этом направлении увенчаются успехом»¹⁴⁴.

Однако обращение парижского Комитета освобождения Кавказа не оказало существенного влияния на бескомпромиссную позицию стамбульских конфедератов в вопросе привлечения мусаватистов и грузинских социал-демократов в состав их организации. Правда, под давлением польских представителей стамбульским конфедератам все же пришлось вступить в переговоры с представителями грузинских социал-демократов и мусаватистов во главе с М.Э. Расулзаде.

Однако, как свидетельствует письмо стамбульских конфедератов, направленное в сентябре 1925 года на имя руководителей

¹⁴³ Письмо Комитета освобождения Кавказа Объединенному комитету конфедератов Кавказа. С. 54.

¹⁴⁴ Там же. С. 54.

парижского комитета, эти переговоры завершились безрезультатно. Руководители Комитета конфедератов не согласились с предложением М.Э. Расулзаде относительно создания в Стамбуле общекавказской организации представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа «в составе 6 лиц, по два от каждой республики»¹⁴⁵. При этом предусматривалось вхождение в состав новой структуры четырех членов существующего Комитета конфедератов. Но конфедераты отвергли данное предложение, аргументировав свою позицию тем, что подобная «реорганизация» приведет не к «пополнению», а «совершенной ликвидации» стамбульского комитета и его замены новой структурой¹⁴⁶.

На самом же деле, руководители Комитета конфедератов В. Джабагиев, Х. Султанов и А. Асатиани опасались, что за введением мусаватистов и социал-демократов в состав Комитета конфедератов последуют попытки постепенного выдавливания представителей правого крыла кавказской политэмиграции из упомянутого органа. И все это, в конечном итоге, могло завершиться поглощением стамбульского комитета парижским Комитетом освобождения Кавказа.

В этой связи В. Джабагиев, Х. Султанов и А. Асатиани открыто выражали свое несогласие с принципиальной позицией парижского комитета, согласно которой «установление взаимоотношений» между Комитетом освобождения Кавказа и стамбульским комитетом было возможно только после реорганизации последнего. Руководители стамбульского комитета считали, что «интересы дела вовсе не требуют реорганизации их комитета на таких началах, на которых был построен парижский Комитет освобождения Кавказа»¹⁴⁷.

Другими словами, фактически отказываясь от введения в состав своего комитета представителей мусаватистов и грузинских социал-демократов, В. Джабагиев, Х. Султанов и А. Асатиани

¹⁴⁵ Письмо Объединенного комитета конфедератов Кавказа Комитету освобождения Кавказа. Сентябрь. 1925 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 57.

¹⁴⁶ Письмо Объединенного комитета конфедератов Кавказа Комитету освобождения Кавказа. Сентябрь. 1925 С. 57.

¹⁴⁷ Там же. С. 57-58.

предлагали парижскому комитету смириться с фактом существования стамбульского комитета в имеющейся форме¹⁴⁸. Таким образом, стамбульские конфедераты встали на путь открытого противодействия попыткам парижского комитета, направленным на достижение единства двух организаций.

Особенно непримиримую позицию в вопросе интеграции мусаватистов и грузинских социал-демократов в состав стамбульского комитета занимал Х. Султанов, который уже грезил о себе, как о единственном спасителе нации, въезжающим на белом коне в пределы Азербайджана. Он искренне был убежден в том, что в деле освобождения родины от большевистской оккупации ничуть не нуждается в поддержке мусаватистов и М.Э. Расулзаде. Х. Султанов уверовал в то, что путем налаживания и поддержки контактов с подпольными организациями внутри Азербайджана и отправкой туда активистов эмигрантского движения удастся разжечь огонь антибольшевистского восстания. С этой целью Х. Султанов в октябре 1925 года с большой помпой, под звуки зурны-балабана отправился из Трабзона в Иран, чтобы непосредственно руководить секретными операциями и поддержанием связей с оккупированным Азербайджаном. При этом он уверял своих сторонников в том, что и европейские государства, и Турция с Ираном полностью поддерживают эту его затею.

Вскоре, однако, выяснилось, что надежды на развитие столь обширной деятельности азербайджанской эмиграции на территории Ирана не имеют под собой реальной основы, поскольку Тегеран, как и Анкара, не желает портить отношения с Москвой ради азербайджанских эмигрантов. Столкнувшись с суровой реальностью, Х. Султанов быстро протрезвел и убедился в невозможности реализации своих политических фантазий. И ему ничего не оставалось, как уже без излишнего шума вернуться обратно в Турцию¹⁴⁹.

Польские дипломаты, несомненно, особо не интересовались проблемами во взаимоотношениях М.Э. Расулзаде и Х. Султанов

¹⁴⁸ Письмо Объединенного комитета конфедератов Кавказа Комитету освобождения Кавказа. Сентябрь. 1925 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 57.

¹⁴⁹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 274.

ва, пока они не вредили общему делу. Они даже могли проигнорировать отказ Х. Султанова от совместной работы с «Истиглал Комитеси», возглавляемого М.Э. Расулзаде. Но в данном случае упрямая и бескомпромиссная позиция Х. Султанова и других руководителей Комитета конфедератов в вопросе объединения стамбульской и парижской организаций ставила под угрозу достижение единства основных сил кавказской эмиграции. А этого поляки никак не могли допустить, поскольку являлись инициаторами и главными спонсорами данного проекта.

Дополнительным раздражающим фактором для польской стороны был ультимативный и вызывающий тон руководителей Комитета конфедератов. Поэтому неудивительно, что Х. Султанов и его соратники начали постепенно терять очки в глазах польских дипломатов, в том числе Р. Кнолля. Хотя, будучи человеком правых взглядов, Р. Кнолль вначале открыто симпатизировал стамбульским конфедератам, занимая их сторону в споре с «Истиглал Комитеси» и М.Э. Расулзаде. Но даже Кнолль прекрасно осознавал важность консолидации кавказских политэмигрантов в единой организации.

Так, в отчете, посланном 13 июня 1925 г. в МИД Польши, он подчеркивал необходимость объединения в панкавказском движении азербайджанской партии «Мусават», грузинских социал-демократов и северокавказских горцев, входящих в группировку внука Имама Шамиля – Сеид-бека Шамиля, которые оставались за бортом Комитета конфедератов¹⁵⁰. И с этого момента стамбульские конфедераты начали неуклонно терять поддержку Варшавы.

А после возвращения к власти в Польше в мае 1926 года Ю. Пилсудского политический курс Варшавы в отношении кавказских эмигрантов окончательно изменился, склонив чашу весов в сторону мусаватистов и грузинских социал-демократов. В отличие от своих предшественников, Ю. Пилсудский отдавал предпочтение сотрудничеству с грузинскими социал-демократами и азербайджанскими мусаватистами, что привело к значительному укреплению их позиций в противостоянии с правыми силами внутри кавказской эмиграции.

¹⁵⁰ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 108.

В отличие от многих лидеров стран Западной Европы, Ю. Пилсудский прекрасно понимал, что целью любого режима в России, в силу имперских традиций, исторически глубоко укоренившихся в сознании русского народа, неизбежно будет являться стремление к восстановлению контроля над геополитическим пространством бывшей империи Романовых. Поэтому, чтобы нейтрализовать экспансионистские устремления кремлевского руководства, Ю. Пилсудский предлагал всеми силами поддерживать стремление поработанных народов советской империи к независимости.

В этих планах польского руководства особое место отводилось кавказским народам, борющимся за свою независимость от России. Сам Ю. Пилсудский был убежден в том, что Польша «должна проявить максимальную симпатию и понимание в отношении всех республик Кавказа»¹⁵¹. И с самого начала кавказские эмигранты пользовались поддержкой Польши. При этом в Варшаве справедливо полагали, что лишь создание объединенного кавказского государства даст возможность народам региона сохранить свою независимость от будущих экспансий как красной, так и белой России.

Исходя из этого, Варшава выступала за создание единого объединенного комитета кавказских эмигрантов. При этом военный атташе Польши в Турции полковник Тадеуш Шетцель летом 1926 года в ходе переговоров с руководителями кавказских эмигрантских антибольшевистских организаций однозначно заявил, что главным условием поддержки Варшавой создания объединенного комитета является преодоление раскола в рядах кавказской эмиграции и жесткая централизация будущей структуры. К тому же Варшава требовала, чтобы участниками, или национальными секторами комитета являлись не партии, а национальные центры, со своей стороны являющиеся объединениями и руководящими центрами политических партий и организаций, участвующих в деятельности создаваемой структуры¹⁵².

¹⁵¹ *Targalski G.* Les plans polonais concernant l'eclatement de l'URSS, le mouvement « Promethee » et le Caucase. // Bulletin de l'Observatoire de l'Asie centrale et du Caucase, Paris, 1997. n° 3. P. 10.

¹⁵² *Мамулия Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 114.

Жесткие требования Варшавы сделали, в конечном итоге, возможным достижение компромисса в вопросе включения Комитета кавказских конфедератов в состав новой центральной структуры кавказцев, входящих в движение «Прометей». Тяжелые переговоры между представителями различных группировок кавказской эмиграции, проходившие под патронажем Польши, завершились созданием в Стамбуле 15 июля 1926 года объединенной организации – Комитета независимости Кавказа (КНК), который отныне должен был координировать всю деятельность кавказских политэмигрантов ¹⁵³.

Согласно уставу, целью Комитета независимости Кавказа (КНК) являлось «ведение практических акций, с точки зрения организации и подготовки народов Кавказа к борьбе за восстановление независимости кавказских республик и их объединение на базе конфедерации» ¹⁵⁴. КНК состоял из шести членов, «делегированных национальными центрами демократических республик Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа». Причем, каждый национальный центр был представлен в КНК двумя своими членами ¹⁵⁵. Азербайджан в этой структуре представляли лидер партии «Мусават» М.Э. Расулзаде и его извечный оппонент по эмиграции Х. Султанов ¹⁵⁶.

Комитет из своего состава выбирал трех председателей, по одному от каждого национального центра, которые поочередно председательствовали на его заседаниях. В результате выборов председателями Комитета независимости Кавказа стали М.Э. Расулзаде, Н. Рамишвили и С. Шамиль. Таким образом, руководителем азербайджанской национальной секции КНК стал М.Э. Расулзаде.

¹⁵³ Письмо Комитета независимости Кавказа дипломатическим представителям Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа А.М. Топчибаши, А.И. Чхенкели и А.М. Чермоеву. 01.08.1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 65.

¹⁵⁴ Устав комитета независимости Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 67.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 19.07.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 141.

Формально обе противоборствующие стороны азербайджанской эмиграции были представлены в комитете на паритетной основе. Но реально мусаватисты и М.Э. Расулзаде одержали победу над своими оппонентами во главе с Х. Султановым. И дело не только в том, что председателем КНК от Азербайджана был избран не Х. Султанов, а М.Э. Расулзаде. Согласно уставу, члены КНК назначались соответствующими национальными центрами республик Кавказа, рассматривающимися в качестве правительств в изгнании. Они же обладали исключительным правом отозвать или заменить своих представителей в КНК¹⁵⁷. Поэтому с самого начала своей деятельности Комитет независимости Кавказа оказался под контролем лидера грузинских социал-демократов Н. Жордания и руководителя мусаватистов М.Э. Расулзаде, сформировавших соответствующие национальные центры в 1926 и 1927 гг.

Как уже было отмечено, вопреки утвердившемуся в отечественной и зарубежной историографии мнению, Азербайджанский национальный центр был образован не в 1924 году, а в феврале 1927 года. Подтверждением тому является письмо М.Э. Расулзаде от 25 марта 1927 года, адресованное дипломатическому представителю Грузинского национального правительства в Стамбуле С.Г. Мдивани. В нем подчеркивается, что «26 февраля 1927 года образован Азербайджанский Национальный Центр, в состав которого входят представители всех активных политических партий и течений, борющихся за независимость Азербайджана»¹⁵⁸. Конечной целью Азербайджанского национального центра было заявлено восстановление суверенитета и независимости Азербайджана, провозглашенных 28 мая 1918 года и уничтоженных русской оккупацией в апреле 1920 года¹⁵⁹.

Сразу же после формирования, 5 апреля 1927 года, АНЦ выступил с обращением к азербайджанскому народу, призвав население страны усилить сопротивление советскому оккупационно-

¹⁵⁷ Устав Комитета независимости Кавказа. С. 67.

¹⁵⁸ BDIC, microfilms des archives du gouvernement georgien, mfm 881, bobine 132.

¹⁵⁹ *Şimşir S. Azerbaycanın istiklal mücadelesi.* S. 30.

му режиму. В обращении говорилось о невыносимом положении народных масс, страшных и нечеловеческих репрессиях ОГПУ, невозможности существования России без бакинской нефти и т.д. В конце документа содержался призыв к азербайджанским тюрькам быть готовыми к борьбе за восстановление независимости Азербайджана ¹⁶⁰.

В первый состав Азербайджанского национального центра вошли А.М. Топчибаши (председатель), М.Э. Расулзаде (секретарь), А. Амирджанов (казначей), М. Мехтиев, М. Векилли, Х. Хасмамедов, А. Шейхульисламов, Ш. Рустамбейли. Еще одно место в АНЦ осталось вакантным, поскольку Х. Султанов отказался войти в состав данной структуры ¹⁶¹.

Начался болезненный для самолюбия большинства кавказских политэмигрантов процесс упорядочения и подчинения эмигрантских структур Комитету независимости Кавказа. Этот процесс охватил и дипломатические представительства кавказских республик, находящиеся в Париже. 9 декабря 1926 года на совместном заседании Совета трех и Комитета независимости Кавказа было принято решение, согласно которому отныне дипломатическая деятельность делегаций Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, возглавляемых, соответственно, А.М. Топчибаши, А. Чхенкели и А.М. Чермоевым, должна была протекать под руководством своих национальных центров. С целью еще большей централизации и контроля деятельности дипломатических представительств каждому из них в качестве советника придавался один член Комитета независимости Кавказа также соответствующей национальности. Правом назначения советников обладали национальные центры ¹⁶².

Следует отметить, что, в отличие от М.Э. Расулзаде, отсутствовавшего на совместном заседании членов Совета трех и КНК от 9 декабря 1926 года, А.М. Топчибаши принимал непосред-

¹⁶⁰ ГАППОД УДПАР. Ф. 1, Оп. 85. Д. 744. Л. 88-91.

¹⁶¹ РГВА, Ф. 461-к, Оп. 2, Д. 80, Л. 17.

¹⁶² Протокол заседания Совета Трех Республик Кавказа с участием членов Комитета независимости Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 70.

ственное участие в принятии данного решения и проголосовал за подчинение азербайджанской дипломатической делегации в Париже Азербайджанскому национальному центру. Однако уже через несколько дней он передумал и отказался выполнить данное решение, и, следовательно, подчиниться председателю азербайджанской национальной секции КНК М.Э. Расулзаде. А.М. Топчибаши попытался обосновать свою позицию тем, что Комитет независимости Кавказа являлся структурой, лишь координирующей деятельность национальных центров, а не единым правительством кавказских государств в изгнании.

В этой связи следует подчеркнуть, что немалая часть отечественных исследователей постсоветского периода, руководствуясь благими побуждениями, пытаются излишне идеализировать ситуацию в рядах азербайджанской эмиграции. При этом игнорируется тот факт, что эмигрантам приходилось действовать в тяжелейших условиях материальных лишений и непрекращающихся провокаций советской агентуры. Несмотря на эти проблемы и жизненные тяготы, лучшие представители азербайджанской эмиграции, включая А.М. Топчибаши, оставаясь до конца преданными идеалу национальной независимости, продолжали свое служение азербайджанскому народу далеко за пределами родины. Хотя, порою, «долги, холод, отсутствие ресурсов одолевали» даже наиболее сильных и стойких людей из числа эмигрантов. Здесь не составлял исключения и А.М. Топчибаши. Все это, несомненно, оставляло свой отпечаток на взаимоотношениях представителей азербайджанской эмиграции, приводя иногда к серьезным конфликтам между ними.

Подобные конфликты и противостояния, обусловленные личным соперничеством и идеологическими разногласиями, и, наконец, прямыми действиями агентов советских спецслужб, были свойственны для всей кавказской эмиграции. В стане грузинской и северокавказской эмиграции такие конфликты приобретали еще более уродливые формы. Например, в декабре 1930 года в центре Парижа один из основателей КНК Н. Рамишвили был застрелен агентом ОГПУ, грузинским эмигрантом П. Чануквадзе. А острые

разногласия среди горцев вообще не позволили трансформировать северокавказскую секцию КНК в полноценный национальный центр.

В данном же конкретном случае А.М. Топчибаши, недовольный решением КНК, при поддержке и содействии Х. Султанова начал демонстративно сближаться с представителями правого крыла северокавказской эмиграции. Более того, есть все основания предположить, что именно Х. Султанов подталкивал А.М. Топчибаши к конфронтации с М.Э. Расулзаде, стремясь подобным способом взять «реванш» за свое поражение в борьбе за контроль над АНЦ. Тем более что, по признанию наиболее близких к А.М. Топчибаши людей, например, Дж. Гаджибейли, к тому времени он «легко попадал под влияние других, что являлось одним из признаков старчества»¹⁶³.

Как бы то ни было, в результате достигнутой договоренности между А.М. Топчибаши и Х. Султановым, с одной стороны, и А. Чермоевым и Г. Бамматом, с другой, 12 января 1927 г. в Париже был создан Временный объединенный центр Азербайджана и Северного Кавказа. Президентом центра избрали А.М. Топчибаши, а секретарем – Г. Баммата. Фактически речь шла о попытке формирования альтернативной КНК структуры. Учредители Временного объединенного центра Азербайджана и Северного Кавказа планировали после присоединения к нему грузинских и армянских организаций преобразовать данную структуру в верховный общекавказский орган – Кавказский политический центр, которому, в свою очередь, должны быть подчинены все национальные центры республик Кавказа¹⁶⁴.

Одновременно по совету того же Х. Султанова А.М. Топчибаши решил обратиться за финансовой поддержкой к Союзу нефтепромышленников Азербайджана. И, судя по архивным документам, в феврале 1927 года между бакинскими нефтепромышленниками и А.М. Топчибаши как руководителем дипломатической делегации Республики Азербайджан была достигнута дого-

¹⁶³ *Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 343.*

¹⁶⁴ *Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 194-195.*

воренность о передаче делегации одного миллиона франков¹⁶⁵. К сожалению, на сегодняшний день не имеется конкретных доказательств реализации данной договоренности. Но сам факт участия А.М. Топчибаши в создании альтернативной КНК структуры и его поиски средств для финансирования ее деятельности оказали весьма негативное влияние на достижение единства в рядах азербайджанской эмиграции. В данных обстоятельствах деструктивный характер действий А.М. Топчибаши очевиден.

При всем уважении к личности А.М. Топчибаши и его заслугам М.Э. Расулзаде не мог допустить дальнейшего усиления центробежных процессов внутри азербайджанской эмиграции. Тем более что, находясь в эмиграции, М.Э. Расулзаде заново переосмыслил и переоценил весь опыт государственного строительства в Азербайджане в период независимости в 1918-1920 гг., скрупулезно проанализировав все ошибки и недостатки, допущенные национальным правительством в тот период. И одним из главных выводов, к какому пришел М.Э. Расулзаде, заключался в том, что лидеры национального движения слишком увлеклись тогда установлением демократических норм и процедур в стране. В своем стремлении поскорее построить демократическое общество они зачастую пренебрегали элементарными требованиями национальной безопасности.

Затрагивая эту тему в работе «Азербайджанская Республика», изданной в Турции в 1923 году, М.Э. Расулзаде так охарактеризовал государственную систему управления в период независимости (1918-1920 гг.): «Государство полностью придерживалось метода последовательного парламентаризма и ответственного министерства. Свобода слова, печати, собраний была гарантирована полностью. В этом отношении некоторые критики, может быть, укажут на чрезмерный либерализм, выказанный при этом. У этого политического новорожденного, переживавшего организационный период, несомненно, немало достойных внимания

¹⁶⁵ Письмо Азербайджанского союза нефтепромышленников А.М. Топчибаши.

21.02.1927 // А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. 1903-1934 гг. / Сост., предисл. и прим. С.М. Исхаков. М., 2012. С. 198-199.

ошибок. Самая крупная из них та, что не были созданы соответствующие подобным периодам твердая власть и крепкое правительство. Если бы во имя объединения разнородных мнений, наряду с осуществлением методов убеждения, несколько сдвинулись бы в сторону принуждения, то, возможно, что результат известных событий был бы иной»¹⁶⁶.

Безусловно, это вовсе не означало, что М.Э. Расулзаде разочаровался в демократических принципах, которые он до конца своей жизни считал главным условием развития любого общества. Он лишь предостерегал от превращения демократии в самоцель. В понимании М.Э. Расулзаде, демократия была лишь эффективным средством раскрепощения и развития духовных и материальных сил нации, становления и упрочения дееспособной Азербайджанской государственности, а не наоборот. Другими словами, он просто предлагал не ставить телегу впереди лошади, как это часто случалось в АДР.

С этой точки зрения весьма примечательна его статья, написанная в связи с кончиной Юзефа Пилсудского. Формально статья посвящена анализу политической деятельности Ю. Пилсудского, которого М.Э. Расулзаде называет «самым великим человеком польской истории» и «символом великого воскресения польского народа»¹⁶⁷. На самом же деле, М.Э. Расулзаде на примере конкретных действий Ю. Пилсудского, направленных на создание сильной польской государственности, анализирует ошибки, допущенные азербайджанскими лидерами в 1918-1920 годах. Особое внимание он обращает на тот факт, что движение за освобождение Польши Ю. Пилсудский в первые годы XX века начал с подготовки кадров «будущих польских войск». Благодаря этим усилиям Ю. Пилсудского, «польское освободительное движение, как бы, милитаризовалось», что и сделало возможным создание независимой Польши¹⁶⁸.

¹⁶⁶ ГАППОД УДПАР, Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 62.

¹⁶⁷ *Расулзаде М.Э.* Юзеф Пилсудский // *Şimali Kafkasya – Северный Кавказ.* 1935. №13. С. 13.

¹⁶⁸ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 277.

Характеризуя первые шаги Ю. Пилсудского уже после обретения Польшей независимости, М.Э. Расулзаде пишет: «Польша прежде всего нуждалась в сильной армии и устойчивом государственном механизме. Маршал Пилсудский всецело был отдан этой задаче. Недопустимо было подвергать новое государство увлечениям формальной демократией и игре в парламентаризм, способным подорвать основы не только новой Польши, только что вышедшей из состояния длительной неволи и недавно переживаемого хаоса и анархии, но и самого устойчивого государства. И одним ударом маршал Пилсудский берет всю полноту власти в свои руки и начинает создавать машину сильного и устойчивого правления»¹⁶⁹.

Учитывая горький опыт 1918-1920 гг. и руководствуясь интересами национального дела, для которого дисциплина являлась принципом первостепенной важности, М.Э. Расулзаде пытался установить жесткую дисциплину и субординацию в эмигрантской среде, что было обусловлено суровыми реалиями того периода, и, в первую очередь, непрекращающимися интригами советских спецслужб. И это несмотря на то, что жизненно необходимая в тех условиях жесткость зачастую не находила должного понимания даже среди близкого его окружения. Так, в одном из писем Дж. Гаджибейли, не называя конкретных имен, обвиняет некоторых коллег в АНЦ в «диктаторских замашках»¹⁷⁰. Не вызывает сомнений, что Дж. Гаджибейли имел в виду именно М.Э. Расулзаде.

Впрочем, подобная критика мало волновала М.Э. Расулзаде, поскольку для него существовала единственная цель – возрождение независимого Азербайджана, и единая тактика – действия, направленные на осуществление этой цели. При этом он прекрасно понимал, что без достижения организационного единства азербайджанской эмиграции не может быть и речи о реализации данной задачи. Поэтому, невзирая на подобного рода обвинения,

¹⁶⁹ *Расулзаде М.Э.* Юзеф Пилсудский. С. 15.

¹⁷⁰ Письмо Дж. Гаджибейли. 12.06.1929 // А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. С. 228.

М.Э. Расулзаде продолжал жестко пресекать любые попытки, направленные на раздробление азербайджанской эмиграции.

В силу сложившихся обстоятельств, в конце марта 1927 года М. Векилли в качестве представителя АНЦ был послан в Париж для переговоров с А.М. Топчибаши. Ему были даны предельно жесткие инструкции. В случае отказа А.М. Топчибаши признать верховенство Азербайджанского национального центра, М. Векилли должен был объявить делегацию распущенной, взяв на себя функции дипломатического представителя Азербайджана в Париже. Кроме того, сразу же по прибытии в столицу Франции, М. Векилли должен был объявить распущенным Временный объединенный центр Азербайджана и Северного Кавказа, находящийся под руководством А.М. Топчибаши и Г. Баммата и претендующий на роль правительства в изгнании этих республик¹⁷¹.

Оказавшись перед лицом жесткого ультиматума, А.М. Топчибаши вынужден был временно отступить. И к осени 1927 года даже удалось наладить сотрудничество между азербайджанской дипломатической делегацией в Париже и АНЦ. Судя по всему, одним из важнейших элементов достигнутого компромисса было избрание А.М. Топчибаши председателем Азербайджанского национального центра. М.Э. Расулзаде и его соратники по АНЦ ради достижения организационного единства рядов азербайджанской эмиграции вынуждены были пойти на этот шаг, чтобы удовлетворить самолюбие и политические амбиции стареющего А.М. Топчибаши.

Правда, уже к концу 1927 года взаимоотношения между Азербайджанским национальным центром и А.М. Топчибаши по вине последнего вновь предельно обострились. Осознав, что расстановка сил в АНЦ не в его пользу, к тому же, находясь в Париже, он не в состоянии повлиять на решения данной структуры, А.М. Топчибаши, кардинально изменив свою позицию, вновь отказался признать полномочия АНЦ и возобновил свои флирты с Х. Султановым и бакинскими нефтепромышленниками. Как подчеркивается в оперативных данных Иностранного отдела Закавказского государствен-

¹⁷¹ *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 198-199.

ного политического управления (ИНО ЗАК ГПУ), т. е. внешней разведки, А.М. Топчибаши, нежелающего подчиняться мусаватистам, поддерживал Х. Султанов. В свою очередь, сам А.М. Топчибаши опирался на поддержку созданного 22 февраля 1927 г. в Париже Союза нефтепромышленников Азербайджана¹⁷².

Именно по наущению А.М. Топчибаши 11 ноября 1927 года Азербайджанский союз нефтепромышленников направил письмо М.Э. Расулзаде, в котором извещал его, что Союз считает возглавляемую А.М. Топчибаши делегацию центральным правомочным органом Азербайджанской Республики, имеющим мандат от его национального правительства, а АНЦ, организованный в Стамбуле, является незаконным¹⁷³.

Как свидетельствуют секретные документы советской внешней разведки, в начале 1928 года, действуя в тесной связке с Х. Султановым, А.М. Топчибаши развернул бурную деятельность против АНЦ. При посредничестве нефтепромышленников он даже попытался заручиться поддержкой англичан в этой борьбе. Одновременно А.М. Топчибаши и Х. Султанов стремились создать в Турции и Иране широкую сеть подконтрольных себе структур, конкурирующих с мусаватскими организациями¹⁷⁴.

Безусловно, подобный демарш Азербайджанского союза нефтепромышленников не оказал серьезного влияния на расстановку сил внутри азербайджанской эмиграции по той простой причине, что бакинские нефтепромышленники никогда не были замечены в сколько-нибудь активном участии в политической деятельности азербайджанской эмиграции или же в ее финансировании. Они были заняты исключительно проматыванием последних остатков своих состояний в парижских ресторанах и кабаре. С этой точки

¹⁷² Правые грузинские группы и грузинские фашисты. По материалам ИНО ЗАК ГПУ. 220.7. 1928 // Архив министерства внутренних дел Грузии. Ф. 6. агентурное дело №1534-41. «Белая моль», Т. 1. Л. 148.

¹⁷³ Сафарова А. Идея Кавказской конфедерации в эмигрантский период политической деятельности А.М. Топчибашева // Известия Национальной Академии Наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. 2001. №3. С. 47.

¹⁷⁴ Правые грузинские группы и грузинские фашисты. По материалам ИНО ЗАК ГПУ. Л. 147.

зрения данное заявление нефтепромышленников могло принести А.М. Топчибаши лишь морально-психологическое удовлетворение.

Поддержка, оказанная Азербайджанским союзом нефтепромышленников А.М. Топчибаши в его противостоянии с М.Э. Расулзаде, не была случайной. Ведь еще в период независимости в 1918-1920 гг. азербайджанская буржуазия с явным недоверием относилась к партии «Мусават» и ее лидеру М.Э. Расулзаде. Думается, причиной такого недоверия являлись не только декларируемые партией идеи, но и само социальное происхождение М.Э. Расулзаде, который не был выходцем из знати и не имел аристократических корней. Хотя практически все азербайджанские миллионеры того периода являлись представителями буржуазии лишь в первом поколении и, как говорится, из грязи попали в князи, но это не мешало им с высокомерием и пренебрежением смотреть на представителей непривилегированных слоев общества. Именно социальное происхождение определяло их отношение к людям.

К сожалению, тем же критерием руководствовались и некоторые азербайджанские политэмигранты, в особенности в конфликтных ситуациях. В частности, когда оппонентам явно не хватало интеллекта, таланта и аргументов, чтобы противостоять М.Э. Расулзаде, то сразу же вспоминали о его социальном происхождении. Особенно злоупотребляли этим неприемлемым для цивилизованных людей методом Х. Султанов и Ш. Рустамбейли. Оскорбительные выпады Ш. Рустамбейли против семьи и родителей М.Э. Расулзаде в его пасквиле «М.Е. Resulzadenin feci sukutu» («Трагическое молчание М.Э. Расулзаде») не позволил бы себе ни один порядочный человек и уважающий себя политик¹⁷⁵.

На социальном происхождении М.Э. Расулзаде делает упор и современный российский исследователь С. Исхаков. Так, сравнивая двух лидеров азербайджанской эмиграции М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибаши, он указывает на различия не только в мировоззрении, но и в их социальном происхождении: «Сын муллы Ра-

¹⁷⁵ См.: *Rüstembeyli Ş. M.E. Resulzadenin feci sukutu*. Istanbul, 1935. S. 10.

сулзаде был все же намного младше потомственного дворянина Топчибаши – почти на 20 лет, т. е. это были люди разных поколений, с разным жизненным и политическим опытом и устремлениями: один социалист, другой либерал»¹⁷⁶.

При этом абсолютно игнорируется тот очевидный факт, что аристократическое происхождение само по себе не способно сформировать гениального политика, также как целые каменоломни итальянского мрамора не в состоянии сами по себе породить Микеланджело. С другой стороны, подобное социальное происхождение, в некоторой степени, было даже преимуществом М.Э. Расулзаде перед его «знатными» соратниками и оппонентами по национальному движению. Ведь будучи выходцем из гущи народной, он лучше других был осведомлен о проблемах масс и путях национального возрождения азербайджанских тюрков.

В то время как либерал А.М. Топчибаши в начале XX века был всецело занят вопросом реформирования духовных управлений российских мусульман и защитой их гражданских прав, «сын муллы» М.Э. Расулзаде закладывал основы качественно новой, секуляристской по своему содержанию, национальной идеологии, ставшей основой создания национальной государственности азербайджанских тюрков. И освобождение идентичности азербайджанских тюрков от религиозных оков, и ее наполнение сугубо национальным содержанием произошло благодаря не дворянину А.М. Топчибаши, а сыну сельского муллы – М.Э. Расулзаде. Подобный вывод является не умалением действительно выдающихся заслуг А.М. Топчибаши перед азербайджанским народом, а лишь констатацией факта.

Впрочем, несмотря на то, что М.Э. Расулзаде родился не в знатной и богатой семье, но душой и воспитанием он был аристократом в полном смысле этого слова. Как говорил в свое время Наполеон, «ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Им нужно удовлетворенность собственными амбициями, а я солдат, мне нужна честь и слава». В этом смысле М.Э. Расулзаде был солдатом своей роди-

¹⁷⁶ А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 14.

ны, и для него делом чести было не удовлетворение собственных амбиций, а достижение общенациональной цели – восстановление государственной независимости Азербайджана.

Между тем, по утверждению А. Сафаровой, в начале января 1928 года А.М. Топчибаши направил гневное письмо М.Э. Расулзаде и стамбульскому комитету «Мусавата». В письме, считая М.Э. Расулзаде и партию «Мусават» ответственным «за настоящее несчастье страны», А.М. Топчибаши утверждал, что они «вместо того, чтобы приготовиться предстать перед судом и народом», создали «в Стамбуле организацию под названием Азербайджанский временный национальный центр, цель которого действовать официально от имени Азербайджана. Мирная делегация Азербайджанской Республики, будучи единственно компетентным институтом, в продолжение 9 лет, несмотря на всяческие лишения и препятствия, защищавшая интересы народа, считает своим долгом довести до сведения, что претензии и права присвоения вышеупомянутой организации не признаются как мирной делегацией, так и другими группами и деятелями»¹⁷⁷.

Несмотря на серьезность обвинений, М.Э. Расулзаде, учитывая пережитые за последние годы А.М. Топчибаши стрессы, обусловленные смертью его среднего сына Рашида, серьезными проблемами со здоровьем и тяжелым материальным положением, довольно снисходительно отнесся к данному его выпадку. С чувством собственного достоинства в довольно спокойном тоне он лишь отметил «исторический» характер заявления А.М. Топчибаши, поскольку до этого никто, за исключением большевиков, «не возлагал на мусаватистов ответственности за несчастье страны»¹⁷⁸.

К сожалению, это не остудило пыл А.М. Топчибаши, и 2 апреля 1928 года он снова взялся за перо, чтобы настроить очередное заявление о не легитимности Азербайджанского национального центра. В этом документе А.М. Топчибаши вновь заяв-

¹⁷⁷ Сафарова А. Идея Кавказской конфедерации в эмигрантский период политической деятельности А.М. Топчибашева. С. 48.

¹⁷⁸ Сафарова А. Идея Кавказской конфедерации в эмигрантский период политической деятельности А.М. Топчибашева. С. 48.

лял, что возглавляемая им делегация «категорически высказалась против признания» АНЦ, называя его «самочинной» организацией. Он аргументировал свою позицию тем, что АНЦ был образован без участия и согласия не только делегации, но и других групп и организаций азербайджанских политэмигрантов. На этом основании А.М. Топчибаши считал «единственным правомочным органом национального Азербайджана – делегацию Азербайджанской Республики»¹⁷⁹.

Правда, это не помешало А.М. Топчибаши уже в июне 1928 года собственноручно подписаться под очередным документом о признании «верховенства власти» АНЦ¹⁸⁰, чтобы спустя некоторое время снова отказаться от собственных слов. За подобную деструктивную деятельность в декабре 1928 года А.М. Топчибаши был выведен из состава АНЦ¹⁸¹.

Тем не менее, М.Э. Расулзаде продолжал придерживаться курса на единение всех политических сил эмиграции в борьбе за независимость Азербайджана. Исходя из этого, а также учитывая былые заслуги А.М. Топчибаши, Азербайджанский национальный центр по личной инициативе Мамед Эмин бея предпринял еще одну попытку достижения компромисса с ним. С целью положить конец публичному обсуждению внутренних проблем азербайджанской эмиграции, в марте 1929 года на заседании АНЦ было принято решение предложить А.М. Топчибаши, «сохраняя титул «председателя делегации» со всеми соответствующими этому высокому статусу почестями, уйти в бессрочный отпуск и, соответственно, прекратить активную деятельность, оставляя делегации полномочия продолжить свою работу»¹⁸².

А.М. Топчибаши принял это предложение и ушел в отпуск. Но отдохнув и подлечившись некоторое время, он уже 5 июня 1929 года проинформировал АНЦ о том, что подобные условия являются для него неприемлемыми.

¹⁷⁹ А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. С. 233.

¹⁸⁰ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 73. Л. 3.

¹⁸¹ Там же. Л. 2.

¹⁸² Там же. Л. 2-3.

И вплоть до своей кончины в 1934 году А.М. Топчибаши демонстрировал подобное непостоянство и переменчивость своей позиции. В зависимости от складывающейся ситуации, он то признавал легитимность АНЦ в качестве руководящего политического органа всей азербайджанской эмиграции, то дезавуировал собственные заявления на этот счет, тем самым, перманентно осложняя налаженную с таким трудом и общими усилиями совместную работу.

Безусловно, как впоследствии отмечал М.Э. Расулзаде, разногласия между азербайджанской дипломатической делегацией в Париже и АНЦ не имели принципиального характера, а ограничивались проблемами организационного плана, обусловленными разделением полномочий¹⁸³. Тем не менее, они весьма отрицательно сказывались на деятельности всей азербайджанской политэмиграции.

К тому же амбиции А.М. Топчибаши на руководство всей азербайджанской эмиграцией не соответствовали его реальным возможностям, поскольку ни состояние здоровья, ни ситуация внутри азербайджанской делегации не позволяли ему реализовать свои претензии на это. Так, к тому времени деятельность азербайджанской дипломатической делегации в Париже из-за непрекращающихся конфликтов между ее членами фактически была парализована.

О ситуации внутри азербайджанской делегации и отношении ее членов к своему председателю нагляднее всего свидетельствует факт, отраженный в одном из писем Дж. Гаджибейли. В связи с кончиной в мае 1929 года в Баку своей тещи Ханифы ханум Меликовой, А.М. Топчибаши устроил поминки в Париже, куда были приглашены представители не только азербайджанской, но и, в целом, всей кавказской эмиграции. И, как свидетельствует Дж. Гаджибейли, чтобы выразить свое соболезнование А.М. Топчибаши по поводу кончины Ханифы ханум, на поминках присутствовали все приглашенные представители грузинской, северокавказской и даже армянской эмиграции. Но среди них не было ни одного члена азербайджанской делегации (?!). Как подчеркивает

¹⁸³ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. Varşava, 1934. S. 23.*

Дж.Гаджибейли, один оправдывался болезнью, другой ссылаясь на то, что поздно получил приглашение и т.д.¹⁸⁴

И это было неслучайно, поскольку внутри делегации царила атмосфера нетерпимости и недоверия, вследствие чего ее заседания зачастую сопровождались не только словесной перебранкой, но и попытками физического насилия. В частности, по свидетельству А.Шейхульисламова, на одном из заседаний делегации М. Мехтиев даже хотел бросить в голову А.М. Топчибаши пепельницу¹⁸⁵.

Подобные действия А.М. Топчибаши, а также представителей правого крыла азербайджанской эмиграции во главе с Х. Султановым привели к тому, что М.Э. Расулзаде так и не удалось добиться окончательного и полного объединения всей азербайджанской политэмиграции в едином организационном центре. Тем не менее, он не оставлял попыток склонить к сотрудничеству А.М. Топчибаши и Х. Султанова, свидетельством чего является включение обоих деятелей во второй состав АНЦ, который функционировал в 1929-1932 гг. уже под председательством М.Э. Расулзаде¹⁸⁶. Впрочем, Х. Султанов вновь отказался участвовать в деятельности АНЦ, продолжив свой конфронтационный курс с этой структурой и М.Э. Расулзаде.

Но, невзирая на интриги своих оппонентов, М.Э. Расулзаде продолжал следовать политике, направленной на расширение сотрудничества с эмигрантскими кругами других поработенных народов советской империи. Это сотрудничество осуществлялось не только в рамках Комитета независимости Кавказа, но и прометеевского движения. Датой зарождения прометеевского движения, оставившего яркий и неповторимый след в истории освободительной борьбы поработенных народов СССР, принято считать учреждение печатного органа КНК журнала «Прометей», первый номер которого вышел в ноябре 1926 года в Париже.

¹⁸⁴ Государственный архив литературы и искусства им. С. Мумтаза. Ф. 648. Оп. 5. Д. 28. Л. 45.

¹⁸⁵ Письмо А. Шейхульисламова – А. Амирджанову. 15.05.1929 // А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. С. 221.

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 18.

Впоследствии, в 1928 году, в Варшаве был организован прометеевский клуб, действовавший как международная организация политэмигрантов из СССР. По свидетельству немецкого исследователя П. фон цур Мюлена, заметная роль в создании и развитии прометеевского движения принадлежит М.Э. Расулзаде¹⁸⁷.

В отличие от КНК, деятельность которого ограничивалось лишь кавказскими эмигрантами, формат прометеевского движения подразумевал сотрудничество более широкого спектра эмигрантских организаций поработенных народов СССР. Так, в прометеевском движении, наряду с кавказскими, принимали также участие украинские, туркестанские и другие политэмигранты. Как подчеркивалось в одном из документов этой организации, «прометеизм является движением всех без исключения народов, угнетаемых Россией»¹⁸⁸.

Инициатором создания, основным спонсором и покровителем прометеевского движения была Польша. Неслучайно, что автором термина «прометеизм» также являлся поляк – военный атташе в Турции (1924-1926 гг.) Тадеуш Шетцель, принимавший непосредственное участие в налаживании контактов с политической эмиграцией кавказских народов¹⁸⁹. Правда, чтобы избежать неминуемого давления большевиков, Варшава вынуждена была смириться с функционированием многих центральных структур прометеевского движения в Париже.

Как справедливо отмечает российский исследователь С. Исаков, «необходимо отличать прометеизм как идеологию и направление в польской внешней политике от прометеевского движения, которое составляли представители эмигрантских организаций нерусских народов СССР, боровшихся против большевистского режима»¹⁹⁰. Прометеевские лидеры из числа эмигран-

¹⁸⁷ *Patrik von Zur Mühlen. Camalîhaç ile Kızılyıldız Arasında. İkinci Dünya Harbi'nde Sovyet Doğu Halkları. Ankara, 1984. S. 20.*

¹⁸⁸ *Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 301.*

¹⁸⁹ *Марек Корнат. У истоков советологических и востоковедческих исследований в Польше (1919-1939). Основные исследовательские центры // Европа. (Журнал польского Института международных дел). 2002, №4 (5). Т. 2. С. 190.*

¹⁹⁰ А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. С. 29.

тов из СССР были воодушевлены идеалами спасения родины, восстановления утраченной государственности, освобождения от чуждой власти. И они вовсе не собирались слепо следовать за указаниями даже правительства такого дружественного государства как Польша. В этом отношении прометеевское движение никак не могло быть инспирировано из Варшавы или из Парижа.

Если в момент возникновения перед прометеевским движением ставилась скромная задача координации сотрудничества и обмена мнениями между руководящими органами различных нерусских эмигрантских организаций из СССР, то со временем его деятельность охватила «обширные идейно-политические горизонты». Как свидетельствуют секретные документы польских архивов, «эволюция «Прометей» пошла в сторону объединения всех народов, угнетаемых Россией, на общей платформе борьбы с Россией как «тюрьмой народов», а также признания права на независимость всех без исключения народов, даже тех, которые не имели в эмиграции легальных представителей. Короче говоря, развитие «Прометей» пошло по линии превращения его в «интернационал угнетенных»¹⁹¹. Главная же цель «Прометей» за весь период его деятельности оставалась неизменной – «всеми силами содействовать стремлениям, направленным к тому, чтобы вызвать национальную революцию на территории СССР»¹⁹².

Особую роль в развитии прометеевского движения сыграло создание в 1928 году в Варшаве при непосредственном участии М.Э. Расулзаде «Лиги угнетенных Россией народов» (общество «Прометей»), в состав руководящего органа которой, в частности, вошли представители Украины (А. Шульгин и Р. Смаль-Стоцкий), Азербайджана (М.Э. Расулзаде и М. Мехтиев), Туркестана (М. Чокай), Грузии (Н. Жордания и Г. Гвазава), Северного Кавказа (С. Шамиль, М. Хурш, Т. Шакман), крымских татар (Д. Саид Ахмед), Идель-Урала (А. Исхаки) и др.¹⁹³

¹⁹¹ Соцков. Л. Неизвестный сепаратизм. С. 300.

¹⁹² Там же. С. 302.

¹⁹³ Orulu M. *Azərbaycanda və mühacirətdə Müsavat partiyasının fəaliyyəti (1911-1992)*. Bakı, 2001. S. 101.

Создание прометеевского движения было встречено в штыки не только советскими властями, но и русской политэмиграцией, выступавшей под лозунгом «единой и неделимой России». В данном вопросе с русскими эмигрантами солидаризовались и представители армянской эмиграции, отказавшиеся присоединиться к движению. Не придумав ничего нового, некоторые представители армянской эмиграции, чтобы внести разлад в кавказское единство и посеять рознь между мусульманами и христианами Кавказа, вновь извлекли из архива истории жупел пантуранизма. При этом их главной мишенью, несомненно, являлась азербайджанская политэмиграция и М.Э. Расулзаде.

Наглядным примером тому является статья армянского журналиста А. Хондкаряна «На службе у Турции», опубликованная в еженедельнике «Дни», издаваемым бывшим председателем Временного правительства А. Керенским¹⁹⁴. Не гнушаясь ничем и голословно обвиняя М.Э. Расулзаде и других руководителей «Прометей» из числа тюрко-мусульманских народов в пантюркизме, А.Хондкарян договорился до того, что «основной целью объединившихся вокруг «Прометей» тюрко-татарских сепаратистов является не устройство собственной жизни, а отделение от России, дабы присоединиться к Турции»¹⁹⁵. Это заявление было откровенной попыткой внести раздор во взаимоотношения представителей мусульманских и христианских народов, входящих в прометеевское движение.

Вслед за статьей А. Хондкаряна, в 1930 году в Париже на русском языке была издана книга армянских авторов З. и В. Налбандянов, пишущих под псевдонимом Зареванд, «Турция и пантуранизм»¹⁹⁶. В этой книге авторы обвиняли Расулзаде в том, что он сам являлся «отъявленным пантуранистом».

На измышления А. Хондкаряна, а также З. и В. Налбандянов, М.Э. Расулзаде ответил одной из самых ярких своих теоретических работ – «О пантуранизме», опубликованной в 1930 году на русском языке в Париже. Эта работа является программой реорганизации

¹⁹⁴ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. Оксфорд, 1985. С. 19.

¹⁹⁵ Там же. С. 21.

¹⁹⁶ Зареванд. Турция и пантуранизм. С предисловием А.Н. Мандельштама. Париж, 1930.

всего мусульманского мира на началах европейской цивилизации. Как справедливо отмечает автор предисловия к этой работе, известный грузинский деятель Н. Жордания, в ней М.Э. Расулзаде на основе конкретных фактов доказывает, что «Восток, которого до сих пор никак не может понять Запад, развивается теми же путями, как и этот последний; что он, хотя и поздно, но неуклонно, шаг за шагом, проделывает в области национальной и политической мысли ту же эволюцию, которую проделал Запад, шествуя к европейским общественным и политическим формам»¹⁹⁷.

В этом отношении попытка реорганизации в 1918-1920 гг. Азербайджана на основе европейских ценностей, по мнению М.Э. Расулзаде, являлась вовсе не капризом горстки личностей, не импровизацией, лишенной глубоких корней, а объективно закономерным, исторически необходимым следствием предыдущего этапа развития азербайджанского общества.

Отвечая на обвинения в пантуранизме «рабов и добровольцев русского империализма»¹⁹⁸ в лице некоторых армянских авторов, М.Э. Расулзаде напомнил им о том, что азербайджанские политические деятели, в частности лидеры партии «Мусават», изначально стояли в оппозиции к романтическому пантуранизму, преследующему цель объединения всех тюркских народов в едином государстве, «как утопии, не имеющей под собой реальной почвы»¹⁹⁹.

По словам М.Э. Расулзаде, наоборот, азербайджанские политические деятели «с самого начала возникновения Азербайджанской Республики, стояли за необходимость единения всех кавказских народов в одно конфедеративное государство»²⁰⁰, считая этот лозунг «более соответствующим насущно-реальным интересам Азербайджана и всего тюркского мира»²⁰¹.

Что же касается пантуранизма, то, как отмечает М.Э. Расулзаде, для азербайджанских лидеров, как реалистов в политике,

¹⁹⁷ Расулзаде М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 15-16.

¹⁹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹⁹ Там же. С. 71.

²⁰⁰ Там же. С. 77.

²⁰¹ Там же. С. 71.

ценна лишь концепция тюркизма, которую следует воспринимать исключительно в культурном контексте, поскольку он ратует только за сохранение и углубление культурных связей между различными тюркскими народами²⁰².

В силу этого, М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «национальная консолидация народа не зиждется только на общности расовых начал и что из одного и того же расового материала могут выделиться разные самостоятельные нации»²⁰³. М.Э. Расулзаде еще раз напоминал своим оппонентам, обвинявшим его в пантюркизме, что «единой тюркской нации нет, а существуют только нации тюркской расы»²⁰⁴.

В работе «О пантуранизме» М.Э. Расулзаде, касаясь обвинений А. Хондкаряна относительно сепаратизма руководителей «Прометей», пишет: «Эти народы, ведущие не сепаратистскую, а настоящую борьбу за независимость своих родин, в то же время ничуть не намерены расчленивать Россию. Наоборот, мы от души желаем России процветать и сохранить свое территориальное единство в пределах своих национальных границ. Но и господа Керенские должны признать ту очевидную истину, что отход Кавказа – азербайджанцам, грузинам и горцам, это вовсе не означает расчленения России. Точно также ни Украина, ни Туркестан никакого отношения к России не имеют»²⁰⁵.

В заключение своей работы М.Э. Расулзаде в очередной раз доводил до сведения армянских представителей ту очевидную истину, что «отойти от ложного пути, на каком бы ни было этапе, всегда полезно». И советовал им проявить «большую осторожность в своих сенсационных выпадах против своих соседей, с которыми они вынуждены жить совместно». Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «это было бы разумно и полезно», и, в первую очередь, по отношению к собственной нации²⁰⁶.

²⁰² *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С.26.

²⁰³ Там же. С. 79.

²⁰⁴ Там же. С. 49.

²⁰⁵ *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. С. 35.

²⁰⁶ Там же. С. 29.

В отличие от армянских представителей, правые азербайджанские эмигранты, в частности, Х. Султанов, обвиняли М.Э.Расулзаде уже в предательстве интересов «тюрко-мусульманских братьев» и сотрудничестве с представителями христианских народов. Подобные заявления Х. Султанова, несомненно, носили спекулятивный характер, поскольку он сам при необходимости активно сотрудничал с эмигрантами из числа представителей христианских народов. В данном же случае, оказавшись на вторых ролях как в КНК, так и в прометеевском движении, просто решил громко хлопнуть дверью, а заодно в очередной раз попытаться дискредитировать М.Э. Расулзаде.

Как бы то ни было, создание КНК, азербайджанскую национальную секцию которого возглавил М.Э. Расулзаде, а также зарождение прометеевского движения отнюдь не способствовали улучшению и без того напряженных взаимоотношений между ним и турецкими властями. Дело в том, что официальная Анкара, мягко говоря, с подозрением и раздражением относилась к любым контактам азербайджанских эмигрантов с представителями европейских государств, видя в них некие происки европейцев против Турции.

В этом отношении турецкие власти не были в восторге и от идеи кавказского единства, рассматривая ее интригой некоторых европейских государств, и, в первую очередь, Англии и Франции. Неудивительно, что еще в октябре 1924 года М.Э. Расулзаде предупредил А.М. Топчибаши о том, что идея Кавказской федерации «популярна не во всех политических кругах Турции», и для Анкары более предпочтительна идея не кавказской, а тюрко-мусульманской федерации²⁰⁷.

Тем не менее, в течение 1923-1925 гг. М.Э. Расулзаде приложил немало усилий, чтобы добиться поддержки турецкого правительства в вопросе кавказского единства. В частности, он предлагал турецким представителям взять под свой патронаж процесс консолидации кавказской эмиграции в едином центре. В какой-то

²⁰⁷ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 08.10.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 49-50.

момент ему удалось даже вызвать определенный интерес у турецких властей к этой идее. Но по мере потепления турецко-советских отношений, в особенности после подписания между двумя странами 17 декабря 1925 года договора о дружбе и нейтралитете²⁰⁸, Анкара потеряла всякий интерес к этому вопросу.

Поэтому неудивительно, что из-за «вынужденной дружбы» между Анкарой и Москвой не только азербайджанские, но и другие политэмигранты из СССР, обосновавшиеся в Турции, начали отдавать предпочтение контактам с европейскими странами. Поскольку им было ясно, что только совместными усилиями и консолидированными действиями всех кавказских народов можно добиться успеха в противостоянии с таким сильным противником как большевизм.

Не составлял исключения и М.Э. Расулзаде, который также начал более активно налаживать сотрудничество с европейскими представителями, заинтересованными в реализации идеи кавказского единства. Это еще раз подтверждает тот факт, что при всем уважении и любви к Турции, М.Э. Расулзаде в своей политической деятельности руководствовался исключительно интересами азербайджанского народа и его государственной независимости.

В конечном итоге, совместные усилия кавказских политэмигрантов и представителей европейских государств, и, в первую очередь, Польши, привели к созданию Комитета независимости Кавказа. Характерно, что, даже предвидя негативную реакцию турецких властей, М.Э. Расулзаде летом 1927 года не только поместил воззвание Комитета независимости Кавказа в «Yeni Kafkasya», но даже напечатал ряд статей в его защиту. Подобные действия М.Э. Расулзаде не могли остаться без последствий для его взаимоотношений с турецкими властями. Тем более что ряд других факторов также способствовали обострению отношений М.Э. Расулзаде с официальными кругами Турции.

В этом немалую роль сыграли и интриги некоторых азербайджанских политэмигрантов из числа оппонентов М.Э. Расулзаде. В частности, Х. Султанов, Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбейли изо

²⁰⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 739-742.

всех сил старались дискредитировать его в глазах турецких властей. Используя свои тесные связи с турецкими спецслужбами, они пытались окончательно испортить взаимоотношения М.Э. Расулзаде и турецких властей, и в итоге добиться его высылки из страны. По их замыслам, это значительно облегчило бы им задачу прибрать к рукам руководство азербайджанскими политэмигрантами в Турции, и самим распоряжаться финансовыми средствами, выделяемыми европейскими донорами на деятельность эмигрантов. Причем для Х. Султанова и его соратников из числа азербайджанских политэмигрантов первостепенную значимость имела именно финансовая сторона вопроса.

При этом в борьбе с М.Э. Расулзаде для Х. Султанова и его соратников были приемлемы любые средства, которые менялись в зависимости от складывающейся ситуации. Например, летом 1925 года Х. Султанов обвинял М.Э. Расулзаде в «туркофильстве» и объяснял отсутствие мусаватистов в составе Комитета конфедератов тем, что партия «Мусават» якобы не желает защищать идею Кавказской Конфедерации и собирается присоединить Азербайджан к Турции. А спустя ровно год, после избрания М.Э.Расулзаде руководителем азербайджанской секции КНК, Х. Султанов и единомышленники начали обвинять его уже в «туркофобии», в попытке оторвать Азербайджан не только от Турции, но и от всего тюркского мира.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти обвинения тут же были подхвачены и растиражированы некоторыми турецкими СМИ. Так, сотрудник стамбульской газеты «Vakit» опубликовал серию статей некоего Али Гейдара Амира, который старался доказать, что «идея независимого Азербайджана противоречит идее тюркского единства». Автор утверждал, что идеологическая деятельность М.Э. Расулзаде преследует цель создания азербайджанской нации, что противоречит интересам тюркского мира. По мнению турецкого журналиста, в 1918 году Азербайджан не должен был объявлять себя независимым, а присоединиться к Турции. Провозглашение независимости Азербайджана Али Гейдар считал проявлением «антитурецкой политики»

азербайджанских партий, и, в первую очередь, «Мусават». Неудивительно, что идею Кавказской Конфедерации он также объявил противоречащей общетюркскому единству²⁰⁹.

Очевидно, что пребывающий в Турции в статусе политэмигранта М.Э. Расулзаде не мог жестко и открыто выступить против этих надуманных обвинений турецкого журналиста. В письме А.М. Топчибаши, признаваясь в ограниченности своих возможностей, М.Э. Расулзаде писал: «При других обстоятельствах я углубил бы эту полемику, ставил бы все точки над «і», но политический момент едва ли способствует этому... Посему приходится пока держаться оборонительной тактики и, не переходя на резкое наступление, способствовать планомерному развитию спора, не задаваясь целью также и прекратить ее, ибо подобные споры вызывают известный интерес к вопросам, связанным с Азербайджаном»²¹⁰.

При этом М.Э. Расулзаде не собирався отказываться от поддержки проекта общекавказской интеграции и пытался довести до турецкого общественного мнения тот очевидный факт, что только совместными усилиями всех кавказских народов можно освободиться от диктата Кремля и добиться независимости Кавказа. Он особо подчеркивал, что идея объединения кавказских народов в единое политическое целое вовсе не противоречит интересам освобождения тюркских народов от «ненавистного русского империализма». Наоборот, по мнению М.Э. Расулзаде, Кавказская Конфедерация «служба гарантией прочного мира на Востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг», могла бы стать эффективным средством в борьбе тюркских народов за свою независимость²¹¹.

Правда, М.Э. Расулзаде все же приходилось действовать в Турции с предельной осторожностью. И причиной тому являлись не только подобные нападки определенной части турецкой прессы

²⁰⁹ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 23.02.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 121-122.

²¹⁰ Письмо М.Э. Расулзаде – А.М. Топчибаши. 23.02.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 123.

²¹¹ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане. С. 9.

и интриги некоторых азербайджанских политэмигрантов, но и усиливающееся давление Кремля на Анкару с требованием запретить на турецкой территории деятельность азербайджанских и других политэмигрантов из СССР. Выступая в марте 1925 года на IV Всеазербайджанском съезде Советов в Баку, министр иностранных дел СССР Г.В. Чичерин отмечал, что советское правительство неоднократно обращалось к правительству Турции, выражая свой протест подобным действиям и требуя их пресечения²¹².

Причем, большевики действовали не только кнутом, но и пряником, давая азербайджанским эмигрантам различные обещания в обмен на прекращение их антисоветской деятельности. Как вспоминает М.Э. Расулзаде, с подобной миссией в середине 20-х гг. XX века в Турцию из Азербайджана прибыл родной брат Ш.Рустамбейли, служивший у большевиков. В ходе встречи, проходившей в стамбульской квартире Ш. Рустамбейли, большевистский эмиссар обещал М.Э. Расулзаде, что в случае прекращения издания «Yeni Kafkasya» они готовы создать все условия для возвращения эмигрантов на родину. Ответ М.Э. Расулзаде большевистскому эмиссару был довольно лаконичным: «Сообщи мирза даудам, что я гарантирую – последний номер «Yeni Kafkasya» выйдет в момент, когда последний русский солдат покинет азербайджанскую территорию через станцию Пойлу»²¹³.

Впрочем, до 1926 года, пока Турция не проявляла особой активности для установления более тесных отношений с западными государствами, подобные требования Кремля относительно пресечения деятельности политэмигрантов на турецкой территории носили, в значительной степени, дежурный характер. Поэтому, невзирая на давление со стороны как советских, так и турецких властей, М.Э. Расулзаде продолжал издание «Yeni Kafkasya» с той же решительностью и энергией.

Однако, уже в 1927 году, после заключения Анкарой ряда договоров с западными державами, отношения Анкары с Москвой стали ухудшаться. Кремль, встревоженный сближением Анкары с

²¹² *Məmməd zadə M.Ə. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 189.*

²¹³ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. S. 56.*

Англией, а также попытками объединения эмигрантов-кавказцев, предпринятыми поляками и некоторыми британскими кругами, принял срочные меры с целью лишения Варшавы и Лондона возможности эффективно использовать эмигрантов.

Прекрасно осознавая, что Турция по своему географическому положению является наиболее удобным местом для ведения разведывательной работы в кавказском регионе, Москва заметно усилила давление на Анкару, требуя прекращения деятельности антисоветских организаций на территории страны. Чтобы как-то сгладить негативные последствия своего сближения с Западом для турецко-советских отношений, Анкаре ничего не оставалось, как пойти на удовлетворение требований Советов²¹⁴.

Начались гонения турецких властей на представителей кавказских эмигрантских организаций и закрытие их печатных органов. Так, в 1927 году под давлением СССР турецкие власти решили приостановить издание журнала «Yeni Kafkasya»²¹⁵. Одновременно они ужесточили контроль над деятельностью азербайджанских эмигрантских организаций с целью пресечения любых попыток их финансирования из турецких источников. Аналогичные действия были предприняты и в отношении других кавказских политэмигрантов. Это было началом процесса постепенного выдавливания кавказских эмигрантских организаций из Турции.

Так, высылка в сентябре 1928 года турецкими властями представителя Грузинского национального центра С. Мдивани поставила под вопрос возможность дальнейшего функционирования Комитета независимости Кавказа в Стамбуле. В этой связи следует напомнить, что еще в 1927 году, после высылки из Турции сотрудников грузинских пунктов связи, разведывательных организаций, функционирующих на турецко-грузинской границе и поддерживающих постоянную связь с подпольными организациями в Грузии, Грузинский национальный центр поставил перед Варшавой вопрос о переносе местопребывания КНК из Стамбула в другое место. Лидеры грузинской политэмиграции мотивирова-

²¹⁴ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 203.

²¹⁵ Resulzade M.E. Azerbaycan Cumhuriyeti. Istanbul, 1990. S. XX.

ли эту просьбу тем, что в создавшейся ситуации грузинская секция КНК лишена возможности каких-либо действий на турецкой территории²¹⁶.

Не отрицая наличия объективных трудностей для дальнейшего пребывания Комитета независимости Кавказа в Стамбуле, все же следует отметить, что при выдвижении данного предложения определенную роль сыграли и субъективные факторы. Грузинские представители изначально подозревали азербайджанских политэмигрантов в тайных связях и особых отношениях с турецкими властями, которые, по их мнению, якобы тщательно скрывались от грузинских эмигрантов²¹⁷. Хотя реальные факты опровергают все эти предположения, но грузины, иницируя вопрос о переносе местопребывания КНК из Стамбула в другое место за пределами Турции, пытались создать не только более комфортные условия для своей деятельности, но и покончить этим с «привилегированными» отношениями азербайджанских политэмигрантов с турецкими властями.

Как и следовало ожидать, против этой идеи выступил М.Э.Расулзаде. Несмотря на закрытие журнала «Yeni Kafkasya» и непрекращающиеся на него нападки некоторых турецких газет, Мамед Эмин бей не терял оптимизма относительно возможности восстановления сотрудничества кавказских политэмигрантов с турецкими властями хотя бы в прежнем формате. В конце ноября 1927 года в своем письме Т. Шетцелю он выражал надежду «на возобновление в скором будущем издания «Yeni Kafkasya».

М.Э. Расулзаде прилагал также немало усилий и для того, чтобы переубедить турецкую сторону и добиться ее согласия на возвращение С. Мдивани в Стамбул. Во время многочисленных конфиденциальных встреч с представителями турецких официальных кругов М.Э. Расулзаде пытался убедить их в необходимости поддержки освободительного движения кавказских народов. Он конкретными историческими фактами доказывал, что це-

²¹⁶ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 205.

²¹⁷ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 15.04.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 30.

ли кавказских эмигрантских организаций полностью соответствуют коренным национальным интересам Турции. М.Э. Расулзаде неустанно напоминал турецким представителям о том, что именно героическое сопротивление кавказских народов преградило путь экспансии русского империализма в Иран, Турцию и вообще, на Восток.

М.Э. Расулзаде был искренне убежден в том, что именно в горах Кавказа не только рассеялись завоевательные мечты основателя русского империализма Петра I о выходе к «теплым морям», но окончательно выдохся и сам империализм в 150-летней борьбе с кавказскими народами. Он подчеркивал, что героизм кавказцев спас Восток от хищных, смертельных объятий «русского медведя». Тем самым, М.Э. Расулзаде в корректной форме давал понять турецкой стороне, что теперь их черед возвращать старые «долги».

Учитывая, что в данном направлении, помимо М.Э. Расулзаде, действовали и руководители северокавказской эмиграции, а также польские дипломаты, Анкара на какое-то время несколько смягчила свое отношение к кавказским, в том числе азербайджанским политэмигрантам. Проявлением этого стало согласие турецких властей на издание печатного органа Азербайджанского национального центра – «*Azeri Türk*» взамен закрытого «*Yeni Kafkasya*». Одновременно М.Э. Расулзаде получил заверения от ряда ответственных лиц Турции, что при условии строгого соблюдения конспирации, кавказцы и в дальнейшем смогут продолжить работу на турецкой территории.

На первый взгляд складывалось впечатление, что кризис во взаимоотношениях турецких властей с кавказскими политэмигрантами миновал. По этой причине М.Э. Расулзаде в октябре 1928 года в письме Н. Рамишвили выражал надежду на то, что после начала издания журнала «*Azeri Türk*», отношение Турции к грузинским эмигрантам так же улучшится, в результате чего им «удастся так или иначе иметь здесь своих людей, которые могли бы продолжать работу Мдивани»²¹⁸. В конце письма лидер пар-

²¹⁸ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 205.

тии «Мусават» просил Н. Рамишвили, «во-первых, в интересах общего дела, воздержаться от излишней огласки этого инцидента... Во-вторых, не торопиться с решением по этому поводу, ибо скоропалительное решение может оказаться пагубным для нашего общего дела. И в третьих, не возбуждать вопроса о перемене местонахождения Комитета независимости Кавказа, – хотя бы временно, – из Стамбула»²¹⁹.

Однако очень скоро выяснилось, что Турция, по крайней мере, в обозримом будущем, не собирается активно и открыто поддерживать кавказских, в том числе азербайджанских политэмигрантов в их борьбе против советского режима. Это объяснялось значимостью для Анкары отношений с Москвой, хотя освободительная борьба кавказских народов за свою независимость в случае успеха также сулила Турции немалые геополитические дивиденды. Но турки, как закоренелые прагматики, предпочли синицу в руках журавлю в небе.

Обыски, проведенные 1 июня 1929 года турецкими спецслужбами на стамбульской квартире М.Э. Расулзаде и в офисе редакции журнала «*Azeri Türk*», похоронили последние надежды азербайджанских политэмигрантов на достижение взаимопонимания с властями Турции. В ходе этих обысков турецкой полицией были выявлены и конфискованы документы относительно конспиративной деятельности АНЦ и КНК. Поэтому этот инцидент вошел в историю под названием – «*milli evrak meselesi*» («дело национальных документов»). Учитывая наличие тесных связей между Анкарой и Москвой, нельзя было полностью исключить попадание части этих документов в руки советских спецслужб.

Но самое прискорбное в этой истории заключалось в том, что турецких властей на эти явно недружественные в отношении М.Э. Расулзаде действия подтолкнули некоторые азербайджанские эмигранты, в частности, Ш. Рустамбейли и Х. Султанов, которые, как уже отмечалось выше, были вхожи в спецслужбы Турции. Подтверждением тому является письмо от 12 сентября 1929 года известного азербайджанского политэмигранта Мехмет

²¹⁹ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 205-206.

Садыка Ахундзаде, которого трудно заподозрить в особых симпатиях к М.Э. Расулзаде. В своем письме он утверждает, что зачинщиком этого происшествия является Ш. Рустамбейли²²⁰.

В своем письме, а также написанной по поводу этого инцидента статье «Paydos, efendiler» («Кончайте, господа»), напечатанной в двух подряд номерах журнала «Azeri Turk», М.С. Ахундзаде утверждал, что Ш. Рустамбейли подобными интригами пытался покончить с лидерством М.Э. Расулзаде как в АНЦ, так и в партии «Мусават»²²¹. Ш. Рустамбейли регулярно отправлял доносы в турецкие спецслужбы, в которых утверждалось о наличии у М.Э.Расулзаде скрытых враждебных намерений в отношении Турции. Достоверность информации о подобных выходках Ш. Рустамбейли подтверждается и другими источниками, в частности, Селимом Агасибейли²²². Кстати, последний входил в близкое окружение Ш.Рустамбейли.

Интересно отметить, что впоследствии Ш. Рустамбейли упрекал М.Э. Расулзаде в поднятии излишнего шума вокруг этого инцидента. Он с невероятным цинизмом утверждал, что не стоит беспокоиться по поводу попадания документов АНЦ в руки турецких спецслужб. И мотивировал свою позицию тем, что эти документы были конфискованы спецслужбами не «враждебных государств», а братской Турции²²³. Комментарии, как говорится, излишни.

Вряд ли следует считать случайностью и тот факт, что эти обыски по времени совпали с очередным серьезным конфликтом внутри «Мусават» и АНЦ, спровоцированным со стороны Ш.Рустамбейли и Х. Хасмамедова. Необходимо признать, что они выбрали достаточно «подходящий» момент для нанесения удара по позициям М.Э. Расулзаде внутри партии. Ведь тогда напряженность во взаимоотношениях турецких властей с М.Э. Расулзаде достигла своего пика. Именно в такой сложной ситуации

²²⁰ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. S. 32.*

²²¹ *A.g.e. S. 34.*

²²² *A.g.e. S. 39.*

²²³ *Rüstembeyli Ş. M.E. Resulzadenin feci sukutu. S. 24.*

Х.Хасмамедов и Ш. Рустамбейли решили открыть «второй фронт» против М.Э. Расулзаде. Тем более что ситуация эта действительно благоприятствовала реализации давнишней мечты тандема Х. Хасмамедов – Ш. Рустамбейли об установлении своего контроля над руководством партии «Мусават» и Азербайджанского национального центра.

Интриги Ш. Рустамбейли, поддерживаемые со стороны Х. Хасмамедова, полностью парализовали деятельность руководящего органа партии «Мусават» – Дивана. В этой ситуации с целью восстановления работоспособности руководящего органа партии было решено приступить к его реорганизации. Данное решение получило одобрение абсолютного большинства местных ячеек и рядовых членов партии. Лишь Х. Хасмамедов с Ш. Рустамбейли отказались подчиниться решению партии, вступив «на ложный путь интриги и шантажа»²²⁴.

Чтобы обезопасить партию «от тактики шантажа и дезорганизации» подобных лиц, в конце 1928 года руководство «Мусавата» исключило Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли из состава стамбульской организации и отозвало их из АНЦ²²⁵. Осознавая полное фиаско своей затее и пытаясь добиться от руководства «Мусават» аннулирования данных решений, Х. Хасмамедов и Ш.Рустамбейли пошли по пути интернационализации сугубо внутрипартийного конфликта, и в январе 1929 года пожаловались на М.Э. Расулзаде польскому послу в Турции²²⁶.

Одновременно они начали снабжать турецкие спецслужбы дезинформацией о мнимых «антитурецких» намерениях и планах М.Э. Расулзаде, что лишь ускорило его депортацию из Турции. Не исключено, что Ш. Рустамбейли действовал под диктовку советских спецслужб. По крайней мере, в документах польской разведки утверждается, что Ш. Рустамбейли поддерживал контакт с Лубянской²²⁷.

²²⁴ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 317. Л. 12.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же. Л. 19.

Как бы то ни было, Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли и Х. Султанов максимально воспользовались инцидентом с обыском для дискредитации М.Э. Расулзаде. В частности, Ш. Рустамбейли пытался убедить азербайджанских политэмигрантов в том, что эти обыски стали следствием того, что М.Э. Расулзаде окончательно потерял доверие турецких властей²²⁸. Тем самым, он намекал на необходимость отстранения М.Э. Расулзаде от руководства «Му-сават» и АНЦ, поскольку его высылка из страны, по его мнению, была лишь вопросом времени.

В архиве правительства Грузии в изгнании сохранилось письмо Х. Султанова А. Чхенкели, где он пишет, что обыски у Расулзаде и Шамиля стали следствием того, что турки им не доверяют. Он утверждал, что именно из-за беспечности М.Э. Расулзаде важнейшие конфиденциальные документы КНК попали в руки турецких спецслужб. При этом Х. Султанов подчеркивал, что если грузины порвут с М.Э. Расулзаде и сделают ставку на его группу, то турки согласятся на деятельность КНК в Стамбуле²²⁹. В этой связи грузинский исследователь Г. Мамулия считает более чем вероятным, что за всем этим стояла Лубянка с целью перехвата канала связи кавказских прометеевцев со Стамбулом.

Действительно, «забота» Х. Султанова о судьбе документов КНК выглядела более чем странной, если учесть, что он еще в мае 1928 года вместе со своими соратниками из бывшего Комитета конфедератов вышел из состава данной структуры, и с тех пор не признавал легитимность Комитета независимости Кавказа.

Хотя попытки Ш. Рустамбейли и Х. Султанова дискредитировать М.Э. Расулзаде в глазах азербайджанских эмигрантов и руководства КНК провалились, инцидент с обыском окончательно испортил его отношения с турецкими властями. Учитывая, что некоторыми турецкими кругами с раздражением воспринималась даже идея азербайджанской независимости, то нетрудно догадаться, что они были явно не в восторге от попавших в их руки документов

²²⁸ *Rüstembeyli Ş.* M.E. Resulzadenin feci sukutu. S. 32.

²²⁹ *Мамулия Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 206.

АНЦ и КНК, главной целью которых являлась борьба с новоявленным «закадычным другом» Турции – советским режимом.

Неудивительно, что турецкие спецслужбы усилили слежку за азербайджанскими лидерами, подтверждением чему стала секретная директива начальника Службы национальной безопасности (Milli Emniyet Hizmeti – МЕН) Турции Шюкрю Али руководителю Стамбульского отдела разведки от 29 декабря 1929 года ²³⁰. Как видно из содержания этого документа, к тому времени М.Э.Расулзаде находился под колпаком турецких спецслужб, и вопрос его высылки из Турции всерьез обсуждался в турецких правящих кругах уже в конце 1929 года.

В директиве начальника МЕН открыто подчеркивается, что «с целью сохранения дружбы с русскими, правительство не может поощрять в Турции подобного рода деятельность» М.Э. Расулзаде и его соратников по эмиграции. В документе также содержалось предупреждение о том, что деятельность КНК на территории страны не может быть разрешена, и «если они (комитетчики) будут продолжать ее, то будут высланы из Турции». Азербайджанским эмигрантам предлагалась «работать скрытно» ²³¹.

Как видно из содержания данного документа, турецкие власти прямым текстом говорили о том, что ради поддержки освободительной борьбы азербайджанских тюрок они не могут рисковать дружбой с советской Россией. По существу, от М.Э. Расулзаде требовали ограничиться глубоко конспиративной работой. Но это было неприемлемо для Мамед Эмин бея, поскольку борьба за азербайджанский идеал требовала определенной публичности и открытости, в чем турецкие власти ему отказывали.

Они фактически пытались использовать азербайджанских эмигрантов и М.Э. Расулзаде в качестве разменной монеты в политической игре с Кремлем. И не прочь были также воспользоваться возможностями эмигрантов для сбора разведанных о ситуации на Кавказе, о военном и экономическом потенциале большевиков в этом регионе. Ведь, судя по оперативным данным советских спец-

²³⁰ Соцков Л. Известный сепаратизм. С. 19-20.

²³¹ Там же. С. 19.

служб, «у руководителей эмиграции имелись довольно регулярные связи с родиной, куда под разными прикрытиями частенько выезжали их эмиссары для решения своих эмигрантских дел»²³². Неудивительно, что азербайджанские и, в целом, кавказские эмигранты обладали достаточной информацией о ситуации на Кавказе, в получении которой была заинтересована и турецкая разведка.

Однако М.Э. Расулзаде отказался принять «правила игры», предложенные Анкарой, что, возможно, позволило бы ему и в дальнейшем оставаться в стране. Вместо этого он в очередной раз проигнорировал предупреждение турецких властей о недопустимости открытой антисоветской деятельности. Хотя Мамед Эмин бей прекрасно осознавал, что долго так продолжаться не может. И в условиях, когда дальнейшее нахождение на турецкой территории Комитета независимости Кавказа и Азербайджанского национального центра становилось все более проблематичным, он начал постепенно переводить отдельные подразделения этих структур из Турции в европейские страны. Да и сам он в конце 20-х гг., в основном, находился в Европе, лишь изредка приезжая в Турцию. Тем не менее, М.Э. Расулзаде до последнего момента пытался использовать существующие в Турции даже минимальные возможности для пропаганды и популяризации идеи национального освобождения азербайджанских тюрков.

С этой целью в Турции продолжали издаваться печатные органы партии «Мусават» – журналы «*Azeri Türk*» (с февраля 1928 по февраль 1930 гг.) и «*Odlu Yurt*» (с марта 1929 по август 1931 гг.), а также еженедельная газета «*Bildiriş*» (с августа 1930 по сентябрь 1931 гг.). Все эти печатные издания с той же принципиальностью и последовательностью продолжали линию «*Yeni Kafkasya*», направленную против большевистской оккупации Азербайджана. Но, как видно, издание этих печатных органов оказалось непродолжительным. И это было неудивительно, поскольку под усиливающимся давлением Кремля Анкара постепенно ограничивала возможности азербайджанской эмиграции для более или менее полноценной деятельности на территории страны.

²³² Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 21.

Ужесточение позиции Кремля в отношении действующих на территории Турции кавказских эмигрантов было обусловлено критической ситуацией, складывающейся на Кавказе в связи с началом процесса насильственной коллективизации. В начале 30-х гг. весь Кавказ оказался охваченным повстанческим движением, направленным против большевистской власти. Причем, председатель Совнаркома ЗСФСР Ш.З. Элиава, выступая в 1930 году на одном из заседаний Закавказского краевого комитета Коммунистической партии, подчеркивал, что в авангарде борьбы против коллективизации в закавказском регионе находится Азербайджан, где повстанческое движение, по сравнению с Грузией и Арменией, приобрело гораздо более масштабные размеры²³³.

Этот факт подтверждается и архивными документами советских спецслужб. В составленной ОГПУ осенью 1931 года справке об активизации антисоветских элементов в Закавказье, подчеркивалось, что «в течение 1930 г. в Азербайджане имели место массовые вооруженные восстания в Гянджинском, Нухинском, Зака тальском и Карабахском районах и в Нахичеванской АССР. В восстаниях приняли участие не только значительная часть бедноты и середнячества, но и некоторые советские работники, партийцы и комсомольцы. В Гянджинском районе на стороне повстанцев активно участвовало 70 членов партии, 88 комсомольцев, 14 работников милиции»²³⁴. По свидетельству же тогдашнего секретаря Закавказского краевого комитета ВКП (б) Н.П. Чаплина, «в Шеки в самый тяжелый момент многие коммунисты и комсомольцы перешли на сторону повстанцев», и, уйдя в горы, отчаянно сражались с чекистами²³⁵.

В своей работе «Под лозунгом единства Кавказа», посвященной анализу этих событий, М.Э. Расулзаде подчеркивал закономерность того факта, что повстанческое движение на Кавказе получило наибольший размах именно в Азербайджане: «Ведь «уничтожение

²³³ *Расулзаде М.Э.* Под лозунгом единства Кавказа // Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше. С. 29.

²³⁴ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. М., 2005. С. 673.

²³⁵ *Расулзаде М.Э.* Под лозунгом единства Кавказа. С. 27.

кулака, как класса», в условиях Азербайджана означало фактически поголовное истребление основной массы населения. 60% сельского населения в Азербайджане составляли именно те категории лиц, которые подлежали «раскулачиванию»²³⁶.

Другой важной причиной яростного сопротивления подавляющего большинства азербайджанского крестьянства политике коллективизации М.Э. Расулзаде считал то обстоятельство, что исторически Азербайджан «никогда не знал институт общинного землевладения», составлявший основу создаваемых советскими властями коллективных хозяйств. По словам М.Э. Расулзаде, этот институт являлся сугубо русским явлением, что придало «антиколхозным выступлениям антиокупационный, т.е. антирусский характер». В этом отношении социально-классовый момент вполне совпадал с национальным, поскольку повстанцы зачастую требовали не только отмены коллективизации, но и восстановления своей национальной власти²³⁷.

Что же касается большевистских функционеров, то они объясняли масштабность антисоветских выступлений сильной позицией кулачества в Азербайджане и зарубежным влиянием. Главной же «угрозой из-за рубежа», несомненно, являлись мусаватисты. Например, секретарь ЦК КП (б) Азербайджана Н.Ф. Гикало утверждал, что все это дело рук «Мусавата», и именно «мусаватизм» одухотворяет антисоветское повстанческое движение. Аналогичного мнения придерживался и вышеупомянутый Ш.З. Элиава. Правда, он считал зачинщиком всех этих событий Комитет независимости Кавказа, в целом²³⁸. Действительно, согласно отчетам ОГПУ, деятельность партизан частично координировалась азербайджанскими эмигрантскими организациями²³⁹.

Среди эмигрантских организаций наиболее активно со своими подпольными ячейками внутри Азербайджана контактировали «Мусават» и АНЦ. Это позволяло им не только координировать

²³⁶ *Расулзаде М.Э.* Под лозунгом единства Кавказа. С. 26.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. С. 27.

²³⁹ *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 210.

деятельность своих сторонников внутри страны, но и владеть достаточно подробной и достоверной информацией о внутренней ситуации в Азербайджане. Причем, как свидетельствуют документы ОГПУ, рассекреченные после распада СССР, внутри Азербайджана наиболее активную пропагандистскую работу мусаватисты вели именно среди крестьян. И повстанческое движение начала 30-х гг. подтвердило оправданность подобной тактики «Мусавата»²⁴⁰.

К тому же азербайджанские политэмигранты, по сравнению с грузинскими и северокавказскими эмигрантами, в этом отношении находились в более предпочтительном положении. Дело в том, что в конце 20-х гг. члены разведывательных организаций грузинских и северокавказских эмигрантов были высланы сначала из приграничных районов, а затем и полностью из Турции. Это значительно затруднило задачу грузинской и северокавказской эмиграции по поддержанию постоянных связей с подпольными организациями на родине.

Между тем, соответствующие структуры азербайджанской эмиграции продолжали свою деятельность на приграничной с Азербайджаном иранской территории. Несмотря на то, что вся территория Ирана была окутана паутиной разведывательной сети ОГПУ, азербайджанские эмигранты, находясь в родной этнической среде, обладали немалыми возможностями, чтобы замаскировать свою деятельность по сбору информации и налаживанию связи с подпольными организациями внутри Азербайджана.

Тем более что в таких южно-азербайджанских городах, как Тебриз, Ардабиль, Астара имелись достаточно сильные местные ячейки «Мусавата». Они действовали под прямым руководством М.Э. Расулзаде, о чем свидетельствует обширная переписка между ним и тебризскими мусаватистами²⁴¹. И весь этот потенциал мусаватистов в Иране использовался для оказания организационно-пропагандистской поддержки повстанческому движению в Азербайджане.

Не имея возможности непосредственно участвовать в повстанческом движении, М.Э. Расулзаде, как и другие руководители

²⁴⁰ *Qasimli M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 332.

²⁴¹ ГАШПОД УДПАР. Ф. 1. Оп. 231. Д. 76. Л. 14.

Комитета независимости Кавказа, сосредоточили свои усилия на пропагандистской работе, призывая борющихся против советского режима повстанцев к межнациональной солидарности. В бюллетене КНК, который был специально напечатан на тонкой папиросной бумаге и затем нелегально распространен на оккупированном большевиками Кавказе, М.Э. Расулзаде призывал кавказских крестьян совместно бороться против общего врага:

«Единение народов Кавказа и полное сознание необходимости осуществления идеи независимой Кавказской Конфедерации – вот первый залог нашей окончательной победы! Итак, народы Кавказа, объединяйтесь, сомкните ваши ряды и наравне с вашими национальными знаменами поднимите выше знамя кавказского единства. В этом, повторяю, наше общее спасение!»²⁴².

Азербайджанский национальный центр и Центральный Комитет партии «Мусават» в своих резолюциях, принятых по поводу восстаний в Азербайджане, также энергично предлагали всем лицам, причастным к организациям, и всем патриотам – «говоря о независимости Азербайджана, одновременно говорить и о независимой Кавказской Конфедерации, ибо освобождение Азербайджана мыслимо только совместно с освобождением всего Кавказа»²⁴³.

Подобная пропаганда приносила свои плоды, поскольку армянские повстанцы, спасаясь от преследований, зачастую скрывались у азербайджанских турков, а последние – у армян. И это несмотря на то, что еще свежи были в памяти людей ужасы армяно-азербайджанских столкновений начала XX века. Данное обстоятельство очень тревожило большевистских функционеров. Так, глава ЗСФСР Ш.З. Элиава с беспокойством отмечал, что повстанцы «не видели разницы между Кораном и Евангелием, и в результате в Нахчыване имелись тюркские партизанские отряды, возглавляемые армянскими священниками, а в Даралегезе армянские повстанцы дрались под руководством тюркских вождей»²⁴⁴.

²⁴² Бюллетень Комитета независимости Кавказа. 1931. № 13. С. 10.

²⁴³ *Расулзаде М.Э.* Под лозунгом единства Кавказа. С. 28-29.

²⁴⁴ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 673.

Все это приводило большевистских оккупантов в бешенство, подталкивая их к еще более жестоким репрессиям, которые сродни зверствам, творимым германскими фашистами в ходе Второй мировой войны на оккупированных территориях. Причем эти карательные операции не ограничивались только повстанцами. Во многих случаях их жертвами становилось, в первую очередь, мирное азербайджанское население. Ярким примером тому является расстрел мирных жителей азербайджанского села Чай-Абасы Гянджинского района, о котором сообщается в отчете ОГПУ. Там подчеркивается, что «при изъятии скрывшихся в указанном селе 8 бандитов, отрядом 4-го стрелкового полка 19 февраля 1930 г. были зверски расстреляны около 30 человек, т. е. все жители селения. Дома и другие постройки подожжены, имущество разгромлено. В числе расстрелянных находилось 14 детей, из них 9 в возрасте от 2 до 6 лет. Кроме того, 4 грудных детей были брошены привязанными к трупам матерей и умерли от голода и холода. При обследовании места расстрела были обнаружены остатки костра, на котором лежало пять трупов, в том числе 3 детских. Один из трупов сгорел почти совершенно, осталась одна голова»²⁴⁵.

Не вызывает сомнений, что большевики считали все эти варварские меры вполне адекватными в сложившихся условиях, чтобы сломить сопротивление азербайджанских крестьян. Но эти дикие и кровавые репрессии против мирного населения давали обратный эффект, еще больше усиливая ненависть и сопротивление азербайджанских крестьян большевистским оккупантам.

Однако М.Э. Расулзаде, как и другие руководители азербайджанской эмиграции, прекрасно понимал, что, несмотря на огромные масштабы повстанческого движения и отвагу партизан, они долго не смогут продержаться против «бешеных атак озверевших оккупантов, опираясь исключительно на свои собственные силы, не имея никакой помощи от культурного мира»²⁴⁶. Исходя из этого, он резонно полагал, что оставленные цивилизо-

²⁴⁵ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 673.

²⁴⁶ Расулзаде М.Э. Под лозунгом единства Кавказа. С. 32.

ванным миром на произвол судьбы повстанцы могут потерпеть поражение. Тем не менее, М.Э. Расулзаде считал, что «это будет только материальное и временное поражение. Морально же они уже победители. Полная же победа также гарантирована за ними – ибо они защищают морально непобедимые ценности свободы, права и национальной независимости»²⁴⁷.

Действительно, несмотря на героическое сопротивление азербайджанских повстанцев советским оккупационным войскам, силы были слишком не равны. И повстанцы, в конечном итоге, спасаясь от зверств и насилия советской армии, вынуждены были со своими семьями укрыться в Иране. По данным эмигрантских источников, количество азербайджанских тюрков, бежавших в Иран из советского Азербайджана от насильственной коллективизации, превышало 5 000 человек. Эти беженцы находились «в состоянии нищеты и неопикуемых лишений». 10 сентября 1930 года дипломатическая делегация Азербайджана в Париже тщетно просила у ассамблеи Лиги Наций «материальную помощь для этих беженцев, лишенных пищи и крыши надо головой, среди которых начали распространяться эпидемические заболевания»²⁴⁸.

Тем не менее, пересиливая все лишения и проблемы, азербайджанские повстанцы с иранской территории продолжали бороться с советским оккупационным режимом. Подтверждением тому является отчет закавказского ОГПУ от 7 октября 1931 г., где подчеркивается, что в пограничной с Азербайджаном полосе на иранской территории сконцентрированы эмигрантские группы, контрреволюционные центры партий «Мусават» и «Иттихад», а также ряд повстанческих отрядов, ведущих активную работу на советской территории²⁴⁹.

Об активности повстанческих отрядов, укrywшихся в Иране, свидетельствуют и французские дипломатические источники. Так, временный поверенный Франции в делах Ирана в своем отчете от 23 июня 1930 года подчеркивает, что поток беженцев с

²⁴⁷ *Расулзаде М.Э.* Под лозунгом единства Кавказа. С. 32.

²⁴⁸ *Мамулия Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 215.

²⁴⁹ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 670.

Кавказа «значительно возрос в течение этих последних трех месяцев. Перегруппировавшись внутри персидской границы, они неоднократно осуществляли атаки на советскую территорию, против их прежних тиранов. Иранское правительство не смогло, или не захотело помешать этим набегам»²⁵⁰.

13 апреля 1930 года МИД СССР вручил ноту иранской стороне, в которой выражалась обеспокоенность в связи с участвовавшими нарушениями советской границы повстанческими отрядами, базирующимися на территории Южного Азербайджана. В документе иранская сторона обвинялась в бездействии и неприятии необходимых мер с целью пресечения «антисоветской деятельности» азербайджанских повстанцев²⁵¹. Нота советского МИД аналогичного содержания была вручена иранскому послу в Москве и 16 мая 1930 года²⁵².

Однако, начиная уже с конца 1929 года, иранские власти усилили давление на азербайджанских эмигрантов, и, в первую очередь, на мусаватистов, вынуждая их покинуть пределы страны. Именно в это время из Ирана был депортирован Мамед Али Расулзаде, который играл важную роль в налаживании деятельности мусаватских организаций на территории Ирана²⁵³.

Но, видимо, предпринимаемые иранской стороной меры не совсем удовлетворяли большевистское руководство. И крайне озлобленный действиями азербайджанских повстанцев Кремль решил воспользоваться советско-иранским договором 1921 года, по условиям которого большевики обладали правом ввести свои воинские части на территорию Ирана, в случае возникновения отсюда опасности государственным интересам СССР.

Весной 1930 года, с целью уничтожения повстанческих отрядов азербайджанцев, оперирующих в приграничных районах, советские части пересекли реку Аракс и вторглись на территорию Ирана, захватив и уничтожив «массу эмигрантов». По свидетель-

²⁵⁰ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 214.

²⁵¹ Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. XIII. С. 208-210.

²⁵² Там же. С. 259-260.

²⁵³ Hacıoğlu Y. Resulzade'den Tanrıöver'e mektuplar. S. 215.

ству вышеупомянутого французского источника, значительный контингент советских войск с оружием в руках проник в уезды Охара и Ашоглу Худаферинского района Ирана. Они пребывали там в течение нескольких дней, грабя и поджигая деревни (две, – говорят одни, шесть или семь, – говорят другие), уведя на территорию СССР около 50 пленников²⁵⁴.

При этом большевики осознавали, что окончательное подавление повстанческого движения возможно лишь после нейтрализации эмигрантских организаций, которые не только координировали деятельность партизан, но и выполняли функцию мозгового центра всего движения сопротивления советскому режиму. Поэтому, чтобы обезглавить повстанческое движение азербайджанских тюрок, советский режим еще больше усилил давление на правительство Ирана, требуя прекращения деятельности в приграничной с СССР территории азербайджанских эмигрантских организаций.

В очередной ноте МИД СССР от 24 мая 1930 года, врученной иранскому посольству в Москве, указывалась на активную антисоветскую деятельность мусаватистов в Тебризе, Ардебиле и Астаре. Особую обеспокоенность советской стороны вызывала активность мусаватиста Мамед Садыка Гулиева (Хулуси) в Тебризе. В этой связи советский МИД требовал от Тегерана удаления с территории Южного Азербайджана всех активных азербайджанских политэмигрантов, и, в первую очередь, руководителей и функционеров Тебризского отделения партии «Мусават», и их высылку в южные области Ирана²⁵⁵. Поддавшись этому нажиму, иранское правительство запретило деятельность мусаватских структур в Южном Азербайджане, а их членов выслало в провинцию Хузистан.

Не довольствуясь этим, советское руководство потребовало принятия аналогичных мер в отношении азербайджанских эмигрантов и от Турции. Ведь в Кремле не забывали, что основные руководящие органы азербайджанской и всей кавказской эмиграции – АНЦ, Загранбюро «Мусават», КНК, а также печатные органы двух первых структур находятся именно в Турции.

²⁵⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XIII. С. 259-260.

²⁵⁵ Там же. С. 289-294.

В подобных условиях дальнейшая деятельность КНК в Стамбуле становилась все более проблематичной. К тому же в августе 1929 года Грузинский национальный центр принял постановление о выходе из состава Комитета независимости Кавказа, объяснив свое решение отсутствием в Турции соответствующих условий для деятельности данной структуры. При этом в конце принятого постановления подчеркивалось, что в будущем, при наличии соответствующих условий, Грузинский национальный центр готов вести переговоры «для объединения революционной работы на Кавказе и ее соответственного организационного оформления»²⁵⁶.

С целью решения создавшейся проблемы 6-12 февраля 1930 года в Варшаве состоялась конференция входящих в «Прометей» национальных организаций Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, в ходе которой удалось достичь компромиссного решения. Грузинская делегация предложила перенести КНК в Париж или в Бухарест, как наиболее близкий к Кавказу пункт, после Стамбула. Но оба эти предложения были отвергнуты представителями Азербайджана и Северного Кавказа. В конечном итоге, приняли постановление, в котором подчеркивалось, что «местопребывание КНК переносится в Варшаву. В Стамбуле же учреждается отделение КНК, действующее по директивам последнего»²⁵⁷.

Между тем, даже в разгар повстанческого движения в Азербайджане Х. Султанов и К^о продолжали интриговать против М.Э. Расулзаде, предпринимая усилия для создания организации, альтернативной Комитету независимости Кавказа и прометеевскому движению. В конечном итоге, Х. Султанову и его соратникам удалось в начале 1930 года сколотить т. н. Кавказский национальный центр, в состав которого от азербайджанской эмиграции вошли он сам и А.М. Топчибаши.

15 марта 1930 года Кавказский национальный центр направил на имя турецких руководителей специальный меморандум, где ука-

²⁵⁶ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 208.

²⁵⁷ Протокол конференции представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 78.

зывалось, что главной целью новой структуры является создание Кавказской Конфедерации, которая в будущем могла бы играть роль буфера между Турцией и Россией. При этом авторы меморандума не забыли открыто обвинить мусаватистов во враждебной деятельности в отношении Турции. По утверждению авторов документа, мусаватисты находились под исключительным влиянием англичан.

В меморандуме также подчеркивалось, что Комитет независимости Кавказа оказался несостоятельным вследствие вмешательства поляков, сделавших ставку на грузинских социал-демократов и азербайджанских мусаватистов. А сам КНК в действительности якобы финансируется англичанами, перечисляющими деньги через поляков. Учитывая натянутость отношений между Анкарой и Лондоном, это было довольно серьезное обвинение. В конце же меморандума утверждалось, что только входящие в Кавказский национальный центр политические силы – грузинские национал-демократы, азербайджанская группировка А.М. Топчибаши и республиканско-федералистская партия горцев Кавказа могут быть наиболее надежными партнерами Турции²⁵⁸.

Таким образом, с одной стороны, давление советских властей, а с другой стороны, регулярные доносы некоторых азербайджанских эмигрантов в турецкие спецслужбы о якобы недружественной Анкаре позиции мусаватистов, способствовали тому, что круг вокруг М.Э. Расулзаде постепенно сужался. После обысков, проведенных 1 июня 1929 года турецкими спецслужбами на стамбульской квартире М.Э. Расулзаде и в офисе редакции журнала «*Azeri Turk*», власти начали расследование по т. н. «делу национальных документов» («*milli evrak meselesi*»), о чем здесь уже говорилось. В связи с этим Мамед Эмин бей находился под «следствием», о чем он в своем письме из Стамбула от 20 ноября 1929 года сообщил близкому другу, видному турецкому дипломату и государственному деятелю Хамдуллаху Субхи Танрыюверу²⁵⁹.

С целью избежать ненужных бюрократических проволочек, неизбежных в отношении иностранных подданных, создававших

²⁵⁸ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 212-213.

²⁵⁹ *Hasaloğlu Y. Resulzade'den Tanrıöver'e mektuplar.* S. 211.

немало проблем для М.Э. Расулзаде, он в 1929 году официально обратился за получением турецкого гражданства. Желая содействовать положительному решению данного вопроса, Юсуф Акчура даже встречался по этому поводу с высокопоставленными турецкими чиновниками. И ему было заявлено, что Мамед Эмин бею необходимо еще немного потерпеть²⁶⁰.

На самом же деле официальные власти не собирались предоставлять М.Э. Расулзаде турецкое гражданство. Они сознательно затягивали принятие решения как по данному вопросу, так и по следствию по т. н. «делу национальных документов». Находясь в таком неопределенном, подвешенном состоянии, М.Э. Расулзаде уже никак не мог заниматься эмигрантскими делами. Именно на это обстоятельство он жаловался в своем последнем письме из Стамбула, датированным 20 декабря 1929 года. Письмо было адресовано Х.С. Танрыюверу²⁶¹.

Вскоре после этого, в начале февраля 1930 года, М.Э. Расулзаде окончательно покинул Турцию. Об этом свидетельствуют, в частности, письма М.Э. Расулзаде от 29 марта, 15 апреля, 4 мая и 20 июня 1930 года, адресованные тому же Х.С. Танрыюверу²⁶². Первые два письма отправлены из Парижа, а последующие – из Варшавы. В них М.Э. Расулзаде информирует друга об отказе турецких консульств в Париже и Варшаве предоставить ему обратную визу для возвращения в Турцию, объясняя это указанием, полученным из Анкары. Хотя паспорт, полученный Мамед Эмин беом в Стамбульской полиции буквально перед отъездом, был действителен как для выезда, так и въезда в страну. В этой связи М.Э. Расулзаде подчеркивал, что его фактически обманным путем депортировали из Турции. Далее он отмечал, что если его пребывание в Стамбуле было нежелательно для турецких властей, то они открыто могли бы сообщить ему об этом²⁶³. Как и следовало ожидать, попытки Х.С. Танрыювера содействовать воз-

²⁶⁰ *Hasaloğlu Y. Resulzade'den Tanriover'e mektuplar. S. 212.*

²⁶¹ *A.g.e. S. 212-213.*

²⁶² *A.g.e. S. 210.*

²⁶³ *A.g.e. S. 214.*

вращению Мамед Эмин бея в Турцию не увенчались успехом, поскольку решение по данному вопросу было принято на уровне высшего руководства страны. В результате М.Э. Расулзаде смог вернуться в Турцию лишь в 1947 году.

Официальное же оформление уже свершившегося факта депортации М.Э. Расулзаде из Турции состоялось в 1931 году. После взаимных визитов министра иностранных дел Турции Т. Рюшти в Москву и главы внешнеполитического ведомства СССР М.М. Литвинова в Анкару, состоявшихся в 1931 году, стороны договорились о продлении на очередной 5-летний срок турецко-советского договора о дружбе и нейтралитете от 1925 года. Соответствующий протокол был подписан 30 ноября 1931 года в Анкаре ²⁶⁴, согласно секретному пункту которого, Турция взяла на себя обязательство депортировать из страны наиболее активных политэмигрантов из СССР и полностью прекратить любую антисоветскую пропаганду с их стороны. В соответствии с этим пунктом протокола турецкое правительство в 1931 году приняло решение о приостановлении деятельности Загранбюро партии «Мусават» и Азербайджанского национального центра, а также депортации руководителя этих организаций М.Э. Расулзаде из Турции ²⁶⁵. Хотя в момент принятия данного решения Мамед Эмин бей уже давно находился за пределами Турции.

Примечательно, что М.Э. Расулзаде стал единственным азербайджанским политэмигрантом, депортированным из Турции. Подавляющее же большинство азербайджанских эмигрантов, в частности, Х. Султанов, Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли и члены их группировки, согласились с «правилами игры», предложенными Анкарой, что позволило им остаться в этой стране. Правда, их пребывание в Турции особой пользы для реализации азербайджанского идеала не принесло.

²⁶⁴ Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3. С. 314.

²⁶⁵ Karaca A. Azerbaycanın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış. Ankara, 1982. S. 23.

ГЛАВА IV

М.Э. РАСУЛЗАДЕ – ЛИДЕР АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЛИТЭМИГРАЦИИ (1931-1955)

Кто избран судьбой творить новое, великое, тот заодно обращает в развалины часть собственной жизни. И чем он добросовестней, тем глубже разрез, которым он рассекает мироздание, проходит по его собственному нутру. В этом тайная боль и горечь всякой великой исторической мысли.

Густав Фрейтаг,
немецкий писатель и историк

§ 1. После депортации из Турции. Европейский период эмиграции (1931-1936)

С депортацией из Турции начался новый – европейский этап деятельности М.Э. Расулзаде в эмиграции. Особенность данного этапа заключалась в том, что центр тяжести эмигрантской деятельности переместился из Турции в европейские столицы. Ведущие организации азербайджанской политэмиграции также были сосредоточены в различных государствах Европы, в первую очередь, в Польше, Франции и Германии, где для их деятельности были созданы относительно сносные условия. Что же касается самого М.Э. Расулзаде, то он получил политическое убежище и обосновался в Польше.

Принятое турецкими властями решение о депортации М.Э. Расулзаде из страны стало очень болезненным для всей азербайджанской политэмиграции, поскольку создавало немалые трудности для ее дальнейшей работы. Тем более что одновременно в августе-сентябре 1931 года в Турции были закрыты азербайджанские

эмигрантские издания – «Odlu Yurt» и «Bildiriş». Отныне всем проживающим в Турции эмигрантам из СССР разрешалось объединяться лишь в культурные, просветительские и благотворительные общества, лишённые какой бы то ни было политической функции.

Особенно обидным для М.Э. Расулзаде оказалось то обстоятельство, что все эти проблемы для азербайджанской политэмиграции создавались руками властей братской Турции. По этому поводу он в начале января 1932 года писал: «По решению правительства Турецкой Республики закрыты издающиеся в Стамбуле журналы и газеты – «Odlu Yurt», «Azeri Türk», «Bildiriş», «Yeni Türkistan». Не может быть! Это невозможно! Обоснованное с психологической и логической точек зрения отрицание! Но, к сожалению, факт на лицо. Это голая правда, отражающая действительность. Этой горькой реальности, вызывающей у нас недоумение, ныне радуется враг»¹.

Действительно, известие о депортации М.Э. Расулзаде из Турции и закрытии эмигрантских изданий с большим облегчением и радостью было встречено со стороны руководства азербайджанских коммунистов. Выступая 15 января 1932 года на XX Общебакинской партийной конференции, один из секретарей ЦК АКП(б) А. Султанов не скрывал своей удовлетворённости этим решением турецких властей: «Мусаватисты в зарубежных государствах ведут против нас серьёзную борьбу. Однако им нанесён новый удар. В Стамбуле закрыты выходившие под общей редакцией М.Э. Расулзаде периодические издания «Odlu Yurt», «Azeri Türk», «Bildiriş», а также орган туркестанских эмигрантов «Yeni Türkistan». Азербайджанские трудящиеся не возражают, что они (мусаватисты – А. Б.) лишились этих печатных органов, которые являлись средствами открытой борьбы с Советским Азербайджаном»².

Однако, несмотря на все превратности судьбы, беспокойной, кипучей натуры М.Э. Расулзаде были чужды такие понятия, как усталость, отчаяние, безысходность и приспособленчество к меняющейся политической реальности. Наоборот, М.Э. Расулзаде с

¹ Цит. по: *Karaca A. Azerbaycanın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış*. Ankara, 1982. S. 23.

² Бакинский рабочий. 1932. 18 января.

еще большей энергией продолжил отстаивать идею национальной независимости Азербайджана, но уже за пределами Турции – в Европе. М.Э. Расулзаде сделал все от него зависящее, чтобы радость большевиков, связанная с закрытием азербайджанских эмигрантских изданий, была как можно более кратковременной.

И это ему удалось. Выступая с радостной для большевиков вестью 15 января 1932 года в Баку, секретарь ЦК АКП(б) Ага Султанов еще не знал, что 10 января в Берлине уже вышел в свет первый номер газеты «İstiklal» «с той же редакцией и с той же программой, что и закрытые в Стамбуле азербайджанские органы печати»³. В ней была напечатана статья М.Э. Расулзаде «Не прерванный голос». Затрагивая последние действия турецких властей, он в этой статье подчеркивал, что «мы не имеем права останавливать ни на мгновение борьбу за Азербайджан и должны оповещать о ней весь мир. Естественно, что голос Азербайджанского национального движения не может быть прерван в ожидании изменения тактики Турции. Поэтому выходящая в Берлине эта газета призвана продолжить дело закрытых в Стамбуле печатных изданий»⁴.

Впрочем, депортация М.Э. Расулзаде из Турции, наряду с негативными последствиями, имела и определенные положительные моменты для дальнейшей деятельности лидера азербайджанской политэмиграции. Дело в том, что нахождение в Турции заметно ограничивало его свободу маневра, поскольку, принимая те или иные решения, он вынужден был в обязательном порядке учитывать позицию официальной Анкары, чтобы не осложнить и без того непростые взаимоотношения с турецкими властями. Теперь же М.Э. Расулзаде получил полную свободу действий в контактах с представителями различных европейских государств, и возможность, без оглядки на турецкие власти, продолжать борьбу за восстановление независимости Азербайджана.

Другое дело, что возникли трудности организационного плана. К тому же из-за деструктивных действий таких «соратников»

³ Горцы Кавказа. 1932. №29. С. 18.

⁴ Karaca A. Azerbaycanın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış. S. 23-24.

М.Э. Расулзаде, как Х. Султанов, Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбейли, усилились центробежные тенденции в эмигрантской среде. Эти деятели давно уже вынашивали планы по отстранению М.Э. Расулзаде от руководства партией «Мусават» и АНЦ с последующим установлением собственного контроля над этими организациями азербайджанской политэмиграции. Судя по всему, депортацию М.Э. Расулзаде из Турции они сочли сигналом к началу реализации своего плана, что привело к усилению разногласий и противостояния внутри «Мусават» и АНЦ.

Причины обострения взаимоотношений внутри азербайджанской эмиграции, несомненно, были многочисленны. Наряду с обычными человеческими слабостями – завистью, ревностью, подозрительностью – немалую роль в обострении этих противоречий сыграли политические амбиции и борьба за лидерство отдельных деятелей азербайджанской эмиграции. Но при всем разнообразии этих причин не вызывает сомнений, что ключевую роль в обострении этих взаимоотношений все же играли интриги советских спецслужб. Ведь, как признает генерал-майор Л.Соцков, более сорока лет проработавший в зарубежных и центральном аппаратах советской внешней разведки, в 20-30-х гг. прошлого столетия борьба с эмиграцией являлась одним из приоритетных направлений деятельности органов госбезопасности СССР⁵.

Подрывная деятельность советской разведки в отношении эмигрантских организаций особенно усилилась в начале 30-х годов. Подтверждением тому является директива, направленная в 1932 году ИНО ОГПУ своим агентам за рубежом. В ней подчеркивалась необходимость внедрения во все существующие эмигрантские организации с целью разжигания противоречий внутри них и дезорганизации их деятельности. Одновременно советским агентам за рубежом рекомендовалось «предпринять максимальные усилия» для дискредитации наиболее видных деятелей политэмиграции из СССР⁶.

⁵ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 7.

⁶ Istiklal. 1932. 20 Haziran.

Обращая внимание на подобные действия советских спецслужб, М.Э. Расулзаде указывал, что «уничтожение эмиграции является одной из актуальных для большевиков задач»⁷. В своей статье «Внимание – ГПУ!», написанной по этому поводу, он напоминал, что «скрытая деятельность ГПУ среди представителей политической эмиграции, борющихся за национальную независимость, не является новым явлением. Мы все знаем об этом»⁸. Тем не менее, он призывал своих соратников по эмиграции быть бдительными, «и ни на миг не забывать о том, что противник постоянно стремится нас деморализовать и дезорганизовать. Убеждение и дисциплина! – Вот лозунг, способный перечеркнуть планы ГПУ»⁹.

Безусловно, М.Э. Расулзаде и его последователи не обладали возможностями для полной нейтрализации подобной деятельности советских спецслужб. И случалось, что отдельные представители азербайджанской эмиграции все же попадали в расставленные советскими спецслужбами сети, занимаясь разрушительной деятельностью. В этой связи вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что обострение ситуации внутри азербайджанской политэмиграции совпало по времени с активизацией советской разведки в этом направлении.

Так, в начале 30-х гг. заметно участились нападки на М.Э. Расулзаде со стороны некоторых его «соратников». Среди них особенно неистовствовал Ш. Рустамбейли, на тесные контакты которого с Лубянской указывают различные источники, в частности, оперативные данные Экспозитуры-II Генерального штаба Польской армии¹⁰. На сегодняшний день не представляется возможным определить конкретные причины, подтолкнувшие Ш. Рустамбейли к подобному шагу. Но очевидным фактом является то, что его вредная для национальных интересов деятельность на рубеже 20-30-х гг. создала немало проблем для азербайджанской эмиграции. Тем более что ему удалось вовлечь в свои интриги и Х. Хасмамедова.

⁷ Istiklal. 1932. 20 Haziran.

⁸ Istiklal. 1932. 1 Temmuz.

⁹ A.g.e.

¹⁰ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 35.

Как уже было указано в предыдущей главе, чтобы избавить партию «от тактики шантажа и дезорганизации» Ш. Рустамбейли и Х. Хасмамедова руководство «Мусавата» еще в конце 1928 года исключило их из партии и отозвало из состава АНЦ. Но тогда они публично раскаялись, признав свою вину, и были восстановлены в рядах партии «Мусават». Однако вскоре выяснилось, что это было лишь их очередной тактической уловкой, поскольку они только на словах помирились с М.Э. Расулзаде. На самом же деле они продолжали свои тайные интриги, распространяя среди эмигрантов под вымышленными фамилиями различные заявления о якобы «бесконтрольном израсходовании средств, предназначенных для национального дела»¹¹, обвиняя во всем этом М.Э. Расулзаде. После депортации М.Э. Расулзаде из Турции, интриги Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли приобрели характер открытой конфронтации с лидером «Мусавата».

В связи с депортацией М.Э. Расулзаде, а также нахождением некоторых других видных деятелей партии за пределами Турции, в различных европейских государствах деятельность руководящих органов «Мусавата» и АНЦ была фактически парализована, что весьма негативно сказывалось на функционировании всей азербайджанской эмиграции. Для выхода из этой критической ситуации М.Э. Расулзаде выступил с предложением о реорганизации руководящих структур «Мусават» и АНЦ. Хотя он вполне мог воспользоваться этой ситуацией, чтобы сосредоточить в своих руках все рычаги управления партией. Тем более что, согласно действующему партийному уставу, в чрезвычайных ситуациях, в том числе, в случае недееспособности руководящего органа партии – Дивана, все его полномочия переходили лидеру партии¹².

Для обсуждения путей выхода из создавшегося положения в конце 1932 года М.Э. Расулзаде пригласил Х. Хасмамедова в Европу. В ходе длительных и сложных консультаций, в которых наряду с М.Э. Расулзаде и Х. Хасмамедовым также принимали

¹¹ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. Varşava, 1934. S. 25.*

¹² *A.g.e. S. 29.*

участие М. Мехтиев с М. Векилли, удалось достичь компромиссного решения. В нем подчеркивалось, что стороны в принципе осознают целесообразность местопребывания организации, борющейся за восстановление независимости Азербайджана, именно в Турции. Но, учитывая текущую политическую ситуацию и факт нахождения членов АНЦ в различных европейских столицах, с целью успешного продолжения национальной борьбы и согласования различных точек зрения было принято решение создать специальный комитет в составе трех человек, обладающий полномочиями осуществлять непосредственное руководство над деятельностью всей азербайджанской политэмиграции. Местопребывание данного комитета в решении не было указано¹³. Но в тогдашних условиях данная структура вынуждена была функционировать за пределами Турции, в Варшаве.

После достижения этого компромисса, казалось, что конфликт между М.Э. Расулзаде и группировкой Х. Хасмамедова – Ш. Рустамбейли исчерпан. Тем более что после возвращения Х. Хасмамедова в Турцию, 25 января 1933 года, был сформирован новый состав Стамбульского комитета партии «Мусават», вскоре утвержденный М.Э. Расулзаде. Лидер партии надеялся, что после длительного бездействия Стамбульский комитет наконец-то заработает в полную силу.

На первых порах эти ожидания вроде бы оправдывались, в особенности, после состоявшегося 21 апреля 1933 года собрания стамбульских мусаватистов. Об этом собрании лидера партии проинформировал руководитель Стамбульского комитета «Мусават» Мирали бек Садыгов в своем письме от 28 апреля 1933 года. Судя по содержанию письма, в указанном собрании принимали участие все основные оппоненты М.Э. Расулзаде внутри партии – Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли, Н. Шейхзаманлы и др. И все они единодушно высказались за прекращение всяких внутривнутрипартийных разногласий и конфликтов. При этом участники собрания, включая Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли, однозначно заявили,

¹³ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. S. 30.*

что вопрос лидерства М.Э. Расулзаде в партии не может даже подлежать обсуждению¹⁴.

Воодушевленный подобным благоприятным развитием событий, М.Э. Расулзаде обращается с письмом к руководителю Стамбульского комитета М. Садыгову, а также к Х. Хасмамедову. В нем лидер «Мусавата» напоминал, что пришла пора восстановления деятельности руководящих структур партии. План, предложенный М.Э. Расулзаде, предусматривал создание специального Организационного комитета в составе трех человек, перед которым была поставлена задача формирования нового состава Дивана партии. В состав этого комитета должны были войти лидер партии, а также по одному представителю от стамбульских и европейских мусаватистов¹⁵. До формирования нового центрального органа «Мусават» полномочия принятия политических решений оставались за лидером партии, а функции управления партией за создаваемым Организационным комитетом¹⁶.

Впрочем, очень скоро выяснилось, что Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбейли не заинтересованы ни в реорганизации партии, ни в восстановлении полноценной деятельности ее руководящих органов. Неудивительно, что они выступили с контрпредложением, потребовав признать Стамбульский комитет «Мусавата» в качестве центрального органа партии¹⁷, что неминуемо привело бы к узурпации полномочий лидера партии группировкой Х. Хасмамедова – Ш. Рустамбейли. Естественно, что данное предложение было отвергнуто, как противоречащее партийному уставу.

Тогда Ш. Рустамбейли начал утверждать, что нет никакой необходимости в создании Организационного комитета, поскольку каждое местное отделение партии в состоянии действовать самостоятельно¹⁸. Следует отметить, что Ш. Рустамбейли сыграл довольно гнусную роль во всей этой истории, сделав все возмож-

¹⁴ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. S. 42-43.*

¹⁵ *A.g.e. S. 42.*

¹⁶ *A.g.e. S. 43.*

¹⁷ *A.g.e. S. 45.*

¹⁸ *A.g.e. S. 44.*

ное, чтобы помешать достижению компромисса между сторонами. К сожалению, ему вновь удалось подтолкнуть Х. Хасмамедова на открытую конфронтацию с М.Э. Расулзаде. Этот тандем окончательно взял курс на превращение Стамбульского комитета в центральный орган партии. По крайней мере, именно в таком статусе они позиционировали себя перед стамбульскими мусаватистами¹⁹.

В результате деятельность Стамбульского комитета партии «Мусават» вновь была парализована, поскольку в знак протеста против действий Ш. Рустамбейли и Х. Хасмамедова двое членов нового состава этой структуры – Мамед Али Расулзаде и Ахмед Джафароглу подали в отставку. А руководитель Стамбульского комитета М. Садыгов и секретарь Исмаил бей заявили о своем нейтралитете в этом противостоянии²⁰.

Начиная с мая 1933 года, Ш. Рустамбейли и его соратники в Стамбуле, вообще перестали реагировать на многочисленные предложения М.Э. Расулзаде, направленные на преодоление затянувшегося кризиса внутри партии. Более того, видимо, посчитав нападение лучшей формой защиты, Ш. Рустамбейли 26 февраля 1934 года отправил письмо на имя М.Э. Расулзаде с голословными обвинениями и оскорблениями личного характера в адрес лидера партии²¹. В письме Ш. Рустамбейли беззастенчиво утверждал, что «трагедия Азербайджана всегда являлась праздником для М.Э. Расулзаде и его семьи»²². Следует отметить, что копии этого письма были направлены Ш. Рустамбейли во все города Турции, Ирана и европейских государств, где имелись колонии азербайджанских политэмигрантов.

Суть этого письма заключалась в том, что, заявив о своей отставке из АНЦ, Ш. Рустамбейли недвусмысленно давал понять М.Э. Расулзаде, чтобы отныне тот ограничил свою деятельность исключительно руководством этой организацией и не помышлял

¹⁹ *Resulzade M.E. Şefibeycilik*. S. 43.

²⁰ A.g.e. S. 45.

²¹ *Rüstembeyli Ş. Yıkılan putlar*. İstanbul, 1934. S. 9-17.

²² A.g.e. S. 16.

вмешиваться в дела партии «Мусават». Тем самым, Ш. Рустамбейли пытался добиться четкого разделения «сфер влияний» в эмигрантских организациях между своей группировкой и М.Э.Расулзаде. А на деле в лучших традициях гянджинского базара он пытался «выторговать» у М.Э. Расулзаде партию «Мусават» взамен на «уступку» ему АНЦ. Как и следовало ожидать, М.Э. Расулзаде в категоричной форме отверг возможность подобного политического «бартера».

Стало очевидным, что «консервативные методы» решения проблемы, неоднократные обращения М.Э. Расулзаде к своим оппонентам с призывом прекратить ненужные споры и дискуссии внутри партии не дают желаемого результата. Убедившись в том, что все способы убеждения уже исчерпаны, руководство «Мусавата» вынуждено было пойти на более радикальные меры, 5 апреля 1934 года исключив Ш. Рустамбейли из рядов партии ²³.

В принятом по этому поводу решении подчеркивалось, что с 1929 года Ш. Рустамбейли за свои деструктивные действия и интриги, ставящие под удар авторитет организации, неоднократно подвергался всевозможным дисциплинарным наказаниям вплоть до исключения из Стамбульского комитета партии и состава Дивана. Но его последние беспочвенные обвинения и оскорбления в адрес лидера национального движения и партии «Мусават» М.Э. Расулзаде в манере, свойственной большевистским агентам и врагам национальной борьбы, делает дальнейшее нахождение Ш. Рустамбейли в рядах партии невозможным ²⁴.

Чтобы свести на нет эффект данного решения и ввести в заблуждение общественное мнение, Ш. Рустамбейли в срочном порядке настроил письмо, которое, помимо него, подписали также Х. Хасмамедов и С. Агасибейли. В этом письме, опубликованном 24 апреля 1934 года в журнале «Кавказ», сообщалось о якобы состоявшейся 18 декабря 1933 года партийной конференции «Мусават» ²⁵.

²³ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. S. 22-23.*

²⁴ *A.g.e. S. 22.*

²⁵ *Кавказ. 1934. № 4. С. 23-24.*

В письме утверждалось, что между председателем партии М.Э. Расулзаде и большинством партийцев выявились серьезные расхождения по основным принципиальным, тактическим и организационным вопросам. Учитывая это обстоятельство, а также паралич центрального органа партии в течение последних 2,5 лет якобы из-за произвольных эгоистических действий председателя партии, участники «конференции» решили с этого момента не признавать М.Э. Расулзаде в качестве лидера «Мусават», прекратить всякие контакты с ним и назначить на этот пост другого человека, сформировав новый состав партийного Дивана²⁶. Примечательно, что в этом документе не указывалась фамилия нового лидера партии. Лишь впоследствии выяснилось, что новоиспеченную «партию Ш. Рустамбейли» возглавил Х. Хасмамедов.

Сразу же после публикации этого письма возникли обоснованные сомнения относительно достоверности информации о состоявшейся якобы в декабре 1933 года «конференции» мусаватистов. Как резонно отмечал М.Э. Расулзаде, что же эта за «конференция», к тому же принявшая столь серьезные и ответственные для судеб партии решения, о которой никто не был осведомлен в течение пяти месяцев. Организаторы данного мероприятия не сочли нужным проинформировать даже председателя «Мусават» о его отстранении от руководства партией²⁷.

Действительно, сведения о декабрьской 1933 года «конференции» были обнародованы лишь в апреле 1934 года, т. е. сразу же после исключения Ш. Рустамбейли из партии. Поэтому большинство мусаватистов было убеждено в том, что «легенда» о конференции второпях была придумана Ш. Рустамбейли в качестве ответа на свое исключение из партии. Тем более что он так и не смог предъявить никаких убедительных доказательств, подтверждающих проведение этой мнимой «конференции».

Этим объясняется письмо видных деятелей «Мусават» – М.Векилли, М.Б. Мамедзаде, А. Азертекин, А. Джафароглу, Х. Мунши,

²⁶ *Rüstembeyli Ş. Yıkılan putlar.* S. 24.

²⁷ *Resulzade M.E. Şefibeycilik.* S. 49-50.

М.А. Расулзаде и А. Казымзаде, адресованном редактору журнала «Кавказ», где в категоричной форме утверждалось, что в действительности никакой конференции «Мусавата» не было. А сообщения об этом, распространяемые Ш. Рустамбейли, являются его «очередной интригой», направленной против единства партии²⁸.

Впрочем, никто всерьез не воспринимал самозванное лидерство Х. Хасмамедова в «Мусавате», за исключением узкого круга эмигрантов, состоявших из его земляков, уроженцев Гянджи и ее окрестностей. Кроме того, нет никаких достоверных фактов, свидетельствующих о какой-либо серьезной деятельности «партии», возглавляемой Х. Хасмамедовым.

Ведь после окончательного разрыва с М.Э. Расулзаде Х. Хасмамедов и его единомышленники так и не смогли создать более или менее дееспособную организацию. А вся их «кипучая деятельность» ограничивалась исключительно критикой тех или иных действий М.Э. Расулзаде и его соратников из прометеевского движения. Тем самым, они своим поведением подтвердили правоту М.Э. Расулзаде, который, характеризуя шефибейство «социальной болезнью», отмечал, что оно является «разрушительной силой со злым намерением, лишенным всякой идеи и потенциала созидания»²⁹.

Поэтому неудивительно, что уже весной 1934 года Польша, являющаяся главным союзником и спонсором кавказской политэмиграции среди европейских государств, прекратила всякую политическую и финансовую поддержку группировки Х. Хасмамедова³⁰.

Что же касается М.Э. Расулзаде, то и после разрыва с группировкой Х. Хасмамедова – Ш. Рустамбейли, именно он воспринимался лидером партии «Мусават» и всей азербайджанской политэмиграции подавляющим большинством как мусаватистов, так и представителей кавказской эмиграции и их европейских партнеров. В лидерстве М.Э. Расулзаде внутри азербайджанской политэмиграции не сомневались даже большевики³¹. Это было обусловлено

²⁸ *Resulzade M.E. Şefibeycilik.* S. 48.

²⁹ *A.g.e.* S. 64.

³⁰ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 320. Л. 119.

³¹ *Qasımlı M. Azərbaycan türklerinin milli mücadele tarihi.* S. 479-480.

тем, что среди его оппонентов внутри азербайджанской эмиграции не было ни одной более или менее равноценной фигуры, способной конкурировать в этом отношении с М.Э. Расулзаде.

Более того, он являлся одним из видных деятелей всей кавказской политэмиграции, зачастую задавая тональность ее деятельности³². Поэтому его имя часто фигурировало в депешах иностранных посольств и материалах спецслужб. Перед реализацией более или менее крупных проектов, связанных с деятельностью политэмиграции из СССР, соответствующие структуры многих европейских стран в обязательном порядке интересовались мнением именно М.Э. Расулзаде.

В немалой степени высокий авторитет М.Э. Расулзаде был обусловлен его многогранной и неустанной работой в плане объединения различных течений нерусской политэмиграции из СССР на основе общей политической и организационной платформы. В частности, М.Э. Расулзаде сыграл заметную роль в подготовке и принятии пакта о создании Кавказской Конфедерации в июле 1934 года³³.

Следует отметить, что подписание этого пакта стало возможным благодаря действиям польских властей, которые с 1932 года прилагали усилия для реорганизации прометеевского движения с целью создания более адаптированных к требованиям времени общих структур эмигрантских организаций, состоящих из представителей нерусских народов советской империи. Кардинальные геополитические изменения начала 30-х гг., и, в первую очередь, возрастающий интерес Японии к проблемам поработанных большевизмом нерусских народов, а также приход к власти в Германии национал-социалистов, вынудили поляков ускорить данный процесс.

Ранее Польша обладала практически полной монополией на сотрудничество с представителями эмигрантских антибольшевистских организаций нерусских народов СССР. Появление же конкуренции со стороны Японии и Германии оказало заметное влияние на политическую ориентацию кавказских эмигрантов.

³² Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 114.

³³ Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. С. 48.

Некоторые из них начали обращать свои взоры в сторону Японии и Германии. А это усилило центробежные процессы внутри кавказской эмиграции, спровоцировав волну расколов в существующих эмигрантских организациях ³⁴.

Чтобы пресечь эти нежелательные для себя тенденции роста прояпонских и прогерманских настроений среди эмигрантов, Польша активизировала свои усилия в направлении дальнейшей консолидации кавказской политэмиграции. Симптоматично, что поляки отвергли первоначальный проект пакта Конфедерации Кавказа, предложенный грузинский стороной в ноябре 1932 года, посчитав его «слишком туманным» ³⁵.

Теперь подготовка текста пакта была продолжена в рамках КНК, куда были привлечены представители всех трех национальных секций. Правда, и впоследствии наблюдались попытки приписывать заслугу создания пакта Конфедерации Кавказа исключительно Грузинскому национальному центру. Однако М.Э. Расулзаде расценивал подобные утверждения «результатом какого-то недоразумения». Выступая 27 сентября 1933 года по этому поводу на заседании КНК, он подчеркивал, что ни Азербайджанский национальный центр, ни ЦК Народной партии горцев Кавказа никогда никакого проекта непосредственно от Грузинского национального центра не получали. А ныне обсуждаемый проект конституции и пакта Кавказской конфедерации, по словам М.Э. Расулзаде, был разработан по результатам опроса всех национальных секций КНК ³⁶.

Действительно, еще в январе 1933 года председатель Азербайджанского национального центра и главный редактор газеты «Istiklal» М.Э. Расулзаде обратился к политическим деятелям кавказской эмиграции с просьбой изложить свое видение основных принципов Кавказской Конфедерации. В обращении М.Э. Расулзаде подчеркивалось, что «в целях популяризации идеи кавказ-

³⁴ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 223.

³⁵ Проект Пакта Конфедерации Кавказа Грузинского национального центра. Сентябрь. 1932 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 85-87.

³⁶ Протокол заседания Комитета независимости Кавказа. 27.09.1933 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 92-93.

ского единства и содействия углублению интереса в рядах кавказской эмиграции к ней», редакция газеты «Istiklal» решила обратиться ко всем общественно-политическим деятелям Кавказа с просьбой ответить на анкету с вопросами об основах предполагаемого проекта пакта Кавказской Конфедерации:

1. Как представляете Вы себе освобождение Кавказских Республик из-под русской оккупации?

2. Если Вы в целях освободительной борьбы находите необходимым объединение сил всех народов Кавказа, то в каком именно виде Вы представляете себе это объединение?

В виде ли временного союза на время освободительной борьбы, или в виде постоянной федеративной связи?

3. Какие, по Вашему мнению, факторы вызывают необходимость федеративного единения всего Кавказа?

4. В случае, если Вы являетесь сторонником постоянного федеративного союза, то какую именно форму Вы предпочитаете: федерацию или конфедерацию, и почему?

5. Какие органы Кавказской Конфедерации, по-вашему, должны быть общими?

6. Какие шаги, по-вашему, должна принимать эмиграция в видах наибольшей популяризации идеи Кавказской Конфедерации?³⁷

Сохранился и ответ А.М. Топчибаши на это обращение М.Э. Расулзаде, в котором тот подчеркивает, что «ни один из кавказских народов не в состоянии своими силами вести результативную борьбу за освобождение от тяготеющего ига». Поэтому «единственным спасением» для всех народов Кавказа А.М. Топчибаши считал объединение в «конфедерацию всех кавказских республик». При этом он особо подчеркивал, что Кавказская Конфедерация необходима не только для борьбы за освобождение от русско-большевистской оккупации, но и для последующего государственного строительства кавказских народов³⁸.

³⁷ Письмо председателя Азербайджанского национального центра М.Э. Расулзаде к кавказским политэмигрантам // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 88-89.

³⁸ Письмо А.М. Топчибаши – М.Э. Расулзаде. 27.03.1933 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 90-91.

Собранные подобным путем мнения представителей кавказской эмиграции были обобщены и дополнены комментариями членов всех трех национальных секций КНК. Именно они легли в основу проекта пакта Конфедерации Кавказа. Причем, поначалу КНК склонялся к опубликованию для обсуждений проекта конституции Кавказской Конфедерации. Однако впоследствии в силу ряда причин было решено «в ярких и ясно выраженных формах объявить пока основные принципы Конфедерации как базы объединения, отложив подробное составление конституции на будущее время»³⁹. 14 июля 1934 года в Варшаве окончательный вариант пакта Конфедерации Кавказа был подписан представителями национальных эмигрантских центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Для того чтобы не дать Кремлю возможности обвинить Варшаву в нарушении условий советско-польского договора 1932 г., местом подписания этого документа было решено объявить Брюссель.

Участники пакта, Национальные центры Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии, «считая, что полноценное развитие наций возможно лишь в условиях независимости, и убежденные в том, что этой чрезвычайно трудной цели можно достичь лишь с помощью союза всех сил Кавказа внутри общей границы»⁴⁰, провозгласили следующие основы Конфедерации Кавказа:

1. Кавказская Конфедерация, полностью гарантируя во внутреннем отношении национальный характер и суверенитет каждой из республик, во внешнеполитической сфере будет действовать от имени всех республик в качестве международного объединения высшего порядка. Конфедерация будет обладать общей политической и таможенной границей.

2. Внешней политикой конфедеративных республик будут руководить компетентные органы Конфедерации.

3. Защита границ Конфедерации будет поручена армии Конфедерации, включающей в себя армии Конфедеративных Респуб-

³⁹ Протокол заседания Комитета независимости Кавказа. 27.09.1933. С. 93.

⁴⁰ Пакт Конфедерации Кавказа. 14.07.1934 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 95.

лик под единым командованием, подчиненным руководящим органам конфедерации.

4. Все разногласия, которые могут возникнуть между конфедеративными республиками и которые не будут урегулированы прямыми переговорами, должны быть переданы обязательному арбитражу или высшему суду конфедерации. Конфедеративные республики обязуются принять без ограничения и исполнять все их решения.

5. Комиссия экспертов приступит в самое короткое время к выработке проекта конституции Конфедерации Кавказа, принимая во внимание сформулированные выше принципы. Этот проект будет служить основой работ первого учредительного собрания каждой республики.

6. Место в этом пакте зарезервировано для Республики Армения⁴¹.

Документ от имени Азербайджана подписали Мамед Эмин Расулзаде и Али Мардан бек Топчибаши, от имени Грузии – Ной Жордания и Акакий Чхенкели, и от имени Северного Кавказа – Ибрагим Чулик, Магомет Гирей Сунш и Таусултан Шакман⁴².

Участники пакта направили послание в адрес армянского национального центра, где выразили глубокое сожаление по поводу того, что обстоятельства не позволили Армянской Республике присоединиться к нему. Также выражалась надежда, что в недалеком будущем Армения не преминет занять оставленное для нее место в Кавказской Конфедерации. Однако армянские представители проигнорировали это обращение.

После подписания пакта Национальные центры Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа выступили с обращением к представителям политической эмиграции кавказских народов. В документе подчеркивалось, что «с этого дня, упомянутый Пакт должен служить основной базой деятельности Национальных цен-

⁴¹ Пакт Конфедерации Кавказа. 14.07.1934 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 97-98.

⁴² Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 123.

тров», сплоченных «в беспощадной борьбе против русско-большевистской оккупации»⁴³.

В обращении отмечалось, что с подписанием пакта КНК, который с первого дня своего формирования поставил перед собой задачу сближения всех народов Кавказа и объединение всех их усилий в совместной борьбе за восстановление утраченной независимости, завершает свою деятельность. КНК придерживался мнения, что отныне всю политическую и революционную деятельность Национальных центров Кавказа следует сконцентрировать под единым общим руководством. С этой целью КНК планировал созвать конференцию, на которой он выступит с отчетом о своей деятельности и предложит создать новый общий орган Кавказа, в функции которого войдет осуществление фундаментальных принципов пакта⁴⁴.

Упомянутая в обращении конференция кавказских организаций прометеевского движения состоялась 14-16 января и 23 февраля 1935 года в Брюсселе. На данном мероприятии Азербайджан представляли М.Э. Расулзаде, М.Я. Мехтиев, М. Магеррамов, А.Атамалибеков и Али Акбар Топчибаши. На первом заседании 14 января 1934 года председательствовал М.Э. Расулзаде, избранный наряду с Н. Жордания и М.Г. Суншем в президиум конференции. Принимая обязанности председателя, М.Э. Расулзаде в приветственном слове отметил значение настоящей конференции в переживаемый момент, когда народы Кавказа ведут совместную борьбу за свое освобождение. Затем он предложил присутствующим выслушать доклад организационной комиссии по созыву конференции, на основе которого была утверждена повестка дня⁴⁵.

Первым вопросом повестки дня конференции значился «Политический отчет о деятельности Комитета независимости Кавказа».

⁴³ Призыв Комитета независимости Кавказа к представителям политической эмиграции кавказских народов по поводу подписания Пакта Кавказской Конфедерации. Июль. 1934 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 97.

⁴⁴ Призыв Комитета независимости Кавказа к представителям политической эмиграции кавказских народов по поводу подписания Пакта Кавказской Конфедерации. С. 98.

⁴⁵ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 101.

Докладчиком по данному вопросу выступил М.Э. Расулзаде ⁴⁶. Достаточно критически оценивая деятельность КНК, М.Э. Расулзаде признал, что «работа и деятельность Комитета не всегда происходила гладко». Он напомнил, что как внутри национальных секторов, так и между ними порою происходила ожесточенная борьба, что не могло не затормозить работы и не нервировать Комитет, тем самым лишив его работоспособности» ⁴⁷.

По мнению М.Э. Расулзаде, все это происходило потому, что, несмотря на наличие объективного осознания необходимости единства у всех, субъективно еще не все усвоили необходимую общекавказскую психологию, без которой трудно было создать благоприятную обстановку для плодотворной работы. К тому же эти психологические моменты усугублялись трудностями технически-организационного характера, что также сильно затрудняло деятельность Комитета ⁴⁸.

Тем не менее, М.Э. Расулзаде придерживался мнения, что, несмотря на все упомянутые недостатки, Комитет независимости Кавказа, в целом, проводил известную работу и всеми силами способствовал сближению национальных организаций народов Кавказа. Велика была заслуга КНК и в популяризации идеи кавказского единства перед цивилизованным миром.

В своем докладе М.Э. Расулзаде затронул и армянский вопрос, так и «оставшийся неразрешенным». Признавая все минусы отсутствия армян в составе КНК, он вместе с тем отметил, что Комитет не мог игнорировать известную «позицию, которой придерживались и продолжают придерживаться руководящие армянские круги». Она заключалась в том, что для Комитета независимости Кавказа наиболее актуальным являлась борьба против русской оккупации на Кавказе, а ответственные руководители армян

⁴⁶ Доклад М.Э. Расулзаде «Политический отчет о деятельности Комитета независимости Кавказа» на конференции кавказских политических партий и организаций, входящих в движение «Прометей». 14.01.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 105-109.

⁴⁷ Там же. С. 106.

⁴⁸ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 107.

стояли на противоположной позиции, считая главным своим врагом Турцию. Тем не менее, М.Э. Расулзаде еще раз подтвердил готовность Комитета принять в свои ряды армян «в случае признания с их стороны основной тактики КНК». Как заметил докладчик, именно поэтому в пакте Конфедерации Кавказа место для них зарезервировано ⁴⁹.

М.Э. Расулзаде обратил внимание участников конференции и на то обстоятельство, что Комитет независимости Кавказа обладал лишь координационными и совещательными функциями, в то время как все решения принимались национальными центрами Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Как он отметил, тщательно проанализировав недостатки, присущие упраздняемому комитету, члены Национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа пришли к выводу о необходимости создания более централизованного и полномочного органа в лице Совета Кавказской Конфедерации, решения которого должны иметь обязательный характер для всех входящих в него национальных центров ⁵⁰.

В заключение своего выступления М.Э. Расулзаде еще раз призвал всех участников конференции, «учитывая все плюсы и минусы работы КНК, организовать тот авторитетный кавказский орган, который и должен, следуя духу пакта 14 июля, руководить борьбой народов Кавказа, направленной к восстановлению их потерянной свободы и реализации идеи Кавказской Конфедерации!» ⁵¹

Следует отметить, что в целях конспирации в протоколах заседания СКК и его президиума, как и ранее в документах КНК, использовались не настоящие фамилии, а псевдонимы членов этих структур. Псевдонимом М.Э. Расулзаде в СКК был Куршун ⁵², а в КНК – Демир ⁵³.

⁴⁹ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 108-109.

⁵⁰ Доклад М.Э. Расулзаде «Политический отчет о деятельности Комитета независимости Кавказа» на конференции кавказских политических партий и организаций, входящих в движение «Прометей». С. 109.

⁵¹ Там же.

⁵² Кавказская конфедерация в официальных декларациях... С. 138.

⁵³ Там же. С. 92.

На конференции был сформирован и состав Совета Конфедерации Кавказа, главной целью которой провозглашалась «подготовка кавказских народов для ликвидации оккупационной русской власти на Кавказе, восстановления республик и их объединения в Конфедеративный Союз».⁵⁴ Совет состоял из 12 членов, по 4 представителя от каждого национального центра. От Азербайджана в состав Совета Конфедерации Кавказа (СКК) вошли М.Э. Расулзаде, М. Мехтиев, М. Векилли и М. Магеррамов⁵⁵.

Следует отметить, что по решению конференции выработка окончательного варианта внутреннего регламента СКК возлагалась на самих членов данной структуры. Соответствующий документ о статусе и регламенте СКК был принят 20 июля 1935 года, согласно которому исполнительным и руководящим органом Совета являлся президиум, состоящий из М.Э. Расулзаде, Н.Жордания и М.Г. Сунша⁵⁶. В компетенцию президиума входило осуществление общего руководства всей работой Совета, а также его дипломатическими, пропагандистскими и разведывательными акциями. Кроме того, руководящий триумвират обладал также полномочиями распоряжаться финансовыми средствами организации⁵⁷.

С точки зрения выявления истинной значимости фигуры М.Э. Расулзаде в эмигрантском движении немалый интерес представляют материалы советских спецслужб. Так, сразу же после подписания Пакта о Кавказской Конфедерации служба внешней разведки ГУГБ НКВД СССР обратилась с запросом в отношении этого документа и подписавших его лиц к своей агентурной сети в европейских странах. Суть полученных от них оценок сводилась к тому, что Н. Жордания и А. Чхенкели в значительной степени утратили свое влияние в эмиграции и едва ли смогут стать координаторами грузинских групп⁵⁸.

⁵⁴ Кавказская конфедерация в официальных декларациях... С. 125.

⁵⁵ Протоколы заседания Кавказской конфедерации. 23.02.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 104.

⁵⁶ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 129.

⁵⁷ Статус и регламент Совета Конфедерации Кавказа. 20.07.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 127-129.

⁵⁸ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 130.

Учитывая, что северокавказская политэмиграция никогда не представляла единого целого и внутри нее существовали серьезные трения, советская внешняя разведка считала, что И. Чулик, Т. Шакман и М.Г. Сунш также не обладают какими-либо полномочиями для реализации задач, определенных пактом о Кавказской Конфедерации. Что же касается А.М. Топчибаши, то, как указывалось в сообщениях советской агентуры, в связи с состоянием здоровья он постепенно отходит от дел, и поэтому не может похвастаться хорошими позициями среди азербайджанских эмигрантов ⁵⁹.

В конечном итоге на основании резидентурных сообщений руководство советской внешней разведки пришло к выводу, что из всех, подписавших «Брюссельский договор» о создании Конфедерации Кавказских Республик, лишь М.Э. Расулзаде как по своей должности руководителя Национального центра Азербайджана, так и по влиянию в азербайджанской эмиграции может претендовать на представительскую роль ⁶⁰.

После этого, вся машина дезинформации, которой обладало ОГПУ во Франции, была брошена на компрометацию личности М. Э. Расулзаде. Как подчеркивает Г. Мамулия, эти попытки оставили свой след и во французских архивах.

Чтобы добиться запрещения Парижем деятельности кавказских эмигрантов, требовалась их тотальная компрометация в глазах местных властей. В данном случае, советские спецслужбы пошли по проторенному пути применения против них тех же методов, что и в Турции. Требовалось доказать, что нахождение и деятельность кавказских антибольшевистских организаций на французской территории представляют собой угрозу не только для Кремля, но и, прежде всего для самого Парижа, ибо из ненависти к СССР, эмигранты, после прихода к власти в Германии национал-социалистов, обратились к прогерманской ориентации, став потенциальной агентурой Берлина во Франции.

⁵⁹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 130.

⁶⁰ Там же.

С этой целью, с помощью агентов, внедренных ОГПУ в число информаторов французской полиции и контрразведки, было необходимо передать французам тщательно разработанную дезинформацию, которая, содержа в себе фальсифицированные сведения, тем не менее должна была иметь достоверный характер, точно следуя политической конъюнктуре той эпохи, на которую, как правило, были падки спецслужбы всех стран.

В декабре 1933 г., руководство французской контрразведки «Сюртэ женераль» направило министерству иностранных дел справку под названием «гитлеровская поддержка движению азербайджанских сепаратистов». В качестве главного представителя этого движения во Франции, фигурировал М.Э. Расулзаде.

Снабжая французскую полицию подобной дезинформацией, советская агентура действовала теми же методами, что и в Турции. С той лишь разницей, что в дезинформационных сведениях передаваемых большевистскими агентами турецкой полиции, в роли государства, якобы оказывающего эмигрантам финансовую поддержку, фигурировала не Германия, а тогдашний заклятый враг Анкары – Англия.

Судя по всему, французы оказались умнее турок. По крайней мере, и после этого «компромата» М.Э. Расулзаде регулярно приезжал в Париж. Это свидетельствует о том, что французы, в конце концов, разобрались в истинном положении дела.

Статус лидера азербайджанской политэмиграции М.Э. Расулзаде еще больше укрепился после кончины 5 ноября 1934 года в Париже патриарха азербайджанской дипломатии и одного из основателей национальной государственности азербайджанских тюрков А.М. Топчибаши. Несмотря на непростые взаимоотношения между этими двумя незаурядными личностями в отдельные периоды их жизни в эмиграции, в целом, они с большим почтением и уважением относились друг к другу. Лишним подтверждением тому являются воспоминания основателя башкирской государственности Ахмеда Заки Валиди о встрече с А.М. Топчибаши в 1923 году в Париже. Как вспоминает А.З. Валиди, «Али Мардан бей сказал: «Я уже стар, боюсь, что родину мне уже не

суждено увидеть. Дела российских мусульман я вынужден буду оставить Мамед Эмину Расулзаде и тебе», – и его глаза наполнились слезами»⁶¹.

В этом отношении вполне закономерно, что честь открыть траурный митинг во время похорон А.М. Топчибаши была предоставлена М.Э. Расулзаде. Он же стал единственным представителем азербайджанской политэмиграции, выступившим в ходе траурной церемонии. В своей трогательной речи, отметив огромные заслуги А.М. Топчибаши перед народом, М.Э. Расулзаде назвал его величайшим борцом за национальные права не только азербайджанских тюрков, но и всех мусульманских народов бывшей Российской империи.

Мамед Эмин бей напомнил, что А.М. Топчибаши, будучи выпускником юридического факультета Петербургского университета, начал свою профессиональную карьеру в качестве адвоката, и, вложив в эту деятельность всю свою энергию и ум, стал защитником прав не только отдельных личностей, а всей нации. В заключение своей речи М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что «придет время и родина станет свободной, и тогда народ, покончивший с чужеземным игом, вспомнит о председателе своего первого парламента и вернет прах А.М. Топчибаши и его сына на так горячо любимую им родину, а также увековечит его память»⁶².

Следует особо отметить, что это были не просто пафосные слова, продиктованные ситуацией. Проявлением искреннего уважения М.Э. Расулзаде к личности А.М. Топчибаши является тот факт, что он был одним из немногих лиц среди азербайджанских эмигрантов, который после кончины Али Мардан бека считал своим моральным долгом позаботиться о его семье. Мамед Эмин бей, в силу своих возможностей, пытался хотя бы облегчить материальные затруднения семьи А.М. Топчибаши.

⁶¹ Тагирджанова А.Н. Осколки восточной мозаики. А.М. Топчибашев: «Ex oriente lux» – «Солнце восходит на востоке» // Наследие петербургской университетской культуры в русском зарубежье. СПб., 2012. С. 120.

⁶² См.: М.Е. Resulzade Ali Merdan beyin mezarı başında // Türk birliđi. 1969. № 37-38. S. 29-32.

В этой связи немалый интерес представляет письмо М.Э. Расулзаде от 24 июня 1935 года, адресованное главе польской Экспозитуры-II Э. Харашкевичу. В нем он выражает свое беспокойство тем фактом, что польская сторона не нашла возможным продолжать материальное содержание семьи покойного А.М. Топчибаши, занимавшего столь видное положение в национальном движении. Обсудив создавшееся положение с руководителем парижского отделения Экспозитуры-II В. Домбровским, М.Э. Расулзаде предложил назначить Али Акбера Топчибаши редактором «предполагаемого журнала на русском языке». М.Э. Расулзаде подчеркивал, что, «оплачивая труд Али Акбер бея в качестве редактора, мы тем самым безболезненно разрешили бы и материальное обеспечение семьи покойного Топчибаши»⁶³.

Судя по архивным документам, вопрос о финансовой помощи семье А.М. Топчибаши был поднят М.Э. Расулзаде и при личной встрече с Э. Харашкевичем, которая состоялась 8 марта 1936 года в Париже. И как подчеркивается в документе, Э. Харашкевич пообещал содействовать решению данного вопроса⁶⁴.

Протокол совещания Президиума СКК свидетельствует о том, что М.Э. Расулзаде официально выдвинул кандидатуру Али Акбера Топчибаши в качестве редактора нового журнала, который планировался издавать на русском языке⁶⁵. Правда, из-за финансовых и организационных проблем впоследствии пришлось отказаться от этой идеи. Тем не менее, во многом благодаря усилиям М.Э. Расулзаде, Али Акбер Топчибаши был привлечен к работе в структурах Совета Конфедерации Кавказа⁶⁶.

И впоследствии М.Э. Расулзаде продолжал опекать семью покойного А.М. Топчибаши, пытаясь по мере своих возможностей способствовать решению ее материальных проблем. Подтвержде-

⁶³ Письмо М.Э. Расулзаде Э. Харашкевичу. 24.06.1935 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 155.

⁶⁴ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 327. Л. 11, 12, 17.

⁶⁵ Протокол совещания Президиума Совета Конфедерации Кавказа. 22.11.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 135.

⁶⁶ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 168.

нием тому является письмо-обращение М.Э.Расулзаде на имя президента Польской Республики Игнация Мосцицкого, написанное летом 1936 г. В ней Расулзаде просил главу польского государства «выделить семье покойного А. М. Топчибаши ежемесячное содержание, с целью предоставить средства существования супруге, а также детям нашего покойного председателя»⁶⁷.

Однако люди, стоявшие в оппозиции к М.Э. Расулзаде внутри азербайджанской эмиграции, не оставляли попыток спекулировать на проблемных моментах его взаимоотношений с Али Мардан беком. Один из таких оппозиционеров, социалист А. Шейхульисламов, ослепленный мелкой мстительной злобой, опубликовал в октябрьском (1935 г.) номере журнала «Кавказ» статью, в которой утверждалось, что, находясь в ссылке в Москве, М.Э. Расулзаде якобы отправлял А.М. Топчибаши угрожающие письма⁶⁸.

Отвечая на эту провокацию А. Шейхульисламова, сын покойного Али Мардан бека Али Акбер Топчибаши обратился с письмом в журналы «Kurtuluş» и «Şimali Kafkasya». В нем, в частности, подчеркивалось: «В качестве человека, исполняющего обязанности личного секретаря и тщательно изучающего весь архив покойного, считаю своим долгом довести до сведения читающей публики, что мне о подобном письме, приписываемом М. Э. бею Расулзаде, абсолютно ничего не известно»⁶⁹.

Далее А.А. Топчибаши отмечал, что «среди полемических писем, неизбежных в жизни каждого политического деятеля, хранящихся в папках, оставленных покойным отцом, самые обидные и наносящие ему оскорбления принадлежат именно А.А. Шейхульисламову». В этой связи Али Акбер бек советовал Шейхульисламову «не вмешивать имени покойного в грязную интригу, преследующую дезорганизаторские цели, орудием которой, как видно, он служит с удовольствием»⁷⁰.

⁶⁷ Libera P. Ali Mardan bey Topczybaszy w oczach Mehemmeda Emina Resulzade (1936) // Nowy Prometeusz. Warszawa. 2013. № 4. P. 197.

⁶⁸ İmanov V. Ali Merdan Topçubaşı (1865-1934). Lider bir aydın ve bağımsız Azerbaycan Cumhuriyetinin temsili. İstanbul, 2003. S. 226.

⁶⁹ Kurtuluş. 1935. № 13-14. S. 4.

⁷⁰ A.g.e.

Этот инцидент примечателен в качестве доказательства того, что оппозиционеры в рядах азербайджанской политэмиграции не брезговали никакими средствами и методами, чтобы оклеветать и очернить М.Э. Расулзаде. Причем травля Мамед Эмин бея не ограничивалась только критическими, а зачастую просто оскорбительными публикациями на страницах периодической печати. В 1934-35 гг. в Турции были изданы две отдельные брошюры Ш. Рустамбейли «Yıkılan putlar» («Рухнувшие идолы») и «М.Е. Resulzadenin feci sükutu» («Страшное молчание М.Э. Расулзаде»), а такжеopus Н. Шейхзаманлы «Biz ve Onlar» («Мы и они»), основной мишенью которых являлся лидер АНЦ и партии «Мусават».

Не вдаваясь в подробности и детали многочисленных обвинений в адрес М.Э. Расулзаде, подавляющее большинство которых не имело под собой никаких реальных оснований, отметим лишь то, что авторы этих книжонок вышли далеко за рамки «критики» личности самого М.Э. Расулзаде. В них содержались открытые оскорбления членов семьи М.Э. Расулзаде, в частности, его покойных родителей, которые вряд ли позволил бы себе любой мало-мальски порядочный человек ⁷¹.

При этом Ш. Рустамбейли обвинял М.Э. Расулзаде в том, что он, сосредотачивая свое внимание на теоретических и идеологических разногласиях между сторонами, тем самым, пытается отдалить читателя от сути конфликта в рядах азербайджанской эмиграции ⁷². По мнению Ш. Рустамбейли, причиной конфликта являлись финансовые вопросы. Это собственноручное признание Ш. Рустамбейли свидетельствует о том, что его несколько не волновали идеологические и политические вопросы, да и само эмигрантское движение.

Торгашеская натура Ш. Рустамбейли просто не могла смириться с тем фактом, что финансовые средства для азербайджанской эмиграции выделялись европейскими спонсорами под гарантии М.Э. Расулзаде, и он не имел никакого доступа к их

⁷¹ Rüstembeyli Ş. M.E. Resulzadenin feci sükutu. S. 10.

⁷² A.g.e. S. 7.

распределению. Неудивительно, что опусы Ш. Рустамбейли напоминают аудит финансовой деятельности ведущих организаций азербайджанской эмиграции – АНЦ и «Мусават», в которых он тщетно пытается обвинить М.Э. Расулзаде в «разбазаривании» финансовых средств.

Симптоматично, что оппоненты М.Э. Расулзаде нередко обвиняли его во взаимоисключающих поступках. Например, Н.Шейхзаманлы в своей работе «Мы и они» («Biz ve Onlar») утверждал, что М.Э. Расулзаде чуть ли не содействовал большевистской оккупации Азербайджана в апреле 1920 года⁷³. А другой его «критик», наоборот, считал глубоко ошибочным излишне жесткую позицию М.Э. Расулзаде в отношении большевиков⁷⁴. Этот «критик» утверждал, что, организуя антибольшевистские выступления внутри Азербайджана и бросая безоружные массы против вооруженной до зубов русской армии, М.Э. Расулзаде якобы ставит под угрозу само физическое существование азербайджанских тюрок. Поэтому он без обиняков советовал М.Э. Расулзаде брать пример с дашнаков, которые в середине 30-х гг. существенно смягчили свою позицию и начали проводить более лояльную политику в отношении советских властей⁷⁵.

Нельзя считать случайностью и тот факт, что в середине 30-х гг. нападки на лидера азербайджанской эмиграции достигли своего апогея. Это было обусловлено целым рядом фактором, в том числе, геополитического характера. Дело в том, что к середине 30-х гг. заметно возросло количество государств, проявляющих интерес к национальному вопросу в СССР и рассматривающих данную проблему в качестве одного из эффективных средств борьбы с большевистским режимом. Как уже подчеркивалось выше, если в конце 20-х – начале 30-х гг. лишь Польша и в несравненно меньшей степени – Франция и Англия поддерживали контакты с политэмигрантами из СССР, то постепенно их ряды

⁷³ Şeyh zamanlı N. Biz ve Onlar. Istanbul, 1934. S. 13.

⁷⁴ Kurtuluş. 1935. № 13-14. S. 7.

⁷⁵ А.г.е.

пополнились Японией, Германией и Италией с их авторитарными режимами.

Безусловно, спонсирование и покровительство этими государствами нерусской и, прежде всего, кавказской эмиграции было отнюдь не проявлением альтруизма, или следствием их большой любви к национальным чаяниям поработенных народов советской империи. Тут имел место исключительно прагматичный подход и тонкий политический расчет, поскольку в тот период многие влиятельные круги европейских держав рассматривали кавказскую эмиграцию в качестве естественного союзника в борьбе с советским режимом.

Хотя ради справедливости необходимо признать, что этот интерес был взаимным, т. к. многие эмигрантские организации, в том числе азербайджанские, связывали надежды на свое политическое будущее именно с теми европейскими странами, которые считались наиболее принципиальными противниками СССР. Именно взаимное совпадение интересов обусловило тесное сотрудничество кавказской эмиграции с различными европейскими странами, а также Японией в 30-х гг. XX века.

Причем при выборе партнера для сотрудничества не последнюю роль играли идеологические соображения. Так, левые и центристские силы кавказской, в том числе азербайджанской эмиграции, были задействованы в планах демократических государств Европы. Данное обстоятельство, наряду с идеологической несовместимостью, делало практически невозможным их сотрудничество с Токио, Берлином и Римом. В этой связи неудивительно, что эти авторитарные режимы решили сделать ставку на представителей правого крыла кавказской эмиграции, которые, исходя из идеологических и иных соображений, находились в оппозиции к объединенным в движении «Прометей» национальным центрам Азербайджана и Грузии, возглавляемыми М.Э. Расулзаде и Н. Жордания.

Объединением представителей основных правых течений кавказской эмиграции стала группа «Кавказ», получившая свое название от одноименного журнала, который с января 1934 года

издавался в Париже. Бессменным редактором журнала «Кавказ» на протяжении всех пяти лет его существования был один из видных руководителей освободительной борьбы горцев Северного Кавказа Гайдар Баммат⁷⁶. Он же считался и лидером группы «Кавказ», которая с момента своего создания стояла в непримиримой оппозиции к политическим партиям и силам, сгруппировавшимся в прометеевском движении.

Первоначально журнал «Кавказ», как и одноименная группа представителей правой кавказской эмиграции, финансировался Японией. А начиная с конца 1936 года, правые кавказские эмигранты начали получать финансовую и политическую поддержку также от Германии и Италии.

С созданием группы «Кавказ» кавказская эмиграция окончательно раскололась на два лагеря. Если входившие в прометеевское движение партии представляли демократическую модификацию национализма, то в группе «Кавказ» были объединены откровенно антилиберальные и авторитарные элементы⁷⁷. Руководители группы «Кавказ» открыто демонстрировали свои симпатии Германии, Италии, Японии и франкистской Испании⁷⁸. Как отмечал лидер группы «Кавказ» Г.Баммат, «фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, наглядно показали, что подлинно живые и творческие импульсы, способные зажечь огнем чистого энтузиазма народные массы, теперь идут справа и только справа»⁷⁹.

Более того, имея в виду критику прометеевцев в адрес правящих режимов Германии и Италии, Г. Баммат утверждал, что «бессильное злопыхательство против фашизма и национал-социализма является ни чем иным как злостным предательством наиболее жизненных интересов Кавказа»⁸⁰. При этом Г. Баммат был убежден в том, что именно Германия и Италия, а также Япония,

⁷⁶ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». Сборник статей за период существования журнала 1934-1939 гг. Махачкала-Париж, 2010. С. 12-13.

⁷⁷ *Patrik von zurMühlen*. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 37.

⁷⁸ А.г.е. S. 35.

⁷⁹ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 145.

⁸⁰ Там же. С. 159.

«по мотивам идеологического порядка или вследствие своей государственной политики» станут наиболее надежными союзниками кавказцев в борьбе за национальное освобождение⁸¹.

Эти идеологические расхождения, а также различия в геополитических ориентациях, и обусловили непримиримую вражду между прометеевским движением и группой «Кавказ». Хотя, на первый взгляд, казалось, что между ними нет особенно принципиальных разногласий, поскольку и те, и другие придерживались антибольшевистской позиции и боролись за создание Кавказской конфедерации. Но как тут не вспомнить слова М.Э. Расулзаде о том, что «существует значительная разница между обычной неприязнью к большевизму и истинной приверженностью к идеалу национальной независимости»⁸². К тому же следует учесть, что невыносимо плохой, деспотический характер самого Г. Баммата часто служил дополнительным источником конфликтов между сторонами.

Как и следовало ожидать, появление группы «Кавказ» способствовало значительному усилению противостояния внутри азербайджанской эмиграции, поскольку Г. Баммат охотно представлял страницы журнала «Кавказ» всем правым азербайджанским эмигрантам, находившимся в оппозиции к лидеру партии «Мусават» М.Э. Расулзаде, в частности, Х. Хасмамедову и Х. Султанову. Получив доступ к финансовым и информационным ресурсам группы «Кавказ», правые азербайджанские эмигранты не преминули воспользоваться ситуацией. Используя возможности этого журнала, они развернули широкую пропагандистскую кампанию против М.Э. Расулзаде и других прометеевцев.

Как признавался один из ближайших соратников Г. Баммата Алихан Кантемир, журнал «Кавказ» «объявил войну, прежде всего, против Н. Жордании и грузинских социалистов, а также против М.Э. Расулзаде, партии «Мусават» и лидера северокавказской эмиграции, прометеевца Саида Шамиля»⁸³. При этом Г. Баммата несколько не смущал тот факт, что углубление разногласий внутри

⁸¹ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 313.

⁸² *Resulzade M.E. Şefibeycilik*. S. 65.

⁸³ *Patrik von zurMühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında*. S. 23.

кавказской эмиграции противоречило интересам борьбы с большевистским режимом, непримиримым врагом которого он себя провозглашал.

Впрочем, многие из представителей оппозиции внутри азербайджанской эмиграции впоследствии признали правоту М.Э. Расулзаде и необоснованность своих выпадов против него. Например, один из принципиальных оппонентов М.Э. Расулзаде в 30-х – начале 40-х гг. Ф. Амирджан после Второй мировой войны признавал, что «в свое время он до конца не понимал тактику М.Э. Расулзаде в эмиграции», что и стало причиной разногласий между ними. По словам Ф. Амирджана, впоследствии он на своем личном опыте убедился в том, что именно М.Э. Расулзаде и его ближайшие соратники «наиболее последовательно, целенаправленно и активно занимались национальной деятельностью и отдали этому делу всего себя», в то время как их критики занимались этими проблемами лишь от случая к случаю ⁸⁴.

На основании своих продолжительных наблюдений Ф. Амирджан сделал вывод о необходимости поддержки линии М.Э. Расулзаде, как наиболее соответствующей национальным интересам азербайджанских тюрков. При этом Ф. Амирджан особо подчеркивал, что даже в те времена, когда находился в оппозиции к М.Э. Расулзаде и выступал с резкой критикой в его адрес, он «не ставил под сомнение его патриотизм и преданность национальным идеалам» ⁸⁵.

Аналогичным образом поступил и Н. Шейхзаманлы после Второй мировой войны, также выступивший в поддержку М.Э. Расулзаде. В частности, он поддержал позицию М.Э. Расулзаде в отношении т. н. Висбаденской декларации. Данный документ, принятый в ноябре 1951 года, предусматривал восстановление Российской империи в границах 1914 года и отказывал поработенным народам СССР в праве на самоопределение. М.Э. Расулзаде подверг резкой критике и отказался признать Висбаденскую

⁸⁴ *Kengerli M.A. Dudanginski'nin «Hesabına» Dair // Kafkasya. 1952. № 9. S. 9.*

⁸⁵ *A.g.e.*

декларацию, которую от имени азербайджанской политэмиграции подписали Дж. Гаджибейли, А. Шейхульисламов и И. Акбер. Его позицию поддержало подавляющее большинство азербайджанских эмигрантов, что в конечном итоге привело к фиаско сторонников Висбаденской декларации.

Но в середине 30-х гг. подобные деструктивные действия политических оппонентов М.Э. Расулзаде создавали немалые проблемы как для азербайджанской политэмиграции, так и для партии «Мусават». Тем более что в противостояние между азербайджанскими эмигрантами оказались вовлеченными также представители северокавказской и грузинской эмиграции. В частности, используя возможности журнала «Кавказ», Г. Баммат, А. Кантемир, З. Авалишвили периодически выступали с критикой партии «Мусават» и его лидера.

Характерно, что Г. Баммат считал бесцеремонное вмешательство журнала «Кавказ» в политическую жизнь азербайджанской эмиграции «не только не предосудительным, но вполне нормальным и желанным», поскольку, по его мнению, именно этим путем можно было добиться «культурно-моральной унификации Кавказа, а также создания кавказского патриотизма и кавказской нации»⁸⁶.

Необходимо отметить, что одно из принципиальных отличий группы «Кавказ» от прометеевского движения заключалось в том, что она, наряду со странами Оси, придавала слишком большое значение роли Турции и Ирана в реализации идеи Конфедерации Кавказа. Считая только себя и своих соратников «национально мыслящими элементами» кавказской эмиграции, Г. Баммат на страницах журнала «Кавказ» из номера в номер обвинял М.Э. Расулзаде и прометеевцев «в попытках найти опору у тех европейских государств, интересы которых находятся в противоречии с интересами Турции»⁸⁷. Другими словами, Г. Баммат пытался выглядеть большим католиком, чем папа римский.

При этом представители группы «Кавказ» игнорировали существующие реалии и факт отсутствия даже малейших условий

⁸⁶ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 259.

⁸⁷ Там же. С. 278.

для антисоветской деятельности эмигрантов на турецкой территории. Например, не довольствуясь депортацией из страны М.Э. Расулзаде, Анкара в 1934 году по требованию советского правительства запретила даже доставку в Турцию номеров газеты «Istiklal», издающейся им в Берлине. Между тем на территории Турции по-прежнему проживала значительная часть азербайджанских эмигрантов, которых необходимо было информировать о происходящих событиях. И с целью обойти созданные турецким правительством препятствия на пути распространения азербайджанской эмигрантской прессы М.Э. Расулзаде вынужден был в срочном порядке закрыть газету «Istiklal» и учредить в ноябре 1934 года в Берлине новый журнал – «Kurtuluş»⁸⁸.

Тем не менее, Х. Хасмамедов, Х. Султанов, Ш. Рустамбейли, Н. Шейхзаманлы и другие правые азербайджанские эмигранты, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Кавказ», обвиняли М.Э. Расулзаде в том, что «он повернулся спиной к Турции», и теперь его соратниками и союзниками являются «не тюркские народы, а грузины, украинцы и казаки»⁸⁹.

Впрочем, это не помешало соратнику правых азербайджанских эмигрантов по группе «Кавказ» З. Авалишвили на страницах того же журнала «Кавказ» обвинить М.Э. Расулзаде и печатный орган АНЦ «Kurtuluş» в приверженности к пантюркизму. З. Авалишвили, в частности, утверждал, что «Kurtuluş» якобы «мало интересуется собственно кавказским характером страны: у него перед глазами Азербайджан в обширном смысле слова, более того, весь турецкий мир от пределов Китая до Средиземного моря»⁹⁰.

Примечательно, что представители группы «Кавказ» жестко критиковали М.Э. Расулзаде и руководимый им журнал «Kurtuluş» за то, что их волновали не только судьба т. н. «Кавказского», но и Иранского Азербайджана. Действительно, разработанная в свое время М.Э. Расулзаде концепция азербайджанизма предусматри-

⁸⁸ Şimşir S. Azerbaycanın istiklal mücadelesi. İstanbul, 2006. S. 107.

⁸⁹ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 382.

⁹⁰ Авалишвили З. Еще о «сумерках богов» на Ближнем Востоке // Кавказ. 1936. №1 (25). С. 11.

вала если и не в ближайшем будущем, то, по крайней мере, в перспективе создание единого Азербайджанского государства, охватывающего все исторические азербайджанские земли, в том числе территорию Южного Азербайджана.

Это вызывало негативную реакцию Г. Баммата, который считал не только лишним, но и вредным всякие разговоры об Иранском Азербайджане. В этой связи Г. Баммат на страницах журнала «Кавказ» писал: «Обращаемся мы также и к азербайджанской политической мысли и требуем от нее решительно отмежеваться от тех мегаломанов с необузданной фантазией, которые в фантастических своих вожделениях так легкомысленно перепрыгивают через Аракс и простирают свои алчные аппетиты до Табриза и далее..»⁹¹.

Хотя в данном случае М.Э. Расулзаде говорил лишь о культурной, а не политической связи кавказского и иранского Азербайджана, поскольку, будучи членом и одним из руководителей прометеевского движения, он придерживался позиции признания границ Кавказских республик с Турцией и Ираном. Ведь для борьбы с советами нужно было иметь хотя бы дружеский нейтралитет этих государств, единственно граничившие с Кавказом, и лишь с территории которых можно было иметь непосредственную связь с регионом.

Как бы то ни было, эти советы Г. Баммата, фактически выступавшего в качестве адвоката шахского режима Ирана, были проигнорированы Мамед Эмин беом и другими азербайджанскими эмигрантами. В подобной ситуации Г. Баммату и его единомышленникам не оставалось иного выхода, как продолжать бессмысленную критику в адрес партии «Мусават» и ее лидера.

Таким образом, в середине 30-х гг. XX века активистам прометеевского движения приходилось вести трудную борьбу не только с советским режимом и его агентурой в европейских странах, но и правыми группировками внутри самой политэмиграции, не разделявшими тактику «Прометей».

⁹¹ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 358.

Обращает на себя внимание факт, что любой конфликт внутри «Мусавата» приводил Г. Баммата в настоящий экстаз. Так, в конце 1934 года после исключения Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли из рядов «Мусавата», Г. Баммат с особой радостью сообщал читателям журнала «Кавказ» о том, что эта партия «сгнила дотла и развалилась на два враждебных стана»⁹². Однако информация о «смерти» «Мусавата» оказалась несколько преувеличенной, поскольку основной костяк партии и большая часть рядовых ее членов остались верны политическому курсу М.Э. Расулзаде. После исключения Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли из партии в 1934 году было решено сформировать новый состав Дивана путем анкетирования мусаватистов, так как созыв конференции «Мусавата» не представлялся возможным. В результате анкетирования в состав Дивана партии были кооптированы А. Азертекин, К. Одер и Х. Мунши⁹³. Этот состав Дивана не встретил серьезных возражений, но для придания большей авторитетности руководящему органу «Мусават», а также с целью разрешения давно назревших проблем партийной жизни необходимо было организовать и провести партийную конференцию.

Следует отметить, что некоторые зарубежные исследователи квалифицируют исключение в 1934 году оппозиционеров из рядов партии, как раскол «Мусавата» на Варшавскую и Стамбульскую группы⁹⁴. Эти исследователи, видимо, исходят из факта пребывания М.Э. Расулзаде в Варшаве, а его оппонентов – в Стамбуле. Однако подобная трактовка случившегося не совсем верна, поскольку и после исключения из «Мусавата» Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли, а также их сторонников, в Стамбуле продолжала функционировать достаточно сильная мусаватская организация, приверженная линии М.Э. Расулзаде. Членами этой организации являлись многие видные деятели партии, включая двух основателей «Мусавата» – Аббасгули Казымзаде и Мамед Али Расулзаде.

⁹² Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 116.

⁹³ Информация М.Э. Расулзаде о Варшавском съезде партии «Мусават» // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 269-270.

⁹⁴ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 123.

Неслучайно, что впервые с инициативой проведения новой партийной конференции в 1935 году выступил именно стамбульский комитет «Мусавата». Так, 14 декабря 1935 года состоялось заседание руководства стамбульского отделения партии с участием М. Векилли, М.А. Расулзаде, А. Казымзаде, А. Гулизаде и А. Джафароглу. На нем было принято единогласное решение направить лидерам партии «Мусават», находящимся в Варшаве, предложение о скорейшем созыве партийного съезда⁹⁵.

Данное предложение стамбульского отделения «Мусават» было поддержано председателем партии М.Э. Расулзаде, который в феврале 1936 года направил циркуляр всем местным организациям о созыве партийной конференции. В соответствии с уставом партии, циркуляр устанавливал порядок избрания делегатов на конференцию, которые должны были состоять из бывших и нынешних членов Дивана, а также представителей местных организаций⁹⁶. В результате получили мандат для участия в партийной конференции 14 мусаватистов. Кроме того, специальным письмом М.Э. Расулзаде на конференцию были приглашены М. Мехтиев, Абдул-Вагаб Мехмедзаде и Кербалаи Вели Микаилзаде⁹⁷.

Конференция партии «Мусават» состоялась с 5 по 7 августа 1936 года в Варшаве, и в ней приняли участие 11 из 14-ти делегатов. Если отсутствие на конференции Садыг бея Хулуси и представителя тегеранской организации партии объяснялось техническими причинами, то М. Векилли демонстративно проигнорировал ее работу. Хотя, наряду с другими стамбульскими мусаватистами, М. Векилли был одним из инициаторов созыва партийной конференции.

Подобный шаг М. Векилли обуславливался изменением его позиции, которое произошло в начале 1936 года. Он все более сближался с правыми кругами кавказской эмиграции, прежде всего, с представителями группировки Х. Хасмамедова. Еще нахо-

⁹⁵ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 325. Л. 113.

⁹⁶ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 270.

⁹⁷ Там же. С. 271.

дьясь в Турции, М. Векилли в переписке с М.Э. Расулзаде выражал свое недовольство действиями польских представителей – К. Дубича и Э. Харашкевича, курировавших деятельность кавказской эмиграции⁹⁸.

Затем, прибыв из Стамбула в Париж, М. Векилли начал открыто критиковать деятельность Совета Конфедерации Кавказа. 17 марта 1936 года, выступая на заседании СКК, он подчеркивал, что в первое время «наша эмиграция на перифериях с надеждой и радостью встретила образование Совета Конфедерации, но в последнее время это отношение изменилось в сторону разочарования, ибо Совет недостаточно себя проявил». И это, по мнению М. Векилли, вызывало апатию в среде эмигрантов⁹⁹.

Далее М. Векилли выразил свое несогласие с тем, что некоторые печатные органы политических сил, входящих в прометеевское движение, в частности, орган Загранбюро социал-демократической партии Грузии «Брдзолис Хма» («Эхо Борьбы»), излишне жестко критиковали национал-социалистический режим в Германии. Он считал, что подобная критика мешает росту влияния СКК в этой стране, и наоборот, способствует укреплению позиций правой кавказской организации¹⁰⁰.

Все это свидетельствовало о том, что М. Векилли начал вести свою собственную двойную игру. И это сразу же заметили польские представители, заподозрившие М. Векилли в преследовании скрытых целей. К сожалению, развитие событий подтвердило эти подозрения польской стороны. В частности, сблизившись с М. Мехтиевым, М. Векилли начал активно подталкивать его к созданию параллельных структур в составе СКК.

Под его влиянием М. Мехтиев стал добиваться особого статуса для Дипломатической комиссии СКК. Тем самым, он пытался фактически вывести данную комиссию из-под контроля президиума СКК. Путем придания Дипломатической комиссии допол-

⁹⁸ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 3.

⁹⁹ Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа. 17.03.1936 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 142.

¹⁰⁰ Там же. С. 143.

нительных полномочий М. Мехтиев хотел восстановить свой былой статус в эмиграции, когда он являлся заместителем председателя Азербайджанской делегации на Мирной конференции. Очевидно, что это предложение было отвергнуто, поскольку его реализация привела бы к созданию параллельных структур в системе СКК с дублирующими функциями¹⁰¹.

Одновременно М. Векилли и М. Мехтиев выступили с примерно аналогичными проектами реорганизации деятельности Азербайджанского национального центра. Стремясь установить причины подобного поведения М. Векилли и М. Мехтиева «в делах как АНЦ и партии «Мусават», так и в отношении Совета Конфедерации Кавказа», М.Э. Расулзаде по собственной инициативе встретился с ними в Париже. В ходе этой встречи М. Векилли и М. Мехтиев представили М.Э. Расулзаде план, предусматривающий разделение единой организации АНЦ на два автономно действующих подразделения. В компетенцию первого подразделения входили «заграничные вопросы, к которым причислялись отношения с другими организациями, политические действия и пропаганда на международном уровне, издания на иностранных языках»¹⁰². Внутренними же проблемами, которые охватывали организационную работу среди эмиграции, связь с Азербайджаном, влияние на настроения в ней, создание там местных ячеек, издания на родном языке, должно было заниматься второе подразделение¹⁰³.

Причем руководители обоих подразделений были полностью свободны в своих действиях и принятии решений, которые имели обязательную силу для нижестоящих организаций. Что же касается председателя АНЦ, то он превращался в чисто номинальную фигуру, лишённую всяких полномочий для непосредственного принятия решений и самостоятельного руководства. Он мог лишь озвучивать согласованное с руководителями подразделений мнение¹⁰⁴. Не

¹⁰¹ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 3.

¹⁰² Там же. Л. 3-4.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. Л. 4.

трудно догадаться, что руководителем первого подразделения должен был стать М. Мехтиев, а второго – М. Векилли.

Таким образом, М. Векилли и М. Мехтиев, по сути, стремились прибрать к рукам руководство АНЦ. Но главный недостаток их проекта заключался в том, что на практике подобное разделение организации на две автономные структуры было трудноосуществимо. Ведь при условии равномерной ответственности и трудно уловимой грани между полномочиями двух подразделений все это могло привести к полной анархии в организационных делах, и целый ряд лиц, действовавших в этой области, стал бы получать распоряжения, противоречащие друг другу. Руководствуясь этими соображениями, М.Э. Расулзаде сразу же отверг проект Векилли-Мехтиева¹⁰⁵.

Но даже после этой безрезультатной встречи М.Э. Расулзаде официально пригласил как М. Векилли, так и М. Мехтиева принять участие в конференции партии «Мусават». Им были отправлены все необходимые материалы. Однако М. Векилли и М. Мехтиев отказались от участия в партийном форуме.

Впрочем, их отсутствие не оказало особого влияния на работу конференции, которая приняла новую программу партии, пересмотрела партийный устав, выработала основы партийной тактики и выразила отношение к основным проблемам политического момента, а также сформировала новый состав заграничного Центрального комитета (Дивана) партии в эмиграции¹⁰⁶.

На конференции с докладом о деятельности партии и участии мусаватистов в национально-освободительном движении выступил М.Э. Расулзаде. Напомнив о том, что «партия «Мусават» является носителем тюркской национальной идеологии, и идея провозглашения независимости Азербайджана принадлежит ей», М.Э. Расулзаде подчеркнул, что именно «Мусават» сыграл ключевую роль в «отделении Закавказья от России» весной 1918 года¹⁰⁷.

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 4.

¹⁰⁶ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 72. Л. 27.

¹⁰⁷ Доклад М.Э. Расулзаде на конференции партии «Мусават» в Варшаве в августе 1936 года // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 196-197.

Затрагивая характер партии, М.Э.Расулзаде отметил, что «по своей социальной идеологии «Мусават» – партия народническая, партия широких народных масс, мелкой буржуазии, крестьянства и национальной интеллигенции. Она имеет большое влияние и на тюркские рабочие массы»¹⁰⁸. По сути, в азербайджанской политической действительности не было другой реальной силы, противостоящей большевизму, кроме партии «Мусават». По мнению М.Э.Расулзаде, именно по этой причине в Азербайджане «русско-большевистские оккупанты главным образом борются с партией «Мусават»¹⁰⁹.

Как заявил М.Э. Расулзаде, Кремль и большевистская пресса на самом деле отлично знали своего главного врага в Азербайджане и не ошибались, называя его «мусаватизмом», который стал синонимом азербайджанской независимости и патриотизма. Он выразил убежденность в том, что и в дальнейшем партия будет высоко нести знамя борьбы с русско-большевистским империализмом во имя восстановления независимости Азербайджана.

В своем докладе М.Э. Расулзаде затронул и тему «объединения кавказских народов в одно политическое целое». Как он подчеркнул, такое объединение ничуть не противоречит идее независимости Азербайджана и интересам освобождения других тюркских народов. По мнению М.Э. Расулзаде, наоборот, Кавказская Конфедерация, служа гарантией прочного мира на востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг, может служить наилучшим фактором в борьбе тюркских народов с вековым врагом»¹¹⁰.

Примечательно, что в принятой конференцией специальной резолюции немало внимания уделялось отрицательным моментам в деятельности эмиграции, в частности, «хронически возникающим конфликтам внутри организации». Как указывалось в этом документе, эти конфликты были обусловлены «слабостью политических устоев и традиций национальной борьбы»¹¹¹.

¹⁰⁸ Доклад М.Э. Расулзаде на конференции партии «Мусават» в Варшаве в августе 1936 года // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 201.

¹⁰⁹ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 198.

¹¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹¹ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 72. Л. 28.

Далее в резолюции отмечалась, что главная причина этих конфликтов «лежит в борьбе двух концепций, а именно – опираться ли в организационной работе на отдельные персоны, или же на идейно и организационно спаянные между собой кадры». Учитывая ответственность момента, а также необходимость оздоровления атмосферы и повышения работоспособности азербайджанской политэмиграции, конференция посчитала целесообразным «в национальной деятельности опираться главным образом на кадры работников, объединенных одной определенной идеологией». Конференция также поддержала деятельность М.Э. Расулзаде в АНЦ, «находя ее отвечающей требованию одобренной съездом организационной концепции»¹¹².

На конференции по инициативе М.Э. Расулзаде были приняты «Основы новой программы» партии. В этом документе мусаватизм квалифицировался как «азербайджанский патриотизм, преданный идеалам свободы, республики и национальной независимости, тесно связанный с великой тюркской культурой и высоко ставящий общечеловеческие начала цивилизации»¹¹³. Главной политической целью партии объявлялось восстановление государственной независимости Азербайджана.

Этот документ по многим параметрам заметно отличался от прежней программы «Мусавата». Особенно существенные изменения произошли в области политических устремлений и социальных задач партии. Правда, основная цель партии – «освобождение из-под русской оккупации и восстановление независимости Азербайджанской Республики», осталась неизменной. Но одновременно «в целях завоевания этой независимости и дальнейшей ее защиты от всевозможных опасностей в будущем» в программу партии впервые был включен лозунг Конфедеративного Кавказа. Отныне лозунг: «независимый Азербайджан в составе Кавказской Конфедерации становится официальным лозунгом партии и целью ее практических начинаний»¹¹⁴.

¹¹² РГВА. Ф, 461-к. Оп. 2. Д. 72. Л. 28-29.

¹¹³ Milli Azerbaycan «Müsavət» Halk Firkasının Yeni Program Esasları. Varşava, 1936. S. 4.

¹¹⁴ A.g.e. S. 5.

В новой партийной программе также подчеркивалось, что «в качестве страны, населенной тюрками, Азербайджан культурно связан с другими тюркскими народами. Мусаватизм, преданный этой связи в прошлом, защитит ее и в будущем»¹¹⁵. Как видно, партия делала акцент именно на культурное, а не на политическое единство тюркских народов. Занимая подобную позицию, руководство партии исходило из практики последних десятилетий, которая продемонстрировала всю несостоятельность различных политических «пан-измов», неудачно пытавшихся объединить для реализации общих политических целей однородные в этническом плане национальные организмы с несовпадающими политическими устремлениями. Кроме того, уровень развития тюркских народов был совершенно разным. Среди них были народы, обладавшие длительной традицией государственности, и народы, на чисто лишенные таковой.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, провозглашая свою приверженность к общетюркской культуре, партия не абсолютизировала ее значимость, ставя интересы Азербайджана и азербайджанской культуры превыше всего. Учитывая тогдашнюю «ничем не омрачаемую близость советско-турецких отношений», руководители «Мусават», и в частности, М.Э. Расулзаде отдавали себе отчет в том, что различные культурные «пан-измы», подобно «пан-измам» политическим, действены постольку, поскольку отвечают реальным интересам охватываемых ими народов. В этом смысле новая программа партии «Мусават» учитывала реальную обстановку и опыт, диктуемый историей и действительностью.

В соответствии с новыми реалиями были внесены кардинальные изменения и в социальную программу партии. В отличие от прежней социальной программы «Мусавата», которая не только признавала разделение общества на различные социальные классы и слои, но и определяла первоочередной задачей партии защиту интересов трудящихся классов, для «Новых программных основ» был характерен принципиально иной подход к данной проблеме.

¹¹⁵ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 213.

Новая социальная политика «Мусавата» была сформулирована в концепции Milli Təşəvüdü (национальной солидарности), разработанной М.Э. Расулзаде. Ее задача заключалась в достижении национального единства и солидарности в азербайджанском обществе. Учитывая специфические условия большевистской оккупации страны, М.Э. Расулзаде стремился к достижению максимально возможной консолидации различных слоев азербайджанского общества в борьбе за национальную независимость путем гармонизации интересов общества и индивидуума.

Как подчеркивалось в новой партийной программе, «мусаватизм берет за основу единство нации и солидаризацию общественных интересов, не допуская классовую борьбу, и в корне отрицает господство одной какой-либо части населения над другой»¹¹⁶. Тем самым руководством партии во главе с М.Э. Расулзаде был взят курс на трансформацию «Мусавата» «из национальной партии» в организацию, «представляющую интересы всех слоев азербайджанской нации»¹¹⁷.

Следует отметить, что, проанализировав международную ситуацию, конференция пришла к выводу о неизбежности новой мировой войны, равно как и неизбежности участия в ней СССР. В специальной резолюции, принятой конференцией по данной проблеме, подчеркивалось, что симпатии партии «Мусават» в предстоящей войне будут на стороне международных сил, противостоящих советской империи. Но при этом особо подчеркивалось, что «степень нашей симпатии в отношении этих сил будет находиться в прямой связи со степенью их положительного отношения к нашей проблеме и к нашим национальным интересам»¹¹⁸.

В решениях конференции особо подчеркивалось, что «Азербайджанская проблема – это проблема международная. Популяризация этой проблемы перед общественным мнением всего мира путем вхождения в связь с общественно-политическими кругами и

¹¹⁶ Milli Azərbaycan «Müsavət» Halk Firkasının Yeni Program Esasları. Varşava, 1936. S. 5.

¹¹⁷ *Məmmədzadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 211.

¹¹⁸ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 407.

через мировую прессу, – служит основной задачей партии»¹¹⁹. Поэтому партийным органам предлагалась проявить еще большую энергию в этом направлении, чем это было до сих пор.

В заключительный день работы конференции в Варшаве, 7 августа 1936 года, был сформирован новый состав высшего руководящего органа «Мусават» – Загранбюро, куда вошли М.Э. Расулзаде, М.Б. Мамедзаде, А. Азертекин, А. Джафароглу, Х. Мунши, М. Исрафилов и Г. Зейналов¹²⁰. Правда, в некоторых источниках М.Б. Мамедзаде указан как Мамедов¹²¹. На этом основании российский исследователь С. Исхаков считает, что под Мамедовым имелся в виду не М.Б. Мамедзаде, а Х. Хасмамедов. Свою позицию он обосновывает тем, что в информации, отправленной М.Э. Расулзаде летом 1937 года в Экспозитуру-II, среди мусаватистских лидеров указан Х. Хасмамедов, а не М.Б. Мамедзаде¹²².

На самом деле по инициативе М.Э. Расулзаде было решено в составе Загранбюро оставить вакантными два места на тот случай, если его бывшие соратники изменят свою позицию и изъявят желание вернуться в ряды партии. Но все же думается, что на Варшавской конференции членом Загранбюро партии был избран именно М.Б. Мамедзаде.

Это подтверждается, в том числе, и архивным документом, на который ссылается С. Исхаков. Так, в этом документе имя Мирза Бала стоит под №20¹²³. Помимо этого, в другом документе, направленном М.Э. Расулзаде 10 августа 1937 года в Экспозитуру-II, М.Б. Мамедзаде также указан членом Дивана партии¹²⁴. И вообще, после окончательного разрыва в начале 1934 года ни сам Х. Хасмамедов, ни члены его группировки не входили в состав руководящих органов «Мусавата».

¹¹⁹ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 407.

¹²⁰ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 123.

¹²¹ Там же.

¹²² Из истории азербайджанской эмиграции. С. 250.

¹²³ Там же. С. 252.

¹²⁴ Там же. С. 257.

Таким образом, принятые конференцией решения, в частности, «Основы новой программы» партии, вновь показали, что, выступая против интернационализма левых группировок и клерикального космополитизма правых, «Мусават» является главным стержнем национального движения азербайджанских тюрок.

Неприятие партией клерикализма было весьма актуально, т. к. продолжались попытки раскола кавказской политэмиграции по религиозному принципу. В противовес идее «Азербайджано-горского объединения», продвигаемой правыми азербайджанскими и северокавказскими эмигрантами, часть армянских дашнаков и грузинских национал-демократов летом 1936 года создали т. н. «Армяно-грузинский унион». Эта организация, ставившая своей целью сближение армянских и грузинских правых эмигрантских организаций, была создана при поддержке Италии, и во внешнеполитической сфере ориентировалась на режим Муссолини¹²⁵.

«Армяно-грузинский унион» имел антитурецкую направленность, отказываясь признать существующие границы Армении и Грузии с Турцией. Это противоречило основополагающему тезису движения «Прометей», согласно которому врагом народов Кавказа являлся лишь Север в лице советской империи. Неудивительно, что М.Э. Расулзаде сразу же выступил против подобных сепаратных грузино-армянских комбинаций, вносящих разлад в единство кавказской политэмиграции.

В частности, Мамед Эмин бей, которого группа «Кавказ» продолжала обвинять в предательстве интересов Турции, 16 июня 1936 года на заседании Совета Конфедерации Кавказа потребовал срочно отреагировать и осудить создание «Армяно-грузинского униона»¹²⁶. Именно по его настоянию на том же заседании СКК была принята резолюция, в которой «Армяно-грузинский унион» квалифицировался как «сепаратный политический союз», направленный на усиление «взаимной вражды и разлада общекавказского объединения»¹²⁷.

¹²⁵ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 157.

¹²⁶ Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа. 16.06.1936 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 158-159.

¹²⁷ Там же. С. 160.

Добиться принятия этой резолюции СКК было нелегко, поскольку грузинские социал-демократы крайне осторожно относились к «Армяно-грузинскому униюну». Они не хотели конфликтовать с Италией, покровительницей этой новоявленной организации. Ведь правительство Грузии в изгнании, возглавляемое грузинскими социал-демократами, в это время предпринимало шаги с целью заручиться поддержкой Италии в деле защиты грузинских интересов на международной конференции в Монтре, где должен был решаться вопрос Проливов, и, следовательно, проблема морской связи Грузии с Европой и внешним миром в целом. Правда, они не могли себе позволить ссориться по этому поводу и с М.Э. Расулзаде, их привилегированным партнером по Брюссельскому пакту Кавказской Конфедерации 1934 года. Но в конечном итоге они вынуждены были согласиться с принятием резолюции СКК, осуждающей создание «Армяно-грузинского униона»¹²⁸.

Колебания грузинских членов движения «Прометей» в отношении «Армяно-грузинского униона» подтверждаются тем фактом, что принятая 16 июня 1936 г. специальная резолюция Совета Кавказской Конфедерации, осуждающая деятельность «Униона», была обнародована лишь в августе того же года после завершения конференции в Монтре¹²⁹.

В целом же, по мере укрепления позиций фашистских режимов в Европе, которые все более активно покровительствовали правым кавказским эмигрантам, центробежные процессы внутри кавказской политэмиграции усиливались. Ситуация еще больше обострилась после заключения в ноябре 1936 года Антикоминтерновского пакта между Японией и Германией, когда основным партнером Токио и Берлина среди кавказских эмигрантских организаций стала группа «Кавказ». Противостояние с этой группой в предвоенные годы отнимало значительную часть сил и средств прометеевского движения, одним из видных представителей которого по-прежнему являлся М.Э. Расулзаде.

¹²⁸ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 248.

¹²⁹ Там же. С. 252.

§ 2. М.Э. Расулзаде накануне и в период Второй мировой войны (1937-1945)

Во второй половине 30-х годов прошлого столетия правое крыло кавказской эмиграции окончательно перешло под покровительство Германии, Италии и Японии. Это оказало существенное влияние на расстановку сил внутри кавказской эмиграции, способствуя усилению позиций правого крыла и наоборот, ослаблению прометеевского движения, многие представители которого также стремились установить контакты с представителями стран оси, и в первую очередь, с Германией. Притягательность этих режимов для кавказской эмиграции объяснялась не только их растущей мощью, но и яростной антисоветской риторикой лидеров этих стран.

Взоры представителей азербайджанской политэмиграции правого толка – Х. Хасмамедова, Ш. Рустамбейли, Н. Шейхзаманлы, Ф. Амирджана и др., – все чаще обращались к Берлину, Риму и Токио. В немалой степени это было следствием идеологических предпочтений представителей правой азербайджанской политэмиграции, придерживающихся радикально националистических позиций. Участие в будущей войне на стороне Германии они рассматривали как последнюю возможность восстановления утраченной независимости Азербайджана. Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что Х. Султанов¹³⁰, Х. Хасмамедов, Н. Шейхзаманлы активно сотрудничали с немецкой разведкой, получая от нее финансовые средства¹³¹.

Между тем, несмотря на значительные изменения на международной арене в пользу стран оси, М.Э. Расулзаде и другие прометеевцы по-прежнему планировали в антисоветской борьбе опираться в основном на морально-политическую и материальную поддержку европейских демократических государств, и в первую очередь, Польши. По их мнению, именно эти государства должны были стать

¹³⁰ *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. С. 44.

¹³¹ *Qasimli M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadələ tarixi. S. 642.

главной базой деятельности азербайджанской политэмиграции в борьбе за восстановление независимости Азербайджана.

Немаловажное значение в подобном выборе имело то обстоятельство, что многие эмигрировавшие за границу после падения АДР в апреле 1920 года офицеры-азербайджанцы служили в польской армии, часть из них работала в Генштабе. Кроме того, азербайджанские эмигранты поддерживали связь со своими сторонниками в Азербайджане с помощью польских спецслужб. Учитывая, что поляки усиленно готовились к войне, азербайджанские эмигранты жили в ожидании того, чтобы выступить вместе с польской армией против СССР.

Таким образом, правые азербайджанские эмигранты и сторонники М.Э. Расулзаде, входившие в прометеевское движение, в борьбе за национальное освобождение опирались на конкурирующие между собой внешние силы. На этой почве между ними шла настоящая пропагандистская война. Ситуация осложнялась и тем, что М.Э. Расулзаде приходилось отбиваться от нападков не только правых эмигрантов, но и некоторых своих бывших соратников по партии «Мусават».

В данном случае речь идет о М. Мехтиеве и М. Векилли, которые поддерживали контакты не только с поляками, но и с немцами и турками. Судя по всему, со стороны последних им были даны определенные авансы. Поэтому они начали бунтовать, желая играть более самостоятельную роль в эмигрантском движении. Тем более что их германские и турецкие друзья постоянно твердили им о предстоящих больших событиях, подразумевая под этим надвигающуюся войну Германии с СССР, которая по всем расчетам должна была актуализировать идею независимости Кавказа¹³². Все это и подтолкнуло М. Векилли и М. Мехтиева к открытому выступлению против М.Э. Расулзаде. При этом главной мишенью ими были варианты решения Варшавской конференции «Мусавата».

Принятие новых программных документов партии «Мусават» на Варшавской конференции 1936 года стало доказательством ее

¹³² Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 83.

способности адаптироваться к меняющимся условиям и перестраиваться в соответствии с требованиями времени. Эти решения были одобрены и поддержаны подавляющим большинством местных организаций и рядовых членов партии. Вместе с тем, некоторые положения новой программы были в штыки встречены недоброжелателями партии, и спровоцировали новую волну критики с их стороны.

Здесь особо выделялся М. Векилли, который сначала стремился поставить под сомнение правомочность проведения Варшавской конференции. Но когда эти его попытки потерпели фиаско, он переключился на дискредитацию партийных документов, принятых на конференции. В частности, он начал усиленную кампанию против некоторых тезисов новой партийной программы.

Причем критика М. Векилли носила откровенно некорректный и спекулятивный характер. Так, он утверждал, что новая программа «Мусават» не признает принцип частной собственности и ратует за ее уничтожение¹³³. Действительно, новая экономическая программа партии базировалась на принципах этатизма, предусматривающих жесткое государственное регулирование экономики. Принципы этатизма в то время с успехом внедрялись в Турции президентом К. Ататюрком. С другой стороны, выбор этатизма, ставящего своей целью создание реальных возможностей для гармоничного развития личности и государства, исходил из принципа национального солидаризма, провозглашенного на Варшавской конференции основой политики «Мусавата» в социальной сфере.

Исходя из принципов этатизма, новая программа «Мусавата» предусматривала передачу всех крупных промышленных предприятий, национализированных советской властью, под управление государства. Однако это вовсе не означало уничтожение частной собственности, как об этом твердил М. Векилли, поскольку, за исключением крупной индустрии, партия без всяких ограничений признавала существование частной собственности во всех других сферах экономики. В частности, новая партийная программа предусматривала денационализацию мелкой промышлен-

¹³³ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 7.

ности и восстановление индивидуальных крестьянских хозяйств. К тому же земля должна была перейти в частную собственность обрабатывающих ее землевладельцев¹³⁴.

Нелепость и несостоятельность утверждений М. Векилли была столь очевидной, что ему не удалось заручиться сколько-нибудь серьезной поддержкой мусаватистов. Даже М. Мехтиев накануне проведения Варшавской конференции «Мусават» поддержавший М. Векилли, затем, быстро разобравшись в его меркантильных намерениях, решил дистанцироваться от него.

Следует отметить, что по сравнению с М. Векилли, М.Э. Расулзаде высоко оценивал М. Мехтиева как политика и человека. Поэтому, настаивая на отстранении М. Векилли от всех руководящих должностей как в партии «Мусават», так и в АНЦ, М.Э. Расулзаде в отношении М. Мехтиева занимал более гибкую позицию. Мусаватский лидер считал, что азербайджанская политэмиграция остро нуждается в опыте и знании таких кадров, как М. Мехтиев, которыми нельзя разбрасываться. Он выражал уверенность в том, что М. Мехтиев еще сможет «преобразовать жизнь азербайджанской организации в соответствии с принципами, выдвинутыми Варшавской конференцией партии»¹³⁵.

И последующие события подтвердили правоту лидера «Мусавата», поскольку М. Мехтиев отказался от дальнейшего сотрудничества с М. Векилли и от открытой конфронтации с М.Э. Расулзаде. Накануне проведения партийной конференции в письме от 11 июля 1936 года, адресованном Х. Мунши, М. Мехтиев сам открыто предлагал отстранить М.Э. Расулзаде от руководства «Мусават» и Азербайджанским национальным центром¹³⁶. Но примерно через год он уже в категоричной форме отверг аналогичное предложение одного из представителей азербайджанской правой эмиграции А. Амирджанова¹³⁷.

¹³⁴ Материалы Варшавского съезда «Мусават» // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 214-215.

¹³⁵ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 7.

¹³⁶ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 178.

¹³⁷ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 81. Л. 21-23.

В своем письме от 17 мая 1937 года А. Амирджанов предлагал М. Мехтиеву «декларировать о своем разрыве» с М.Э. Расулзаде. А в качестве «вознаграждения» за этот шаг М. Мехтиеву предлагался пост председателя в новом составе Азербайджанского национального центра. Право формирования нового состава АНЦ без участия М.Э. Расулзаде также возлагалось на М. Мехтиева. При этом он мог, исходя из личных соображений, привлечь за пределами Турции в новый национальный центр любого представителя азербайджанской эмиграции. А из азербайджанских эмигрантов, обосновавшихся в Турции, А. Амирджанов советовал ему привлечь «лиц, пользующихся доверием турок», в частности, М. Векилли, Х. Хасмамедова, Х. Султанова и М. Гаджизаде¹³⁸.

К чести М. Мехтиева, несмотря на всю заманчивость и соблазнительность данного предложения, он отказался от него. В ответном письме от 27 мая 1937 года М. Мехтиев, соглашаясь с А. Амирджановым о наличии сложностей и проблем в деятельности азербайджанской политэмиграции, одновременно подчеркивал, что «ответственность и вина за происходящее лежит на нас всех, и мы не можем успокоиться только тем, чтобы взвалить вину на то или иное лицо». Причину же наблюдающихся проблем он видел «в недостатке нашей организованности, неумении поддерживать общую линию и разногласии между нами»¹³⁹.

Что же касается предложения о необходимости организации нового национального центра с привлечением в него ряд лиц из Стамбула, то М. Мехтиев рекомендовал А. Амирджанову «не упускать из виду, что национальный центр у нас существует и имеется известная история и традиция его существования». Соглашаясь с А. Амирджановым в том, что необходимо привлечь «всех национально мыслящих элементов» в существующие структуры, М. Мехтиев вместе с тем предупреждал, что «нельзя это осуществлять каждый раз созданием «ад хок» (от латинского

¹³⁸ Письмо А. Амирджанова М. Мехтиеву. 17.05.1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 232.

¹³⁹ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 81. Л. 21.

ad hoc – для данного случая – А. Б.) новой организации только потому, что то или иное лицо нам не нравится или потому, что то или другое лицо в национальном центре не участвует. Это может повести только к новой розни, анархии и новым осложнениям»¹⁴⁰.

В конце письма М. Мехтиев подчеркивал, что «принцип, которым мы всегда руководились и руководимся, это то, что мы никогда не вели борьбу с отдельными личностями, а боролись только за дело и идею». И советовал А. Амирджанову «в национальном деле искать только позитивную сторону работы, так как негативную ее сторону ищут все наши враги. Для того чтобы суметь добиться освобождения маленькой страны, нужно суметь проявить величие и широту»¹⁴¹.

Между тем, М. Векилли продолжал свою оппортунистическую деятельность против руководства «Мусават» и АНЦ, на этой почве все больше сближаясь с правыми кругами азербайджанской эмиграции. Ведь неспроста в вышеупомянутом письме А. Амирджанова фамилия М. Векилли вместе с именами руководителей правого крыла азербайджанской эмиграции фигурирует среди фамилий кандидатов в новый «национальный центр», который правые эмигранты пытались сформировать в качестве альтернативы существующему АНЦ под руководством М.Э. Расулзаде.

Учитывая подобную деятельность М. Векилли, создававшую угрозу для единства рядов партии, руководство «Мусавата» вынуждено было принять ответные меры. Так, руководствуясь соответствующим положением о формировании национального центра, оно решило отозвать из состава АНЦ М. Векилли, а также А. Джафароглу, к тому времени также переметнувшегося в стан оппозиции. М.Э. Расулзаде специальным письмом проинформировал об этом секретаря АНЦ А. Атамалибекова, где, в частности, подчеркивалось, что «партия «Мусават» решила произвести изменения в составе делегации, представляющей ее в национальном центре. Ставим вас в известность, что господина Векилли Мустафа и

¹⁴⁰ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 81. Л. 21-22.

¹⁴¹ Там же. Л. 22-23.

Джафароглу Ахмед отныне Диваном партии лишены звания члена национального центра и что все решения этой структуры с их участием будут рассматриваться незаконными»¹⁴².

Говоря об активизации оппозиционных сил внутри азербайджанской эмиграции, необходимо отметить, что она, в значительной степени, стала следствием усиливающейся поддержки оппонентов М.Э. Расулзаде со стороны группы «Кавказ». Правая азербайджанская эмиграция тесно координировала свои действия с этой группой и ее руководителем Г. Бамматом. Как подчеркивается в одном из архивных документов, Ш. Рустамбейли и К^о имели в Берлине специального представителя при Г. Баммате¹⁴³.

Впрочем, несмотря на эту поддержку, ни правые азербайджанские эмигранты, ни их новоиспеченный «друг» М. Векилли сами по себе не представляли особой опасности для М.Э. Расулзаде и прометеевского движения. Более серьезной проблемой для партии «Мусават» и АНЦ были нападки со стороны представитель группы «Кавказ», которая с лета 1937 г. щедро финансировалась как японской разведкой, так и германским Абвером¹⁴⁴. В результате японо-германской поддержки эта организация, руководимая Бамматом, оказалась в состоянии бросить серьезный вызов движению «Прометей».

Во второй половине 30-х гг. XX столетия основным оппонентом М.Э. Расулзаде, как и других прометеевских лидеров, внутри кавказской эмиграции был лидер группы «Кавказ» Гайдар Баммат. Наблюдаемое в этот период противостояние между М.Э. Расулзаде и его соратниками по прометеевскому движению, с одной стороны, и Г. Бамматом и его группой «Кавказ», с другой, было столкновением двух диаметрально противоположных концепций и мировоззрений относительно будущего Кавказа.

Безусловно, и М.Э. Расулзаде, и Г. Баммат являлись убежденными сторонниками независимости Кавказа и освобождения регио-

¹⁴² Письмо М.Э. Расулзаде А. Атамалибекову. 06.10.1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 279.

¹⁴³ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 288.

¹⁴⁴ *Мамулия Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 306-309.

на от большевистской оккупации. Но этим сходство между ними заканчивалось, и начиналась длинная череда расхождений. Причем, эти расхождения были продиктованы не только тем, что М.Э. Расулзаде пытался добиться освобождения Кавказа при поддержке демократических государств Европы, а Г. Баммат опирался на страны оси в лице Германии, Италии и Японии. Различие во внешнеполитических ориентациях было не причиной, а лишь следствием глубокого расхождения их политических и идеологических воззрений.

Дело в том, что они по-разному видели будущее независимого Кавказа. Для М.Э. Расулзаде национальная независимость была не самоцелью, а способом создания соответствующих условий для раскрепощения и развития творческого потенциала кавказских народов. При этом М.Э. Расулзаде никогда не скрывал, что будущее Азербайджана он видит не в стороне, а в русле общемировых тенденций развития. Он был горячим сторонником утверждения в Азербайджане и на всем Кавказе европейских ценностей, в том числе ее универсальных демократических принципов. В этом отношении М.Э. Расулзаде стремился к тому, чтобы добившийся независимости Азербайджан стал частью европейской цивилизации.

Однако Г. Баммат вкладывал в идею кавказской независимости принципиально иное содержание. Как подчеркивалось им на страницах журнала «Кавказ», «хотим мы кавказцы того или нет, мы принадлежим к народам передней Азии. Принадлежим географически, исторически и культурно, как бы последнее обстоятельство не было неприятно нашим, немного смешным в своем примитивном «западничестве» политическим противникам. Не нужно быть пророком – достаточно внимательно следить за совершающейся на наших глазах эволюцией – чтобы предсказать, что кратковременному, всего в сто лет, отрыву Кавказа от восточной стихии настает конец. Наши народы возвращаются в свое естественное историческое русло»¹⁴⁵.

В этой связи неудивительно, что ислам и его ценности составляли основу мировоззренческих взглядов Г. Баммата. Даже пропо-

¹⁴⁵ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 327-328.

ведуемый им национализм был окрашен в зеленые цвета ислама. Неслучайно, что он ратовал за «религиозное утверждение национального начала» среди кавказских народов¹⁴⁶. А после Второй мировой войны Г. Баммат, окончательно разочаровавшись в политике, полностью сосредоточился на изучении и пропаганде ислама, считая эту религию единственным спасением народов Северного Кавказа.

В отличие от Г. Баммата, М.Э. Расулзаде не идеализировал Восток, а наоборот, жестко критиковал его «за косность нравов, губительность предрассудков, схоластическое суждение квази-ученых, ханжество и мракобесие». Одновременно он призывал азербайджанских тюрков «проснуться от вековой спячки, приобщиться к современной науке и общемировой культуре и идти вперед», чтобы «приноровиться к прогрессивному шествию общечеловеческой цивилизации»¹⁴⁷. При этом М.Э. Расулзаде не ограничивался только рамками Азербайджана, ратуя за «радикальную европеизацию всего Востока»¹⁴⁸.

Таким образом, при всем внешнем сходстве конечных целей этих двух, несомненно, талантливых личностей, все же приходится констатировать, что взоры М.Э. Расулзаде были обращены в будущее, а Г. Баммата – в прошлое. По сути, Г. Баммат пытался воскресить прошлое. Кроме того, руководствуясь известным принципом Макиавелли – цель оправдывает средства, он не брезговал ничем для реализации своих планов, что создавало серьезные проблемы для единства кавказской эмиграции.

Уже в первом номере журнала «Кавказ» Г. Баммат утверждал, что «горцы Кавказа не могут питать особого доверия к кавказскому патриотизму политических партий, родившихся в дореволюционном подполье»¹⁴⁹. В этом заключалась причина его недоверия к кавказ-

¹⁴⁶ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 104.

¹⁴⁷ *Расулзаде М.Э.* Современная литература Азербайджана. Доклад, прочитанный 17 января 1936 г. в Париже // *Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем.* С. 172, 176.

¹⁴⁸ *Расулзаде М.Э.* Турция и Европа // *Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века).* С. 34.

¹⁴⁹ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 51.

ским партиям, сгруппировавшимся в прометеевском движении, которые в своем подавляющем большинстве находились у власти в 1918-1921 гг. в независимых республиках Кавказа. Игнорируя все объективные обстоятельства и тогдашнюю геополитическую ситуацию в регионе, Г. Баммат считал именно эти партии, и в первую очередь грузинских социал-демократов и «Мусават», главными виновниками повторной оккупации Кавказа большевиками.

Впрочем, Г. Баммат получал достойную отповедь со стороны М.Э. Расулзаде на все свои измышления, которые из номера в номер появлялись на страницах «Кавказа». Мамед Эмин бей не мог оставить без внимания и его попытки выпячивания религиозного фактора в освободительной борьбе кавказских народов.

В специальной статье, напечатанной в январском номере (1937 г.) журнала «Kurtuluş», М.Э. Расулзаде, отвечая на обвинения Г. Баммата, напоминал, что в 1918-1920 гг. «Азербайджанская Республика, будучи сама в положении первичной государственной формации, не жалела никаких моральных и материальных усилий для того, чтобы сделать образование Северокавказской Республики реальным»¹⁵⁰. Продолжая далее свою мысль, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что наличие «тесных братских взаимоотношений и духовных связей» между азербайджанскими тюрками и северокавказскими народами еще не дает повода представителям группы «Кавказ» обосновать «Кавказскую Конфедерацию только на этом двустороннем взаимоотношении, выдвинув лозунг: сперва мусульмане, потом христиане»¹⁵¹.

Подчеркивая недопустимость подобного подхода Г. Баммата и его единомышленников к идее Кавказской Конфедерации, М.Э. Расулзаде пишет: «Такая тактика вредна общему делу и льет воду на мельницу врагов кавказского дела. Она подобна тактике «Армяно-грузинского униона», которая основывалась на началах христианской взаимности. Не в действительных интересах тюрков

¹⁵⁰ Программная статья Мамед Эмин бея Расулзаде // Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 416.

¹⁵¹ Там же. С. 417.

и мусульман видеть Кавказ разделенным на два противоположных сектора по религиозному признаку. Результат такого разделения, коротко говоря, выразится или в дальнейшем пребывании России на Кавказе, или же в новом завоевании его той же Россией»¹⁵².

Хотя акцент на религиозном факторе группы «Кавказ», где привилегированное положение занимали правые северокавказские эмигранты, был вполне объясним. В условиях Северного Кавказа упор на сугубо национальный фактор, как это делали грузины и азербайджанские турки, мог спровоцировать непреодолимые конфликты между многочисленными этническими общностями, населяющими этот регион. Поэтому, учитывая данное обстоятельство, а также отсутствие традиций совместной государственности, руководители группы «Кавказ», в определенной степени, вынуждены были считать «ислам единственным средством, способным в будущем сцементировать политическое единство народов Северного Кавказа»¹⁵³. В этом смысле ислам казался им эффективным средством нивелирования существующих на Северном Кавказе этнических различий.

В пылу полемики с лидерами прометеевского движения Г. Баммат иногда доходил до полнейшего абсурда. Так, на страницах журнала «Кавказ» он всерьез заявлял, что мусаватисты являются «бывшими социал-демократами-большевиками и нынешними пособниками советского правительства (!!)»¹⁵⁴. Правда, главным пропагандистским козырем правой эмиграции в борьбе с М.Э. Расулзаде и партией «Мусават» был отнюдь не этот аргумент. И сам Г. Баммат, и азербайджанские правые эмигранты, которым он с большой охотой представлял страницы «Кавказа», из номера в номер твердили, что М.Э. Расулзаде и «Мусават» якобы отреклись от идей тюркизма и недооценивают роль и возможности Турции в освобождении Кавказа.

Неслучайно, что в одной из своих статей в журнале «Кавказ» Г. Баммат подчеркивал, что «в 1919-20 гг., когда хозяевами политиче-

¹⁵² Программная статья Мамед Эмин бея Расулзаде . С. 417.

¹⁵³ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 104.

¹⁵⁴ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 241-242.

ского положения на Кавказе оказались враждебные Турции европейские державы, мусаватское правительство Азербайджана «ориентировалось» на Англию». По его словам, тогда лишь «Россия протянула руку помощи турецкому освободительному движению»¹⁵⁵.

При этом Г. Баммата несколько не смущал тот факт, что подобные обвинения не имели ничего общего с реальностью. И это подтверждается в первую очередь многочисленными признаниями турецких представителей. Как в этой связи справедливо отмечал известный турецкий журналист и общественно-политический деятель Мухиддин Бирген, в деле поддержки турецкого освободительного движения мусаватское правительство проявило больше мужества и самостоятельности, чем султанское правительство и стамбульская интеллигенция. Во-первых, оно оказывало гостеприимство всем туркам, бежавшим от преследования англичан в Азербайджан. Во-вторых, узнав о действительной нужде турецкого национального движения, оно послало анкарскому правительству денежную помощь. И эта сумма была получена в Анкаре, о чем свидетельствует «соответствующая квитанция, находящаяся в руках ответственных представителей азербайджанской эмиграции»¹⁵⁶. Поэтому для М. Биргена «несомненным фактом являлось то, что мусаватское правительство во всех случаях дружески относилось к анатолийскому движению».

Что же касается «англофильства» «Мусавата», то, по мнению М. Биргена, в тот период оно было вполне оправданным. Как отмечал М. Бирген, всякое национальное правительство, ответственное за судьбы своего народа, поступило бы так, как тогда поступило мусаватское правительство по отношению Англии, заменившей турок и немцев на Южном Кавказе¹⁵⁷.

Очевидно, что, распространяя подобные измышления, Г.Баммат и его единомышленники пытались позиционировать себя перед турецкими властями наиболее искренними и верными

¹⁵⁵ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 374.

¹⁵⁶ *Азертекин Али*. Турецкий деятель об Азербайджане // Şimali Kafkasya – Северный Кавказ. 1937. № 42-43. С. 38.

¹⁵⁷ *Азертекин Али*. Турецкий деятель об Азербайджане. С. 38.

союзниками Турции среди кавказской политэмиграции. А заодно они стремились усилить недоверие турецкого правительства к М.Э. Расулзаде и другим азербайджанским эмигрантам прометеевского движения.

Однако в то время в правящих кругах Турции, мягко говоря, с пессимизмом относились к возможности освобождения кавказских народов от русской оккупации. Этой точки зрения придерживались даже, в целом, симпатизировавшие освободительному движению кавказских народов турецкие деятели. Наглядным примером тому являются статьи вышеупомянутого М. Биргена, опубликованные в 1937 году в газете «*Son Posta*», в которых он оценивает действия турецких представителей в Азербайджане в 1918-1920 гг.

В этих статьях М. Бирген открыто говорит о «непристойной роли» некоторых турецких офицеров в свержении мусаватского правительства. В частности, он обвиняет турецких представителей «в трех грехах: во-первых, во вмешательстве во внутренние дела Азербайджана; во-вторых, в самозваном вмешательстве во взаимоотношения Азербайджана и Турции; в-третьих, в провоцировании всех оппозиционных партий Азербайджана с целью достижения политической изоляции партии «Мусават»¹⁵⁸. По словам М.Биргена, «когда союзная с Халил-пашой красная армия наступала на Баку, наши с револьверами в руках, полученными ими от мусаватского правительства, убивали своих благодетелей мусаватистов»¹⁵⁹.

М. Бирген заканчивает статью следующими словами: «В качестве турецкого интеллигента, я, желая выполнить моральный долг турка перед азербайджанцами, решил, прежде, чем умереть, обо всем этом рассказать публично. История должна знать все. Одновременно с этим я от имени турецкого национализма приношу азербайджанцам глубокое соболезнование и публично прошу у них прощения за те страдания, которые они испытывают благодаря нашим компатриотам»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ *Азерткин Али.* Турецкий деятель об Азербайджане. С. 37-38.

¹⁵⁹ Там же. С. 38.

¹⁶⁰ Там же.

Несмотря на эти искренние слова, выводы, сделанные М. Биргеном, были довольно обескураживающими. Имея в виду Азербайджан, он заявляет, что «эти области в наш век еще не созревшие к самостоятельной национальной жизни, в конечном счете, обречены считаться собственностью того, кто им дает самостоятельность, и, следовательно, им не избавиться от его влияния и господства»¹⁶¹. Поэтому ему «представляется наиболее разумным, чтобы турки склонились перед реальными фактами истории и стремились в условиях этой реальности к обеспечению себе лучшего бытия»¹⁶². Более того, М. Бирген выражает уверенность в том, что если Москва «предоставит азербайджанским туркам возможность развития их национальной культуры, этого будет достаточно для устранения оппозиции»¹⁶³.

Если перевести эти витиеватые фразы на нормальный язык, то они означают, что азербайджанские турки, смирившись с историческими реалиями, должны отказаться от всяких притязаний на национальную независимость. В то время подобное мнение господствовало и в турецких правящих кругах, которые, исходя из этого постулата, в любом освободительном движении кавказских народов видели «происки врагов» Турции, стремящихся испортить турецко-советские отношения.

К тому же, по мере усиления угрозы развязывания новой мировой войны, большевистский режим, чтобы обезопасить свои южные границы от любых неожиданностей, все настойчивее требовал от Анкары прекращения деятельности эмигрантских организаций на турецкой территории. И, как следовало ожидать, первый удар турецких властей был нанесен по представителям прометеевского движения в этой стране.

Судя по рассекреченным документам советской разведки, после отъезда из Стамбула в 1937 году советника посольства Польши К. Дубича на турецкой территории работа «Прометей» была фактически приостановлена. Учитывая, что турецкие власти

¹⁶¹ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 365.

¹⁶² Там же. С. 365-366.

¹⁶³ Там же. С. 362.

чинили всевозможные препятствия деятельности прометеевцев, было решено перебросить их в другую страну¹⁶⁴.

Аналогичной оказалась и судьба организации «Кавказ» на территории Турции. Хотя Г. Баммат прилагал немало усилий, чтобы добиться более или менее приемлемых условий для деятельности там группы «Кавказ». И поначалу казалось, что членам «Кавказа» удастся сохранить хоть какую-то свободу действий. В начале 1937 года даже увидело свет турецкое издание журнала «Кавказ» под названием «Kafkas almanađı». Читательскую аудиторию данного издания составляли проживающие в Турции северокавказские и азербайджанские эмигранты. Но уже 9 мая 1937 года, как сообщало Анатолийское телеграфное агентство, на издание «Kafkas almanađı», «выпущенное в целях омрачения дружеских отношений, существующих между Турецкой республикой и СССР», турецкими властями был наложен запрет¹⁶⁵.

Правда, весной 1938 года в Стамбуле, взамен запрещенного «Kafkas almanađı», на турецком языке стало выходить новое издание организации «Кавказ» – альманах «Kafdađı»¹⁶⁶. Но турецкие власти сразу же арестовали редактора этого альманаха – молодого азербайджанского журналиста Фуада Амирджана, пишущего под псевдонимом Ф. Дарьял. И уже в середине сентября над Ф. Амирджаном был устроен суд¹⁶⁷.

6 сентября 1938 года решением преемника К. Ататюрка на президентском посту – Исмета Иненю, руководитель турецкого отделения группы «Кавказ» А. Кантемир, а также его сподвижники были лишены турецкого гражданства и депортированы из страны¹⁶⁸. В декрете турецкого правительства по этому поводу подчеркивалось, что подобный шаг был обусловлен их принадлежностью к «революционной и разведывательной организации, направленной против одной дружественной державы»¹⁶⁹.

¹⁶⁴ Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). М., 2009. С. 144.

¹⁶⁵ Кавказ. 1937. №5 (41). С. 38.

¹⁶⁶ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 311.

¹⁶⁷ Кавказ. 1938. №10 (58). С. 30.

¹⁶⁸ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 318-319.

¹⁶⁹ Кавказ. 1938. №10 (58). С. 29.

Таким образом, потерпели фиаско отчаянные попытки Г. Баммата с помощью тактики «разоблачения антитурецкой деятельности» прометеевских лидеров добиться расположения Анкары, и убедить ее в дружественном отношении группы «Кавказ» к Турции. Такими же далекими от реальности оказались и его утверждения о том, что дружба между Анкарой и Москвой является «случайным и временным эпизодом»¹⁷⁰, и в конечном итоге, Турция будет на стороне «борцов за кавказскую независимость»¹⁷¹. Указанные события наглядно продемонстрировали, что Турция не собирается жертвовать своими национальными интересами ни ради прометеевского движения, ни ради организации «Кавказ».

Одновременно с выдворением за пределы страны представителей кавказской политэмиграции турецкие власти предпринимали энергичные меры с целью недопущения ввоза в страну эмигрантской литературы, издающейся в европейских странах. При этом решения по этому поводу принимались на самом высшем уровне президентом К. Ататюрком. Так, согласно распоряжению К. Ататюрка от 2 ноября 1937 года, был запрещен ввоз и продажа в Турции журнала «*Naikikat*», который издавался в Берлине под руководством М.Э. Расулзаде. Основанием для принятия подобного решения послужило то, что данный журнал содержал вредные, по мнению турецких властей, материалы¹⁷².

По этой же причине 26 ноября 1938 года, т.е. всего за две недели до своей кончины, К. Ататюрк своим распоряжением запретил ввоз в Турцию книги М.Э. Расулзаде – «Азербайджан», изданной в том же году в Варшаве¹⁷³. И это несмотря на то, что данная книга, написанная М.Э. Расулзаде для ознакомления широких слоев польской общественности с азербайджанской проблемой, была издана на польском языке. В этом отношении она вряд ли пред-

¹⁷⁰ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 279.

¹⁷¹ Там же. С. 242.

¹⁷² Распоряжение президента Турецкой Республики К. Ататюрка о запрещении ввоза в Турцию журнала «*Хакикат*».02.10.1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 282.

¹⁷³ Распоряжение К. Ататюрка о запрещении ввоза и распространения в Турции книги М.Э. Расулзаде «Азербайджан», изданной в Польше. 22.10.1938 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 291.

ставляла серьезную угрозу для национальной безопасности Турции, поскольку в этой стране количество лиц, владеющих польским языком, можно было пересчитать по пальцам.

Думается, что данный факт является показателем негативного отношения турецкого руководства к М.Э. Расулзаде. И в формировании подобного отношения турецких властей к М.Э. Расулзаде немалую роль сыграли правые азербайджанские эмигранты. Проживая на постоянной основе в Турции, они пользовались значительным доверием местных властей, особенно по сравнению с прометеевцами. И, пользуясь своим положением, правые эмигранты регулярно дезинформировали турецкие политические круги относительно истинных намерений М.Э. Расулзаде.

Однако, несмотря на все эти, мягко говоря, недружественные действия Анкары, М.Э. Расулзаде всегда оставался искренним другом Турции. Он ни на минуту не забывал о том, что, невзирая на преходящие трудности и проблемы в двусторонних отношениях, именно Турция является единственным и наиболее надежным союзником азербайджанских тюрок в борьбе за восстановление своей утерянной государственной независимости.

Свидетельством тому является статья, написанная М.Э. Расулзаде в конце 1938 года в связи с кончиной К. Ататюрка. Как известно, именно по распоряжению К. Ататюрка неоднократно закрывались печатные органы азербайджанской эмиграции, издаваемые в Турции М.Э. Расулзаде. По его же указанию он был депортирован из этой страны. Тем не менее, не опускаясь до уровня личных обид и претензий, М.Э. Расулзаде отдал должное величайшей личности Ататюрка не только в истории Турции, но и всего тюркского мира.

При всех различиях между ними и теми условиями, в которых им приходилось действовать, по большому счету, К. Ататюрк и М.Э. Расулзаде были единомышленниками. И Расулзаде, и Ататюрк выступали за создание светского и современного государства европейского типа. Что же касается наблюдаемых в их отношениях проблем и недоразумений, то они вполне объяснимы. Ведь каждый из них был патриотом своей родины, и каждый из них в своей

деятельности старался придерживаться национальных интересов собственной страны. Между тем, даже у братских народов эти интересы отнюдь не всегда и не во всем совпадают. Поэтому временами отдельные действия каждого из них воспринимались противоположной стороной с предубеждением и подозрительностью. Хотя и К. Ататюрк, и М.Э. Расулзаде решали одну и ту же задачу – «поднять отсталую страну до уровня современной цивилизации»¹⁷⁴.

В деятельности К. Ататюрка Мамед Эмин бею импонировал, прежде всего, то, что именно под его руководством «бедная, разоренная крестьянская Анатолия заставила победоносную Антанту, которая безапелляционно распоряжалась судьбами всего мира, пересмотреть свое решение».¹⁷⁵ Характеризуя идеологию кемализма, М.Э. Расулзаде пишет: «Это национальный революционизм, ставящей себе целью догнать европейские народы в достижении общечеловеческой цивилизации»¹⁷⁶.

При этом М.Э. Расулзаде делает особый акцент на то обстоятельство, что новая Турция под руководством К. Ататюрка, рожденная в смертельной борьбе с европейскими державами, не побоялась выбрать европейский путь развития. И это, по мнению М.Э. Расулзаде, являлось одним из проявлений гения К. Ататюрка: «Его чудо заключается в том, что, начиная войной против Европы, он кончил европеизацией Турции; опираясь на политическую дружбу Советов во внешней политике, внутри подавлял коммунизм; нанося удары по идеологии панисламизма и пантюркизма, он, правильной постановкой национально-освободительной борьбы, завоевал на Востоке для новой Турции симпатии всех, и снискал гораздо большее уважение в тюркско-мусульманском мире, чем это имел Стамбульский Сарай»¹⁷⁷.

Следует отметить, что в конце 30-х гг. статьи и лекции М.Э. Расулзаде, посвященные азербайджанской проблеме, привлекали

¹⁷⁴ *Расулзаде М.Э.* К кончине Кемаля Ататюрка // *Şimali Kafkasya – Северный Кавказ.* 1938. № 55-56. С. 19.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. С. 21.

¹⁷⁷ Там же.

пристальное внимание научных и политических элит Европы. Так, 21 мая 1937 года в респектабельном клубе Высшей школы Гумбольдта в Берлине собрались более 200 представителей науки, прессы и общественно-политических кругов Германии, чтобы послушать доклад М.Э. Расулзаде на тему «Азербайджанский вопрос». ¹⁷⁸ В зале также присутствовали представители эмиграций – Туркестана, Кавказа, Идель-Урала и других порабощенных народов советской империи. Председательствовавший на мероприятии известный немецкий востоковед-тюрколог Готхард Яшке представил М.Э. Расулзаде публике «как видного деятеля не только Азербайджана, но и всего тюрко-мусульманского мира» ¹⁷⁹.

Полуторачасовой доклад Мамед Эмин бея охватил все главнейшие этапы азербайджанского вопроса. При этом докладчик особо остановился на современной части проблемы, подробно проанализировав «отношение порабощенных народов к мировой антибольшевистской борьбе». Указав на то, что исторические процессы XIX столетия привели к раскрепощению европейских наций, он выразил убежденность в том, что «час освобождения неизбежно настанет и для народов, ныне порабощенных Россией» ¹⁸⁰.

М.Э. Расулзаде завершил свой доклад следующими словами: «С верой в конечное торжество своих идеалов, азербайджанский народ в союзе со своими вековыми соседями – народами Кавказа, высоко держит знамя борьбы, на котором начертано: «Национальная честь, свобода и независимость» ¹⁸¹.

Затем профессор Г. Яшке с сожалением отметил, что германское общественное мнение мало осведомлено в нюансах национальной проблемы в СССР, и зачастую не осознает, что Россия – это не единый народ, а конгломерат народов, добывающихся осуществления своих законных прав на свободную и независимую жизнь ¹⁸².

¹⁷⁸ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 11.

¹⁷⁹ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 444.

¹⁸⁰ Там же. С. 445.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

Статьи и заметки, посвященные выступлению М.Э. Расулзаде в клубе Высшей школы Гумбольдта, появились в крупных изданиях как столичной, так и провинциальной германской печати. В них выражались большие симпатии в адрес «кавказских народов, самоотверженно борющихся против кровавого режима большевистской диктатуры»¹⁸³. Судя по отзывам немецкой прессы, доклад М.Э. Расулзаде произвел сильное впечатление и способствовал актуализации азербайджанской проблемы.

Тем временем, растущая привлекательность стран оси и усиление их влияния на кавказских эмигрантов подталкивали польских кураторов в срочном порядке приступить к реорганизации прометеевского движения как в идеологическом, так и в организационном плане. Они были всерьез встревожены тем фактом, что Берлин открыто давал «возможность консолидироваться у себя тем частям прометеевской эмиграции, которые находились в оппозиции по отношению к центрам, сотрудничающим с Варшавой»¹⁸⁴. Это способствовало постепенному оттоку некоторых бывших подопечных Варшавы в сторону орбиты притяжения Берлина, Рима и Токио.

С целью приостановить эту нежелательную для себя тенденцию польские власти летом 1937 года разработали план реорганизации движения «Прометей»¹⁸⁵. Считая одним из главных недостатков, присущих прометеевскому движению, отсутствие единых идеологических установок, этот документ предлагал взамен «обанкротившихся левых установок старого поколения»¹⁸⁶ выработать новую идеологию движения с упором на национализм.

Как подчеркивалось в программе реорганизации «Прометей», «задача состоит в том, чтобы отвлечь эмигрантскую молодежь от такого рода национализма, представителями которого являются в эмиграции, например, Карумидзе или Баммат, и тем самым сде-

¹⁸³ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 445-446.

¹⁸⁴ Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). С. 210.

¹⁸⁵ Там же. С. 201-217.

¹⁸⁶ Там же. С. 209.

лать прометеевскую молодежь в максимальной степени духовно независимой от германской или итальянской идеологии»¹⁸⁷. Чтобы успешно противодействовать этим опасным крайностям, предполагалось пропагандировать среди прометеевцев умеренный национализм в стиле Пилсудского.

Инициаторы реорганизации движения «Прометей» считали, что выбор данного «стиля национализма» поможет избежать «опасных подводных скал в форме националистических перегибов (стиль гитлеризма)»¹⁸⁸, а также нейтрализовать русофильские тенденции, «возникающие за последнее время в качестве грозных симптомов внутри прометеевской эмиграции на почве лево-фронтных течений»¹⁸⁹.

Учитывая, что «прометеизм являлся движением всех без исключения народов, угнетаемых Россией», план реорганизации также признавал право участия в нем «не только народов с выкристаллизовавшимися уже национальными отличиями и ясными стремлениями к независимости, но и тех, у которых только теперь нарождались национальное самосознание и стремление к национальной независимости»¹⁹⁰. Таким образом, речь шла об уравнении в правах всех национальных организаций, участников прометеевского движения как обладавших независимыми государствами (азербайджанские тюрки, грузины, украинцы и т.д.), так и не имевших государственных традиций.

В отличие от грузинских и украинских социал-демократов, усмотревших в предложенных Варшавой нововведениях угрозу своему привилегированному положению в прометеевском движении, азербайджанские мусаватисты, в целом, поддержали план реорганизации «Прометей». Это было продиктовано тем, что планируемая реорганизация давала представителям национальных организаций тюрко-мусульманских народов возможность сыграть более существенную роль в деятельности прометеевского движения.

¹⁸⁷ Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). С. 215.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. С. 211.

¹⁹⁰ Там же. С. 204.

С другой стороны, предусмотренный программой реорганизации движения отказ от левых установок и переход на идеологию национализма не являлись проблемой для «Мусавата». Тем более что, будучи свободным от сколько-нибудь серьезного влияния социалистических идей, «Мусават» не имел необходимости пересматривать свои идеологические доктрины. Что же касается наличия отдельных элементов левой идеологии в партийной программе, то они были изъяты из нее на Варшавской конференции «Мусавата». Неслучайно, что в плане реорганизации «Прометей» особо подчеркивалась политическая гибкость азербайджанских мусаватистов и их умение адаптироваться к меняющимся реалиям, «ярким доказательством которому является Конгресс мусаватистов в 1936 году»¹⁹¹.

Причем, это было осознанным шагом «Мусавата», продиктованным реалиями жизни. Ведь М.Э. Расулзаде не сомневался в том, что падение коммунистического режима в СССР произойдет главным образом под знаменем национального вопроса. И он призывал азербайджанских тюрков основательно подготовиться к этим грядущим событиям¹⁹².

В этой связи в статье, напечатанной в майском (1938 г.) номере журнала «Kurtuluş», М.Э. Расулзаде писал: «Более 20 лет тому назад дух послевоенного времени, способствующий провалу царизма, учитывая важность национального момента, все же придавал социально-интернациональным проблемам первенствующее и решающее значение. Теперь, накануне новой войны, господствующий дух времени выдвигает на первый план именно национальный момент»¹⁹³.

Против реорганизации «Прометей» выступили грузинские социал-демократы, увидевшие в предложенных нововведениях угрозу своему привилегированному положению в движении. Подобное их поведение вызвало недовольство не только польских кураторов,

¹⁹¹ Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). С. 214.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 480.

но и представителей тюрко-мусульманских народов в прометеевском движении. Для обсуждения сложившейся ситуации 7 апреля 1938 года в клубе «Прометей» в Варшаве была организована дискуссия с участием представителей различных национальных эмигрантских организаций, участников прометеевского движения. После разгромного доклада редактора журнала «Wschod» («Восток») профессора В. Бачковского, обвинившего в лице грузинских социал-демократов сторонников II Интернационала в прямой поддержке политики Кремля, слово было предоставлено руководителям отдельных национальных организаций. Лидеры тюрко-мусульманской эмиграции, в частности Аяз Исхаки, подвергли резкой критике грузинских и украинских социалистов, обвинив их в излишней индоктринации и отсутствии патриотизма. Обращает на себя внимание тот факт, что с наиболее сдержанной критикой в адрес грузинских социал-демократов на этой дискуссии выступил лидер «Мусавата» М.Э. Расулзаде. Это было обусловлено желанием мусаватского лидера не портить отношения со своими традиционными союзниками в прометеевском движении¹⁹⁴.

Грузинский исследователь Г. Мамулиа не без основания полагает, что, способствуя усилению позиций тюркских народов в рамках движения «Прометей», Варшава тем самым пыталась наладить отношения с Анкарой и добиться ее согласия на возобновление на турецкой территории деятельности кавказских и туркестанских эмигрантских организаций¹⁹⁵.

Проявлением этого курса стало и решение президиума СКК от 5 февраля 1938 года о создании в Стамбуле особого кавказского пункта с целью «налаживания связи с турецкими политическими кругами и регулярного их ознакомления с чаяниями и стремлениями Кавказской Конфедерации»¹⁹⁶. Реализация этого решения была возложена на представителей азербайджанской и северокавказ-

¹⁹⁴ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 274-275.

¹⁹⁵ Там же. С. 274.

¹⁹⁶ Отчет о деятельности Совета Конфедерации Кавказа и его президиума за период от 20 июля 1935 г. до 1 апреля 1938 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 179.

казской политэмиграции, поскольку они обладали более широкими связями в Турции.

Вопреки противодействию грузинских социалистов, все же удалось достичь консенсуса в вопросе реформирования движения «Прометей», что позволило провести конференцию этой организации, как и планировалось, в начале июня 1938 года в Варшаве. По результатам конференции представители Азербайджана, Северного Кавказа, Грузии, Крыма, Идель-Урала, Туркестана и Украины 5 июня 1938 года подписали «Пакт прометеевского фронта». В нем представители вышеуказанных народов «декларировали необходимость продолжения совместной борьбы до окончательного их освобождения от московского владычества»¹⁹⁷.

Ради справедливости следует признать, что отнюдь не все нововведения, осуществленные в ходе реформирования прометеевского движения, были приемлемы для кавказской и азербайджанской политэмиграции. В частности, игнорируя протесты кавказской эмиграции, в мае 1938 года Варшава взяла под свой прямой контроль журнал «Прометей», который свыше десяти лет являлся печатным органом сначала КНК, а затем СКК, и в этом смысле «сросся в неразрывное целое с Кавказской Конфедерацией». Поэтому данный поступок Варшавы был расценен как «покушение на престиж Кавказской Конфедерации»¹⁹⁸.

Еще более неприятный сюрприз ожидал азербайджанских эмигрантов в ходе выборов нового состава СКК, проведенных в сентябре 1938 года. От Азербайджана в новый состав СКК были выбраны М.Э. Расулзаде, М. Мехтиев, А. Атамалибеков и М. Магеррамов¹⁹⁹. По сравнению с предыдущим составом СКК, сформированным в 1935 году, в азербайджанской секции произошло лишь одно изменение: окончательно переметнувшегося на сторону правых М. Векилли заменил А. Атамалибеков.

¹⁹⁷ Пакт прометеевского фронта, подписанный на конференции организаций, входящих в движение «Прометей». 05.06.1938 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 187.

¹⁹⁸ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 315.

¹⁹⁹ Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 189.

Между тем, практически полностью обновился состав северокавказских представителей в СКК. Причем, в погоне за максимальное расширение состава участников движения «Прометей», поляки начали привлекать в организацию довольно одиозных личностей. В результате среди северокавказских представителей в СКК оказался небезызвестный генерал Л. Бичерахов²⁰⁰, что и стало причиной демарша М.Э. Расулзаде.

Следует отметить, что еще ранней весной 1938 года М.Э. Расулзаде покинул Париж и обосновался в Варшаве. С тех пор он не участвовал в заседаниях СКК. Не было М.Э. Расулзаде и на первом заседании нового состава СКК, состоявшемся 24 сентября 1938 года. Он осознанно бойкотировал и последующие заседания СКК. Скорее всего, в течение длительного времени мусаватский лидер пытался добиться исключения Л. Бичерахова из этой структуры. И когда стало очевидным, что польские кураторы не собираются отказаться от услуг Л. Бичерахова, М.Э. Расулзаде 10 мая 1939 года известил президиум СКК о своем выходе из его состава.

В своем письме по этому поводу М.Э. Расулзаде, в частности, пишет: «После окончательной проверки доходившего до меня в частном и случайном порядке сведения о новом составе членов Совета Кавказской Конфедерации, среди которых, в качестве делегата Северного Кавказа находится и господин генерал Бичерахов, считаю необходимым довести до сведения СКК, что не нахожу возможным для себя считаться членом означенного Совета и нести ответственность за его деятельность»²⁰¹.

Объясняя причины данного шага, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «наше отрицательное отношение к генералу Бичерахову, как политически неприемлемому Азербайджану лицу, было ведомо и горской секции, о чем в ясной и категорической форме была сделана мной декларация в последний раз г-ну Шамилю, перед его выездом из Варшавы в Париж. Одновременно нахожу нужным

²⁰⁰ Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 188.

²⁰¹ Письмо М.Э. Расулзаде Президиуму Совета Конфедерации Кавказа о выходе из его состава. 10.05.1939 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 200.

сообщить, что, в зависимости от обстоятельств, представляемой мною организации придется также пересмотреть свое отношение к СКК в данном его составе»²⁰².

Думается, немалое влияние на принятие Мамед Эмин беем решения о разрыве отношений с СКК оказала и созерцательная позиция, занятая в течение длительного времени польскими кураторами прометеевского движения в отношении конфликта между азербайджанскими и туркестанскими эмигрантами. Подобное поведение поляков отчасти объяснялось их нежеланием втягиваться в распри между различными национальными секциями.

Между тем, начавшийся с небольших трений, конфликт между азербайджанскими и туркестанскими эмигрантами постепенно приобрел довольно внушительные масштабы. Это противостояние достигло своего апогея в 1937 году, когда враждебные выступления журнала «Яш Туркестан» и его редактора М. Чокая против партии «Мусават» стали обычным явлением. Формальным поводом для недовольства туркестанских деятелей послужил якобы отход М.Э. Расулзаде от «ортодоксии пантюркизма» в книге «О пантуризме»²⁰³.

Столь болезненная реакция туркестанских эмигрантов на эту работу М.Э. Расулзаде в какой-то степени была объяснимой. Ведь в отличие от М.Э. Расулзаде и его соратников, для которых идеология пантюркизма была уже давно пройденным этапом, для лидеров туркестанской эмиграции эти идеи представляли гораздо большую значимость. Идеологией пантюркизма они пытались компенсировать такой характерный для туркестанских реалий недостаток, как зачаточное состояние процессов формирования наций в регионе, и, как следствие, низкий уровень национального самосознания народов Туркестана и их готовности к самостоятельному государственному существованию.

Различие в подходах азербайджанских и туркестанских лидеров к идеям пантюркизма, несомненно, сыграло определенную роль в

²⁰² Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 200.

²⁰³ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 287.

охлаждении отношений между ними. Но при этом думается, что основная причина возникшего конфликта была более банальной. И она заключалась в непомерных, и, самое главное, неудовлетворенных амбициях лидеров туркестанской эмиграции, прежде всего, М. Чокая, о чем свидетельствует и содержание писем последнего.

В частности, в одном из таких писем М. Чокай жалуется на игнорирование мнения туркестанских представителей в прометеевском движении. В этом письме от 2 июня 1938 года, адресованном М. Векилли, М. Чокай пишет: «Мы всегда остаемся в стороне от всей «прометеевской политики», и в секреты «прометеевской» кухни не посвящены. Мы – всегда перед свершившимися фактами»²⁰⁴.

Считая главным виновником подобной ситуации внутри прометеевского движения грузинских социал-демократов, М. Чокай вел активную кампанию против них. Заодно доставалось и мусаватистам, на которых М. Чокай и другие туркестанские представители были обижены за их тесное сотрудничество с грузинами. Они были убеждены в том, что в данном вопросе мусаватисты могли бы оказать более существенную поддержку своим турецким и мусульманским братьям.

Причем, судя по содержанию данного письма М. Чокая, в борьбе с мусаватистами в период накануне и после Варшавской конференции «Мусавата», он тесно сотрудничал с М. Векилли и М. Мехтиевым. Не вызывает сомнений, что именно с подачи последних он публиковал в журнале «Яш Туркестан» провокационные материалы в отношении «Мусавата». Неслучайно, что за исключением «Яш Туркестан», практически все прометеевские издания в той или иной форме осветили работу данной конференции «Мусавата». Хотя редакция «Яш Туркестан» и поместила заметку об этом событии, но подала ее в форме, «окарикатуривающей конференцию»²⁰⁵.

²⁰⁴ Archives Mustafa Tchokay-Bey. Bibliotheque Interuniversitaire des Langes Orientales (Paris, France).

²⁰⁵ Письмо М.Э. Расулзаде М. Чокаеву. 24.06.1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 235.

Подобные действия журнала «Яш Туркестан» вынудили М.Э. Расулзаде 24 июня 1937 года обратиться с письмом к М. Чокаю, в котором он, в частности, писал: «Состоялась партийная конференция. В первой заметке «Яш Туркестан» тоже речь шла о конференции. Ныне же вы предпочитаете употребить термин «конференция партийной группы». Неужели Вы стали придавать большее значение выступлениям в пресловутом «Кавказе» или переменили свое отношение к авторам этих выступлений? Быть может, Вы хотели печатать слова некоторых шептунов, почему-то не решившихся самим об этом писать?»²⁰⁶

Скорее всего, под «шептунами» М.Э. Расулзаде подразумевал М. Векилли и М. Мехтиева, которые в тот период вели активную кампанию по дискредитации Варшавской конференции, пытаясь доказать нелегитимность ее решений. Правда, вскоре М. Мехтиев отказался от подобной оппортунистической деятельности, о чем свидетельствует и письмо М. Чокая от 2 июня 1938 года. В нем М. Чокай с сожалением сообщает М. Векилли о том, что М. Мехтиев «примирился и сжился» с существующим положением вещей, хотя «в свое время Мир-Якуб на эту же самую тему говорил в выражениях почти непечатных». И далее М. Чокай подчеркивает, что Варшава и Париж, т. е. М.Э. Расулзаде и М. Мехтиев «теперь, по-видимому, объединились теснее, чем когда бы то ни было»²⁰⁷.

Впрочем, призывы М.Э. Расулзаде к прекращению ненужной полемики, дискредитирующей все прометеевское движение, долгое время игнорировались М. Чокаем и другими туркестанскими эмигрантами. В результате сложилась достаточно парадоксальная ситуация, поскольку туркестанские эмигранты во главе с М. Чокаем, будучи членами «Прометей», с позиции и аргументами оппонирующей им правой группы «Кавказ» вели открытую борьбу против своих соратников по движению. И это противостояние достигло такого накала, что грузинские социал-демократы даже

²⁰⁶ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 237.

²⁰⁷ Archives Mustafa Tchokay-Bey. Bibliotheque Interuniversitaire des Langues Orientales (Paris, France).

поставили перед Варшавой вопрос об удалении из прометеевского движения «неустойчивых и ненадежных элементов», и в первую очередь, руководителя туркестанской организации М. Чокая²⁰⁸.

Одновременно Диван партии «Мусават», обсудив 2 декабря 1937 года выступления М. Чокая и его сотрудников, «с известного времени проявляющих недружелюбное, а порою и враждебное отношение» к руководству Азербайджанского национального движения и «Мусавата», решил обратиться с последним предупреждением к Туркестанскому национальному объединению. В обращении указывалось на неизбежность разрыва с туркестанской организацией, в силу «уже невыносимого поведения М. Чокаева и его сотрудников по «Яш Туркестан» в отношении Азербайджана»²⁰⁹.

Лишь после этих демаршей, а также под давлением польской стороны, М. Чокай наконец-то решил прекратить свои деструктивные действия в отношении представителей азербайджанской секции «Прометей». Как признавался он сам в начале июня 1938 года М. Векилли, «я теперь остерегаюсь, не то, что остерегаюсь, а просто избегаю подходить близко к Вашим кавказским вообще, и азербайджанским в частности делам... я просто боюсь высказывать слово о делах кавказцев и кавказских. Эмин-бей (М.Э. Расулзаде – А. Б.) называет поднятие их вопроса «чистойшей демагогией». Это, конечно, верно»²¹⁰.

Все эти проблемы во взаимоотношениях представителей различных национальностей, несомненно, были внешними проявлениями кризисных тенденций в прометеевском движении, усиливающихся по мере укрепления позиций государств оси на международной арене. Это вынуждало М.Э. Расулзаде внести определенные коррективы в свою позицию, чтобы не разделять ответственность за, мягко говоря, неоднозначные решения руководящих структур этой организации. Тем более что в это время в про-

²⁰⁸ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 278.

²⁰⁹ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 81. Л. 32.

²¹⁰ Archives Mustafa Tchokay-Bey. Bibliotheque Interuniversitaire des Langues Orientales (Paris, France).

метеевском движении стали проявляться определенные тенденции конформизма и соглашательства в отношении Германии.

После аншлюса Австрии Германией в марте 1938 года и последующим за этим разделом Чехословакии в сентябре того же года этот процесс принял еще более интенсивный характер, ярким проявлением которого стала резолюция СКК от 17 ноября 1938 года. В этом документе Мюнхенское соглашение, приведшее к расчленению Чехословакии, расценивается «поворотным пунктом и символом» примирения западных держав и укреплением антибольшевистских сил. Авторы резолюции считали, что это соглашение является «поражением Советской России, устранением этой страны из концерта великих европейских держав и ее моральной и дипломатической изоляцией». Более того, фактическое отторжение Судетской области от Чехословакии преподносилось в этом документе как торжество принципа самоопределения народов, «каковой играет столь особенную роль в упорной борьбе за свою независимость подавленных СССР народов»²¹¹.

Трудно не согласиться с мнением Г. Мамулия, который полагает, что текст этой резолюции СКК носил на себе отпечаток пропагандистского тезиса Рейха, неосторожным образом подхваченного и самой Варшавой, со своей стороны воспользовавшейся расчленением Чехословакии для присоединения к себе Тешинского округа²¹². В этой связи следует отметить, что с лета 1938 года поляки начали зондировать почву относительно возможности сближения с Германией и достижения договоренности с ней.

Подобное политиканство претило М.Э. Расулзаде, и он не желал действовать «по правилам», установленным Варшавой. Для него было совершенно очевидным, что, принимая по подсказке Варшавы подобную резолюцию, члены СКК просто пытались сделать хорошую мину при плохой игре. В отличие от них, М.Э. Расулзаде не собирался выдавать желаемое за действительное,

²¹¹ Резолюция Совета Конфедерации Кавказа. 17.11.1938 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 195.

²¹² Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 271.

поскольку осознавал, что процессы на международной арене развиваются в невыгодном для поработанных народов СССР направлении.

Правда, в принятой на том же заседании от 17 ноября 1938 года резолюции о тактике СКК подчеркивалось, что данная структура «считает своей очередной задачей искать активной поддержки, прежде всего, у тех держав, которые, так или иначе, заинтересованы в восстановлении независимости Кавказа и вообще в расчленении СССР»²¹³.

Но проблема заключалась в том, что Кремль являлся непреходящим элементом всех планируемых коалиций, инициированных как демократическими странами Европы, так и государствами оси во главе с Германией в преддверии Второй мировой войны. Становилось все более очевидным, что попытки эмигрантов оторвать европейские государства от возможного альянса с Россией и изолировать последнюю на международной арене, терпят поражение. Все это сужало свободу маневра политэмигрантов, приводя к уменьшению надежд на создание мощной антикремлевской коалиции западных держав, способной нанести военное поражение советской империи, которое являлось главным условием восстановления национальной независимости оккупированных большевиками государств Кавказа.

По сути, в этот период каждая из европейских стран была занята исключительно обеспечением своей собственной безопасности перед лицом надвигающейся угрозы военных действий. В такой ситуации западные державы, действующие по принципу – «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», меньше всего интересовались проблемами поработанных народов СССР.

В сложившихся условиях М.Э. Расулзаде сознательно предпочел уйти в тень, поскольку прекрасно осознавал, что ни он сам, ни другие лидеры политэмиграции не в силах изменить этот невыгодный для угнетенных большевизмом народов ход развития

²¹³ Резолюция Совета Конфедерации Кавказа о тактике. 17.10.1938 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 193-194.

геополитических процессов. Исходя из этого, примерно с весны 1938 года, М.Э. Расулзаде заметно снизил свою публичную политическую активность, по крайней мере, в руководящих органах прометеевского движения. Вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что по времени это совпало с попытками польского руководства наладить отношения с Германией, которые продолжались вплоть до начала лета 1939 года.

Между тем, события на международной арене продолжали развиваться в нежелательном для политэмигрантов направлении, подтверждая самые пессимистические прогнозы. Как известно, прометеевское движение охватывало в основном представителей политэмиграции с либеральными и демократическими взглядами, которые во внешнеполитическом отношении ориентировались на Польшу и страны западной демократии. В связи с этим сильнейшим ударом для прометеевцев стал тот факт, что Вторая мировая война началась в сентябре 1939 года именно с нападения Германии на Польшу, которое завершилось разделом польских земель между Берлином и Москвой.

Как это ни парадоксально, нападение Германии на Польшу с последовавшим затем разделом этой страны, перечеркнуло надежды не только прометеевцев, но и правых эмигрантов из группы «Кавказ» относительно скорейшего освобождения родины от большевистской оккупации. Ведь Г. Баммат и его соратники были убеждены в том, что целью Германии является не юг или запад Европы, а Россия²¹⁴. Теперь же оказывалось, что Германия в союзе с Россией захватывает польские земли. Подобный оборот событий окончательно подорвал позиции правой политэмиграции.

Тем временем, оставаясь верными своим принципам, прометеевцы в начавшейся войне взяли сторону Польши и других стран Запада. Они выступили с обращением ко всем представителям нерусских народов СССР с призывом оказать сопротивление германо-советской коалиции. В редакционной статье последнего номера журнала «Ревю де Прометей» (8-9 апреля 1940 г.) им пред-

²¹⁴ Баммат Г. Новые комбинации в центральной Европе // Кавказ. 1939. №4. С.4.

лагалось не выбирать между чумой и холерой, а взять за пример героическое сопротивление Финляндии²¹⁵.

Аналогичной позиции придерживался и М.Э. Расулзаде, который считал большевизм и национал-социализм двумя сторонами одной медали. Так, в одной из своих статей, написанной еще в 1933 году, М.Э. Расулзаде писал о том, что Гитлер создал национал-социалистическую идеологию по образу и подобию коммунизма, лишь заменив принцип интернационализма радикальной формой национализма. В этом отношении идейное родство двух этих тоталитарных идеологий не вызывало у М.Э. Расулзаде никаких сомнений.

Впрочем, критическое отношение М.Э. Расулзаде к гитлеровской Германии объяснялось не только идеологическими факторами, но и его хорошей информированностью об истинных намерениях нацистской верхушки. Благодаря своим соратникам в Анкаре, Берлине и Варшаве он был осведомлен о том, что, несмотря на всю словесную риторику, немцы, даже в случае победы в войне с СССР, не собираются восстанавливать государственную независимость кавказских народов, в том числе, азербайджанских турков. В частности, ему доподлинно было известно, что посетивший Варшаву еще в 1936 году руководитель германской организации «Антикоминтерн» Адольф Эрт, полностью разделяя антибольшевистские взгляды польских представителей, одновременно заявил, что является противником раздела советской империи на национальные государства после падения коммунизма²¹⁶. Подобной же позиции в то время придерживалось подавляющее большинство нацистской верхушки Германии.

К тому же в случае с Азербайджаном ситуация осложнялась наличием в Баку и его окрестностях огромных нефтяных месторождений, где в начале 40-х гг. добывалось 4/5-х всей добываемой в СССР нефти. На нефтеперерабатывающих же заводах Баку про-

²¹⁵ *Абуталыбов Р.* Годы и встречи в Париже. С. 68.

²¹⁶ *Былинин В., Зданович А., Коротаев В.* Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России-СССР // Труды Общества по изучению истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 345.

изводилось 2/5-х советского бензина и почти весь авиационный бензин²¹⁷. И М.Э. Расулзаде был не столь наивен, чтобы поверить в то, что нацистская верхушка согласится на самостоятельное существование столь стратегически значимого региона, как Азербайджан.

По этой причине М.Э. Расулзаде по мере возможности избегал контактов с немецкими представителями, а после оккупации Польши нацистами уехал во Францию. Однако события развивались с такой калейдоскопической быстротой, что вскоре Франция сама столкнулась с реальной угрозой немецкого вторжения. В этой ситуации М.Э. Расулзаде решил перебраться в нейтральную Швейцарию. Правда, по приглашению руководителя польского правительства в изгнании, своего личного друга В. Сикорского через некоторое время он переезжает в Лондон. Однако и здесь долго не задерживается. При появлении первых же симптомов сближения между Лондоном и Москвой после разгрома Франции германскими силами М.Э. Расулзаде осенью 1940 года покидает Британские острова и продолжает свою деятельность в Бухаресте.

Характерно, что из Бухареста М.Э. Расулзаде в течение 1940 года неоднократно обращался к турецкому правительству с просьбой разрешить ему проживание в Стамбуле. Однако Анкара, опасаясь вызвать гнев Кремля, проигнорировала его просьбы²¹⁸. В результате, именно в румынской столице М.Э. Расулзаде проживает с небольшими перерывами практически до завершения Второй мировой войны.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что аналогичные просьбы других азербайджанских эмигрантов, в частности, наиболее близкого соратника М.Э. Расулзаде – Мирзы Бала Мамедзаде были удовлетворены турецкой стороной. Анкара не только разрешила М.Б. Мамедзаде вернуться в страну, но и стать

²¹⁷ *Conditions et modalites d'une attaque contre les centres petroliers du Caucase*, 23. 12. 1939, p. 1. Archives du ministere des Affaires etrangeres de France (AMAE), Paris, Deuxieme guerre 1939-45, papiers 1940, papiers Rochat, dossier n° 36 (URSS), Fol. 66.

²¹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 272.

представителем М.Э. Расулзаде в Турции. А в 1941 году М.Б. Мамедзаде был даже призван в турецкую армию и служил рядовым солдатом в окрестностях Стамбула²¹⁹. Данный факт свидетельствует о том, что отказ М.Э. Расулзаде в предоставлении ему политического убежища на турецкой территории был обусловлен не столько возможной негативной реакцией Кремля, сколько мотивами личного характера.

Тем более что эти опасения не помешали турецким властям в мае 1940 года инициировать создание в Стамбуле филиала Совета Конфедерации Кавказа, в состав которого вошли как бывшие члены движения «Прометей», так и их оппоненты из числа правых эмигрантов, проживавших в Турции. По мнению Г.Мамулия, турки создали данную структуру для того, чтобы лучше контролировать деятельность эмигрантов на своей территории, включив туда надежных, с их точки зрения, людей²²⁰. Азербайджан в этой организации представляли Х. Султанов и М. Векилли²²¹.

После падения Польши движение «Прометей» хотя и лишилось финансирования, но по инерции в течение какого-то времени продолжало свою деятельность, и даже расширило свои ряды за счет армянских эмигрантов. Так, непосредственно перед военным поражением Франции, 28 мая 1940 года армянские представители, наконец-то отказавшись от своих территориальных притязаний и «признав существующие границы советских республик Армении, Азербайджана и Грузии», присоединились к Совету Конфедерации Кавказа²²². Впрочем, в свете происходящих событий в мире значимость данного шага армянской стороны фактически была равна нулю.

Как бы то ни было, отошедший от активной работы М.Э. Расулзаде не принимал участия в этих процессах. Поэтому на передний

²¹⁹ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). М., 1946. С. 38.

²²⁰ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 367.

²²¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1. С. 271.

²²² Протокол собрания Совета Конфедерации Кавказа. 28.05.1940 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 210.

план выдвинулись другие члены азербайджанской секции. В частности, текст пакта с армянами, практически идентичный с Брюссельским пактом Конфедерации Кавказа 1934 года, от имени Азербайджанского национального центра подписывал М. Мехтиев²²³.

Однако, как бы ни старался М.Э. Расулзаде самоизолировать себя от происходящих событий, ему так и не удалось окончательно избавиться от назойливых предложений тех сил, которые стремились использовать эмигрантов в своих политических целях. В этом отношении особой активностью отличались германские власти, которые еще в мае 1941 года предложили лидеру партии «Мусават» сотрудничество в грядущем германо-советском конфликте. В ответ М.Э. Расулзаде выдвинул следующие условия для подобного сотрудничества:

Еще до освобождения немцами Азербайджана азербайджанские добровольцы должны будут проходить соответствующую военную подготовку под руководством собственных командиров. Азербайджанский комитет будет иметь право на вывод азербайджанцев из лагерей военнопленных.

Будет обеспечена свобода печати для живущих в Германии азербайджанцев.

Все азербайджанцы в Германии будут объединены в единый комитет, имеющий свой бюджет для легиона.

В случае освобождения немцами Азербайджана, последний получит свободу как во внутренней, так и внешней политике²²⁴.

Таким образом, М.Э. Расулзаде потребовал от немецкой стороны признания полной независимости Азербайджана. Но подобное бескомпромиссное требование в корне расходилось с планами германских властей относительно будущего народов советской империи. Поэтому, как и следовало ожидать, немцы отклонили это предложение М.Э. Расулзаде, хотя и не отказались от дальнейших усилий по налаживанию контактов с мусаватским лидером.

²²³ Пакт Конфедерации Кавказа. 28.05.1940 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 211-212.

²²⁴ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 389.

По мере развертывания боевых действий на фронтах Второй мировой войны, в особенности после нападения Германии на СССР, попытки германских властей превратить в своих союзников по борьбе с большевизмом представителей поработанных народов красной империи активизируются. С этой целью 17 июля 1941 года в Германии создается министерство по делам оккупированных восточных областей, которое возглавил уроженец России Альфред Розенберг. Именно ему принадлежит идея образования национальных комитетов, своего рода правительств в изгнании, что делало обязательным налаживание отношений с политэмигрантами. Кроме того, в октябре-ноябре 1941 года Вермахт приступает к формированию из советских военнопленных военных частей – национальных легионов²²⁵.

Для реализации этих планов германские власти остро нуждались в услугах эмигрантов. В этом контексте для немцев значительно возрастала привлекательность фигуры М.Э. Расулзаде. Ведь как отмечалось в секретном письме, отправленном 5 августа 1941 года германским послом в Турции Францем фон Папеном на имя министра иностранных дел Германии, именно М.Э. Расулзаде являлся руководителем национального движения азербайджанских тюрков²²⁶.

В упомянутом письме Ф. фон Папен характеризовал М.Э. Расулзаде «крупным политическим деятелем», с которым следует «проводить работу». Но при этом германский посол советовал соблюдать известную сдержанность в отношении с М.Э. Расулзаде, поскольку он, как и другие деятели «Прометейя», настроен «во враждебном духе по отношению к Германии»²²⁷. Тем не менее, Ф. фон Папен настоятельно рекомендовал Берлину наладить контакты с М.Э. Расулзаде.

Следует отметить, что Ф. фон Папен являлся представителем одного из древних немецких аристократических родов. Будучи че-

²²⁵ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 6.

²²⁶ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. С. 37.

²²⁷ Там же. С. 37-38.

ловеком консервативных взглядов, он был одним из лидеров католической партии, и до прихода нацистов к власти даже возглавлял правительство Германии. Фон Папен с большой симпатией относился к тюркским народам, считая их естественными союзниками немцев в борьбе с русской экспансией. Данное письмо представляет большой интерес и с точки зрения оценки германской стороной перспектив и возможностей тюркских народов, которые, по мнению Ф. фон Папена, могли стать эффективным противовесом России, и «все время держать русских под угрозой». По словам Папена, Украина, на которую в то время делали особую ставку некоторые влиятельные круги в германской верхушке, не в состоянии «выполнит эту задачу в достаточной степени, поскольку украинцы являются славянами и могут в любое время, как болгары и сербы, осознать свое общее прошлое с Россией. Что же касается тюрков, то это полностью исключено!»²²⁸

При этом Ф. фон Папен достаточно дифференцированно относился к потенциалу отдельных тюркских народов. В частности, он считал, что такие восточно-тюркские народы, как волжские турки, татары, туркмены и другие, «по характеру расселения, которое отнюдь не является компактным, и, прежде всего, ввиду своей экономической отсталости вовсе не претендуют на государственную самостоятельность, и должны пройти еще длительный путь развития»²²⁹.

Среди тюркских народов наиболее развитыми и готовыми к самостоятельной государственной жизни германский дипломат считал азербайджанских тюрков. Причем, делая такое заключение, германский посол имел в виду азербайджанцев, проживающих по обе стороны Аракса. Так, говоря о национальном движении в Южном Азербайджане, которое в то время приобретало все больший размах, Папен отмечал, что «жители Гебриза также являются азербайджанскими тюрками и чувствуют себя единокровными родичами бакинских тюрков!»²³⁰

²²⁸ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. С. 39.

²²⁹ Там же. С. 38.

²³⁰ Там же. С. 37.

Факт усиления национального движения в Южном Азербайджане подтверждается и агентурными данными советской разведки того периода. И самое непосредственное участие в нем принимали мусаватисты, находившиеся на территории Ирана. В частности, по сведениям советской резидентуры, в начале лета 1941 года в Тегеране состоялось заседание исполкома мусаватской организации. В нем принимали участие Гасан Бала Гафари, Халыг Кязимзаде, Кямал Ганизаде и Али Азертекин, который специально был отправлен Мамед Эмин беєм в Иран²³¹. На этом заседании исполкома тегеранской организации «Мусавата» обсуждались вопросы как усиления работы мусаватистов среди южных азербайджанцев, так и использования Южного Азербайджана в качестве плацдарма для активизации работы партии на территории советского Азербайджана.

Неслучайно, что одной из главных задач сотрудников советских спецслужб, вошедших 25 августа 1941 года вместе с частями Красной армии в Южный Азербайджан, была нейтрализация действующих там мусаватских групп и их каналов связи с Северным Азербайджаном. Для этого были подготовлены специальные агентурные сети под кодовым названием «Т. Р. Ф.» и «Fertuh»²³². При этом обращает на себя внимание тот факт, что русские не стали подавлять национальное движение азербайджанских тюрков в Южном Азербайджане, они лишь поставили во главе движения своих ставленников в лице С. Дж. Пишевари и К°, которыми легко было манипулировать в интересах Кремля.

Немалый интерес представляют и выводы Ф. фон Папена о довольно прохладном отношении «турок, объединенных в новой Турции» к устремлениям своих восточных братьев, за исключением отдельных политических деятелей. Сам Папен объясняет подобное положение особенностями исторического развития Османской империи, в которой «в течение последних столетий высшее чиновничество двора только в незначительной степени сос-

²³¹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 142.

²³² Qasimli M. Azərbaycan türklərinin milli mücadələ tarixi. S. 642.

тояло из турок. Оно последовательно было венгерского происхождения, из албанцев, а затем при Абдул-Гамиде, из черкесов и арабов, но никогда из турок»²³³.

Как бы прискорбно ни было, но это утверждение Ф. фон Папена полностью соответствует действительности и подтверждается другими источниками. В частности, Джаббар Эртюрк в своей книге «Из Красной армии в Кавказский национальный легион. Воспоминания одного тюрка о Второй мировой войне» («*Kızılordudan Kafkaz Milli Lejyonuna. Bir türkün İkinci Dünya harbi hatıraları*») с горечью отмечает, что до прихода к власти в османском государстве партии «*İttihat ve Terakki*», несмотря на идентичность языка, традиций и обычаев, фольклора и песен двух народов, не признавали азербайджанских тюрков родственной нацией. Хотя, несмотря на различия в языке и враждебное отношение к османскому государству, считали албанцев и боснийцев частью турецкой нации²³⁴.

К сожалению, подобные настроения не до конца были преодолены в турецком истеблишменте даже после примерно двадцатилетнего правления К. Ататюрка. Отчасти этим объясняется прохладное, а порою даже демонстративно равнодушное отношение тогдашнего турецкого руководства к судьбе М.Э. Расулзаде, и его принципиальное неприятие им политического курса мусаватского лидера, направленного на восстановление утраченной независимости Азербайджана.

Однако подобное невнимание и равнодушие турецких властей к его судьбе никоим образом не отразились на чувствах глубокой любви, которую М.Э. Расулзаде питал к этой стране. Наоборот, он всегда требовал от своих единомышленников, чтобы их деятельность за свободу и независимость Азербайджана никоим образом «не нанесла вреда внутренней и внешней политике Турции, так как Турция – единственная крепость для всего тюркского мира». И в своей деятельности он неуклонно придерживался этого принципа.

²³³ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. С. 36-37.

²³⁴ *Cabbar Ertürk. Kızılordudan Kafkaz Milli Lejyonuna. Bir türkün İkinci Dünya Harbi Hatıraları. İstanbul, 2005. S. 37.*

В отличие от турецкого руководства, немцы достаточно реально оценивали возможности и авторитет М.Э. Расулзаде, не оставляя попыток в той или иной форме задействовать его в своих проектах. Заинтересованность немцев в сотрудничестве с М.Э. Расулзаде особенно усилилась после того, как стал очевидным провал планов блицкрига в отношении СССР.

Как известно, приступая к разработке планов военной кампании против СССР, руководство Третьего Рейха не располагало цельной концепцией политического курса по отношению к народам советской империи. Более того, А. Гитлер, не желавший давать каких-либо конкретных обещаний о будущем устройстве восточных территорий, первоначально крайне отрицательно относился к идее подключения к данной проблеме представителей политической эмиграции народов Кавказа. Он считал, что Германия не нуждается в услугах эмигрантов, поскольку был уверен в том, что уже к осени 1941 года германские войска нанесут решающее военное поражение советскому колоссу. В этой связи Г. Мамулия справедливо полагает, что именно неудача немцев под Москвой зимой 1941 года и возникшая перспектива затяжной войны явились поворотным пунктом в восточной политике Третьего Рейха ²³⁵.

И с каким бы скептицизмом ни относился Гитлер к перспективам сотрудничества с политэмигрантами из СССР, обстоятельства вынудили руководство Третьего Рейха наладить отношения с ними. Определенную роль в изменении позиции Берлина в данном вопросе сыграл и визит в Германию двух турецких генералов: А. Эрдена и Х. Эркилета, посетивших с ознакомительной поездкой Восточный фронт в октябре 1941 года. Стремясь вызволить из германских лагерей для военнопленных находящихся там красноармейцев, выходцев из тюркских народов СССР, генералы, во время приема в Главной квартире фюрера, обратились к А. Гитлеру с ходатайством о формировании из военнопленных тюркского происхождения добровольческого соединения в духе Мусульманского легиона периода Первой мировой войны ²³⁶.

²³⁵ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 375.

²³⁶ Там же. С. 375-376.

В результате в ноябре 1941 года было принято принципиальное решение о формировании Тюрко-татарского и Кавказского легионов. А непосредственная реализация данного решения началась в январе 1942 года. Пытаясь привлечь на свою сторону азербайджанских тюрков и представителей других кавказских народов, немцы преследовали две цели – политическую и военную. В первом случае преследовалась цель показать миру, что на их стороне против большевизма воюют добровольцы из СССР, что весьма красноречиво говорит о несостоятельности советской идеологии. Во втором – предусматривалось восполнение немецких потерь в живой силе за счет бойцов, привлеченных «со стороны»²³⁷.

Следует подчеркнуть, что в деле выработки общей концепции Германии в отношении нерусских народов советской империи имела место острая конкуренция между министерством иностранных дел и т. н. Восточным министерством (имперское министерство оккупированных восточных территорий). Первоначально инициатива находилась в руках МИД, где данный вопрос курировал бывший посол Германии в СССР Фридрих Вернер фон дер Шуленбург, который после принятия в конце 1941 года решения о создании Восточных легионов, видимо, решил, что наступило время для более тесного сотрудничества с представителями эмигрантских кругов.

Поэтому в апреле 1942 года Шуленбург обратился к виднейшим представителям эмиграции из СССР, пригласив их для политических переговоров и консультаций в Берлин. В конце апреля – начале мая 1942 года многие из приглашенных прибыли в германскую столицу и разместились в престижном отеле «Адлон». Эта первая масштабная акция немецких дипломатов по привлечению к сотрудничеству с Третьим Рейхом политических эмигрантов получила название «Адлониада»²³⁸. Шуленбург рассчитывал обсудить с представителями политэмиграции вопросы выработки концепции Германии по отношению к нерусским народам совет-

²³⁷ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 4.

²³⁸ Patrik von zur Mühlen. Camalîhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 82.

ской империи, а также формат возможного участия в этом процессе эмигрантов. «Адлониада» фактически свелась к длительным переговорам между Шуленбургом и эмигрантами по поводу возможностей политического сотрудничества Германии с представителями национальных групп СССР.

Причем, состав участников переговоров в политическом отношении был очень пестрым. Среди них находились и бывшие активисты прометеевского движения, и монархисты, и правые эмигранты. В этом плане не составляла исключения и азербайджанская делегация. В Берлин Шуленбургом были приглашены не только М.Э. Расулзаде и его соратники по партии «Мусават», но и стоявшие в оппозиции к ним правые эмигранты из группы «Кавказ» – Х. Хасмамедов, Ф. Амирджан и др. Последние получили приглашение по инициативе Нури-паши, который находился в дружеских отношениях с Шуленбургом.

В этой связи некоторые исследователи, в частности, П. фон цур Мюлен считают непонятной причину приглашения Шуленбургом на конференцию М.Э. Расулзаде, занимавшего достаточно жесткую позицию в вопросе сотрудничества с немцами, требуя от них признания независимости Азербайджана²³⁹. При этом немецкий исследователь указывает на то обстоятельство, что среди азербайджанских политэмигрантов и так хватало лиц, готовых выполнять любые указания представителей Третьего Рейха. В частности, правые азербайджанские политэмигранты не скрывали своей готовности идти на диалог с германскими представителями.

Думается, что приглашение М.Э. Расулзаде было обусловлено, в первую очередь, тем, что мусаватский лидер продолжал оставаться знаковой фигурой азербайджанской эмиграции, авторитет и возможности которого казалось соблазнительным использовать при реализации планов Третьего Рейха в отношении восточных территорий. С другой стороны, следует учесть, что Шуленбург стремился добиться поддержки максимально широкого политического спектра азербайджанской эмиграции.

²³⁹ *Patrik von zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 123.*

Неслучайно, что на совещании с представителями азербайджанской эмиграции, организованном в рамках «Адлониады», Шуленбург предложил им подумать о слиянии всех сложившихся к тому времени течений в единый Азербайджанский комитет. При этом он имел в виду мусаватистов во главе с М.Э. Расулзаде, отколовшихся от «Мусавата» старых членов партии – сторонников М. Векилли, небольшую по численности группировку М. Мехтиева, а также именуемую себя Азербайджанской народной партией организацию Х. Султанова²⁴⁰.

Однако уже в начале консультаций выявились глубокие расхождения между М.Э. Расулзаде и представителями германского министерства иностранных дел. Лидер «Мусавата» передал германскому внешнеполитическому ведомству документ, в котором возможность сотрудничества жестко увязывалось с принятием ряда предложений. Речь шла опять, разумеется, о признании Германией независимости Азербайджана, создании национальной армии и т.д. В документе также подчеркивалось, что после свержения большевистского режима немецкая армия не должна была вступать в пределы Кавказа, предоставив право решения судеб региона самим кавказским народам. Таким образом, в консультациях с германскими дипломатами М.Э. Расулзаде выдвинул на передний план вопрос независимости Азербайджана, и всего Кавказа. При этом он предупредил, что азербайджанские эмигранты готовы сотрудничать с немецкой стороной лишь в вопросах, напрямую затрагивающих интересы Южного Кавказа.

Очевидно, что эти условия были неприемлемыми для германской стороны, которая не собиралась давать каких-либо обещаний относительно признания независимости Азербайджана и других оккупированных большевиками стран Кавказа. По крайней мере, сам Шуленбург не исключал сохранения единства советской империи даже после свержения большевистского режима. По этой причине немцы советовали эмигрантам сосредоточиться на вопросах комплектования национальных формирований и вплотную

²⁴⁰ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 125.

заняться воспитательной работой среди будущих легионеров. Но подобный подход, в свою очередь, не устраивал уже М.Э. Расулзаде и многих других лидеров кавказской эмиграции, считавших основным предметом переговоров вопрос признания германской стороной права поработенных народов советской империи на национальную независимость.

По причине столь серьезного расхождения позиций сторон «Адлониада» фактически превратилась в нудный и безрезультативный переговорный процесс между Шуленбургом и эмигрантами из СССР. Симптоматично, что отсутствие у Берлина малейшего желания достичь какого-либо консенсуса с политэмигрантами в вопросе поддержки их устремлений к независимости разочаровало даже таких прогермански-настроенных деятелей, как Г. Баммат. Видя бесперспективность переговоров с Шуленбургом, многие из них решили покинуть германскую столицу.

Неудача «Адлониады» вывела латентный конфликт, тлеющий до сего времени между внешнеполитическим ведомством и Восточным министерством Германии, в открытое противостояние. В итоге своим предписанием от 28 июля 1942 года Гитлер передал в сферу компетенции Восточного министерства весь комплекс проблем, связанных с вопросом выработки и осуществления политики по отношению к народам, населяющим советскую империю. А МИД Германии фактически был отстранен от решения этих вопросов²⁴¹.

Согласно этому предписанию, отныне переговоры и контакты с представителями тюрко-мусульманских народов Поволжья, Средней Азии и Кавказа осуществлялись кавказским отделом Восточного министерства, которым руководил известный историк-тюрколог профессор Герхард фон Менде, автор монографии «Национальная борьба российских тюрков. Исследование национальной политики в Советском Союзе»²⁴². Эта монография стала первым в

²⁴¹ *Patrik von zur Mühlen*. Camalithaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 83.

²⁴² *Gerhard von Mende*. Der nationale Kampf der Russlandtürken: Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin, 1936.

западной историографии исследованием, посвященным истории и эволюции национально-освободительного движения тюркских народов в условиях Российской империи и Советского Союза. Кстати, несмотря на свой высокий пост в Восточном министерстве, Г. фон Менде никогда не состоял в национал-социалистской партии. Будучи истинным другом тюркских народов и их государственной независимости, Г. фон Менде делал все возможное, чтобы направить восточную политику Третьего Рейха в конструктивное русло. Именно ему удалось убедить М.Э. Расулзаде повременить с отъездом из Берлина и продолжить политические консультации²⁴³.

По сравнению с сотрудниками германского внешнеполитического ведомства, Г. фон Менде демонстрировал более гибкий подход в отношении требований эмигрантов. Вопреки приказу Гитлера, запретившего создание каких-либо политических представительств народов советской империи до окончания войны, благодаря усилиям Г. фон Менде, таковые все же увидели свет.

Дело в том, что приглашенные в «Адлон» эмигранты, не добившись от официального Берлина каких бы то ни было гарантий относительного политического будущего своих стран, постепенно покидали германскую столицу. Это грозило подорвать имидж Германии не только в эмигрантских кругах, но и среди самих кавказских народов. Этим обстоятельством умело воспользовался проф. Г. фон Менде. Ему удалось добиться согласия А. Розенберга на создание национальных комитетов народов Кавказа, которые были сформированы в конце лета – осенью 1942 года.

В этой связи следует отметить, что в азербайджанской и зарубежной историографии утвердилось мнение, что М.Э. Расулзаде якобы возглавил созданный в Берлине Азербайджанский Национальный Комитет²⁴⁴. Но это утверждение не соответствует историческим фактам, хотя М.Э. Расулзаде действительно вел по данному вопросу переговоры с немецкими представителями. Об этом

²⁴³ *Patrik von zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 199.*

²⁴⁴ См. например: *Oruclu M. Azərbaycanda və mühacirətdə Müsavat partiyasının fəaliyyəti (1911-1992). S. 111.*

свидетельствует и содержание его беседы со своим соратником по прометеевскому фронту крымско-татарским эмигрантом Эдиге Крымалом (Крымали), состоявшейся 7 октября 1942 года в Берлине. В ней М.Э. Расулзаде информирует своего собеседника о том, что в ходе переговоров с представителями Вермахта, МИД и Восточного министерства в период с апреля по октябрь 1942 года он действительно выражал готовность к сотрудничеству и поиску взаимоприемлемых компромиссов при условии официального признания Германией независимости Азербайджана. Из-за неприемлемости этого условия для германских представителей переговоры завершились полным провалом²⁴⁵.

К тому же М.Э. Расулзаде не мог игнорировать тот факт, что сформированные национальные комитеты народов Кавказа обладали лишь совещательными функциями, без каких-либо конкретных прав и обязанностей. Учитывая эти обстоятельства, уже через несколько дней после вышеупомянутой встречи с Э. Крымалом М.Э. Расулзаде, покинув Берлин, вновь вернулся в Бухарест. По существу, учреждение в этот период грузинского, азербайджанского и армянского национальных комитетов носило формальный характер, поскольку они так и не приступили к активной деятельности. В этой связи П. фон цур Мюлен справедливо отмечает, что Азербайджанский национальный комитет так и «остался фрагментом, носящим имя М.Э. Расулзаде»²⁴⁶.

Тем не менее, нахождение в течение полугода М.Э. Расулзаде в Берлине и его многочисленные контакты с германскими представителями нельзя считать абсолютно бесполезными. Ведь, воспользовавшись заинтересованностью нацистской верхушки в сотрудничестве с ним, М.Э. Расулзаде в этот период удалось спасти жизнь и облегчить участь, как минимум, нескольких тысяч азербайджанских тюрок, попавших в плен к немцам на советском фронте. Их численность составляла примерно 150 тыс. чел.²⁴⁷ В

²⁴⁵ *Patrik von zur Mühlen. Camalithaç ile Kızılyıldız Arasında.* S. 127.

²⁴⁶ *A.g.e.* S. 126.

²⁴⁷ *Qasimli M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarihi.* S. 650.

начале войны многих мусульман, в том числе азербайджанцев, как «обрезанных», немцы принимали за евреев и расстреливали. После вмешательства М.Э. Расулзаде и других представителей эмиграции массовые расстрелы на этом основании азербайджанских военнопленных были фактически прекращены. Кстати, эта акция помогла выжить и евреям – уроженцам Азербайджана, которые выдавали себя за азербайджанцев²⁴⁸.

В целом же, несомненно, взаимоотношения М.Э. Расулзаде с нацистской верхушкой так и не наладились. Более того, принципиальная позиция мусаватского лидера в вопросе независимости Азербайджана начала вызывать все большее недовольство германских представителей. Ведь он настойчиво поднимал данную проблему не только в конфиденциальных переговорах с германскими представителями, но и в своих публичных выступлениях перед соотечественниками из числа военнопленных. В ходе одного из таких выступлений М.Э. Расулзаде заявил: «У меня в этой жизни лишь одна цель, которая заключается в борьбе за свободу Азербайджана. Более 20-ти лет я веду эту борьбу. За это время понесли немало потерь. Но если потребуется, и дальше будем жертвовать собой, поскольку политическая борьба за независимость Азербайджана не может обойтись без жертв»²⁴⁹.

В конечном итоге, германским властям надоели разговоры о высоких идеалах, о независимости Азербайджана, которые продолжал вести М.Э. Расулзаде. Немцам были нужны сугубо прагматичные исполнители, проводники их политики среди азербайджанских военнопленных и старых эмигрантов. По этой причине они наладили сотрудничество с членами группировки Х. Хасмамедова, а также представителями новой волны эмиграции из числа военнопленных²⁵⁰.

Неудивительно, что на первые позиции среди азербайджанских эмигрантов вскоре выдвинулись политические оппоненты М.Э.

²⁴⁸ *Абуталыбов Р.* Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 6.

²⁴⁹ *Qasımlı M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 648.

²⁵⁰ *Şimşir S.* Azərbaycanın istiklal mücadelesi. S. 98.

Расулзаде – А. Атамалибеков, Ф. Амирджан, и А. Фаталибейли-Дудангинский, более подконтрольные немцам по сравнению с мусаватским лидером. Как впоследствии вспоминал А. Фаталибейли-Дудангинский, «все азербайджанские турки, находившиеся в Берлине, собрались под председательством министра Халил бея Хасмамедова, чтобы обсудить вопрос о том, следует ли продолжать сотрудничество в этих унижительных условиях или же уйти? Мы решили: «Признает ли нашу независимость Германия или нет, но мы не имеем морального права в этот тяжелый момент оставлять наших соотечественников без национального руководства»²⁵¹.

Безусловно, сотрудничество этих лиц с немцами в значительной степени было вынужденным шагом, продиктованным суровыми реалиями жизни. Они согласились сотрудничать с немцами не из любви к Гитлеру, в отношении которого не питали особых иллюзий, а из ненависти к Сталину и большевистскому тоталитарному режиму, поработившему их родину. Ведь в тогдашних условиях именно Германия была единственной на мировой арене реальной силой, способной сокрушить советский режим. Сражаясь в частях Азербайджанского легиона против советской армии, они искренне верили в то, что тем самым приближают час освобождения родного Азербайджана от большевистского ига.

Исходя из этого, мы далеки от мысли поставить под сомнение патриотизм А. Фаталибейли-Дудангинского и его стремление помочь азербайджанским военнопленным. Это, однако, вряд ли дает право некоторым соратникам А. Фаталибейли-Дудангинского обвинять М.Э. Расулзаде и его единомышленников в том, что они отказались от сотрудничества с немцами и, не поделившись своим опытом и знанием с соотечественниками, бросили их, чуть ли не на произвол судьбы²⁵².

Здесь обязательно следует напомнить, что не только М.Э. Расулзаде, но и другие лидеры кавказской эмиграции, сыгравшие

²⁵¹ Письмо А. Фаталибейли-Дудангинского генералу Л.Бичерахову // Из личного архива Рамиза Абуталыбова

²⁵² *Cabbar Ertürk. Kızılordudan Kafkaz Milli Lejionuna. S. 351.*

ключевую роль в обретении и укреплении государственной независимости стран Кавказа в 1918-1921 годах, в частности, руководители грузинских социал-демократов и наиболее видные представители северокавказцев, отказались от сотрудничества с немцами на условиях, предложенных последними. В результате уже с 1943 г. грузинские, северокавказские и армянские структуры, созданные немцами, возглавили лица, не входившие в состав бывших руководителей этих республик.

Тем не менее, несмотря на свое крайне критическое отношение к Третьему Рейху в целом, лидеры кавказской эмиграции, не желая пускать дело борьбы за независимость на самотек, продолжали оказывать влияние на развитие событий через третьих лиц. В частности, таким человеком для М.Э. Расулзаде и партии «Мусават» в Берлине был Х. Мунши, имевший хорошие связи в немецких кругах.

С другой стороны, оппоненты М.Э. Расулзаде почему-то стыдливо замалчивают тот факт, что они сами делали все возможное, чтобы помешать достижению каких-либо договоренностей между мусаватским лидером и немцами. В этом плане особо усердствовал Ф. Амирджан, имевший в то время весьма натянутые отношения с М.Э. Расулзаде²⁵³.

Подобное поведение оппонентов М.Э. Расулзаде объяснялось тем, что им были обещаны ключевые посты в будущем государственно-административном аппарате кавказских государств. Поэтому они стремились заранее нейтрализовать мусаватского лидера и тем самым избавиться от своего главного конкурента. Впрочем, все эти интриги противников М.Э. Расулзаде из числа старого и нового поколения азербайджанской эмиграции не имели абсолютно никакого значения в провале переговоров в отеле «Адлон». Неудача этих переговоров исходила из самой сути политики Третьего Рейха, которая в принципе отрицала право на самоопределение поработанных народов советской империи. Тем не менее, эти факты ценны в плане подтверждения незаинтере-

²⁵³ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 125.

сованности сотрудничающих с немцами азербайджанских эмигрантов в помощи и советах М.Э. Расулзаде. Вероятно, именно по этой причине они всеми средствами пытались ускорить отъезд мусаватского лидера из Берлина.

В то время, как М.Э. Расулзаде вел трудные переговоры с представителями германского МИД и Восточного министерства, настаивая на признании независимости Азербайджана, его соотечественники получали у немцев различные должности. Так, Ф. Амирджан стал редактором газеты легионеров «Азербайджан», А. Атамалибеков возглавил Азербайджанскую группу в структуре «Зондерштаба Кавказ», созданной под эгидой СД, а А. Фаталибейли-Дудангинскому было поручено создание и руководство Азербайджанским легионом.

Правда, Фаталибейли-Дудангинский и его окружение, активно участвуя в формировании и пропагандистском обслуживании частей Азербайджанского легиона, надеялись добиться от Берлина признания независимости Азербайджана постепенно, по мере затягивания войны, вынуждавшего немцев идти на уступки представителям национальных комитетов²⁵⁴.

Что же касается М.Э. Расулзаде, то у него не было особых проблем в получении должностей от немцев. Этот факт признается даже оппонентами мусаватского лидера. Например, один из приближенных к А. Фаталибейли-Дудангинскому лиц, азербайджанский легионер Джаббар Эртюрк критикует М.Э. Расулзаде именно за его отказ от поста главы Азербайджанского национального комитета²⁵⁵.

Кстати, и после отъезда М.Э. Расулзаде в октябре 1942 года в Бухарест этот пост оставался вакантным, поскольку трудно было найти равноценную мусаватскому лидеру фигуру в рядах азербайджанцев, сотрудничающих с германскими властями. Именно поэтому немцы сделали еще одну попытку склонить М.Э. Расулзаде к сотрудничеству. С этой целью в начале 1943 года, после

²⁵⁴ *А. Фаталибейли*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны // *Azerbaycan (München)*. 1951. № 1. С. 13-28.

²⁵⁵ *Cabbar Ertürk*. *Kızılordudan Kafkaz Milli Lejionuna*. S. 351-354.

крупных военных неудач германской армии на фронтах Второй мировой войны, М.Э. Расулзаде вновь был приглашен в Берлин для продолжения переговоров. Однако, как и следовало ожидать, эта попытка так же оказалась безрезультатной.

Прибыв в Берлин, М.Э. Расулзаде занимался не столько налаживанием сотрудничества с германской стороной, в возможность достижения которого он уже не верил, сколько патриотическим воспитанием азербайджанских тюрок, волею судьбы оказавшихся на германской территории. Даже в довольно стесненных условиях тогдашней Германии, М.Э. Расулзаде умудрялся пропагандировать идею независимости Азербайджана, используя для этого любую возможность.

По инициативе М.Э. Расулзаде 28 мая 1943 года в фешенебельном берлинском отеле «Kaiserhof» был организован прием по случаю 25-летней годовщины провозглашения независимости Азербайджана, в котором наряду со 150-ти азербайджанскими деятелями принимали участие представители официальных кругов и научной общественности Германии²⁵⁶. На мероприятии также присутствовали эмигранты, представляющие кавказские и тюрко-мусульманские народы советской империи. Банкетный зал отеля, где проводился прием, был украшен многочисленными национальными флагами Азербайджана.

По причине болезни сам М.Э. Расулзаде не смог присутствовать на приеме. Поэтому было зачитано его приветственное послание, где подчеркивалось, что создание первой демократической республики на Востоке стало результатом борьбы азербайджанских тюрок за национальное освобождение. Напомнив об оккупации большевиками Азербайджанской Демократической Республики, М.Э. Расулзаде выражал твердую уверенность в том, что в будущем азербайджанская нация вновь восстановит свою государственную независимость²⁵⁷.

На мероприятии выступил известный немецкий тюрколог Готхард Яшке (1894-1983), сделавший доклад по истории и куль-

²⁵⁶ *Qasimli M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadələ tarixi. S. 660.

²⁵⁷ A.g.e. S. 660.

туре тюрков, говорил он так же и о германо-азербайджанских отношениях.

Очевидно, что подобный прием, к тому же в одном из центральных отелей Берлина, мог быть организован лишь с согласия германских властей. Действительно, инициатива М.Э. Расулзаде о праздновании годовщины независимости Азербайджана была поддержана Восточным министерством и МИД Германии. Сегодня трудно определить, чем руководствовались эти две важнейшие государственные структуры, давая согласие на проведение такого явно политического мероприятия в условиях, когда Гитлер не хотел даже слышать не только о национальных комитетах, но и о независимости порабощенных народов СССР. Не исключено, что это было попыткой добиться расположения М.Э. Расулзаде с целью склонить его к сотрудничеству.

Если это предположение соответствует действительности, следует признать, что расчеты немецкой стороны не оправдались, поскольку М.Э. Расулзаде продолжал при каждом удобном случае говорить о национальной независимости, не демонстрируя при этом особого желания наладить отношения с представителями Третьего Рейха. Как впоследствии отмечал сам М.Э. Расулзаде, дважды, в 1942 и 1943 гг. побывав в Берлине, он на собственном опыте убедился в том, что напрасно ожидать от немцев уважительного отношения к национальной борьбе порабощенных народов, и тем более признания их независимости. «Общие действия теоретиков «высшей расы» с германской практикой на территории Польши, Украины и других оккупированных стран, – подчеркивал М.Э. Расулзаде, – не оставили ни малейшей надежды на этот счет. Поэтому наша единственная задача заключалась в том, чтобы, подтвердив невозможность сотрудничества с правительством, не признающим наши национальные права и освободительную борьбу, выйти из игры»²⁵⁸.

С другой стороны, М.Э. Расулзаде прекрасно видел, что события на фронтах Второй мировой войны, в особенности после

²⁵⁸ *Rəsulzadə M.Ə. Əsrimizın Səyavuşu. Çağdaş Azərbaycan ədəbiyyatı. Çağdaş Azərbaycan tarixi. Bakı, 1991. S. 103.*

сокрушительного поражения немецких войск под Сталинградом, развиваются в направлении, не внушающим особого оптимизма относительно будущего самой нацистской Германии. В этих условиях неудивительно, что М.Э. Расулзаде не только не искал точек соприкосновения с германскими представителями, а наоборот, своими действиями явно спровоцировал их на окончательный разрыв отношений с ним. Иначе трудно объяснить его раздражающие германских представителей публичные высказывания, в частности, его знаменитое выступление перед азербайджанскими легионерами с призывом не поднимать оружие против народов, борющихся за свою свободу. При этом он официально заявил, что «Германия, отнявшая самостоятельную и свободную государственную жизнь многих народов и покончившая с их государственной независимостью, никогда не даст независимость Азербайджану, находящемуся под коммунистической оккупацией»²⁵⁹.

Судя по всему, это выступление стало последней каплей, переполнившей чашу терпения германских представителей и приведшей к полному разрыву всех контактов с М.Э. Расулзаде, чему он, несомненно, был очень рад. Как бы то ни было, 5 августа 1943 года М.Э. Расулзаде выступил со специальным меморандумом, в котором подчеркивал, что из-за нежелания германских представителей признать независимость стран Кавказа, он отказывается от дальнейших переговоров²⁶⁰. После этого он покинул Берлин и вернулся в Бухарест.

Это значительно ускорило выбор немецких властей, сделавших окончательную ставку на группировку Х. Хасмамедова, а также представителей нового поколения азербайджанских эмигрантов в лице А. Фаталибейли-Дудангинского. Последний же очень быстро выдвинулся на первые роли, став в ноябре 1943 года начальником Азербайджанского штаба связи.

Правда, в конце 1943 года германские власти сделали еще одну, последнюю по счету попытку договориться с М.Э. Расул-

²⁵⁹ Kafkasya. 1952. № 9. S. 28.

²⁶⁰ *Qasimli M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 661.

заде. В этот период под влиянием новых военных неудач возникли серьезные разногласия между руководством Вермахта и СС. На этом фоне представители войск СС начали обвинять гражданских чиновников в том, что они незаслуженно «обидели» М.Э. Расулзаде. Поэтому М.Э. Расулзаде, которого германские представители характеризовали как «крупного государственного деятеля», снова был приглашен в Берлин для переговоров. Однако он отказался от этого приглашения²⁶¹.

Таким образом, М.Э. Расулзаде всеми силами пытался избавиться от назойливых предложений Берлина о сотрудничестве. Однако его фактический отказ следовать указаниям немецкой верхушки таил в себе немалую опасность и для него самого, несмотря на то, что формально он находился за пределами Германии – в румынской столице. В этой непростой ситуации его поддерживал турецкий посол в Румынии Хамдуллах Субхи Танрыювер, с которым М.Э. Расулзаде был знаком и имел дружеские отношения еще по совместной работе в 1911-1912 гг. в «Тюркском кружке» (*Türk derneği*) в Стамбуле. Так что в Бухаресте он находился под полным покровительством турецкого посольства вплоть до конца лета 1944 года.

Но в августе 1944 года в связи с приближением советских войск к румынской столице М.Э. Расулзаде пришлось покинуть Бухарест. После краткого пребывания в Вене в отеле «Империял» он выехал в западную часть Германии, входящую в оккупационную зону западных союзников, и создал в Мюнхене новую организацию под названием «Азербайджанское демократическое единство». Главной целью этой организации было спасение азербайджанских военнопленных от выдачи их сталинскому режиму.

При капитуляции Германии в мае 1945 года в руках западных союзников находились около 28 тыс. азербайджанских добровольцев, воевавших в составе национальных легионов²⁶². Общее же количество азербайджанских военнопленных приближалось к

²⁶¹ *Qasımlı M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 665.

²⁶² *Абуталыбов Р.* Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 16.

150 тыс. человек²⁶³. Многие из них искренне радовались окончанию войны и жили с надеждой на скорейшую встречу со своими родными и близкими на родине. Однако М.Э. Расулзаде, прекрасно знающий характер Сталина, понимал, что на родине их встретят отнюдь не с раскрытыми объятиями, поскольку для «отца народов» все военнопленные были «предателями» и «врагами народа». Чтобы спасти их от новых нечеловеческих лишений и унижений, возглавляемое М.Э. Расулзаде «Азербайджанское демократическое единство» пыталось уговорить азербайджанских военнопленных отказаться от подобного опрометчивого шага.

В связи с этим «Азербайджанское демократическое единство» в 1946 году даже выступило со специальным обращением. В нем содержался призыв к азербайджанским военнопленным перебороть в себе ностальгию о родине, остаться на Западе, чтобы продолжить борьбу за независимость Азербайджана, которую «старшее поколение ведет в течение последних 26 лет»²⁶⁴.

Однако ситуация осложнялась тем, что одно желание военнопленных остаться на Западе еще ничего не решало, поскольку на Ялтинской конференции между США, Великобританией и СССР была достигнута договоренность о взаимном возвращении всех военнопленных и насильственно перемещенных лиц²⁶⁵. И, следуя букве данного соглашения, западные союзники после окончания Второй мировой войны в массовом порядке начали возвращать военнопленных в СССР, игнорируя тот факт, что многих из них они отправляли на верную смерть. Причем не желающих вернуться в СССР зачастую в насильственном порядке передавали представителям советских оккупационных властей в Германии.

Несмотря на все эти сложности и существующую угрозу в любую минуту быть переданным советским властям, М.Э. Расулзаде и его соратникам удалось спасти хотя бы часть азербайджанских военнопленных, которые при их содействии были

²⁶³ *Oruclu M. Azərbaycanca və mühacirətdə Müsavat partiyasının fəaliyyəti. S. 110.*

²⁶⁴ *Yaqublu N. Məmməd Əmin Rəsulzadə. S. 231.*

²⁶⁵ См.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.) М., 1984. С. 264-279.

размещены в различных странах Европы. Благодаря их усилиям примерно 1000 азербайджанским военнопленным удалось получить убежище в различных странах Европы.

По информации М. Кенгерли, М.Э. Расулзаде также обратился за помощью в этом вопросе к находившемуся в то время в Германии египетскому королю Фаруку, который согласился взять с собой в Египет примерно 600 азербайджанцев²⁶⁶.

В тогдашних условиях, когда после завершения Второй мировой войны сталинский режим находился в зените своего могущества, шансы на восстановление азербайджанской независимости казались просто иллюзорными. Тем не менее, невзирая ни на что, М.Э. Расулзаде упорно продолжал свою борьбу за азербайджанский идеал. В 1947 году с целью ознакомления нового поколения азербайджанских эмигрантов с объективной историей родины он пишет и издает в Мюнхене книгу «История Азербайджана». Книга распространяется среди азербайджанских эмигрантов, обосновавшихся в различных европейских странах.

Между тем, уже в начале 1945 года появляются первые признаки серьезного охлаждения в советско-турецких отношениях. Так, не дожидаясь окончания Второй мировой войны, министр иностранных дел СССР В. Молотов 19 марта 1945 года делает заявление о денонсации советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 1925 года²⁶⁷. Вслед за этим Москва выступает с территориальными претензиями к Турции, потребовав возвращения Карса и Ардагана. Причем формально инициатива возвращения этих территорий исходила не от Москвы, а от властей Грузинской и Армянской ССР.

Усиление военно-дипломатического давления Москвы на Анкару привело к изменению отношения правительства Турции к азербайджанским эмигрантам. Это создало условия для возвращения в Турцию лидеров азербайджанской политэмиграции. Официальное же решение турецкого правительства по этому по-

²⁶⁶ Azadliq. 1996. 9 may.

²⁶⁷ Дипломатический словарь. Т. 3. С. 314.

воду было принято в сентябре 1947 года. И в конце того же года М.Э.Расулзаде после 17-летнего расставания снова вернулся в Турцию.

§ 3. Возвращение М.Э. Расулзаде в Турцию. Заключительный период его деятельности в эмиграции

По возвращении в Турцию в 1947 году М.Э. Расулзаде пришлось практически с нуля начинать организационное оформление азербайджанской политэмиграции. Причем это приходилось делать в достаточно сложных условиях. Несмотря на значительное обострение отношений между Москвой и Анкарой, а также фактическое начало «холодной войны» после знаменитой речи У. Черчилля, произнесенной 5 марта 1946 года в американском Фултонском университете, отношение турецких властей к азербайджанским эмигрантам по-прежнему было довольно настроженным.

Не случайно, что лишь в 1948 году усилиями М.Э. Расулзаде и его соратников удалось добиться официального разрешения Анкары на размещение в Турции азербайджанских военнопленных, скитавшихся до этого по Италии, Франции, Швейцарии и другим странам Европы. В общей сложности в 1948 году из европейских стран в Турцию прибыло примерно 3700 азербайджанских военнопленных, значительную часть которых составляли бывшие легионеры.

М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал необходимость объединения этих людей вокруг единой организации. При этом он осознавал невозможность создания в тогдашних условиях организации с явно политической направленностью, поскольку подобная деятельность азербайджанских эмигрантов, мягко говоря, не одобрялась турецкими властями. Это, несомненно, препятствовало развертыванию полномасштабной политической деятельности М.Э. Расулзаде в Турции.

Кроме того, представители новой волны азербайджанской эмиграции из числа бывших военнопленных, выросших и воспи-

танных в условиях советского режима, абсолютно не были осведомлены об истинной истории своей Родины, о славных страницах освободительной борьбы азербайджанских тюрок, в частности о событиях 1918-1920 годов. Все это требовало проведения среди них усиленной культурно-просветительской работы.

Учитывая эти факторы, М.Э. Расулзаде решил начать свою деятельность в Турции с создания сугубо культурной организации. 1 февраля 1949 года состоялось учредительное заседание Азербайджанского культурного общества – АКО (Azerbaycan Kültür Derneği), на котором М.Э. Расулзаде был избран почетным председателем организации. В Уставе организации особо подчеркивалось, что АКО не занимается политикой, а его основными задачами являются: исследование и пропаганда азербайджанской культуры и истории, издание книг, журналов и газет по этой проблематике, организация культурных мероприятий, а также оказание материальной и моральной поддержки нуждающимся азербайджанским эмигрантам²⁶⁸.

Хотя, по свидетельству турецкого историка С. Шимшира, в последние годы жизни Мамед Эмин бей сам находился в весьма бедственном положении. В частности, после возвращения в Турцию в 1947 году квартира, в котором проживал М.Э. Расулзаде, представляла собою жалкое зрелище. Это полуподвальное жилище, где нередко бегали крысы, нуждалось в основательном ремонте. К сожалению, ни один из многочисленных зажиточных азербайджанцев, проживающих в Турции, ни само правительство этой страны пальцем не пошевелили, чтобы создать хотя бы минимум удобств политическому деятелю, столько сделавшему не только для Азербайджана, но и для всего тюркского мира²⁶⁹.

Но вопреки всем этим трудностям, Мамед Эмин бей с прежней настойчивостью продолжал свою борьбу за азербайджанский идеал, стремясь приблизить хотя бы на дюйм, на шагок время

²⁶⁸ *Şimşir S.* Azerbaycan'ın istiklal mücadelesi. İstanbul, 2006. S. 143.

²⁶⁹ *Şimşir S.* Mehmet Emin Resulzade'nin Türkiye'deki hayatı, faaliyetleri ve düşünceleri. Ankara, 1995. S. 37.

свободы Страны огней. Он требовал полной отдачи в этой борьбе и от своих соратников по эмиграции.

При этом симптоматично, что М.Э. Расулзаде был категорически против участия находящихся в Турции азербайджанских политэмигрантов во внутривосточной жизни этой страны на стороне тех или иных партий. В этом отношении достаточно показательной является его резкая реакция на участие и выступление Мамеда Али Расулзаде на одном из предвыборных митингов Народно-республиканской партии Турции перед выборами 1950 года. Строго предупредив М.А. Расулзаде о недопустимости подобных действий, Мамед Эмин бей подчеркнул, что «наша борьба носит надпартийный характер. Поэтому наше участие в деятельности какой-либо турецкой партии нанесет серьезный урон нашему основному делу – национальной борьбе за азербайджанский идеал»²⁷⁰.

В этот период М.Э. Расулзаде вплотную занимается и творческой деятельностью, продолжая свои литературоведческие, культурологические и исторические исследования, результатом которых стали изданные в конце 40-х – начале 50-х годов работы: «Венки азербайджанской культуры» («Azerbaycan Kültür Gelenekləri»), «Современная азербайджанская история» («Çagdaş Azerbaycan Tarihi») и «Современная азербайджанская литература» («Çagdaş Azerbaycan Edebiyatı»)²⁷¹. Последняя работа отличается оригинальным подходом автора к творчеству известных азербайджанских поэтов и писателей XX века. Анализируя творчество Ахмеда Джавада, Гусейна Джавида, Джафара Джаббарлы и других современных азербайджанских литераторов, М.Э. Расулзаде в этой работе раскрывает подстрочный смысл многих их высказываний. На основании многочисленных примеров из их произведений он доказывает приверженность этих выдающихся представителей современной литературы Азербайджана к идеалам национальной независимости и свободы.

²⁷⁰ *Şimşir S. Mehmet Emin Resulzade'nin Türkiye'deki hayatı, faaliyetleri ve düşünceleri.* Ankara, 1995. S. 40.

²⁷¹ *Resulzade M.E. Azerbaycan Kültür Gelenekləri.* Ankara, 1949; *Çagdaş Azerbaycan Edebiyatı.* Ankara, 1950; *Çagdaş Azerbaycan Tarihi.* Ankara, 1951.

Кроме того, в этот период он пишет статьи для Турецкой Энциклопедии, которая начала издаваться Министерством образования после Второй мировой войны. Автором большинства статей данной энциклопедии, посвященных Азербайджану, является М.Э. Расулзаде²⁷².

Но главным произведением М.Э. Расулзаде данного периода, несомненно, является монография о творчестве великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Фундаментальная монография М.Э. Расулзаде о Низами в основном была завершена к 1941 году, когда отмечался 800-летний юбилей поэта. Но из-за трудностей военного времени монографию не удалось своевременно опубликовать. Впрочем, эта задержка позволила автору в конце 40-х годов значительно усовершенствовать и доработать монографию.

Впрочем, и в этот раз издание монографии о Низами не обошлось без проблем. Так, просоветски настроенные чиновники Министерства образования Турции требовали от М.Э. Расулзаде убрать некоторые антирусские высказывания Низами. Ответ М.Э. Расулзаде был довольно лаконичным и одновременно категоричным: «Все это написал не я, а великий Низами. Поэтому ни я, никто другой не имеет права удалять эти строки гениального поэта»²⁷³. По этой причине, издать монографию М.Э. Расулзаде удалось лишь в 1951 году, после того, как Министерство образования возглавил Тевфик Илери²⁷⁴.

По мнению специалистов, эти литературоведческие работы М.Э. Расулзаде не потеряли свою научную значимость и по прошествии многих десятилетий, более того, и в наши дни остаются наиболее ценными работами в данной области. В связи с этим некоторые исследователи даже утверждают, что М.Э. Расулзаде как литературовед и культуролог стоит намного выше политика²⁷⁵.

²⁷² *Şimşir S. Mehmet Emin Resulzade'nin Türkiye'deki hayatı, faaliyetleri ve düşünceleri.* S. 37.

²⁷³ A. g. e. S. 35.

²⁷⁴ *Resulzade M.E. Azerbaycan şairi Nizami.* Ankara, 1951.

²⁷⁵ См.: *Исаханлы Г.* Младший из «большой пятерки» // Азербайджанская Демократическая Республика. Сборник статей. С. 65.

Безусловно, в этих высказываниях есть значительная доля правды, поскольку, как известно, гениальный человек гениален во всем.

По сведениям турецкого исследователя Я. Акпынара, в последние годы жизни М.Э. Расулзаде работал над новым историческим трудом под условным названием «Эволюция азербайджанской истории» (*Azerbaýcan Tarihinin Gelişimi*). К сожалению, рукопись этой работы до сих пор не найдена²⁷⁶.

Также не обнаружен и текст «Библиографии Азербайджана», полного списка изданных на азербайджанском языке книг в различных странах мира. Над созданием подобного каталога он работал в течение длительного времени, с момента прибытия в Турцию в 1947 году до конца своих дней²⁷⁷.

Не отрицая заслуг М.Э. Расулзаде в области историографии, литературоведения и культурологии и отдавая должное лестным оценкам его деятельности на этом поприще, все же необходимо учесть, что он вошел в азербайджанскую историю прежде всего как политик, являющийся основателем современной азербайджанской государственности.

И как бы М.Э. Расулзаде ни пытался в конце 40-х годов заполнить вынужденный перерыв в политической деятельности научными изысканиями, было очевидно, что так не могло долго продолжаться. Да он никогда и не оставался вне политики, невзирая на все запреты и предупреждения турецких властей. Тем более что и международная ситуация постепенно начала меняться в благоприятном направлении для политэмигрантов из СССР. По мере обострения «холодной войны» ведущие западные державы вновь начали уделять пристальное внимание национальным проблемам в СССР, рассматривая их в качестве важнейшего средства борьбы с советским режимом. Это способствовало росту интереса влиятельных кругов Запада к политэмигрантам из СССР и их организациям.

²⁷⁶ *Akpınar Y.* Mehmed Emin Resulzade // Resulzade M.E. Azerbaycan cumhuriyyeti. İstanbul, 1990. S. XXIV.

²⁷⁷ *Mercanlıgil M.D.* Mehmet Emin Resulzade // Türk Kütüphaneciler Derneği Bülteni. 1955. Cilt: III. Sayı: 1-2. S. 134.

Проявлением этого интереса стало создание 18 января 1951 года Американского комитета за свободу народов СССР (American Committee for Freedom for the Peoples of the USSR). Данная организация, переименованная в марте 1953 года в Американский комитет освобождения от большевизма, имела своей целью объединение и координацию действий политических сил эмиграции из СССР в борьбе против тоталитарного коммунистического режима. У истоков комитета стояли И. Дон-Левин, Р. Келли и С. Вильямс²⁷⁸. Активное участие в работе комитета принимали такие известные люди, как писатель Вильям Уайт, профессора Гарвардского университета – Вильям Элиот и автор многих книг о советском режиме Вильям Чемберлен, бывший посол США в Москве адмирал Алан Керк и др.

Правда, в начальный период деятельности Американского комитета наблюдалось явно пренебрежительное отношение этой организации к нерусской политэмиграции из СССР. Дело в том, что среди представителей политической и интеллектуальной элиты западных стран не было единого мнения в отношении перспектив государственного устройства СССР после падения коммунистического режима. Более того, многие влиятельные круги Запада, учитывая наличие ядерного потенциала у СССР, в начале 50-х годов ратовали за сохранение государственного единства этой страны и в посткоммунистический период. Поэтому они выступали против автоматического признания права нерусских народов СССР на самоопределение и создания на ее развалинах отдельных независимых национальных государств. Подобные взгляды на посткоммунистическую перспективу СССР имели довольно широкую поддержку и в общественном мнении западных государств, в первую очередь США. Немалую роль в этом сыграла и активная пропагандистская работа проживающих в США лидеров русской эмиграции – А. Керенского и С. Мельгунова. Хотя ради справедливости следует отметить, что были и влиятельные силы, выступавшие за более действенную поддержку национальных устремлений поработенных народов СССР.

²⁷⁸ Градобоев Н. «Вторая волна» // Новое русское слово. 1978. 19 июля.

Борьба в американских общественных и политических кругах этих двух противоположных тенденций – а) ставки на национальные противоречия и поддержки нерусских национальных организаций и б) ставки на сохранение единства СССР – отражалась и в деятельности Американского комитета. На начальном этапе полностью возобладала и победила вторая тенденция. В начале 50-х годов Американский комитет, игнорируя освободительную борьбу нерусских народов СССР, в основном занимался финансированием и поддержкой русских эмигрантских организаций. В целях объединения русской политэмиграции при содействии Американского комитета в 1951 году были проведены две конференции – в январе в Фюссене и в августе в Штутгарте²⁷⁹.

Собравшиеся в западногерманском городе Фюссене представители Лиги борьбы за свободную Россию, Союза борьбы за свободу России, СБОНР и НТС приняли решение о создании общего координационного центра всей русской эмиграции – Совета освобождения народов России. В Фюссене были также сформулированы основные принципы политики русской эмиграции в отношении эмигрантских организаций, представляющих интересы нерусских наций СССР. Так, любое сотрудничество с нерусскими эмигрантскими организациями жестко увязывалось с требованием признания с их стороны принципа «единства и неделимости России»²⁸⁰.

Развивая фюссенские договоренности, участники совещания русских политических организаций в Штутгарте в августе 1951 года объявили о создании исполнительного органа Совета освобождения народов России (СОНР) – Бюро, призванного наладить сотрудничество с нерусскими эмигрантскими организациями. При этом вновь была подтверждена прежняя позиция русской эмиграции относительно «нецелесообразности расчленения и balkанизации территории России». Взамен же за признание принципа

²⁷⁹ *Попов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1. С. 55.

²⁸⁰ *Ibrahimli X.* Azərbaycan siyasi mühacirəti. Bakı, 1996. S. 201.

«территориального единства России» Штутгартская конференция обещала представителям национальных организаций лишь предоставление нерусским народам СССР права на национально-культурную автономию²⁸¹.

Очевидно, что подобное предложение было неприемлемо для представителей тех наций, которые в 1918-1921 годах уже имели свои независимые государства, де-факто признанные со стороны европейских государств и США. Поэтому значительная часть азербайджанской политэмиграции во главе с М.Э. Расулзаде, не участвовала ни в этих переговорах, ни в последующих сборищах СОНР. Представители нерусской политэмиграции из СССР, следовавшие курсу восстановления потерянной в результате большевистской экспансии национальной независимости, подвергли жесткой критике подобную позицию Американского комитета, по-творствовавшего сторонникам идеи «единой и неделимой России».

Среди активных критиков политики Американского комитета находился и М.Э. Расулзаде. В этот период он не устал высказывать в письменной и организационной форме протесты русской эмиграции, вынашивавшей идею построения в СССР после возможного развала красной империи унитарного государства, а также их спонсорам в лице Американского комитета. В знак протеста против подобных действий Американского комитета, фактически игнорировавшего интересы нерусских наций СССР, М.Э. Расулзаде в 1951-1952 годах дважды отказывался от приглашений руководителя этой организации И. Дон-Левина посетить Италию и Германию с целью обсуждения вопросов налаживания сотрудничества между сторонами²⁸².

Однако среди представителей эмигрантских организаций нерусских народов СССР все же нашлись люди и группировки, согласившиеся на сотрудничество с СОНР. В этом отношении не составляла исключение и азербайджанская политэмиграция. Так, различными посулами и обещаниями Американскому комитету

²⁸¹ *Ibrahimli X. Azərbaycan siyasi mühacirəti. Bakı, 1996. S. 201.*

²⁸² *Müsavat partiyası sorğu kitabı. Bakı, 1994. S. 29.*

удалось привлечь к сотрудничеству с СОНР созданный А. Фаталибейли-Дудангинским в 1943 году в Берлине Меджлис национального единства Азербайджана.

От имени этой организации азербайджанские политэмигранты Дж. Гаджибеков, А. Шейхульисламов и И. Акбер подписали так называемую Висбаденскую декларацию. Данный документ, принятый в ноябре 1951 года в Висбадене на конференции с участием русских и некоторых национальных эмигрантских организаций, фактически предусматривал восстановление Российской империи в границах 1914 года, за исключением Польши и стран Балтии. Представителям остальных поработоченных народов СССР было отказано в праве на самоопределение и независимое государственное существование. Им предлагалось решать свои национальные проблемы в рамках «единой и неделимой России»²⁸³.

Следует отметить, что неприятие любых проявлений оппортунизма и приспособленчества было одним из характерных черт М.Э. Расулзаде. Так, друг его молодости, впоследствии ставший председателем иранского парламента, С.Г. Тагизаде отмечал, что при любых жизненных обстоятельствах М.Э. Расулзаде «был предан своим убеждениям и будучи султаном без короны в бакинском правительстве, и в дни, когда в Стамбуле ему приходилось как-то просуществовать за одну лиру в месяц»²⁸⁴.

Поэтому подобный конформизм А. Фаталибейли-Дудангинского и его соратников вызвал у М.Э. Расулзаде сначала недоумение и удивление, а затем негодование и протест. Ему было трудно смириться с мыслью, что под документом, отражающим позицию шовинистических кругов русской эмиграции и, по сути, отвергающим идею азербайджанской независимости, подписались люди, которые действительно имели немалые заслуги в освободительной борьбе азербайджанских тюрок. По мнению М.Э. Расулзаде, Висбаденская декларация, предусматривавшая факти-

²⁸³ *Yaqublu N.* Azərbaycan milli istiqlal mübarizəsi və Məhəmməd Əmin Rəsulzadə. Bakı, 2001. S. 110.

²⁸⁴ *Yaqublu N.* Məmməd Əmin Rəsulzadə. S. 234.

чески восстановление Российской империи, борьбу за азербайджанскую независимость превращала из международной проблемы в чисто внутрirosсийскую проблему. Исходя из этого, он расценил действия сторонников А. Фаталибейли-Дудангинского как предательство в отношении идеала азербайджанской независимости.

По инициативе М.Э. Расулзаде 21 ноября 1951 года в Анкаре состоялось собрание азербайджанских политэмигрантов, выступившее с осуждением действий А. Фаталибейли-Дудангинского. В решении собрания подчеркивалось, что Меджлис национального единства Азербайджана не имеет никаких полномочий выступать от имени азербайджанского народа и подписывать подобные документы, игнорирующие политические реалии 1918-1920 годов²⁸⁵. Аналогичные решения принимались и на собраниях азербайджанских политэмигрантов, состоявшихся в то время в различных городах Турции и европейских государств.

В целом позиция М.Э. Расулзаде в отношении Висбаденской декларации была поддержана большинством азербайджанской политэмиграции. Примечательно, что даже такие представители азербайджанской эмиграции, как Н. Шейхзаманлы и Ф. Амирджан, имевшие весьма натянутые отношения с М.Э. Расулзаде, выступили на страницах печати с резкой критикой решений Висбаденской конференции²⁸⁶.

Хотя подписавшие Висбаденскую декларацию азербайджанские эмигранты проигнорировали эту критику, но последующие события подтвердили правоту М.Э. Расулзаде. Правда, после длительных переговоров и дебатов, продолжавшихся около года, участникам Висбаденской конференции удалось наконец-то 16 октября 1952 года создать Координационный центр антибольшевистской борьбы, в состав которого также вошли представители Меджлиса национального единства Азербайджана – Дж. Гаджибейли и И. Акбер. Однако деятельность Координационного цен-

²⁸⁵ Azerbaijan. 1991. № 282. S. 125.

²⁸⁶ *Ibrahimli X. Azərbaycan siyasi mühacirəti. S. 203.*

тра антибольшевистской борьбы была недолгой, поскольку вскоре обнаружилось серьезное расхождение между русскими организациями и нерусскими комитетами. И уже в сентябре 1953 года Координационный центр окончательно распался²⁸⁷. А с убийством А. Фаталибейли-Дудангинского в 1954 году прекратил свое существование и Меджлис национального единства Азербайджана.

Как и следовало ожидать, отчаянные усилия русской политэмиграции по сколачиванию общего антибольшевистского центра на базе лозунга «единой и неделимой России» дали обратный эффект. Они в немалой степени способствовали оживлению деятельности национальных эмигрантских организаций, стоявших на позиции самоопределения народов СССР и их права на государственную независимость. С целью нейтрализации действий шовинистически настроенных кругов русской политэмиграции мусаватисты усилили свою деятельность в рамках Антибольшевистского блока народов, который стоял в оппозиции к СОНР, проповедовавший идею «единой и неделимой России».

В ответ на принятие Висбаденской декларации в конце ноября 1951 года в Мюнхене была созвана конференция Антибольшевистского блока народов. В ее работе принимали участие представители политэмиграции из стран Восточной Европы, Кавказа и Туркестана. Азербайджанскую эмиграцию в этом мероприятии представлял руководимый М.Э. Расулзаде Азербайджанский национальный центр. В принятом по итогам обсуждений заключительном документе конференции содержался призыв к мировой общественности поддержать освободительную борьбу народов Восточной Европы, Кавказа (Азербайджана, Грузии, Армении и Северного Кавказа), Украины, Белоруссии, Идель-Урала, Казахстана, Крыма и Туркестана. Как подчеркивалось в документе, «Российская империя, трансформировавшаяся в форму Советского Союза, будучи пережитком прошлого, насильственно удерживает народы под оккупацией, препятствуя их независимо-

²⁸⁷ *Ibrahimli X. Azərbaycan siyasi mühacirəti. S. 212.*

сти»²⁸⁸. В итоговом решении конференции подтверждалась решимость национальных организаций Азербайджана, Армении, Грузии, Северного Кавказа, Белоруссии, Идель-Урала, Казахстана, Крыма, Туркестана и Украины добиться своей независимости и войти в состав свободных народов мира²⁸⁹. От имени Азербайджанского национального центра этот документ подписал М. Кенгерли – один из ближайших соратников М.Э. Расулзаде.

Не ограничившись координацией действий различных эмигрантских организаций, М.Э. Расулзаде пытается создать единую коалицию нерусской, и в первую очередь кавказской, политэмиграции. И ему удалось совместно с грузинскими и северокавказскими политэмигрантами провести с 11 по 16 декабря 1952 года в Мюнхене Общекавказскую конференцию. В этом мероприятии азербайджанскую эмиграцию представлял Азербайджанский национальный центр (руководитель – М.Э. Расулзаде), грузинскую – Национально-политический центр (руководитель – Р. Габашвили), а северокавказскую – Национальный комитет (руководитель – А. Магома). Примечательно, что все эти организации руководствовались в своей деятельности основными положениями пакта о создании Конфедерации Кавказских Республик от 1934 года.

В этой связи неудивительно, что главным вопросом повестки дня конференции в Мюнхене было обсуждение и принятие программы совместных действий в борьбе за восстановление независимости республик Кавказа, оккупированных в 1920-1921 годах большевиками. Выступая с речью на конференции, М.Э. Расулзаде особое внимание обратил на то обстоятельство, что в данный момент Кавказской эмиграции приходится вести борьбу одновременно на двух фронтах – «против коммунистической доктрины большевиков и русского империализма в лице их эмигрантских организаций». Затронув принцип самоопределения, М.Э. Расулзаде ясно дал понять, что при реализации этого естественного права кавказские народы не собираются следовать указаниям А. Ке-

²⁸⁸ Kafkasya (München). 1951. № 4-5. S. 48.

²⁸⁹ А.г.е.

ренского и его окружения. Он напомнил господам керенским и их покровителям, что кавказские народы окончательно решили этот вопрос еще в 1918 году, высказавшись за государственную независимость, которая была признана мировыми державами. «И никому не дано право поставить под вопрос тогдашний выбор. Нельзя повернуть вспять колесо истории», – резюмировал М.Э. Расулзаде²⁹⁰.

В заключение конференции ее участники сформировали Комитет независимости Кавказа с полномочиями представлять национальные движения народов региона за рубежом. С целью усиления общего антибольшевистского фронта данному комитету также было поручено усилить сотрудничество с национальными эмигрантскими организациями народов Восточной Европы, Украины, Туркестана и др.²⁹¹

Президиум конференции в составе М.Э. Расулзаде, Р. Габашвили и А. Магомы принял также специальный документ, в котором была выражена позиция Комитета независимости Кавказа в отношении Координационного центра антибольшевистской борьбы, созданного по инициативе А. Керенского и С. Мельгунова. В документе осуждалась деятельность данного центра и подчеркивалась невозможность сотрудничества с ним, так как он отказывался безоговорочно признать независимость республик Кавказа²⁹².

Между тем протесты национальных эмигрантских организаций, а также осознание того очевидного факта, что на базе идеи «единой и неделимой России» невозможно консолидировать политэмиграцию из СССР в борьбе с советским режимом, привели к серьезным изменениям в позиции администрации США, в политике которой постепенно начал возобладать курс на поддержку нерусских организаций. И к середине 50-х годов полностью победила линия, предусматривавшая создание независимых национальных государств на развалинах СССР. В соответствии с этим курсом американское правительство и учреждения, ку-

²⁹⁰ Azerbaijan. 1991. № 282.

²⁹¹ Ibrahimli X. Azərbaycan siyasi mühacirəti. S. 210-211.

²⁹² A.g.e. S. 211.

рирующие эмигрантские организации, стали более активно поддерживать и финансировать структуры, выступавшие за восстановление независимых государств на Кавказе²⁹³.

Важным подспорьем в деятельности эмигрантских организаций стало создание Американским комитетом радио «Свобода», вещание которого на национальных языках СССР, в том числе и на азербайджанском языке, началось 1 марта 1953 года. По иронии судьбы через три дня после того, как в эфире прозвучал голос радио «Свобода», у Сталина случилось кровоизлияние в мозг, и вскоре он скончался. В своих передачах азербайджанская редакция радио «Свобода» ставила вопросы предоставления народу Азербайджана гражданских, политических, национальных и религиозных свобод, соблюдения принципов свободы слова и печати. Правда, в первые годы деятельности азербайджанской редакции радио «Свобода» ее возглавляли представители эмиграции, стоявшие в оппозиции к М.Э. Расулзаде. Тем не менее эфир радиостанции был открыт и для сторонников М.Э. Расулзаде.

Другим важным событием, оказавшим значительное влияние на деятельность эмиграции, стали серьезные перестановки в Институте по изучению истории и культуры СССР, основанном в Мюнхене 8 июля 1950 года. В начальный период его деятельности в нем полностью доминировали представители русской эмиграции, которые трактовали все процессы и события, происходящие в СССР и вокруг него, исходя из своих интересов. Это вызывало естественное недовольство нерусской политэмиграции из СССР, поскольку их национальные проблемы в лучшем случае оставались вне поля зрения сотрудников института.

Поэтому было принято решение о реорганизации института путем введения в его состав представителей нерусской политэмиграции из СССР. Процесс этот начался в 1954 году и полностью завершился спустя год. Подобная реорганизация позволила азербайджанским эмигрантам активно участвовать в деятельности

²⁹³ Пять лет Института по изучению истории и культуры СССР (1950-1955), Мюнхен, 1955. С. 3.

института. В частности, с 1954 года в институте работал, и даже занимал руководящие посты в нем, один из ближайших соратников М.Э. Расулзаде – М.Б. Мамедзаде.

Создание радиостанции «Свобода», а также реорганизация Института по изучению истории и культуры СССР расширили пропагандистские возможности азербайджанской политэмиграции. Это способствовало значительному оживлению ее деятельности. В частности, в 1953 году М.Э. Расулзаде осуществил реорганизацию Азербайджанского национального центра, внедрив в состав его руководящих органов представителей молодого поколения политэмиграции.

А за год до этого М.Э. Расулзаде удалось наладить издание печатного органа Азербайджанского культурного общества – журнала «Азербайджан», на страницах которого публиковались материалы по истории, литературе, культуре и искусству Азербайджана, а также работы, посвященные национально-освободительной борьбе азербайджанских тюрок. На обложке первого номера журнала, вышедшего в свет 1 апреля 1952 года, была напечатана карта Азербайджанской Демократической Республики, что было весьма символично. Ведь главной целью издателей и авторов журнала было восстановление независимого Азербайджанского государства 1918-1920 годов.

В начале 50-х годов наблюдалось значительное оживление и в деятельности партии «Мусават». С помощью своих местных организаций в Стамбуле и Анкаре партия проводила интенсивную работу среди второй волны азербайджанских эмигрантов, прибывших в Турцию уже после Второй мировой войны. С целью воспитания их в национальном духе партия «Мусават» в эти годы организовывала многочисленные конференции, семинары и другие мероприятия, приуроченные к знаменательным датам истории Азербайджана – провозглашению государственной независимости в 1918 году, признанию де-факто в 1920 году азербайджанской независимости мировыми державами и т.д.

В этот период партия «Мусават» плодотворно сотрудничает и с Американским комитетом. В 1953 году по приглашению этой организации М.Э. Расулзаде отправляется с визитом в США, где в

эфире радиостанции «Голос Америки» выступает с обращением к азербайджанскому народу в связи с 35-й годовщиной провозглашения независимости Азербайджана. В своем обращении, напомним о славных страницах азербайджанской истории, в частности о факте героического сопротивления Джавад хана царским войскам при обороне Гянджи в 1804 году, М.Э. Расулзаде призывает своих соотечественников не отчаиваться, поскольку «рано или поздно правда восторжествует и победа будет за силами, которые опираются на идеалы свободы, принципы ООН и права человека».

М.Э. Расулзаде ни на минуту не сомневался в том, что, несмотря на все усилия «оккупационной советской власти разложить национальный дух азербайджанских тюрков, в очередном этапе истории, наступление которого не за горами», Азербайджан вновь обретет независимость. Как он убеждал своих слушателей, «солнце победы взойдет и в нашей прекрасной Родине, ныне изнывающей под игом красного деспотизма, и вновь утвердятся идеалы 28 мая 1918 года. В этом нисколько не сомневайтесь, граждане!»

Осенью 1954 года прибывший с визитом в Турцию новый руководитель Американского комитета профессор Кунехолм, встретившись с лидером «Мусавата» М.Э. Расулзаде, заявил о поддержке партии в ее трудной борьбе за восстановление государственной независимости Азербайджана. Кунехолм также подчеркнул готовность возглавляемой им организации на расширение и углубление сотрудничества с партией «Мусават» в борьбе против общего врага – тоталитарного режима в СССР²⁹⁴.

Несмотря на эти позитивные изменения, благоприятствующие деятельности азербайджанской эмиграции, М.Э. Расулзаде никогда не довольствовался достигнутым. В этом отношении ему всегда были чужды шапкозакидательские настроения. Поэтому он не разделял чрезмерный оптимизм немалой части эмиграции, которая, поддаваясь эмоциям, восприняла смерть Сталина в марте 1953 года как предзнаменование скорейшего краха советской империи. М.Э. Расулзаде прекрасно понимал, что смерть «величайшего диктатора всех

²⁹⁴ Müsavat partiyası sorğu kitabı. Bakı, 1994. S. 30.

времен и народов» не приведет к автоматическому краху советской системы, поскольку она была еще в расцвете своих сил. В этом отношении смерть Сталина еще не означала развал созданной им системы и не могла оказывать решающего влияния на исход жестокой битвы, которую в тяжелейших условиях вела азербайджанская политэмиграция. Исходя из этого, М.Э. Расулзаде предостерегал своих товарищей от неоправданного оптимизма, призывая их готовиться к длительной и изнурительной борьбе во имя торжества азербайджанского идеала.

Однако, осознавая все трудности на этом пути, М.Э. Расулзаде вместе с тем нисколько не сомневался в окончательной победе азербайджанского идеала. В подобном же духе он стремился воспитывать молодое поколение азербайджанских эмигрантов. А это было отнюдь не простым делом, поскольку в поствоенный период советский режим находился в зените своей славы. И даже самые влиятельные государства мира вынуждены были считаться с этим фактом, что нередко приводило к унынию и безысходности среди определенной части азербайджанской политэмиграции. Поэтому первоочередной задачей, стоявшей перед М.Э. Расулзаде, было сохранение среди политэмигрантов веры и надежды на неизбежность торжества азербайджанского идеала.

И в целом М.Э. Расулзаде и его соратникам удалось справиться с этой задачей. Свидетельством тому является письмо, направленное из далекой Аргентины в адрес М.Э. Расулзаде азербайджанскими эмигрантами, бывшими легионерами Вели Ядигаром и Мусой Юсифзаде. Авторы письма, датированного 1954 годом, поздравляя М.Э. Расулзаде с 70-летним юбилеем, одновременно выражали твердую убежденность «в скорейшем освобождении Азербайджана и всего Кавказа от ига империалистической России». Письмо заканчивалось следующими словами: «Мы обещаем Вам, что до последней капли крови будем верны борьбе за свободу и независимость нашей Родины – Азербайджана и всего Кавказа, которую Вы ведете, уважаемый Эмин бей!»²⁹⁵

²⁹⁵ *Yaqublu N. Məmməd Əmin Rəsulzadə. S. 246-247.*

Между тем трудности и лишения эмигрантской жизни не могли пройти бесследно для здоровья М.Э. Расулзаде. В течение последних 30 лет своей жизни он страдал диабетом. Болезнь все чаще давала о себе знать и в конце января 1955 года, после очередного кризиса, его пришлось поместить в клинику университета Анкары. Однако усилия врачей оказались тщетными, вечером 6 марта 1955 года в 22.45 навсегда остановилось сердце М.Э. Расулзаде – одного из самых величайших личностей не только современной азербайджанской, но и всей многовековой истории тюркского мира. С его смертью завершилась целая эпоха в истории азербайджанских тюрков, вершиной которой, несомненно, является 28 мая 1918 года. Эту дату с полным основанием можно считать днем рождения современной государственности Азербайджана.

Ровно через сутки, 7 марта 1955 года в 22.45, весть о кончине М.Э. Расулзаде радио Анкары распространило на весь мир. В тот же день состоялись похороны М.Э. Расулзаде, в которых участвовали многочисленные представители политэмигрантов не только из СССР, но и из стран Восточной Европы. В траурных мероприятиях, в частности, принимали участие основатель башкирской национальной государственности Зеки Валиди Тоган, выдающиеся татарские деятели Садри Максуди и Абдулла Таймас, лидеры северокавказской и туркестанской эмиграции Саид Шамиль и Тахир Джыгатай, представители польских и грузинских политических кругов в изгнании и т.д.²⁹⁶ М.Э. Расулзаде был похоронен на кладбище Асри в Анкаре.

В те дни в турецких и иранских газетах были опубликованы десятки некрологов по поводу кончины М.Э. Расулзаде, в которых его заслуженно называли «знаменем национально-освободительной борьбы Азербайджана». На смерть своего старого друга отреагировал и бывший председатель иранского парламента С.Г. Тагизаде, который на страницах тегеранского журнала «Сухен» писал: «Без преувеличения можно сказать, что Расулзаде был незаурядной личностью, равной которому за свою жизнь я не

²⁹⁶ *Əlizadə M.* M.Ə. Rəsulzadənin vəfatı, dəfni və hüzn günləri // Qurtuluş. 1992. № 1. S.38.

встретил на Востоке. Мамед Эмин бей был предельно самоотверженным и отчаянным, кристально чистым и правдивым, поистине образцовым человеком в полном смысле этого слова, обладавшим сильной и здоровой логикой и до конца оставшимся преданным своей борьбе и идеалам. Таковых невозможно встретить в наше время, тем более в наших краях...»²⁹⁷

В связи с кончиной М.Э. Расулзаде в Турцию поступали многочисленные телеграммы-соболезнования с различных концов света от людей разных национальностей и вероисповедания, политических и идеологических взглядов. Хранил полное молчание только его родной Азербайджан, борьбе за свободу и независимость которого он посвятил всю свою сознательную жизнь. Как справедливо отмечал А. Таймас, выступая на похоронах М.Э. Расулзаде, «ради этой борьбы он пожертвовал всем – своей семьей, спокойствием, здоровьем и, наконец, жизнью. Он был из той когорты борцов за свободу, заменить которых практически не представляется возможным»²⁹⁸. «Благодарностью» же за все эти жертвы стало полное безмолвие. Но, видимо, такова судьба всех без исключения немногих представителей азербайджанских тюрок, которые посвятили свою жизнь борьбе за счастье и благополучие собственного народа. Это исторический факт, который нельзя ни отрицать, ни исправить задним числом, ни тем более списать на особенности того времени, как это сейчас пытаются делать некоторые.

Тем не менее, если когда-нибудь азербайджанские тюрки как нация предстанут перед судом Всевышнего за беспечность, безразличие, беспринципность, корыстолюбие и чрезмерный конформизм, то, думается, что для их оправдания будет достаточно имени Мамед Эмина Расулзаде, который своей жизнью и деятельностью искупил все перечисленные и не перечисленные грехи родного народа.

²⁹⁷ Sühən (Tehran). 1955. № 4. S. 3.

²⁹⁸ Məhəmməd Əmin Rəsulzadə. Ankara – 1955. Bakı, 2013. S. 94.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*В тот день, когда умру, вы не заламывайте руки,
Не плачьте, не твердите о разлуке!
То не разлуки, а свиданья день.
Светило закатилось, но взойдет.
Зерно упало в землю – прорастет!*
Джалаледдин Руми

В стихотворении «Закат солнца», написанном в связи со смертью М.Э. Расулзаде азербайджанским эмигрантским поэтом Керимом Яйджылы в холодные зимние дни 1955 года, имеются следующие строки:

Храни в груди, Анкара, отчизны украшение мое,
Придет день, и она попросит обратно достояние свое.

С сожалением приходится констатировать, что этот день до сих пор не наступил, и вообще, неизвестно, наступит ли он когда-нибудь. Самое грустное в этой истории заключается в том, что на территории Азербайджанской Республики, которая по праву считается преемником независимого Азербайджанского государства 1918-1920 годов, нет могилы ни одного (!) из основателей и руководителей АДР. Прах М.Э. Расулзаде, А.М. Топчибаши, Ф. Хойского, Н. Усуббекова, Г. Агаева и других незаурядных представителей политической элиты Азербайджана начала XX столетия, сделавших все возможное и даже больше возможного для воплощения в жизнь идеалов свободы и независимости Азербайджана, в лучшем случае покоится далеко за пределами их родины. А могилы многих из них вообще отсутствуют, поскольку они погибли от рук большевистских палачей в казематах ЧК.

Трудно сказать, чего больше в этом факте – иронии судьбы или ее заслуженного возмездия, обусловленного равнодушным

отношением азербайджанского народа к собственной истории. Как бы то ни было, судьба лидеров АДР заставляет вспоминать крылатое латинское изречение – *Ingrata patria, ne ossa quidem mea habebis* (Неблагодарная отчизна, ты не получишь даже моих костей), которое обязано своим возникновением римскому полководцу Публию Корнелию Сципиону. Сыграв ключевую роль в победе Рима над Карфагеном во II Пунической войне, Сципион затем был безосновательно обвинен в сговоре с врагами со стороны своих недоброжелателей, желавших подорвать его возрастающую популярность. Не вытерпев подобной несправедливости, гордый Сципион решил уединиться в своей усадьбе в Литерне, где вскоре и умер. По преданию, «не желая себе похорон в неблагодарном отечестве», он велел там же похоронить его. Спустя более чем два тысячелетия примерно подобная же участь постигла всех без исключения руководителей АДР.

Слабым «утешением» для нас на сегодняшний день может быть лишь только то, что подобная судьба была уготована не только М.Э. Расулзаде и другим руководителям АДР, но и всем без исключения тем немногим представителям азербайджанских тюрок, посвятивших свою жизнь борьбе за счастье и благополучие собственного народа – от Мирзы Джалила до Мухаммеда Хади, и от Али бека Гусейнзаде до Ахмед бека Агаоглу. Иначе не пришлось бы Мирзе Джалилу на исходе дней сжигать в печи собственные рукописи, чтобы отапливать свое жилище. А «Хопхопнамэ» Мирзы Алекбера Сабира не увидела бы свет лишь после смерти поэта, и то благодаря жертвованиям армянских благотворителей.

Впрочем, не хотелось бы работу о такой светлой личности, как М.Э. Расулзаде, завершать на столь минорной ноте. Ведь, несмотря на все превратности судьбы, главная цель жизни М.Э. Расулзаде и его соратников, ради которой они страдали и боролись, познавая в этой беспощадной битве и радость побед, и горечь поражений, все же осуществилась. Подтверждением тому является независимая Азербайджанская Республика на современной политической карте мира. И вряд ли даже самому выдаю-

щемуся скульптору удастся когда-нибудь и где-нибудь воздвигнуть более грандиозный памятник лидерам АДР, чем независимое Азербайджанское государство и его трехцветное знамя, поднятое в свое время создателем современной национальной государственности азербайджанских тюрков – МАМЕД ЭМИНОМ РАСУЛЗАДЕ.

SUMMARY

The book entitled “Mamed Emin Rasulzadeh (1884-1955). A Political Portrait” by Doctor of History Aydin Balayev is devoted to one of the most prominent figures in the 20th century political history of Azerbaijan, the founder of the ideology of Azerbaijanism that served as the theoretical basis for the establishment of contemporary Azerbaijani statehood in May 1918. On the basis of historical documents found in archives in different countries – the overwhelming majority of these documents are put into academic circulation for the first time – this study rethinks the role of Mamed Emin Rasulzadeh from his initial steps on the political stage to his time as an émigré when he continued his uncompromising struggle for the restoration of Azerbaijan’s independence in the tough conditions of a strange land.

The basis of the self-affirmation of the vast majority of Azerbaijani Turks in the early 20th century was an Islamic world outlook, so the growing interest of individual members of the intelligentsia in their own history and language remained, on the whole, subordinate to this universal culture.

In describing the sociopolitical situation in Azerbaijan at the beginning of the 20th century, Rasulzadeh accentuated the circumstance that “the national movement in this period aimed not at the liberation or independence of Azerbaijani Turks as a specific ethnic community, but solely at the establishment of ties and solidarity among various Moslem nations and states.” In this regard, even the concept “nation” had no strict meaning and was used as a synonym for “Ummah” (the community of world Moslems, regardless of countries, borders, nationalities, etc).

This could not help troubling Rasulzadeh as a true patriot, who constantly sought the most appropriate ideology, from the point of view

of national interests, capable of serving as a lodestar – of showing Azerbaijanis the direction of national liberation and progress. The search for ways of national liberation developed into a political and ideological search, encouraging the further evolution of Rasулzadeh’s world outlook toward the concepts of Azerbaijanism.

Without doubt, a key role in this process was played by his acquaintance with the concepts of Turkism, which were widespread in Azerbaijan either following the revolutionary events of 1905-1907 or as part of the general global tendency towards nationalist ideology.

Frankly speaking, Turanism, as an ethnic concept that drew a clear distinction between Turkic and other Moslem nations, at the same time denied the qualitative nature of ethnic distinctions among separate Turkic nations, viewing them as a single ethnic community. Only the spread of modernization in the second decade of the 20th century led to the appearance of the concept of Azerbaijanism, oriented towards Azerbaijani national identity. Mamed Emin Rasулzadeh played a key role in the development of this concept.

A creative approach to any ideological construction was always typical of Rasулzadeh. He never regarded ideology as dogma or an object of blind imitation. Thus, it is not surprising that it is Rasулzadeh who gets the historical credit for the creative processing of the concepts of political Turkism in the context of the national-liberation struggle of Azerbaijani Turks.

Unlike representatives of the first generation of Azerbaijani Turkists, particularly, Ali Huseyn-zadeh and Ahmad Agaoglu, who idealized the role of the Ottoman Empire in the Turkic world, Rasулzadeh had a rather critical attitude to the opportunities and potential of this country. After having closely familiarized himself with the concepts of Turanism and having made a detailed analysis of the internal and external position of the Ottoman Empire, he became an apologist of not Turkey or Turanism but Turkism that “targets solely real, specific national aims”.

Rasулzadeh’s creative approach to the ideology of Turanism was that he viewed “Turkish unity” not as the unity of all Turkic nations in a single state but as their equal union in the struggle for the common

goals of national liberation. It was this approach that led him to develop, on the basis of Turkism, the new, original concept of Azerbaijanism that became the theoretical basis of the specific national identity of Azerbaijani Turks, their national statehood.

In his works written prior to and during World War I, Rasulzadeh pioneered and theoretically substantiated the concept of the distinctiveness of the Azerbaijani nation. From the political-ideological point of view, Rasulzadeh's innovation is that, proceeding from Turkism, he developed a conceptual system of Azerbaijanism, a draft for Azerbaijani national statehood.

In this respect, the difference between the Turkism advocated by Huseyn-zadeh and the Azerbaijanism advocated by Rasulzadeh was roughly similar to the difference in the understanding of the national movement between two prominent Czech public figures – Frantisek Palacky and Karel Havlicek. The former hoped for the establishment of a great Slavic empire under Russia's rule and thought that liberation of the Czechs would occur solely due to Russia's assistance. In turn, Karel Havlicek, who remained devoted to Slavism, at the same time proceeded from the view that “the Czechs will be liberated by their own strength”.

In this respect, Rasulzadeh urged his compatriots not to sit idly by, waiting for Turkey's assistance to save them from Russia's colonial yoke, but to begin independent actions. He was convinced that pan-Turkic unity was based only upon the reality of separate Turkic nations. According to his political philosophy, every nation should have its own statehood.

An important stage on the path of creating the theoretical bases of Azerbaijanism was a series of articles by Rasulzadeh under the common title of “National Being”, published in the journal “Dirilik” in 1914. The “National Being” series was, as a matter of fact, the very first attempt in Azerbaijan to systematize the notions of the nation in conformity with modern science. The significance of this work by Rasulzadeh is that when it was published Azerbaijani Turks did not even have a generally recognized ethnos or language.

It should be kept in mind that Rasулzadeh was not only a theorist but also a practitioner, who contributed substantially to the formation of the Azerbaijani nation-state. His further political work was devoted to the struggle to implement the concept of Azerbaijani statehood and, as a result, the state independence of Azerbaijan was proclaimed in May 1918.

This book concentrates on Rasулzadeh's activity in 1917-1920. In those years, as the recognized leader of the liberation struggle of Azerbaijani Turks, he not only determined the strategy of the national movement but also directly headed the process of the birth and establishment of the Azerbaijan Democratic Republic (ADR), the first ever republic in the whole Moslem East.

As fate willed, the ADR leaders were given too little time – only 23 months – to make their plans and thoughts reality. Nevertheless, the ADR, as the first national state of Azerbaijani Turks in history, created new regional realities that our enemies had to take into consideration. Even the Bolsheviks, who seized power in April 1920 and for whom “in 1918 the mere mention of Azerbaijan's independence was equivalent to damnation”, were forced to respect the realities established during the 23 months of independence. In the first place, they had to be reconciled with the fact that Azerbaijan had become reality on the political map of the world. Thus, the Bolsheviks were forced to give up their plans to dismember Azerbaijani lands among the neighboring republics (Georgia, Armenia, and the Russian Federation) and agree with the preservation, though in nominal form, of the national statehood of Azerbaijani Turks as part of the Soviet Empire. It was this circumstance that made it possible to restore an independent Azerbaijan Republic 70 years later, in the early 1990s.

It is to the historical credit of Rasулzadeh and other ADR leaders that they made the first attempt in the whole Moslem East to implement a European model of national statehood. European nations went through this stage of historical development in the 19th century, while it fell to Azerbaijani leaders to pioneer this process in the East.

In this context, the Rasулzadeh-led founders of the Azerbaijan Democratic Republic were several years ahead of the founder of mod-

ern Turkey – Kemal Ataturk. The concepts of national statehood that Ataturk proceeded from in establishing the Turkish Republic in the mid-1920s had been implemented in Azerbaijan in 1918-1920. In contrast to Ataturk, who gave preference to authoritarian methods in building national statehood, Azerbaijani leaders proceeded solely from democratic values. In this respect, Rasulzadeh and his fellows can be considered, to a certain extent, even the teachers of the great Ataturk.

This book details the wide range of Rasulzadeh's work in exile. The emphasis is laid on the problem of Rasulzadeh's tricky relations with different representatives of the Azerbaijani and Caucasian émigré communities as well as on his constant struggle for the unity of the enslaved nations of the Soviet Empire to counteract the Bolshevik regime.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДР – Азербайджанская Демократическая Республика

АКО – Азербайджанское культурное общество

АНЦ – Азербайджанский национальный центр

Вермахт – вооруженные силы Третьего Рейха

ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВМС – Всероссийский мусульманский совет

ГА АР – Государственный архив Азербайджанской Республики

ГАППОД УДПАР – Государственный архив политических партий
и общественных движений Управления де-
лами президента Азербайджанской Респу-
блики

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГУГБ НКВД – Главное управление государственной безопасности
Народного комиссариата внутренних дел

Загранбюро – Заграничное бюро партии «Мусават»

Закрайком – Закавказский краевой комитет ВКП (б)

ИНО ОГПУ – Иностраный отдел Объединенного
государственного политического управления

КНК – Комитет независимости Кавказа

Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей

НС – Национальный совет Азербайджана

НТС – Народно-Трудовой Союз

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

На азербайджанском языке

- Azərbaycan Demokratik Respublikası: Azərbaycan hökuməti (1918-1920). Bakı, 1990.
- Azərbaycan Demokratik Respublikası. Tarix, ictimai-siyasi və ədəbi-mədəni həyat. Bakı, 1992.
- Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası. I cild. Bakı, 2004.
- Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası. II cild. Bakı, 2005.
- Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920). Parlament (Stenoqrafik hesabatlar). I cild. Bakı, 1998.
- Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920). Parlament (Stenoqrafik hesabatlar). II cild. Bakı, 1998.
- Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti və Qafqaz İslam Ordusu. Bakı, 2008.
- Azərbaycan Paris sülh konfransında (1919-1920). Bakı, 2008.
- Cəfərov N. Milli ictimai fikir tariximizdən (1914-fevral, 1917). Bakı, 1993.
- Çəmənəminli Y.V. Xarici siyasətimiz. Bakı, 1993.
- Əhməd bəy Ağaoğlu. Seçilmiş əsərləri. Bakı, 2007.
- Əlizadə M. M.Ə. Rəsulzadənin vəfatı, dəfni və hüzn günləri // Qurtuluş. 1992. № 1.
- Hacıyev A. Qars və Araz-Türk Respublikalarının tarixindən. Bakı, 1994.
- Haşımova A. XX əsrin birinci yarısında Azərbaycan mühacirəti. Bakı, 1992.
- Həsənli C. Sovet dövründə Azərbaycanın xarici siyasəti (1920-1939). Bakı, 2012.
- Həsənov C. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sistemində (1918-1920-ci illər). Bakı, 1993.

- Hüseynzadə Ə. Azərbaycanca düşüncülərim // Hüseynov Ş. Milli haqq və ədalət axtarışında. Bakı, 2004.
- Hüseynzadə Ə. Türklər kimdir və kimlərdən ibarətdir. Bakı, 1997.
- İbrahimli X. Azərbaycan siyasi mühacirəti (1920-1991). Bakı, 1996.
- İsgəndərov A. Azərbaycanda türk-müsəlman soyqırımı problemlərinin tarixşünaslığı (1918-1920). Bakı, 2006.
- Göyüşov A. Azərbaycanda ittihadçılıq. Bakı, 1997.
- Göyüşov A. 1917-1920-ci illərdə Şimali Qafqaz dağlılarının azadlıq uğrunda mübarizəsi. Bakı, 2000.
- Köçərli T. Qarabağ. Bakı, 2002.
- Qafarov V. Türkiyə-Rusiya münasibətlərində Azərbaycan məsələsi (1917-1922). Bakı, 2011.
- Quliyev V. Ağaoğlular. Bakı, 1997.
- Quliyev V. Son illərin yazıları. Bakı, 2009.
- Qurbanov Ş. Cəmaləddin Əfqani və türk dünyası. Bakı, 1996.
- Mehdizadə M.Y. Qafqazın problemləri. Bakı, 1996.
- Məhəmməd Əmin Rəsulzadə. Ankara – 1955. Bakı, 2013.
- Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkəti. Bakı, 1992.
- Mir Möhsün Nəvvab. 1905-1906-cı illər erməni– müsəlman davası. Bakı, 1993.
- Musayev İ. Azərbaycanın Naxçıvan və Zəngəzur bölgələrində siyasi vəziyyət və xarici dövlətlərin siyasəti (1917-1920-ci illər). Bakı, 1996.
- Musayev İ. Şimali Azərbaycanda ictimai-siyasi vəziyyət (1917-1920). Bakı, 1992.
- Mustafayev Q. XX əsrin əvvəllərində Azərbaycanda islam ideologiyası və onun tənqidi. Bakı, 1973.
- Nərimanov N. Ucqarlarda inqilabımızın tarixinə dair (I.V. Stalinə məktub). Bakı, 1992.
- Nəsimzadə N. Azərbaycanın xarici siyasəti. Bakı, 1996.
- Oruclu M. Azərbaycanda və mühacirətdə Müsavat partiyasının fəaliyyəti (1911-1992). Bakı, 2001.
- Paşayev A. Açılmamış səhifələrin izi ilə. Bakı, 2001.
- Rasim M. Türkcülüynün babası (Əli bəy Hüseynzadənin fikir dünyası). Bakı, 2000.
- Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. Bakı, 1990.

- Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan davası. Bakı, 1998.
- Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycanın təşəkkülündə “Müsavət”. Bakı, 1920.
- Rəsulzadə M.Ə. Bolşeviklərin Şərqi siyasəti. Bakı, 1994.
- Rəsulzadə Məhəmməd Əmin. Əsərləri. I cild. 1903-1909. / Toplayanı, tərtib və transliterasiya edəni Ş. Hüseynov. Bakı, 1992.
- Rəsulzadə Məhəmməd Əmin. Əsərləri. II cild. 1909-1914. / Toplayanı, ərəb əlifbasından latın əlifbasına çevirəni, ön sözün müəllifi Ş. Hüseynov. Bakı, 2001.
- Rəsulzadə Məhəmməd Əmin. Əsərləri. III cild. 1915-1916. / Toplayanı, ərəb əlifbasından latın əlifbasına çevirəni, ön sözün müəllifi Ş. Hüseynov. Bakı, 2012.
- Rəsulzadə Məhəmməd Əmin. Əsərləri. IV cild. 1917 – aprel 1918. / Toplayanı, ərəb əlifbasından latın əlifbasına çevirəni, ön sözün müəllifi Ş. Hüseynov. Bakı, 2013.
- Rəsulzadə M.Ə. Əsrimizin Səyavuşu. Çağdaş Azərbaycan ədəbiyyatı. Çağdaş Azərbaycan tarixi. Bakı, 1991.
- Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.
- Rəsulzadə M.Ə. Qafqaz türkləri. Bakı, 2012.
- Rəsulzadə M.Ə. Milli birlik. Bakı, 2009.
- Rəsulzadə M.Ə. Mühafizəkar və ya sosialist-mühafizəkar partiyaların tənqidi. Bakı, 1997.
- Rəsulzadə M.Ə. Stalinlə ixtilal xatirələri. Bakı, 1991.
- Seyidzadə D. Azərbaycan XX əsrin əvvəllərində: müstəqilliyə gedən yollar. Bakı, 2004.
- Şeyxzamanlı N. Azərbaycan istiqlal mücadiləsi xatirələri. Bakı, 1997.
- Turan A. Əli bəy Hüseynzadə. M., 2008.
- Süleymanov M. Qafqaz İslam Ordusu və Azərbaycan. Bakı, 1999.
- Vəkilov R. Azərbaycan Respublikasının yaranma tarixi. Bakı, 1998.
- Yaqublu N. Məmməd Əmin Rəsulzadə. Bakı, 1991.
- Yaqublu N. Müsavat partiyasının tarixi. Bakı, 1997.
- Yaqublu N. Azərbaycan-Polşa əlaqələrində M.Ə. Rəsulzadənin rolu. Bakı, 2007.
- Yaqublu N. M.Ə. Rəsulzadə Ensiklopediyası. Bakı, 2013.
- Ziyadxanov A. Azərbaycan. Bakı, 1993.

На турецком языке

- Akçura Y. Türkçülüğün tarihi. İstanbul, 2008.
- Akçura Y. Üç tarz-ı siyaset. Ankara, 2011.
- Akin R. Osmanlı imparatorluğu'nun dağılma devri ve Türkçülük hareketi (1908-1918). İstanbul, 2002.
- Akpınar Y. Mehmet Emin Resulzade'nin Arşivi ve Elyazma Eserleri // Akademik Araştırmalar Dergisi. 1999. № 1 (Mayıs).
- Aküzüm F. Mehmet Emin Resulzade'ye göre Çeşitli Cepheleriyle Azerbaycan İstiklal Mücadelesi. Ankara, 1977.
- Aküzüm F. Azerbaycan İstiklalinin Tarihi Gelişimi ve Resulzade // Azerbaycan. 1984. № 248.
- Bammat H. Yine Kafkas Hududları Meselesi // Kafkasya: Kafkasya Hakkında Yazılar Dergisi – II. İstanbul, 1938.
- Baykara H. Azerbaycan istiklal mücadelesi tarihi. İstanbul, 1975.
- Baykara H. Azerbaycan'da Yenileşme Hareketleri (XIX Yüzyıl). Ankara, 1966.
- Birgen M. Türk ordusunun Azerbaycana yardımı // Yakın tarihimiz, 2. 1962. no. 5.
- Birgen M. Bizimkiler ve Azerbaycan // Yakın tarihimiz, 2. 1962. no. 18.
- Bozkurt G.S. 1905-1907 Yılları Rusya Müslümanlarının Siyasi Kimlik Arayışı. İstanbul, 2008.
- Brenda Shaffer. Sınırlar ve kardeşler. İran ve Azerbaycanlı Kimliği. İstanbul, 2008.
- Budak M. Nuri Paşa'nın Kafkas İslam Ordusu Hakkındaki Raporu // Kafkas Araştırmaları. 1998. № 4.
- Cabbar Ertürk. Kızılordudan Kafkaz Milli Lejionuna. Bir türkün İkinci Dünya Harbi Hatıraları. İstanbul, 2005.
- Caferoğlu A. Azerbaycan. İstanbul, 1940.
- Caferoğlu A. Kafkasya Türkleri. Ankara, 1976.
- Devlet N. Rusya Türklerinin Milli Mücadele Tarihi (1905-1917). Ankara, 1985.
- Dr. Rıza Nur'un Moskova-Sakarya Hatıraları. İstanbul, 1993.
- Erdaş Nilgün (Akgül). Milli Mücadele Döneminde Kafkaz Cumhuriyetleri ile ilişkiler (1917-1921). Ankara, 1994.

- Feyzi A. M.E. Resulzade ve mühtelif cebhelerde Azerbaycan davası // Azerbaycan. 1991. № 282.
- Gellner E. Milliyetçiliğe Bakmak. Istanbul, 2009.
- Georgeon F. Türk Milliyetçiliğinin Kökenkeri. Yusuf Akçura (1876-1935). Istanbul, 2005.
- Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları. Istanbul, 2008.
- Hacaloğlu Y. Resulzade'den Tanrıöver'e mektuplar // Türk dünyası araştırmaları. 1997. № 109.
- Halil Paşa. Bitmeyen savaş. Ittihad ve Terakki'den Cumhuriyete. Istanbul, 2007.
- Holly Shissler A. İki İmparatorluk Arasında: A. Ağaoğlu ve Yeni Türkiye. Istanbul, 2005.
- Ilgar İhsan. Rusya'da Birinci Müslüman Kongresi Tutanakları. Ankara, 1990.
- İmanov V. Ali Merdan Topçubaşı (1865-1934). Lider bir aydın ve bağımsız Azerbaycan Cumhuriyetinin temsili. Istanbul, 2003.
- İmanov V. Azerbaycan-Osmanlı ilişkileri (1918). Istanbul, 2006.
- Jäschke G. 28 Mayısın Manası // Kurtuluş. 1938. № 43 (Mayıs).
- Karabekir K. İstiklal Harbimiz. Istanbul, 2008.
- Karaca A. Azerbaycanın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış. Ankara, 1982.
- Karaca A. Azerbaycan Milli hareketinin İdeolojik Karakteri // Milli Eğitim ve Kültür. 1980. № 2.
- Kengerli M.A. Dudanginski'nin «Hesabına» Dair//Kafkasya. 1952. № 9.
- Keykurun N. Türk Adem-i Merkeziyet Fırkası'nın Faaliyeti ve Müsavat Partisiyle Birleşmesi // Müsavat Bülteni. 1962. № 4.
- Kurat A.N. Türkiye ve Rusya. Ankara, 1990.
- Kurtulan E. Türk ordusunun Azerbaycanda kalması meselesi // Azerbaycan. 1963. № 4-6.
- M.E. Resulzade'nin Meclis-i Mebusan Konuşmaları (1918-1920). Istanbul, 2003.
- Mercanlıgil M.D. Mehmet Emin Resulzade // Türk Kütüphaneciler Derneği Bülteni. 1955. Cilt: III. № 1-2.
- Milli Azerbaycan «Müsavat» Halk Fırkasının Yeni Program Esasları. Varşava, 1936.
- Oder K. Azerbaycan. Istanbul, 1982.

- Özcan O. Mehmet Emin Resulzade'nin Bilinmeyen Yazıları // Türk Yurdu. 2010. № 276.
- Patrik von Zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. İkinci Dünya Harbi'nde Sovyet Doğu Halkları. Ankara, 1984.
- Qasımlı M. Azerbaycan türklerinin milli mücadele tarihi. 1920-1945. İstanbul, 2006.
- Resulzade M.E. Ali Merdan Beyin Mezarı Başında // Türk birliği. 1969. № 37-38.
- Resulzade M.E. Asrımızın Siyavuşu. İstanbul, 1923.
- Resulzade M.E. Azerbaycan Cumhuriyeti: Keyfiyeti-Teşekkülü ve şimdiki Vaziyeti. İstanbul, 1923.
- Resulzade M.E. Azerbaycan Kültür Gelenekleri. Ankara, 1949.
- Resulzade M.E. Azerbaycan şairi Nizami. Ankara, 1951.
- Resulzade M.E. Azerbaycan'da Rus koloni siyaseti // Türk Birliği. 1967. № 21.
- Resulzade M.E. Çağdaş Azerbaycan Edebiyatı. Ankara, 1950.
- Resulzade M.E. Çağdaş Azerbaycan Tarihi. Ankara, 1951.
- Resulzade M.E. Hatıralar ve Kafkasya. İstanbul, 2011.
- Resulzade M.E. İhtilalçi Sosyalizmin İflası ve Demokrasinin Geleceyi. İstanbul, 1928.
- Resulzade M.E. İran türkleri. İstanbul, 1993.
- Resulzade M.E. İstiklal mefküresi ve gençlik. İstanbul, 1924.
- Resulzade, M. Kafkasya Meselesi: Kafkasya Birliği Fikri Muhacerette // Kafkasya. 1952. № 11-12.
- Resulzade M.E. Kurtulan Şark'ın sembolü // Azerbaycan. 1953. № 8-9.
- Resulzade M.E. Millet mefhumu ve istiklal // Yeni Kafkasya. 1927. № 17 (28 Mayıs).
- Rasulzade M.E. Milli Azerbaycan hareketinin karakteri // Azerbaycan Yurd Bilgisi. 1934. № 29.
- Resulzade M.E. Milli Tesanüd. Ankara, 1978.
- Resulzade M.E. Milliyet mebdainin Avrupa'da galebesi // Yeni Kafkasya. 1927. № 13 (1 Nisan).
- Resulzade M.E. Milliyet meselesinde bolşevik nazariyatı ile ameliyatı // Milliyet ve Bolşevizm (Makaleler Mecmuası). İstanbul, 1928.

- Resulzade M.E. Rusiya'da siyasi Vaziyet. Istanbul, 2005.
- Resulzade M.E. Şefibeycilik. Varşava, 1934.
- Resulzade M.E. Vahdet-i Cinsiye Felsefesi. Şeyh Cemaleddin Efgani'den tercüme // Türk Yurdu. 1912. C. 3. № 2; C. 3. № 3.
- Rüstembeyli Ş. M.E. Resulzadenin feci sukutu. Istanbul, 1935.
- Rüstembeyli Ş. Yıkılan putlar. Istanbul, 1934.
- Suny R.G. Baku komünü. Rus devriminde sınıf ve ulusallık. Istanbul, 1990.
- Sünbül T. Azerbaycan Dosyası. Ankara, 1990.
- Swietochowski T. Müslüman Cemaatten Ulusal Kimliğe. Rus Azerbaycanı. 1905-1920. Ankara, 1988.
- Şahin E. Trabzon ve Batum Konferansları ve Antlaşmaları (1917-1918). Ankara, 2002.
- Şeyhzamanlı N. Biz ve Onlar. Istanbul, 1934.
- Şimşir S. Azerbaycanın istiklal mücadelesi. Istanbul, 2006.
- Şimşir S. Azerbaycanlıların Türkiye'de Siyasi ve Kültürel Faaliyetleri (1920-1991). Ankara, 2001.
- Şimşir S. Mehmet Emin Resulzade'nin Türkiye'deki hayatı, faaliyetleri ve düşünceleri. Ankara, 1995.
- Taymas A. Mehmet Emin Resulzade // Toprak. 1955. № 6.
- Ünal C. Türk ve İslam Aleminde Azerbaycan'ın Yeri. Ankara, 1987.
- Ünivar V. İstiklal harbinde Bolşeviklerle sekkiz ay. 1920-1921. Istanbul, 1948.
- Veliyev A. Azerbaycan siyasi düşünce tarihi ve Mirza Bala Mehmetzade. 1898-1959. Istanbul, 2006.
- Veliyev A. Azerbaycan'da yenileşme ve milliyetçilik hareketi. Istanbul, 2005.
- Yurtsever A.V. Gizli Müsavat Teşkilatının Karakteristik Vasıfları // Azerbaycan. 1991. № 282.
- Yüceer N. Birinci Dünya Savaşı'nda Osmanlı Ordusu'nun Azerbaycan ve Dağıstan Harekatı. Azerbaycan ve Dağıstan'ın Bağımsızlığını Kazanması (1918). Ankara, 2002.
- Yüksel I. Azerbaycan'da Fikir Hayatı ve Basın. Istanbul, 1990.

На русском языке

- Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. М., 2006.
- Абуталыбов Р. Мамед Эмин Расулзаде и Кавказская Конфедерация. М., 2011.
- Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. М., 2007.
- Авалишвили З. Еще о «сумерках богов» на Ближнем Востоке // Кавказ. 1936. №1 (25).
- Авалов З. Независимость Грузии в международной политике. 1918-1921. Париж, 1924.
- Адрес-календарь Азербайджанской Республики / Под ред. А.И. Ставровского. Баку, 1920.
- Азербайджан и Россия: общества и государства / Отв. ред. и сост. Д.Е. Фурман. М., 2001.
- Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Внешняя политика: Документы и материалы. Баку, 1998.
- Азербайджанская Демократическая Республика, 1918 – 1920. Законодательные акты: Сборник документов. Баку, Азербайджан, 1998.
- Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (Стенографические отчеты). Баку, 1998.
- Азербайджанская Демократическая Республика. Сборник статей. М., 2008.
- Азертекин Али. Турецкий деятель об Азербайджане // *Şimali Kafkasya – Северный Кавказ*. 1937. № 42-43.
- Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // *Русская мысль*. 1909. № 7.
- А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. 1903-1934 гг. / Сост., предисл. и прим. С.М. Исаков. М., 2012.
- А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. 1923-1926. / Сост., предисл. и прим. С. Исаков. М., 2012.
- Аркомед С.Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1923
- Аршаруни А. и Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

- Аскеров-Кенгерлинский А. Трагедия Азербайджана // Хазар. 1990. № 3.
- Ахмедов А. Азербайджанские тюрки в революции 1905 года. Баку, 2002.
- Ахмедов А. Национальное движение, партии и общественные деятели Азербайджана в 1918-1925 годах глазами очевидца. Баку, 2006.
- Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010.
- Багирова И.С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку, 1997.
- Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917-1920 гг.). Берлин, 1922.
- Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917-1920 гг. Баку, 1990.
- Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, 1998.
- Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М., 2008.
- Балаев А. Этноразноязыковые процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. Баку, 2005.
- Баммат Г. Кавказ и русская революция. Махачкала, 2000.
- Бартольд, В.В. Панисламизм // Сочинения. Т. VI. М., 1966.
- Беленький С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). Баку, 1927.
- Бенигсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983.
- Билатти Б. Идеологические основы национальных движений // Горцы Кавказа. 1934. № 50.
- Буровский А.М. Крах империи, М., 2004.
- Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России-СССР // Труды Общества по изучению истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III.
- Векилов Р. История возникновения Азербайджанской Республики // Хазар. 1990. № 2.

- Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007.
- Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом. СПб., 1913.
- Гаджибейли Дж. Антиисламская пропаганда и ее методы в Азербайджане // Исследования и материалы Института по изучению СССР. Серия 1. Выпуск 50. Мюнхен, 1959.
- Гаджибейли Дж. Избранное. Баку, 1993.
- Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». Сборник статей за период существования журнала 1934-1939 гг. Махачкала-Париж, 2010.
- Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920). М., 2010.
- Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости. 1917-1920. М., 2011.
- Гаспринский И. Россия и Восток. Казань, 1993.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003.
- Гулиев В. Поколение поборников независимости // Зеркало. 2008. 2 августа.
- Гусейнов М.Д. Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. Баку, 1927.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. М., 1991.
- Денстервиль Л. Британский империализм в Баку и Персии в 1917-1918 гг. Тифлис, 1925.
- Диманштейн С.М. Революция и национальный вопрос // Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. III (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1930.
- Документы и материалы по внешней политике Закавказья в Грузии. Тифлис, 1919.
- Документы Министерства иностранных дел Германии. Выпуск. 3. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). М., 1946.
- Документы по русской политике в Закавказье. Выпуск. 1. Баку, 1920.

- Енукидзе Д.Е. Крах империалистической интервенции в Закавказье. Тбилиси, 1954.
- Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968.
- Жордания Н.Н., Церетели И. Трагедия Кавказа. Письмо Центральному Комитету РСДРП (Об объявлении независимости Грузии) // Наш голос. 1918. № 9.
- Закавказский сейм. Стенографический отчет. Тифлис, 1919.
- Иванович И. Колонизация Кавказа: Очерк // Вестник Европы. 1900. Т. 35. № 4.
- Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов / Сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков. М., 2012.
- Из истории иностранной интервенции в Азербайджане (1918-1920 гг.). Документы и материалы // Azərbaycan arxivі. 1988. № 1-2.
- Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века) / Сост., предисл. и прим. В. Гулиев. Торун, 2010.
- Исмаилов Э. Анастас Микоян – он проходил между струй. Фрагменты политической биографии одного кремлевского долгожителя. Баку, 2013.
- Исмаилов Э. Степан Шаумян – обреченный на забвение. Портрет «легендарного коммунара» без ретуши. Баку, 2012.
- История Азербайджана по документам и публикациям / Под ред. З. Буниятова. Баку, 1990.
- Исхаков С.М. Расулзаде Мамед Эмин // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.
- Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). М., 2004.
- Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей» / Сост., пред., пер., прим. Г.Г. Мамулия. М., 2012.
- Кавтарадзе В. На путях к Конфедерации Кавказа. Варшава, 1937.
- Кадишев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.

- Караев А.Г. Из недавнего прошлого: Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (б). Баку, 1926.
- Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917 – 1929. М., 1990.
- Качазнуни О.М. Дашнакцутюн больше нечего делать! Баку, 1990.
- Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1996.
- Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. М., 2004.
- Кузнецова С. Крах турецкой интервенции в Закавказье // Вопросы истории. 1951. № 9.
- Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). Тбилиси-Париж, 2012.
- Мамулия Г. Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. Тбилиси, 2007.
- Мандельштам А.Н. Введение // Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны). Турция и пантуранизм. Париж, 1930.
- Марек Корнат. У истоков советологических и востоковедческих исследований в Польше (1919-1939). Основные исследовательские центры // Европа. (Журнал польского Института международных дел). 2002, №4 (5). Т. 2.
- Март 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы в документах / Сост. Рустамова-Тогида С. Баку, 2009.
- Ментешашвили А.М. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии. 1917-1921. Тбилиси, 1987.
- Мир Якуб. Международное положение и национальная проблема в СССР. Париж, 1934.
- Милюков П.Н. Национальный вопрос. Происхождение национальностей и национального вопроса в России. Берлин, 1925.
- Мустафазаде Р.С. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. М., 2006.
- Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906-1917. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998.

- Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996.
- Нариманов Н. Избранные произведения. Т. 2. Баку, 1989.
- Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / Сост. ред. и автор выступ. ст. Ю.И.Семенов. М., 1997.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М., 1995.
- Ордубади М.С. Кровавые годы. Баку, 2010.
- Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. М., 1978.
- Политическая жизнь русских мусульман до февральской революции. Оксфорд, 1987.
- Попов А.Л. Из эпохи английской интервенции в Закавказье // Пролетарская революция. 1923. № 6-7.
- Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1.
- Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920). Оксфорд, 1985.
- Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского сейма и Азербайджанского национального совета. 1918 год. Баку, 2006.
- Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927.
- Раевский А. Партия «Мусават» и ее контрреволюционная работа. Баку, 1929.
- Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем / Сост., пред. и прим. С. Исхаков. М., 2010.
- Расулзаде М.Э. К кончине Кемаля Ататюрка // *Şimali Kafkasya* – Северный Кавказ. 1938. № 55-56.

- Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2.
- Расулзаде М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. Оксфорд, 1985.
- Расулзаде М.Э. Сиявуш нашего времени // Хазар. 1990. № 1.
- Расулзаде М.Э. Турция и Европа // Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). Горун, 2010.
- Расулзаде М.Э. Юзеф Пилсудский // Şimali Kafkasya – Северный Кавказ. 1935. № 13.
- Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. 1917-1918. Баку, 1927.
- Ратгаузер Я. Социальная сущность мусаватизма // Всесоюзная конференция историков-марксистов: Труды. М., 1930.
- Сафарова А. Идея Кавказской конфедерации в эмигрантский период политической деятельности А.М. Топчибашева // Известия Национальной Академии Наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. 2001. № 3.
- Сборник законодательных актов правительства АДР. 1919. № 1-2.
- Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991.
- Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). М., 2009.
- Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905-1916 гг.). Нижний Новгород, 2007.
- Сеф С. К вопросу о социальной сущности «Мусавата» // Большевик Закавказья. 1928. № 5-6.
- Симонова Е.М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919-1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4.
- Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. М., 2003.
- Ставровский А. Закавказье после Октября. М.; Л., 1925.
- Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.

- Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3.
- Токаржевский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.
- Топчибашев А.М. Дипломатические беседы в Стамбуле (1918-1919 гг.). Баку, 1994.
- Топчибашев А.М. Маяк Азербайджана. Баку, 2010.
- Уратадзе Г.И. Образование и консолидация Грузинской Демократической Республики // Институт по изучению СССР. Исследования и материалы. 1956. № 29.
- Фаталибейли А. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины, в период Второй мировой войны // *Azerbaucan (Münhen)*. 1951. №1.
- Формы национального движения в современных государствах / Под ред. А.И. Костелянского. СПб., 1910.
- Хейфец С.Я. Закавказье в первую половину 1918 г. и Закавказский Сейм // *Былое*. 1923. № 21.
- Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002.
- Хюбнер Л. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001.
- ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. М., 2005.
- Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. II. М., 1978.
- Шахтагинский М. Кризис мусульманской жизнеспособности // *Турецкий сборник (К событиям на Ближнем Востоке)*. СПб., 1919.

На западноевропейских языках

- Afanasyan S. L'Arménie, l'Azerbaïdjan et la Géorgie de l'indépendance à l'instauration du pouvoir soviétique, 1917-1923. Paris, 1981.
- Allen W. and Muratoff P. *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border. 1828-1921.* Cambridge, 1953.

- Altstadt A. The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule. Stanford, 1992.
- Anderson A. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.
- Arsianian A.H., Nichols R.L. Nationalism and the Russian Civil War. The Case of Volunteer Army – Armenian relations. 1918-1920. // Soviet Studies, 31. 1979. no. 4.
- Auch E.M. Nationalität, Religiosität und Gesellschaft in Aserbaidshan // Fragner B., Hoffmann B. Bamberger Mittelasiestudien/ (Islamkundliche Untersuchungen. Bd. 149). Berlin, 1994.
- Bala M. Soviet Colonization Policy in Azerbaijan // Caucasian Review. 1956. №2.
- Balayev A. Zanguezour, les lecons oubliees de l'histoire // Kavbureau, Daglig Garabagh, Staline. Montreal, 1990.
- Bammate H. Le Caucase et la révolution russe. Paris, 1929.
- Bechhofer (Roberts) C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919-1920. London, 1921.
- Bennigsen A. Panturkism and Panislamism in History and Today // Central Asian Survey. 1985. Vol. 3.
- Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago and London, 1979.
- Berkes N. Turkish Nationalism and Western Civilization: Selected Essays of Ziya Gökalp. New York, 1959.
- Claims of the Peace Delegation of the Republic of Caucasian Azerbaijan presented to the Peace Conference in Paris. Paris, 1919.
- Conquest R. Soviet Nationalities Policy in Practice. London, 1967.
- Copeaux E. Le mouvement "prométhéen" // Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI). 1993. № 16.
- Dumont P. La Revue *Türk Yurdu* et les Musulmans de l'Empire Russe 1911-1914 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1974. № 3-4.
- Fisber L. The war for Baku. «Oil Imperialism». Ch. 1. London, 1976.

- Gellner E. Nations and nationalism. Oxford. 1983.
- Hadjibeyli J. The Origins of National Press in Azerbaijan // Asiatic Review. 1930. Vol. 25.
- Henry J.D. Baku. An Eventful History. London, 1905.
- Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780. Cambridge. 1990.
- Hostler Ch.W. Turkism and the Soviets: The Turks of the World and Their Political Objectives. London, 1954.
- Hovannisian R.G. The Republic of Armenia. The First Year, 1918-1919. Berkeley, 1971.
- Jäschke G. Die Republik Aserbaidshan. Geschichtskalender // Die Welt des Islam. 1941. Jg. 23.
- Jäschke G. Tyranismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkriege // Die Welt des Islam. 1941. Jg. 23.
- Kandelaki K.P. Soviet Nationality Policy in the Caucasus // Caucasian Review. 1956. № 2.
- Kaplan S.M. Lloyd George, Churchill and British Intervention in Russia (1918-1920). George Mason University, 1988.
- Kazemzadeh F. The struggle for Transcaucasia (1917-1921). New York, 1951.
- Keddie N.R. Pan-Islam as Protonationalism // Journal of Modern History. 1969. № 41.
- Kohn. H. A History of Nationalism in the East. London, 1929.
- Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1967.
- Kolarz V. Russia and Her Colonial. London, 1953.
- Landau J.M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London, 1995.
- Landau J.M. The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization. Oxford, 1994.
- La République de l'Azerbaïdjan du Caucase. Paris, 1919.
- La stampa dell'Azerbaijan Caucasicco // Oriente Moderno. 1926. № 4.
- Leeuw Ch. Azerbaijan: A Quest for Identity. New York, 1998.
- Lemercier-Quelquejay C. Islam and Identity in Azerbaijan // Central Asian Survey. 1984. № 4. Mende Gerhard v. Der nationale Kampf

der Russlandstürken: Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin, 1936.

- Menteshasvili A. Trouble in the Caucasus. New York, 1995.
- Mir-Yacoub. Le problème du Caucasia. Paris, 1933.
- Mostashari F. On the Religious Frontier: Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. New York, 2006.
- Munschi Hilal. Die Republik Aserbajdschan: eine geschichtliche und politische. Skizze. 1930.
- Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917-1923. Cambridge, 1964.
- Rassoul-zadè M.E. L'Azerbaidjan en lutte pour l'Indèpendance. Paris. 1930.
- Resul-zade M.E. Azerbajdzan w walce o niepodległość. Warszawa, 1938.
- Resulzade M.E. Das Problem Aserbajdschan. Berlin, 1938.
- Resul-zade M.E. Literatura Azerbajdzanu // Wschód-Orient. 1936. № 2.
- Reynolds, M.A. The Ottoman-Russian Struggle for Eastern Anatolia and the Caucasus, 1908-1918 : Identity, Ideology and the Geopolitics of World Order. (Ph. D.). Princeton, 2003.
- Rothschild J. Ethnopolitics A Conceptual Framework. New York, 1981.
- Seton-Watson H. Nations and States: A Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder (Colorado), 1977.
- Smith A. National Identity. Reno, 1991.
- Smith A. Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge, 2010.
- Smith A. "The Myth of the Modern Nation" and the Myths of Nations // Ethnic and Racial Studies. 1989. Vol. 12.
- Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917-1923. London, 1999.
- Sonyel S.R. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement // Studies in 20-th Century History. Vol. 3. London, 1975.
- Suny R.G. Nationalism and social class in the Russian revolution: the cases of Baku and Tiflis // Transcaucasia, Nationalism and Change. Ann Arbor, 1983.

- Swietochowski T. and Collins B. Historical Dictionary of Azerbaijan. Lanham, 1999.
- Swietochowski T. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. New York, 1995.
- Swietochowski T. The Politics of a Literary Language and the Rise of National Identity in Russian Azerbaijan before 1920 // Ethnic and Racial Studies. 1991. Vol. 14.
- Targalski G. Les plans polonais concernant l'eclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase. // Bulletin de l'Observatoire de l'Asie centrale et du Caucase. Paris, 1997. № 3.
- Transcaucasia: Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan and Georgia /Ed. R.G. Suny. Ann Arbor, 1983.
- Ullman R.H. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921: Intervention and War. Princeton, 1961.
- Wimbush S.E. Divided Azerbaijan: Nation building, assimilation and mobilization between three states. // Soviet Asian ethnic frontiers. New York, 1979.
- Yamauchi M. The Green Crescent under the Red Star: Enver Pasha in Soviet Russia. 1919-1922. Tokyo, 1991.
- Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russian. Cambridge, 1960.
- Zeynaloglu J. A concise history of Azerbaijan. Winthrop (Mass.), 1997.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббасов Эльдар – 11.
Абуталыбов Рамиз – 11, 221, 222, 335, 402, 406, 411, 417, 418, 424.
Авалишвили (Авалов) З. – 355, 356.
Агаев Гасан бек – 6, 73, 105, 116, 211, 446.
Агаоглу (Агаев) Ахмед бек – 10, 18, 19, 25, 28, 117-119, 143, 146, 147, 238, 239, 447.
Агасибейли Селим – 306, 332.
Азертекин Али – 333, 358, 367, 381, 382, 408, 463.
Акбер Исмаил – 355, 435, 436.
Акпынар Явуз – 2, 11, 431.
Акчура (Акчурин) Юсуф – 19, 20, 25, 27, 321.
Алисов Г. – 56, 463.
Амир Али Гейдар – 299.
Амирасланов Нури – 148.
Амирджан (Амирджанов) Абдулали бек – 264, 278, 291, 373, 374, 375.
Амирджан (Дарьял) Фуад – 354, 370, 384, 412, 418-420, 436.
Андерсон Бенедикт – 8.
Аркомед С.Т. – 251.
Аршаруни А. – 217.
Асатиани Александр – 272.
Аскеров-Кенгерлинский А. – 206, 209, 210.
Атамалибеков Аббас бек – 340, 375, 393, 418.
Ататюрк Мустафа Кемаль – 53, 196, 204, 213, 229, 239, 372, 284-387, 409.
Афгани Дж. – 26, 27, 34.
Ахмед Джавад – 429.
Ахмедбеков Зивер бек – 232.
Ахундзаде Мехмет Садык – 229, 305, 306.

Ахундов Джафар – 106.

Ахундов Мирза Магомед – 73.

Ахундов Рухулла – 249, 250.

Багирова И.С. – 14, 464.

Байрамов Али – 169.

Баммат (Бамматов) Гайдар – 280, 284, 352, 353, 355, 357, 358, 376-381, 383-385, 389, 401, 414.

Бартольд В. – 216.

Бачковский В. – 392.

Беленький С. – 70, 71, 75, 89.

Бигиев Муса – 217.

Бирген Мухиддин – 381-383.

Бичерахов Лазарь – 144-146, 394.

Буниатзаде Дадаш – 206, 250.

Буровский А.М. – 47.

Былинин В. – 402.

Валиди Ахмед Заки – 345.

Вачнадзе Давид (Дато) – 264, 269.

Везиров Мир Гасан – 71.

Векилли (Векилов) Мустафа бек – 73, 278, 284, 329, 333, 343, 359-362, 371-375, 393, 396-398, 404, 413.

Векилов Рагим бек – 100, 113, 119, 175, 359.

Вильсон Вудро – 160.

Вильям Уайт – 432.

Вильямс С. – 432.

Волхонский М. – 50, 171, 192, 197.

Воронцов-Дашков И.И. – 45.

Габашвили Р. – 438, 439.

Гавличек Карел – 126.

Гаджибейли (Гаджибеков) Джейхун бек – 217, 223, 227, 231, 238, 239, 241, 242, 253, 254, 267, 280, 283, 290, 291, 355, 435, 436.

- Гаджибеков Узеир – 16.
Гаджизаде Мирза – 374.
Гаджинский Джамо бек – 107.
Гаджинский Мамед Гасан – 70, 71, 73, 107, 110, 117, 134, 139.
Гайтабаши Гамид бек – 210.
Ганизаде Кямал – 408.
Ганизаде Султан Меджид – 106, 165, 184.
Гасанлы Дж. – 107, 110.
Гаспринский (Гаспралы) Исмаил – 19, 27.
Гафари Гасан Бала – 408.
Гвазава Георгий – 105, 293.
Гейдар хан Амиоглу – 215.
Геллнер Эрнст – 8, 9.
Гёкальп Зия – 20, 27.
Гикало Н.Ф. – 312.
Горянин А. – 6.
Градобоев Н. – 432.
Губогло Михаил Николаевич – 2, 17, 79.
Гулиев Бала – 148.
Гулиев Виляят – 142, 231.
Гулиев Дж. – 166.
Гулизаде А. – 359.
Гусейн Джавид – 429.
Гусейнзаде Али бек – 10, 19-25, 27-30, 33-38, 447.
Гусейнов Мирза Давуд – 31, 206, 207, 250.
Гусейнов Р. – 251.
Гусейнов Эльмар – 6.
- Деникин Антон Иванович – 66, 178-181, 192.
Денстервиль Л. – 464.
Джабагиев (Джабаги) Вассан Гирей – 264, 269, 272.
Джаббарлы Джафар – 209, 429.
Джабиев Габиб – 168, 169.
Джафаров Мамед Юсиф – 91, 107, 232.

Джафароглу Ахмед – 331, 333, 359, 367, 375, 376.

Джыгатай Тахир – 444.

Диманштейн С.М. – 465.

Долгачев И.Н. – 49.

Долгоруков Павел – 58.

Домбровский В. – 347.

Дон-Левин Исаак – 432, 434.

Досмухамедов Джаяганша – 61.

Дубич К. – 360, 383.

Енукидзе Д.Е. – 466.

Жордания Ной – 181, 277, 293, 295, 339, 340, 343, 351, 353.

Зардаби Гасан бек - 14, 17, 223.

Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны) – 19, 22, 27, 294.

Зданович А. – 402.

Зейналов Г. – 367.

Зиядхан (Зиядханов) Адиль хан – 142.

Илери Тевфик – 430.

Ильдрым Чингиз – 201.

Инёню Исмет – 226, 384.

Исаханлы Г. – 430.

Исрафилов М. – 367.

Исхаки Аяз – 293, 392.

Исхаков С. – 2, 11, 65, 217, 281, 286, 292, 367.

Кавтарадзе В. – 466.

Кадишев А.Б. – 111.

Казымзаде Аббасгулу – 30, 334, 358, 359.

Кантемир Алихан – 355, 384.

Капланов Р. – 175.

Карабекир Кязым – 196, 226.

- Карабеков Кара бек – 172.
Караев А.Г. – 169, 195, 206, 250.
Карими (Каримов) Фатих – 28.
Карумидзе Шалва – 389.
Келли Роберт – 432.
Кенгерли Магомед – 426, 438.
Керенский Александр – 60, 294, 432, 438, 439.
Керк Алан – 432.
Киров С.М. – 249.
Кноль Роман – 263, 274.
Коджаман Омер – 196, 197, 198.
Корнат Марек - 292.
Кончаловский Дмитрий – 47.
Коротаев В. – 402.
Кочарли Фиридун бек – 35.
Краелич – 248.
Крымал (Крымали) Эдиге – 416.
Кулиев Мустафа – 250.
Кязимзаде Халыг – 408.
- Левандовский М. – 206.
Ленин В.И. – 193, 196, 203.
Литвинов М. М. – 322.
- Магеррамов Мамед – 120, 340, 343, 393.
Магома Ахмеднаби – 438, 439.
Макиавелли – 378.
Максуди Садри – 64, 444.
Мамедзаде Мирза Бала – 44, 190, 209, 225, 333, 367, 403, 404, 441.
Мамедкулизаде Мирза Джалил – 35, 447.
Мамулиа Г. – 2, 11, 213, 229, 236, 237, 264, 267, 274, 275, 280, 284, 302-305, 308, 312, 316, 317, 319, 320, 336, 344, 369, 376, 384, 392, 398, 399, 404, 405, 409.
Манвелов А. – 70, 71, 75, 89.

- Мандельштам А.Н. – 19, 22, 27, 294.
Марр Н.Я. – 216.
Мдивани С. Г. – 259, 277, 302-304.
Меликов Сафвет бек – 223.
Меликова Ханифа ханум – 290.
Мелик-Асланов Худадат бек – 107.
Мельгунов С. – 432, 439.
фон Менде Герхард – 414, 415.
Ментешашвили А.М. – 90.
Мехмедзаде Абдул-Вагаб – 359.
Мехтиев Мир Ягуб – 259, 278, 291, 293, 329, 340, 343, 359-362, 371, 373-375, 393, 396, 397, 405, 413.
Микаилзаде Кербалаи Вели – 359.
Микоян А.И. – 206.
Мильн Джордж – 153.
Мирза Сулейман – 25.
Мирзоян Л. – 249.
Молотов В.М. – 426.
Мосцицкий И. – 348.
Мумтаз С. – 241, 291.
Мунши Хилал – 333, 358, 367, 373, 419.
Мусабеков Газанфар – 206, 249, 250.
Мустафаев Гасан – 148.
Мухамметдинов Р.Ф. – 20, 468.
Муханов В. – 50, 171, 192, 197.
Мюлен П. – 292, 412, 416.
- Навваб Гусейнгулу хан – 25.**
Навои Алишер – 21.
Нагиев Таги – 30.
Нариманов Н. – 67, 206, 207, 210, 214, 215.
Низами Гянджеви – 11, 430.
Нури-паша – 112, 114-121, 128-130, 136, 412.

Одер Керим – 358.

Озджан О. – 11.

Орахелашвили И.Д. – 249.

Орджоникидзе К.Г. – 193, 206, 251.

Ордубади М.С. – 468.

Палацкий Франтишек – 126.

Панкратов В. – 206, 211.

Папен Франц – 406, 407-409.

Пилсудский Юзеф – 263, 274, 275, 282, 283, 390.

Пишевари С.Дж. – 138, 408.

Попов А.В. – 433.

Попов А.Л. – 468.

Раевский А. – 144, 154, 251.

Рамишвили Ной – 276, 279, 304, 305.

Расулзаде Гаджи Алекбер – 12, 256, 257.

Расулзаде Мамед Али – 30, 317, 331, 358, 359, 429.

Расулзаде Мамед Эмин – 2, 7, 10-15, 18, 19, 23-30, 32, 36-47, 49-53, 58-63, 65-81, 83, 85-88, 91-94, 96, 97, 100, 102, 103, 105, 108-110, 112, 113, 115, 117-143, 145-148, 151-191, 195, 198, 201-204, 209, 211-223, 226, 227, 229-268, 271-274, 276-301, 303-316, 319-337, 339-351, 353-371, 373-380, 382, 385-389, 391-406, 408-410, 412-431, 434-448, 468.

Ратгаузер Я. – 83, 96, 250, 251.

Рафиев Аббас – 225.

Рафиев Муса бек – 73, 259.

Рефат паша – 143.

Рза Сеид Мухаммед – 25.

Розенберг Альфред – 406, 415.

Рустамбейли (Рустамбеков) Шафи бек – 73, 201, 278, 286, 301, 305-308, 322, 326-334, 349, 350, 356, 358, 370, 376.

Рюшти Тевфик – 322.

- Сабир Мирза Алекбер – 447.
Садыгов М. – 330, 331.
Садыхов Алекпер бек – 141.
Саид Ахмед Джафар – 293.
Салимов Габиб бек – 210.
Сафарова А. – 285, 288.
Сафикюрдский Аслан бек – 130.
Сеидов Мир Гидаят – 105.
Семенов Ю.Ф. – 98.
Сеф С. – 251.
Сикорский Владислав – 403.
Смаль-Стоцкий Роман – 293.
Смилга И. – 193.
Смит Энтони – 8, 10.
Соцков Л. – 292, 293, 296, 309, 310, 326, 335, 339, 343, 344, 358, 367, 370, 371, 393, 408, 413, 419, 425.
Ставровский А. – 104, 105, 116, 251.
Сталин И.В. – 98, 211-216, 218, 220, 248, 250, 254, 255, 257, 418, 440.
Стеклов А. – 251.
Столыпин Петр – 47.
Султан-Галиев Мирсаид – 215.
Султанов Ага – 324, 325.
Султанов Хосров бек – 107, 183, 184, 243, 261-266, 269, 272-274, 276-278, 280, 284-286, 291, 297-299, 305, 308, 319, 322, 326, 328, 353, 356, 370, 374, 404, 413.
Сулькевич М. – 210.
Сунш (Сунжев) Магомет Гирей – 339, 340, 343, 344.
- Тагиев Гаджи Зейналабдин – 94.
Тагиев Мамед – 94.
Тагизаде Сеид Гасан – 25, 138, 435, 444.
Тагирджанова А.Н. – 346.
Тагирзаде А. – 11.

- Таймас Абдулла – 67, 444, 445.
Талышханова С. – 52.
Танрыовер Хамдуллах Субхи – 320, 321, 424.
Тишков В.А. – 7.
Тлехас Мурад Гирей – 210.
Тоган Зеки Валиди – 444.
Токаржевский Е.А. – 128.
Томсон Вильям – 143, 144, 153.
Топчибаши Али Акбар - 340, 347, 348.
Топчибаши (Топчибашев) Али Мардан бек – 6, 71, 85, 88, 217, 220-225, 227, 232-236, 238, 240-242, 259-261, 263-267, 276-281, 284-292, 297, 300, 303, 319, 320, 337, 339, 344-348, 446.
Туманов Л. – 1001, 102.
- Уммуль-бану – 254, 255.
Уратадзе Г.И. – 470.
Усуббеков Насиб бек – 6, 30, 69, 71-73, 88, 91, 107, 115, 121, 122, 143, 170, 178, 183, 199, 223, 446.
- Фаталибейли-Дудангинский А.** – 418, 420, 423, 435-437.
Фрейтаг Густав – 323.
- Хади Мухаммед – 447.
Халил паша – 197-199, 202, 382.
Харашкевич Эдмунд – 347, 360.
Хасмамедов Халил бек – 107, 130, 223-225, 229, 278, 298, 306-308, 322, 326-334, 353, 356, 358, 359, 367, 370, 374, 412, 417, 418, 423.
Хойский Фатали хан – 85, 88, 107, 108, 116, 117, 122, 138-140, 142, 153, 188, 192, 200, 211, 446.
Хондкярян А. – 294, 296.
Хрох Мирослав – 49, 50.
Хулуси (Гулиев) Мамед Садык – 318, 359.
Хурш (Хуршилов) М. – 293.

Цаликов Ахмед – 55-58, 61, 62, 64-66.

Чавчавадзе С. – 236.

Чакмак Февзи – 196.

Чануквадзе П. – 279.

Чаплин Н.П. – 311.

Чемберлен В.Г. – 432.

Чеменземинли Ю.В. – 223, 224.

Чермоев Абу Бакар – 276, 278, 280.

Черчилль Уинстон – 427.

Чичерин Г.В. – 192, 301.

Чокай (Чокаев) Мустафа – 293, 395-398.

Чулик (Чуликов) Ибрагим – 339, 344.

Чхенкели Акакий – 276, 278, 308, 339, 343.

Шакман (Шакманов) Таусултан – 293, 339, 344.

Шамиль Сеид-бек – 274, 276, 293, 308, 353, 394, 444.

Шательворт Л. – 184.

Шаумян С.Г. – 93-95, 98, 111, 250.

Шейхзаманлы (Кейкурун) Наги – 329, 349, 350, 354, 356, 370.

Шейхульисламов Акбер ага – 107, 120, 243, 259, 264, 278, 291, 348, 355, 435, 436.

Шетцель Тадеуш – 275, 292, 303.

Шихлинский Рустам бек – 210.

Шуленбург Фридрих – 411-413, 414.

Шульгин Александр – 293.

Шюкрю Али – 309.

Элиава Ш.З. – 311, 312, 314.

Элиот Вильям – 432.

Энвер-паша – 114, 115, 131, 136, 213, 214, 229.

Эрден А. – 409.

Эркилет Х. – 409.

Эрт Адольф – 402.

Эртюрк Джаббар – 409, 420.
Эфендизаде Шафига ханум – 52.

Юсифзаде Муса – 443.

Ядигар Вели – 443.
Яйджылы Керим – 446.
Ямаева Л.А. – 467.
Яшке Готхард – 388, 421.

Акçура Y. – 20, 21, 459.
Akın R. – 459.
Akınar Y. – 431, 459.
Allen W. – 470.
Alstadt A. – 471.
Anderson A. – 8, 471.
Auch E.M. – 471.

Bammat H. – 459.
Baykara H. – 459.
Bennigsen A. – 471.
Brenda Shaffer – 459.

Cabbar Ertürk - 409, 418, 420, 459.
Caferoğlu A. – 459.
Cəfərov N. – 456.
Conquest R. – 471.

Çəmənzəminli Y.V. – 456.

Gellner E. – 8, 9, 472.
Georgeon F. – 460.
Gerhard von Mende – 414.
Gökalp Z. – 457.

Hacaloğlu Y. – 218, 317, 320, 321, 460.

Наси́ев А. – 456.

Наşı́мова А. – 221, 456.

Henry J.D. – 472.

Нәсәнли (Нәсәннов) С. – 73, 130, 192, 456.

Holly Shissler A. – 118.

Hüseynov Ş. – 129, 458.

Hüseynzadə Ə. – 23, 129, 457.

Ibrahimli X. – 433, 436, 439, 457.

Ilgar Ihsan – 460.

Imanov V. – 348, 460.

Isgəndərov A. – 457.

Jäschke G. – 472.

Karabekir K. – 198, 460.

Karaca A. – 322, 324, 325.

Keddie N.R. – 472.

Kengerli M.A. – 354.

Libera P. – 348.

Mercanlıgil M.D. – 431, 460.

Menteshasvili A. – 473.

Məmmədzadə M.B. – 13, 29, 44, 45, 86, 193, 198, 202, 207, 225, 232, 248, 251, 301, 366, 457.

Munshi Hilal – 473.

Mustafayev Q. – 457.

Oder K. – 460.

Oruclu M. – 293, 415, 425, 457.

Özcan O. – 461.

Paşayev A. – 457.

Patrik fon Zur Mühlen – 292, 352, 353, 411, 414, 415, 416.

Pichon J. – 213.

Pipes R. – 473.

Qasımlı M. – 224, 226, 227, 239, 313, 334, 370, 408, 416, 417, 421, 423, 424.

Quliyev V. – 457.

Qurbanov Ş. – 67, 457.

Rezulzade M.E. – 26, 41, 46, 108, 218, 225, 244, 286, 290, 302, 306, 328-334, 346, 349, 353, 429, 430, 461, 462.

Reynolds M.A. – 473.

Rothschild J. – 49.

Rüstembeyli Ş. – 286, 306, 308, 331, 333, 349.

Smith A. – 8, 10.

Sonyel S.R. – 229.

Suny R.G. – 473.

Süleymanov M. – 458.

Sünbül T. – 462.

Swietochowski T. – 203, 474.

Şeyhzamanlı N. – 73, 350, 458.

Şimşir S. – 229, 231, 258, 277, 356, 417, 428, 429, 430.

Targalski G. – 275.

Taymas A. – 462.

Turan A. – 458.

Wimbush S.E. – 474.

Yamauchi M. – 474.

Yaqublu N. – 255, 258, 425, 435, 443, 458.

Yurtsever A.V. – 209.

Yüksel I. – 20, 462.

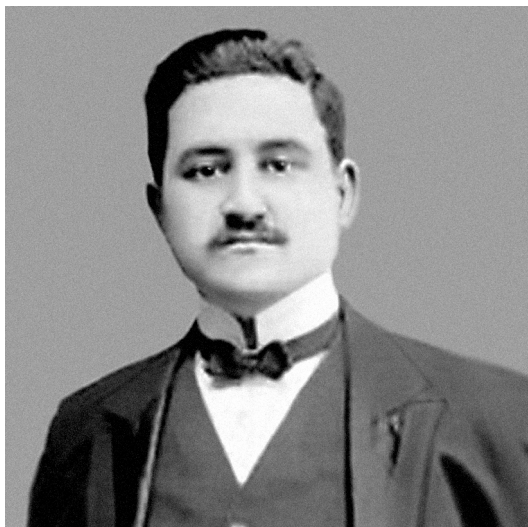
Zenkovsky S. – 474.

Ziyadxanov A. – 458.

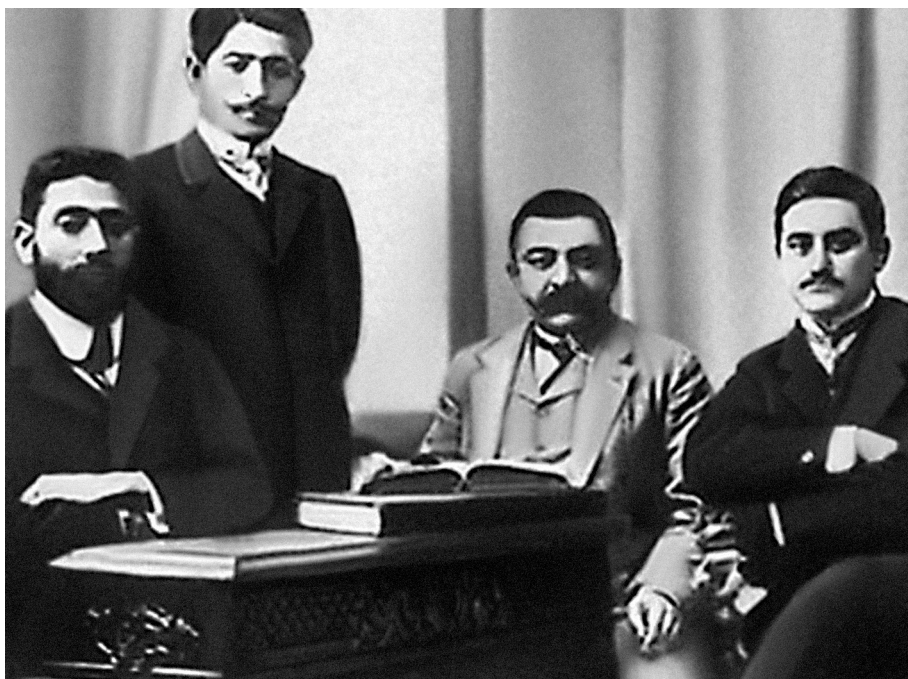

Мамед Эмин Расулзаде –
Председатель Национального Совета Азербайджана*

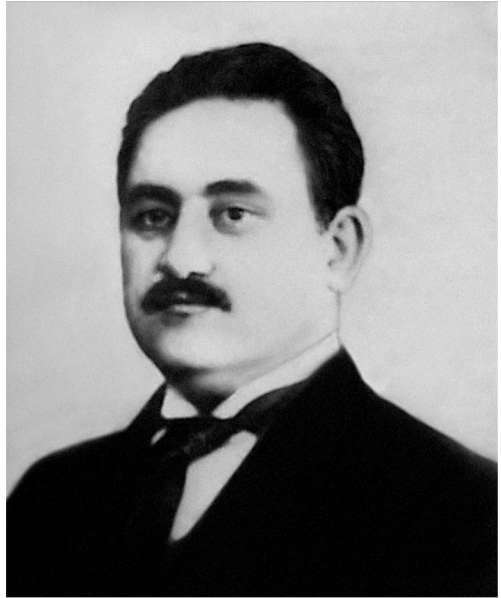
*Фотографии для публикации взяты из коллекций Рамиза Абуталыбова,
Явуза Акпынара, Мехмета Кенгерли и Раиса Расулзаде.

М.Э. Расулзаде в первые
годы XX века

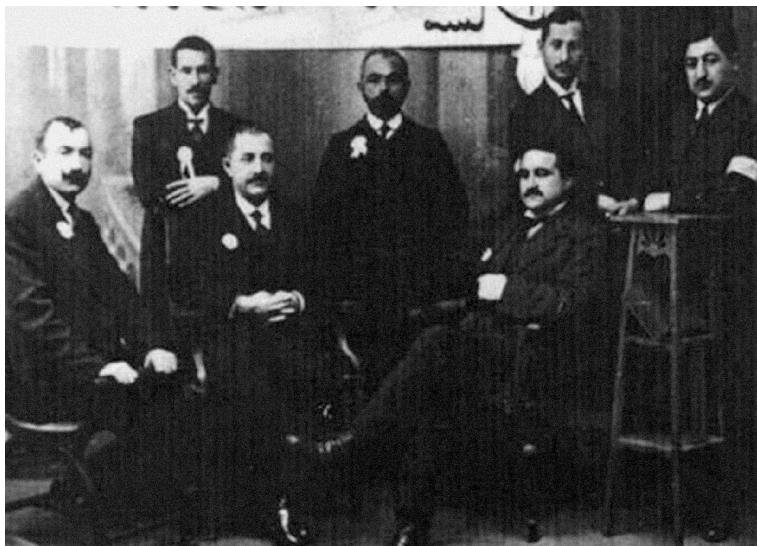
Группа основателей организации «Гуммет».
Слева направо: М. Азизбеков, А. Меликов, А. Ахундов и М.Э. Расулзаде

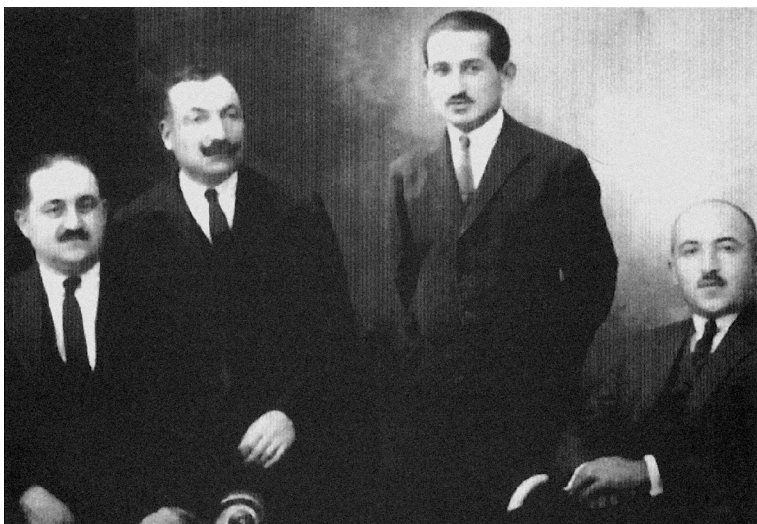
М.Э. Расулзаде в период
независимости Азербайджана
(1918-1920 гг.)

М.Э. Расулзаде выступает на открытии первого заседания
парламента Азербайджана. 7 декабря 1918 года

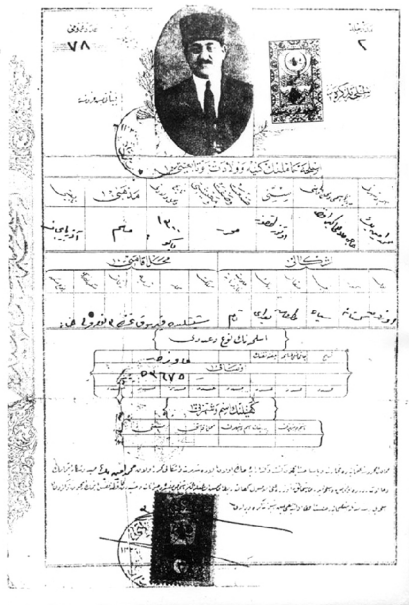

Делегаты I съезда «Мусавата». Сидят (слева направо): Аббасгулу Казымзаде, Усуббеков Насиб бек, М.Э. Расулзаде. Стоят (слева направо): Кербелаи Вели Микаилов, Мирза Магомед Ахундов (Ахундзаде), Мамед Али Расулзаде и Таги Нагиев

Группа ведущих деятелей азербайджанской политэмиграции в Турции (II половина 20-х гг. XX в.). Слева направо: М.Э. Расулзаде, Аббасгулу Казымзаде, Ахмед Джафароглу и Мустафа Векилли

Удостоверение личности
политэмигранта М.Э. Расулзаде
в Турции

М.Э. Расулзаде в Париже (начало 30-х гг. XX в.)

М.Э. Расулзаде (1) произносит надгробную речь на похоронах
А.М. Топчибаши. Кладбище в Сент-Клу, под Парижем.
8 ноября 1934 г.

М.Э. Расулзаде. Париж. 1935 г.

М.Э. Расулзаде (в центре в первом ряду) с группой азербайджанских политэмигрантов. Стоят (слева направо): Мирза Бала Мамедзаде, Керим Одер, Али Азертекин и Хилал Мюнши. Варшава (середина 30-х гг. XX в.)

Общий вид и парадный вход дома на улице Convention, № 161 бис, 15-й округ французской столицы, в котором жил М.Э. Расулзаде во время посещения Парижа. На переднем плане неутомимый исследователь истории азербайджанской эмиграции, дипломат Рамиз Абугалыбов

Руководители политэмиграции тюркских и кавказских народов. Сидят (слева направо): Магомет Гирей Сунш, Джафер Сейдамет, Аяз Исхаки, М.Э. Расулзаде. Стоят (слева направо): Мустафа Чокай, Мустафа Векилли и Таусулган Шакман

М.Э. Расузаде и азербайджанский политэмигрант Сулейман Текинер.
Мюнхен. Декабрь 1952 года

М.Э. Расулзаде с супругой Вандой. 50-е годы XX в.

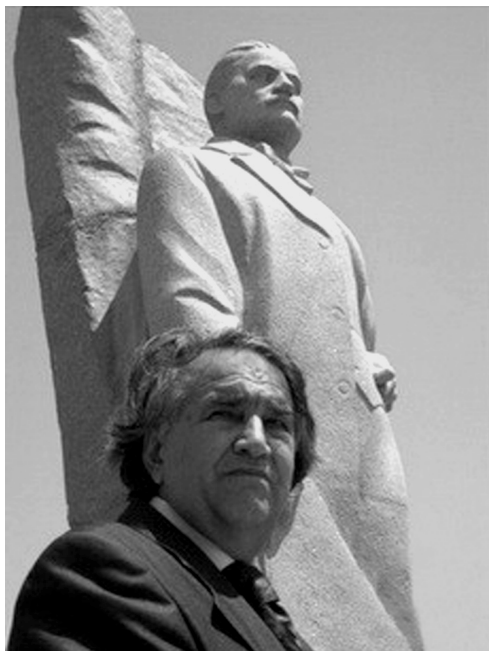
М.Э. Расулзаде с азербайджанскими политэмигрантами во время посещения мавзолея Атаюрка (1954 г.)

М.Э. Расулзаде среди азербайджанских политэмигрантов после пресс-конференции, организованной в Анкаре (50-е годы XX в.)

Похороны М.Э. Расулзаде. Анкара. 8 марта 1955 года

Внук М.Э. Расулзаде –
Раис Расулзаде
у памятника своего гениального
деда в поселке Новханы

Лицей имени М.Э. Расулзаде в Анкаре

Могилы М.Э. Расулзаде на кладбище «Себеси Ашти» в Анкаре